Т. Г. ВИНОКУР

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Т. Г. ВИНОКУР

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1980

4
В-49
74397

В работе исследуется стилистический аспект современного русского языкового употребления. Материал устных и письменных текстов разной функциональной принадлежности дает автору возможность установить ряд общих закономерностей образования и использования стилистических средств в коммуникативном процессе, на основе которых формируется понятие стилистического узуса как синхронной категории, определяемой взаимодействием внутриязыковых и внеязыковых факторов, ограничивающих ее действие конкретной эпохой в развитии конкретного языка.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
А. Н. КОЖИН

В 70102-013 / 042(02)-80 451-80.4602010000

© Издательство «Наука», 1980 г.

ВВЕДЕНИЕ

1. Настоящая работа не представляет собой сплошного или дифференциального описания стилистически значимых элементов языка на разных уровнях системы (т. е. демонстрации стилевого инвентаря современного русского формо- и словоупотребления), которое подтверждало бы существующие уже в науке теории стилевых классификаций. Не является она и предложением еще одной общей стилистической теории, претендующей на принципиально новое освещение сложных вопросов стилевой природы языкового употребления.

Первое практически невыполнимо в индивидуальном монографическом исследовании ограниченного объема. Второе — нецелесообразно ввиду бесконечного множества более частных и более общих теорий стиля, какими располагает в настоящий момент современное языкознание.

Вниманию читателей предлагается разработка отдельной области, анализ специфического объекта лингвостилистики: современного стилистического узуса в русском языке. Такая постановка вопроса, безусловно, требует некоторых предварительных разъяснений терминологического и методологического характера.

Само выделение данного объекта есть результат складывавшихся у автора в течение длительного периода взглядов на сущность явлений стиля, на смысл стилистического исследования, на взаимоотношения существующих в этой сфере разных теоретических подходов и разных методологических рекомендаций. Взгляды эти представляют собой критическое осмысление теоретического и практического опыта, накопленного лингвостилистикой за последние годы, чем и объясняется присутствие в работе достаточно частого обращения ко многим вопросам общей теории стилистики, хотя их толкование выступает здесь не как самоцель, а лишь как необходимый участок пути, следуя по которому, оказывается возможным осуществить задуманное описание. К тому же по мере дальнейшего изложения круг обсуждаемых теоретических проблем общего характера естественно сужается до вопросов, относящихся к теме непосредственно и помогающих оперировать принятыми в ней данными.

Последняя оговорка была бы, возможно, лишена смысла, если

бы не то обстоятельство, что «сузить» теоретическую базу столь же легко, сколь трудно это сужение обосновать. В наше время почти каждое исследование в области стиля (и литературоведческое, и лингвистическое, и лингвопоэтическое) неизбежно начинается с сетований на: 1) обилие и разнохарактерность стилистических теорий; 2) многоплановость их задач; 3) расплывчатость очертаний самого предмета данной дисциплины [1]. Причем до некоторых пор эти, казалось бы, не очень совместимые мнения вполне соответствовали действительности: возросший интерес к стилистике и увеличившееся в связи с этим количество трудов, посвященных самым разным ее участкам, никак не проясняли, а, может быть, наоборот, усложняли положение дел. Однако в самое последнее время обстоятельства несомненно изменились: количество начало переходить в качество. Все растущее число лингвостилистических работ [2] (в частности, в русистике) помогло определить круг наиболее актуальных вопросов, ответ на которые дал хотя бы возможность понять истинные причины столь разительного многоголосия в данной отрасли языкознания. Появились, наконец, и работы, в которых этот ответ уже более или менее удовлетворительно сформулирован и проясняет ряд спорных моментов действительно спорной науки — стилистики.

Не затухающий, а, скорее, постоянно крепнущий интерес к теоретическим проблемам лингвостилистики (положение, которое можно сравнить, пожалуй, только с тем, что происходит в области семантики) позволяет считать в настоящее время ссылки на неразработанность стилистической теории анахронизмом. Тем не менее, состояние спорности, а иногда прямой противоположности в постановке кардинальных вопросов стилистики далеко еще не снято. В известном смысле оно даже обострилось, так как совместные усилия разных стилистических школ и направлений выявили объективную невозможность свести воедино все представленные к обсуждению ракурсы и объемы стилистического анализа. Иными словами, наиболее удручающие стилистов «пороки» исследования явлений стиля предстали их взору не только как следствие не-

---

[1] Приведем даже такой пример: ученый, поставив перед собой задачу определить понятие «стиль» и так или иначе с этой задачей справившись (ср.: *Enkvist N.* On defining style: an essay in applied linguistics.— In: Linguistics and style. Oxford, 1964), следующее свое сочинение опять начинает параграфом: «Does style exist?» (*Enkvist N.* Linguistic stylistics. Mouton, The Hague — Paris, 1973).

[2] Наиболее современные из библиографических указаний по лингвостилистике см. в книгах: *Galperin I. R.* Stylistics. M., 1971; *Долинин К. А.* Стилистика французского языка. Л., 1978; *Enkvist N.* Linguistic stylistics (здесь помимо обширного списка так или иначе использованной в книге научной литературы специально выделены девять библиографических трудов по стилистике, вышедшие за время с 1952 по 1970 г.); *Cassirer P.* Deskriptiv stilistik. Göteborg, 1970; *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М., 1977; *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976; *Скребнев Ю. М.* Очерк теории стилистики. Горький, 1975.

верной методы, а в гораздо большей степени — как непреодолимое свойство самой науки, как бы адекватное свойствам фактов, которые она изучает.

С попытки понять те и другие свойства и следует, очевидно, подходить к обоснованию термина «стилистический узус», принятого для обозначения вычленяемой нами совокупности явлений, которые подтверждают существование известных обобщающих закономерностей в том, как используются носителями языка его стилевые ресурсы. Сама возможность вычленить, а затем объединить эти явления осознается лишь вследствие лишенных предвзятости (т. е. плотной теоретической прослойки) наблюдений над реальными фактами современного языкового употребления. Таким образом, в содержании нашего понятия не таится опасность активизировать намечающуюся в последнее время тенденцию к отрыву выделяемых объектов стилистического изучения и способов их описания от языковой действительности.

2. Разноаспектная оценка языкового явления — положение вполне нормальное для любой области языкознания, как, впрочем, и для любой описательной науки. Это положение вовсе не означает, что взгляд на предмет способен изменить сам предмет, т. е. придать ему признаки, которых он в реальности не имеет. Звук «о», например, не может утратить лабиальности и стать гласной переднего ряда ни от фонологического, ни от орфоэпического подхода. Производная основа не утратит производности, допустим, в зависимости от того, признаём мы или не признаём существование интерфиксов. Номинативное предложение не станет глагольным, если, предположим, его рассматривают с функциональной, а не со структурной точки зрения.

Между тем, логика многих стилистических представлений находится не в ладах с этой очевидной истиной, что само по себе показательно. Она невольно подменяется странной зависимостью, при которой исследовательский аспект как бы «навязывает» исследуемому явлению признаки, объявляемые истинными (естественно — в противовес ложным). В этой связи достаточно напомнить о парадоксальных различиях в определении главного — единиц, в каких целесообразно описывать явления стиля: ими признаются, с одной стороны, вполне материальные языковые элементы всех ярусов системы и, с другой стороны, так называемый Стилистический Прием — пока еще, как поручик Киже, «фигуры не имеющий» и потому отдающий мистикой. Ср. также понятие функционального стиля, трактуемое в терминах стилистики речи или в терминах стилистики языка. В одном случае оно получает признаки прямо противоположные другому. Причем различными оказываются принципиально существенные представления — о гомогенности или гетерогенности состава входящих в стилевое объединение функционального плана фактов языка. Этот пример особенно показателен потому, что подобные противоречия обнажают несовместимость взглядов на изучаемое явление по существу, а не с терминологи-

ческой точки зрения, как это могло оказаться в случае разногласий по поводу единиц стиля [3].

Представление о функциональном стиле как о замкнутой совокупности однородно окрашенных средств, существующей лишь в системе языка и разно использующейся в тех или иных речевых разновидностях, или определение самих этих речевых разновидностей как функциональных стилей основаны на разном понимании всех главных категорий, имеющих отношение к стилистике: внеязыковых и внутриязыковых факторов оформления стиля, функции языкового знака, организации текста и пр.[4]. Вопрос, однако, состоит в том, повинны ли в данной ситуации стилисты, или их подводит сама стилистика? Не существует ли в самом объекте этой науки и, соответственно, в том, как исторически складывалось ее развитие, какого-то изъяна, врожденного порока, какой-то двусмысленности и неопределенности, если иметь в виду лингвистическую точку зрения? Такое подозрение закрадывается в сознание каждого стилиста, если только он не ограничивается принятием на веру уже установленных мнений о существе стилистики (как области лингвистики) и пытается вновь проникнуть в таинство образования самого механизма стилистических устройств, понять их семантико-экспрессивную и социально-психологическую природу.

Но и здесь намечаются два противоположных устремления. Одно — закрыть глаза на эту «недостойную слабость» стилевого аспекта изучения языка и стараться сохранить честь лингвистического мундира в стилистике, обращаясь с фактами стилистической отмеченности согласно канонам их привычного распределения по экспрессивным или функциональным стилям, по классификации стилистических средств, по номенклатуре эмоционально-оценочных оттенков и т. д. Другое стремление — учесть острую специфику

[3] Некоторые исследователи, правда, и это противоречие относят к употреблению терминов, хотя и непоследовательному, но отражающему, конечно, разное понимание явлений или, во всяком случае, разное представление о связи реальной языковой действительности с научным объектом, выделяемым для изучения этой действительности (см.: *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977, с. 48 и след.).

[4] Об этом см. в следующих работах: *Винокур Т. Г.* О содержании некоторых стилистических понятий.— В кн.: Стилистические исследования. М., 1972; *Гальперин И. Р.* К проблеме дифференциации стилей речи.— В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965; *Долинин К. А.* Стилистика французского языка, с. 53—88; *Кожина М. Н.* К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968; *Леонтьев А. А.* Понятие «стиль речи» и «стиль языка» в ряду других понятий лингвистики речи.— Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, 1973, вып. 73; *Панфилов А. К.* Лекции по стилистике русского языка. М., 1968; *Розенталь Д. Э.* Практическая стилистика русского языка. М., 1964; *Русановский В. М.* Постоянные и переменные признаки функциональных стилей.— Ceskoslovenska rusistika, 1978, t. 23, № 4; *Скребнев Ю. М.* Указ. соч.; *Степанов Г. В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976; *Степанов Ю. С.* Основы языкознания. М., 1966, с. 166 и след.; *Шмелев Д. Н.* Указ. соч.; *Jedlička A.* Spisovny jazyk v současné komunikaci. Praha, 1974; *Hausenblas K.* Výstavba jazykových projevů a styl. Praha, 1972.

стилевой области и в силу этой необходимости раздвинуть границы лингвистики — или заимствуя понятийный и терминологический арсенал смежных наук, или же обосновывая новые способы стилистического описания частным исследовательским опытом, который дает возможность предложить более достоверную систему терминов и понятий, не противоречащую языковедческому содержанию анализа.

Это второе направление, несмотря на очень еще недолгую традицию, сейчас, безусловно, побеждает. Не стараясь во что бы то ни стало подогнать стилевое явление под адекватную рубрику других уровневых и системных языковых классификаций, т. е. не придавая ему, как бы в целях оптимальной строгости описания, мнимых свойств и характеристик, и в то же время — не затушевывая истинных, когда последние не укладываются в рамки лингвистических представлений,— мы теперь вольны, соответственно конкретной задаче исследования, по-своему осмыслить стилевое понятие, без опасения, что разница между нашей и другими трактовками будет воспринята лишь как недостаток. Правда, от одного вполне объективного недостатка избавиться в стилистике все равно трудно: трудно сохранить необходимое для всякой теории качество — внутреннюю непротиворечивость, так как такой комплекс факторов, как субъективная оценка, неоднозначность восприятия, интуиция и пр.— имеют в стилистике больше прав гражданства, чем в любой другой области языкознания.

3. Какие свойства изучаемых в стилистике явлений дают основания усматривать ее содержание как специфическое по сравнению с содержанием других лингвистических дисциплин? Такая постановка вопроса отнюдь не нова и может показаться даже банальной. Однако этим обстоятельством приходится пренебречь, потому что не только исчерпывающего, но и хоть сколько-нибудь устойчивого, однозначного ответа на данный вопрос не существует.

Существует, впрочем, одно положение, с которым в последнее время (в его общем виде) соглашаются все исследователи стилистических явлений: эти явления находятся в отношениях дополнительной дистрибуции к основным языковым классификациям. Характер стилевых свойств — коннотативный. Именно класс коннотаций ложится в основу всех стилистических определений, в каких бы понятиях и терминах они не получили бы затем выражение (стилистическая окраска, стилистическое средство, стилистический прием, стилистическое значение и пр.). Однако и это положение комментируется разными стилистами настолько по-разному, что сами категориальные единицы, в которых можно было бы «исчислить» количественные и качественные коннотативные признаки стилевого явления, оказываются несопоставимыми, так как в них или учитывается или не учитывается семантическая структура языкового знака [5].

[5] Традиционная стилистика вообще очень слабо связывала категорию значения с категориями «экспрессивных», «эмоциональных», «функциональ-

Таким образом, очевидно, и возникает в стилистике ситуация, совершенно не характерная для других областей языкознания: под ее «шапкой» соединяются не разные аспекты изучения одних и тех же явлений в пределах четко отграниченной от других научной области с одним объектом исследования, а как бы разные научные области, взаимоисключающие (по мнению одних ученых) и взаимодополняющие (по мнению других)[6], с разными объектами исследования.

Эта ситуация привела современных стилистов к мысли о том, что многогранное содержание науки, называемой в настоящее время стилистикой, лишает нас возможности установить правдоподобное универсальное определение ее предмета и что гораздо более

ных» и пр. оттенков стиля. Примеров этому в развитии русской стилистики множество, и они хорошо известны. То же положение, например, для западноевропейской науки отмечает П. Кассирер, говоря, в частности, о том, что в шведской стилистике до сих пор отсутствуют такие категории, которые бы опирались на семантику и на норму, и что это обстоятельство делает все существующие стилистические описания сомнительными (см.: *Kassirer P.* Op. cit., p. 110—111).

Сейчас связи стилистики с семантикой окрепли, но трактуются они опять-таки по-разному. Так, например, Н. Энквист (*Enkvist N.* Linguistic stylistics, p. 15) рассматривает собственно «коннотацию» как факт, зависящий исключительно от внешней (контекстной и ситуативной) обусловленности речевого акта, и отделяет от нее «addition» — стилистически маркированное добавление к нейтральному языковому выражению, исследование которого представляется ему своеобразным «стриптизом» — снятием функциональных и эмоциональных пластов с первичного значения. В то же время более распространено мнение об общей семантической природе стилевых коннотаций (стилистические дифференциальные признаки — вторичные по отношению к основным — семантическим множителям). Они равны «оттеночным» значениям. Учет внеязыковых факторов относится к информативному плану: стилистически окрашенный языковой элемент дает дополнительную — лингвистическую, социально-лингвистическую и персональную информацию. И лишь некоторые смысловые оттенки отражают ассоциативную или функциональную соотнесенность языковой единицы с определенными узкими тематическими кругами и ситуациями (см.: *Пиотровский Р. Г.* Очерки по стилистике французского языка. Л., 1960, с. 10, 14, 15 и др.).

Ю. М. Скребнев (указ. соч., с. 23 и след.) справедливо объединяет (ссылаясь на подробное рассмотрение данных вопросов М. Риффатером) эти аспекты в формулировке: «коннотации, или сопутствующие лексическим значениям стилистические созначения, дают получателю речи информацию о ее отправителе» и подчеркивает в то же время, что коннотативные значения имеют внутриязыковую направленность, т. е. несут информацию о месте единицы в языковой системе.

[6] Наиболее убедительными выглядят четыре стилистики К. А. Долинина (стилистика языка, или описательная; стилистика функциональная; стилистика индивидуальной речи; стилистика внешняя, или сопоставительная), потому что их выделение в какой-то мере примиряет и первое и второе противоречия. Признавая целесообразность сосуществования этих стилистик, К. А. Долинин квалифицирует их как «направления», каждое из которых характеризуется особым аспектом изучения некоторых стилистических понятий (см.: *Долинин К. А.* Указ. соч., с. 53—54).

точно отвечает истинному положению вещей представление *совокупности разноплановых характеристик предмета* стилистики, которое дает возможность реально определить ее место и специфику в кругу лингвистических дисциплин. Но прежде чем оценить эти характеристики по достоинству, надо напомнить о том, что до сих пор, несмотря на упомянутый выше прогресс в развитии теории лингвистики, мы являемся свидетелями заметного несоответствия уровней компетентности уровням реальности в обсуждении вопроса о том, что же такое стилистика и какие стилистики «существуют на белом свете». Ведь наряду с постановкой проблем, действительно отвечающих нуждам современного состояния лингвостилистики, до сих пор, как это ни покажется странным, обсуждаются проблемы (например, принадлежность стилистики литературоведению или языкознанию), которые, безусловно, можно отнести к уже пройденному этапу в развитии науки [7].

В западной лингвистике популярна, например, оппозиция «лингвистика — стилистика», выводящая стилистику за пределы основных дисциплин, изучающих систему языка, но не способствующая четкой формулировке особых задач стилистики и ее особого места в филологии. Это происходит потому, что одним из главных критериев разделения лингвистики и стилистики пока еще часто служит соответствие их предметов дихотомии «язык — речь». Более обтекаемое утверждение о существовании двух стилистик — «стилистики языка» и «стилистики речи» — не так давно отвергалось в пользу более категорического утверждения об ограничении стилистической компетенции только уровнем речи, тогда как предмет лингвистики — язык [8].

---

[7] Возникшие в результате упомянутых выше представлений об обязательности лишь единственного «облика» стилистики, эти проблемы к настоящему времени частично модифицируются и больше касаются соотношения литературоведческой и лингвистической стилистики. Ср. обстоятельное рассмотрение данного вопроса в трудах В. В. Виноградова, В. П. Григорьева и др., а также в западной научной литературе; см., например: *Spencer J., Gregory M.* An approach to the study of style.— In: Linguistics and style. London, 1964.— В этой работе авторы предлагают «соединить» лингвистику со стилистикой, которая понимается как литературно-критическое направление анализа художественного текста. И только потому, что литература «зависит от языка», стилист обязан анализировать функции языка в литературе сравнительно с другими языковыми функциями (с. 60).

[8] Ср. широко бытующее в стилистической литературе понятие линейной (речевой) лингвистики, отождествляющейся со стилистикой, характерное, в частности, для современной чешской лингвистики. Также см. работы, цитируемые Н. Энквистом (*Enkvist N.* Linguistic stylistics, p. 38). Он критикует оппозицию «лингвистика — стилистика», но раньше и сам называл стилистику «тенью лингвистики», подчеркивая вспомогательность ее поуровневых дефиниций — фоностилистических, морфостилистических, синтаксико-стилистических и т. д. Ср. мнение П. Сокконена о том, что стилистические характеристики всегда выходят за пределы грамматики и только мешают адекватному описанию системы языка (*Sokkonen P.*

Может быть, эти теории и не нуждались бы в упоминании, если бы к настоящему моменту не возникло осложнение их кардинальной оппозиции соседством все более входящего в моду понятия «текст» и активизации науки, называемой «лингвистика текста». От этого соседства очевидный схематизм противопоставления двух стилистик не исчез, но само противопоставление стало еще менее ясным. С одной стороны, существует мнение: стилистика — дисциплина на уровне текста, лингвистика — кончается на границах предложения[9]. С другой стороны, все большее количество сторонников приобретает идея о том, что лингвистика текста — это и есть лингвистика языка, тогда как стилистика, опять-таки, может иметь дело только с речью; при этом отношения текст-лингвистики и стилистики таковы, что первая обогащает вторую и благодаря первой становится ясным, что стилистика — наука эклектическая. Встать же на полноценную научную базу ей может помочь лишь текст-лингвистика, показывающая близость стилистики и семантики, стилистики и теории коммуникации и т. д.[10]. Только в самое последнее время наметились возможности прояснения взаимоотношений лингвистики текста и стилистики, что произошло вследствие более или менее удовлетворительного самоопределения пер-

---

Stylistics, grammar, vocabulary. linguistics, 108. Mouton, The Hague—Paris, 1973, p. 70).

Ограничение стилистики областью соссюровской parole давно уже не выдерживало критики хотя бы потому, что под последней принято понимать индивидуальную речевую деятельность, в то время как лингвистика обязана изучать коллективные речевые навыки. Но впоследствии эта идея трансформировалась в противопоставление «стилистики речи», изучающей индивидуальные языковые проявления, «стилистике языка», имеющей своим предметом групповые языковые проявления. А на такой основе возникло представление о «речевой природе» функциональных стилей, позволяющее включить в систему последних и язык художественной литературы. Эта позиция характерна для многих работ 50—60-х годов. См., например: *Vachek J.* Dictionnaire de linguistique de l'École de Prague. Utrecht, Amvers, 1966; *Doležel L.* O stylu moderní české prózy. Praha, 1960; *Кожина М. Н.* К основаниям функциональной стилистики и др.— При этом, конечно, уже принимается во внимание не только индивидуальный аспект parole, а общие принципы речевой деятельности в своей противоположности к иммапентной сущности системы языка. В. В. Виноградов, отделяя стилистику речи от стилистики языка, упоминает, что первая изучает «массовую и социально, а также персонально ограниченную коммуникацию», «социальные стили речи, т. е. способы употребления языка и его стилей» (*Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 201).

[9] См.: *Sabo Z.* The status of stylistics in textlinguistics.— Revue Roumaine de linguistique, 1971, v. XXI, № 1, p. 69.— Ср. мнение Пражской школы о теории текста как основе стилистики, а также (как бы обратную точку зрения) мнение С. Сапорты о том, что «меняющиеся вероятности, которые изучает стилистика, не релевантны для написания грамматик, где все последовательности порождаются однажды» (см.: *Звегинцев В. А.* Стилистика и семиотика.— В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1969, с. 44).

[10] *Sabo Z.* Op. cit., p. 69.

вой [11] и известной активизации специальных занятий текстом — во второй [12].

До сих пор также нет единства во мнениях и относительно таких, ставших уже «традиционно-дискуссионными» в среде стилистов, вопросов, как отношение стилевых качеств языкового элемента к уровневой системе языка, соотношение экспрессивных и функциональных характеристик стилистически маркированной языковой единицы [13], соотношение «стиль» и «диалект» и пр. [14].

Напоминание об этих разногласиях призвано здесь лишь подчеркнуть важность предпринятых современными учеными попыток выявить их причины и дать по возможности более полную, объективную картину особенностей стилистического анализа, могущих (или не могущих) затем быть объединенными в одну целостную науку, имеющую (или не имеющую) единый предмет исследования.

4. Одна из последних попыток дать совокупную характеристику предметов стилистики как лингвистической науки принадлежит Ю. М. Скребневу. Он предлагает следующие ее аспекты, выделяемые в зависимости от отношения к языку: 1. Учение о субъязыковой структуре (с точки зрения системы языка); 2. Учение о коннотациях (при взгляде на язык как на «набор элементов и моделей их последовательностей»); 3. Изучение вторичной, второстепенной информации о тексте (с точки зрения общей оценки объекта исследования); 4. Описание типов специфических языковых элементов и их последовательностей (со стороны внутреннего содержания стилистики); 5. Наука об атрибуции текстов (в плане конечных целей стилистики); 6. Учение о высших стадиях языковой компетенции (в аспекте прагматической ценности); 7. Уточняющее, максимально достоверное описание лингвистического объекта (в плане отношения к другим отраслям лингвисти-

---

[11] См.: *Николаева Т. М.* Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978.

[12] См.: *Одинцов В. В.* Стилистика текста. М., 1980.

[13] См.: *Винокур Т. Г.* Указ. соч.; *Петрищева Е. Ф.* Стиль и стилистические средства.— В кн.: Стилистические исследования. М., 1972.

[14] Давно уже существующее мнение о совпадении стилистических и диалектных принципов классификации также представляет собой образчик скептического отношения к специфике явлений стиля и возможностям особого подхода к последним (см.: *Sokkonen P.* Op. cit., p. 72 sqq.). С другой стороны, в социолингвистических исследованиях все больше утверждаются подсистемные классификации (включающие и диалектные), в которых вообще нет места стилю. Ср. противопоставление «диалекта» и «регистра» у М. Холлидея, где тому и другому понятию частично приписываются признаки, какие в нашем представлении присущи стилистическим дефинициям (*Halliday M. A. K.* Language as social semiotic. London, 1978, p. 35, 165 ff.). Н. Энквист считает возможным трактовать стиль как «индивидуальные вариации внутри регистра» (Linguistic stylistics, p. 17). Ср. уравнивание терминов «функциональный стиль речи» и «функциональный стиль языка» с термином «диалект» в кн.: *Степанов Ю. С.* Указ. соч., с. 170.

ки)[15]. Для автора данного перечня эти характеристики являются итоговыми, резюмирующими проведенный в его книге многосторонний анализ природы стилевых явлений и способов их изучения. И главное,— они должны продемонстрировать невозможность, или, во всяком случае, нежелательность и недостоверность единой формулировки предмета и задач стилистики.

Ю. М. Скребнев достигает своей цели, как кажется, самым удовлетворительным образом. Его подчеркнуто разноплановая «совокупная характеристика» наглядно рисует картину объективной множественности, разносторонности задач и возможностей стилистики и в то же время — ее несомненного единства и обособленности по отношению к другим лингвистическим дисциплинам. Однако легко заметить, что названные им аспекты располагаются свободно: и по отношению друг к другу, и по отношению к науке о языке вообще, и по отношению к самому объекту науки о языке, и что их взаимосвязь может иметь или не иметь место только лишь в зависимости от воли исследователя, от конкретных задач, им перед собой поставленных. Кроме того, каждая из этих характеристик может трактоваться по-разному. Так, например, первый и второй пункты могли бы быть объединены, если считать, что все дело состоит в противопоставлении парадигматики и синтагматики языка и его связи с противопоставлением «язык — речь» (мнение весьма распространенное). Или же может быть подвергнута сомнению самостоятельность пятого пункта, его роль для «конечных целей» стилистики, а также его отделение от последнего пункта, и т. д. И это понятно, потому что автор сознательно не дает гарантии, что им действительно представлены окончательные и всеобъемлющие характеристики данной отрасли науки в совершенной формулировке.

Современная стилистическая литература располагает и другими определениями совокупных характеристик предмета и задач стилистики, которые также могут быть приняты как всеобъемлющие и реалистические. Приведем еще одно из таких определений, «покрывающих основные области компетенции стилистики»[16]: 1. Общее понятие стиля и предмета стилистики. 2. Функциональные стили как разновидности языка. 3. Особые средства и особые приемы их комбинирования, дающие дополнительную суперлинеарную информацию. 4. Индивидуальный стиль автора как особая комбинация языковых средств, характерная для данного писателя. 5. Особая форма коммуникации — поэтическая речь в ее формально-структурных особенностях.

[15] *Скребнев Ю. М.* Указ. соч., с. 169—172.

[16] *Гальперин И. Р.* О понятиях «стиль» и «стилистика».— ВЯ, 1973, № 1, с. 19.— Отметим также популярное в зарубежной науке противопоставление описательной и «различительной», «сравнительной» стилистики (descriptive and distinctive stylistics), различия между которыми частично совпадают с выделяемыми в приведенных выше характеристиках отдельными задачами стилистической науки. См.: *Kassirer P.* Op. cit., p. 109 sqq.

В этом «совокупном» определении — другая логика и другое представление об объеме науки. В то же время некоторые очевидные пункты, естественно, совпадают (ср. учение о функциональных стилях, где разнится только словесная формулировка), что говорит в равной мере как о правоте обоих авторов, так и об их праве характеризовать предмет и задачи стилистики с позиций своего индивидуального представления. Согласно этому праву у других ученых складываются совсем иные принципы выделения проблем, принадлежащих стилистике. Так, например, для Р. Г. Пиотровского существуют два основных отдела стилистики в отношении к объекту изучения: 1. Стилистика общенародного языка. Она состоит из: а) учения о системе стилей языка, б) учения о синонимических способах выражения... более или менее однородного содержания.., в) учения о коннотациях; 2. Стилистика литературно-художественной речи. И в той и в другой основным вопросом являются принципы стилистического отбора [17]. Следовательно, «совокупная» характеристика отдельных сторон стилистического анализа если и не спасает от разноголосицы во мнениях, то хотя бы дает этой разноголосице право на существование.

Характерно также и то, что ученые, считающие совокупную характеристику разноплановых областей более достоверно отражающей специфику стилистического изучения языка, не отказываются и от обобщенных характеристик. У И. Р. Гальперина это обобщение сформулировано следующим образом: «Лингвистическую стилистику можно определить как науку о природе особых маркированных элементов, сочетаний особых языковых единиц, способных сообщить дополнительную информацию к основному содержанию высказывания (текста) и об отношении одних средств выражения к другим в данном типе текста» [18]. Эта характеристика также не может вызывать возражений. Следовательно, предпочтем ли мы общую (и неизбежно схематичную) характеристику стилистики как самостоятельной науки, или же более подробную и объемную, указывающую на специфику ее отдельных областей,— не имеет значения для устранения определенных разногласий [19]. Те и другие характеристики могут принести известную пользу, если из них удастся извлечь некоторые общие посылки, исходный логический пункт, отправляясь от которого правомерно говорить о

[17] См.: *Пиотровский Р. Г.* Указ. соч., с. 23—24.

[18] *Гальперин И. Р.* О понятиях «стиль» и «стилистика», с. 19.

[19] Ср. определение предмета стилистики Ю. С. Степановым, занимающее как бы промежуточное положение между первым и вторым типом указанных характеристик: «...совокупная и довольно большая информация, полученная нами из высказывания, достигла нашего восприятия благодаря: а) взаимодействию уровней сообщения и явлению внутренней (синтагматической) нормы; б) взаимодействию уровней языка и взаимодействию его функциональных стилей, т. е. парадигматической нормы; в) взаимодействию фонетики, грамматики и лексики в пределах одного уровня и, наконец, г) благодаря взаимодействию взаимодействий. Изучение подобных взаимодействий и составляет собственный предмет стилистики» (см.: *Степанов Ю. С.* Французская стилистика. М., 1965, с. 37).

своеобразии стилистического взгляда на язык. Такая мысль существует и состоит она с недавних пор в признании за стилистикой как бы «высшего назначения», итоговой роли стилистического анализа в наиболее глубоком познании языка [20]: «Задачей стилистики в какой-то мере является изучение лингвистическими методами всего процесса коммуникации» [21]; «Стилистика представляет собой учение о высших стадиях языковой компетенции... Она выступает как уточняющее, детализирующее и, тем самым, максимально достоверное описание лингвистического объекта... В конечном счете любое лингвистическое описание, претендующее на максимальную адекватность, должно являться описанием стилистическим» [22].

Эта посылка должна, естественно, льстить самолюбию стилистов (очень ранимому в лингвистическом отношении) и всячески побуждать их к самоопределению. Но, опять-таки, по какому пути должно идти это самоопределение и в каком случае стилистика выглядит как «наука наук»? Если она занимает промежуточное положение по отношению к лингвистике, а также к смежным с ней наукам и, соответственно, сохраняет особый предметно-терминологический аппарат, или если она вводится в круг собственно лингвистических дисциплин?

Последняя мысль четко выражена как раз у тех ученых, которые, не будучи в силах справиться с традиционным подозрением относительно лингвистической «первосортности» стилистики, предлагают «онаучить» ее (совсем как «очеловечить» обезьяну) и первым шагом в этом процессе считать необходимость определения ее категорий в лингвистических терминах [23]. Первая же мысль более характерна для тех, кто, непосредственно занимаясь анализом стилистически значимых языковых явлений, обнаруживает (причем чаще всего внутренне этому сопротивляясь), что дефиниции стиля не укладываются в чисто лингвистическую терминологию и что моделирование по образцу последней терминов специально для стилистики не спасает положения. Бояться или не бояться этого — все тот же вопрос, продолжение дискуссии о месте стилистики в языкознании. Но не видеть этого нельзя, что и отмечают исследователи: «Стилистическая значимость представляет собой информацию, в принципе не сводимую к вербальной... Эстетическое и эмоциональное восприятие нечленимо; ...индивидуальное впечатление от текста невозможно исчерпывающе охарактеризовать словами... Именно здесь самой природой объекта поставлены пределы точности его вербального описания» [24].

---

[20] Если в этой мысли и проглядывается полемическая гипербола, то, во всяком случае, она порождена противоположной крайностью: скептической оценкой лингвистических возможностей стилистики ab ovo.

[21] *Гальперин И. Р.* О понятиях «стиль» и «стилистика», с. 15.

[22] *Скребнев Ю. М.* Указ. соч., с. 171—172.

[23] *Звегинцев В. А.* Стилистика и семиотика, с. 40.

[24] *Колшанский Г. В.* Соотношение объективных и субъективных факторов в языке. М., 1975, с. 143, 244 и др.

Противопоставление понятий «стиль» и «язык» вполне традиционно (ср. хотя бы названия работ типа «Язык и стиль...»[25]). И, несмотря на то, что в подобных случаях речь может идти о разных объемах понятий, обозначаемых данным термином, мы вполне психологически готовы, даже с позиций лингвистики, признать за категорией стилевого явления некоторую эклектичность содержания априори. Термины «параязыковой», «невербальный»[26] в применении к стилистике говорят об этом достаточно ясно.

«Надстроечность» стилевой принадлежности по отношению к другим качествам элемента языковой системы находит отражение и в семиотическом представлении системы языка. Так, например, Ю. С. Степанов считает, что и с семиотической, и вообще с теоретико-лингвистической точки зрения стилистика представляет собой «неявный» уровень языка (противопоставляются два уровня — явный и неявный). Отличие его в том, что его знаки — это сложные знаки «второго порядка», знаки «с переносом»: «Стилистика состоит из знаков знаков, это язык на второй ступени знаковости... Язык в целом, со всей его лексикой (но без развитой системы синонимов) и грамматикой служит одним планом, а именно планом выражения для стилистики. Планом же содержания стилистики являются все „оттенки" значений, которые... выражают говорящего»[27].

По всей вероятности, эти положения не совпадают с цитированным выше мнением (высказываемым также с семиотических позиций) о том, что стилистические категории можно определить в строго лингвистических терминах. Если стилистический «план содержания», который поддается определению при помощи скомпрометированного в глазах многих ученых термина «оттенки», находится за пределами собственно языковых средств, то ясно, что нужны дополнительные способы описания. Многие исследователи признаются в том, что стилистические явления «чрезвычайно трудно описывать не только в лингвистических терминах, но и вообще словами», потому что они не всегда презентированы в со-

---

[25] Некоторые исследователи, впрочем, считают, что это «терминологическое двоедушество» как раз говорит о слабой дифференцированности называемых понятий, хотя в подобных заглавиях заключается и положительный эффект: придание термину «стиль» лингвистического смысла. Идею, что «язык» и «стиль» — это «не столько разные объекты изучения, сколько разные аспекты материала, допускающего разный подход», гораздо лучше, по словам автора цитируемого выше мнения, иллюстрируют труды В. В. Виноградова «Язык Пушкина» и «Стиль Пушкина», в которых «стиль понимается... лингвистически как категория языковая, выступающая в эстетической функции» (см.: *Федоров А. В.* Некоторые пограничные вопросы языкознания и литературоведения.— В кн.: Вопросы стилистики, вып. 12. Саратов, 1977).

[26] *Колшанский Г. В.* Указ. соч.

[27] *Степанов Ю. С.* Семиотика. М., 1971, с. 94—95.— Выше мы уже упоминали книгу М. Холлидея, в которой подход к языку как «социально-семиотическому» явлению вообще никак не связан со стилистическими ценностями.

знаний и нередко не выходят за пределы диффузных ощущений и реминисценций [28]. Авторы книги «Язык и культура» отмечают, что «в области эмоционального (речь идет о толковании коннотативного значения. — *Т. В.*) использование слов для пересказа, как правило, не приводит к успеху» [29]. Не случайно в научной лингвостилистической литературе широко принято употребление таинственно-символической субстантивации — «природа *стилистического*», «область *эмоционального*» и пр., тогда как морфолога вряд ли можно заподозрить в намерении сказать «природа *морфологического*».

Если стилистические коннотации недостоверно передаются словами вообще (которым, как известно, свойственна многозначность), то получается, что однозначная терминология еще меньше может помочь делу. Однако печальная действительность заключается в том, что ни трудность адекватной вербализации вообще, ни отсутствие общепризнанных специально-стилистических терминов не спасают нас от необходимости каким-то образом преодолеть и то, и другое. Мы знаем, что без посильно строгих и однозначных словесных определений невозможно осуществить какое бы то ни было научное описание. Но надо ли при этом «онаучивать» с помощью соответствующих терминов стилистические понятия, которые так «ненаучно» выглядят, или же надо стараться представить их словами так, как они выглядят на самом деле? Когда мы говорим, что стилистические коннотации трудно описывать какими бы то ни было словами, то сами понимаем, что здесь присутствует некоторая невинная уловка: о каких словах идет речь? Ясно, что в конце концов словом можно выразить то, что нужно; пусть длинно, пусть неуклюже, но можно. А вот терминоподобными, «научными» словами действительно совладать со стилевыми коннотациями трудно. Тогда возникает другой вопрос: что́ именно из стилистических категорий нуждается в строго терминологическом лингвистическом определении? На пороге какого типа терминологии мы согласны остановиться?

5. Решение этого вопроса, по всей вероятности, связано главным образом с выбором объекта изучения. Следовательно, здесь могут быть выдвинуты два взаимосвязанных критерия. Первый из них — сама языковая действительность. Второй — способы ее научного осмысления.

---

[28] *Скребнев Ю. М.* Указ. соч., с. 244 и след.

[29] *Костомаров В. Г., Верещагин Е. М.* Язык и культура. М., 1973, с. 78—79.— Ср. мнение польской лингвистки А. Вежбицкой о том, что неудачи в разработке экспрессивно-семантической теории происходят из-за предпринимавшегося до последнего времени описания экспрессии (и «импрессии») словами. Она считает это попыткой с негодными средствами потому, что экспрессия может быть только показана, а не описана. А для этого нужно пользоваться специальным семантическим метаязыком, образчик которого она предлагает в своем опыте польского семантического словаря. См.: *Wierzbicka A.* Miejsce problematyki ekspresji w teorii semantycznej.— In: Pamiętnik literacki, 4. Wroc'aw, 1968.

Языковая действительность предоставляет нам возможность убедиться в том, что наиболее адекватным стилистике объектом исследования оказывается не столько извлекаемая из нее относительно статическая картина экспрессивно-функциональной дифференциации стилистических ресурсов языка, которая отражена в системе, сколько весьма динамическая картина *употребления* этих элементов носителями данного языка. Думать так — вовсе не значит отрицать теоретические возможности другой оценки данных языковой действительности со стилистической точки зрения. Скорее, это значит попытаться найти свой ответ на поставленный выше вопрос о специфике названной точки зрения. Помимо всех тех соображений, которые во множестве (и часто очень противоречиво) высказывались в процессе становления лингвостилистики как самостоятельной дисциплины, следует, очевидно, привести еще одно. Как новое оно получило в свое время обоснование в «Задачах истории языка» Г. О. Винокура и сейчас лишь должно быть введено, так сказать, в контекст современных стилистических взглядов. Мы имеем в виду собственные *закономерности употребления языка обществом*, которые (внутри языкознания) принадлежат только стилистике. Ясно, что «язык вообще есть только тогда, когда он употребляется»[30], и что первичным материалом для анализа лингвисту всегда служит употребление языка. Но в других областях языкознания употребление, как правило, так и остается на уровне *материала*[30а], т. е. играет вспомогательную, например, сопоставительную роль (значение и употребление; окказиональность и узус и т. п.), тогда как в стилистике оно выступает в качестве самостоятельного, а вернее даже сказать, единственного объекта изучения.

Причина этому — отсутствие в системе языка материальных элементов (подобных элементам ее уровней), которые принадлежали бы только стилю. «Прибавочная стоимость» любого стилевого понятия, имеющего право на существование лишь в виде социально-психологического наслоения на языковую материю (т. е. на поуровневый инвентарь), в отвлечении от коммуникативных нужд реального «держателя языковых акций» становится с лингвистической точки зрения фиктивной категорией. Оно может быть лишь описано с помощью языка, но не выражено языком. Противопоставление, предположим, «официальный» — «интимный», «воз-

---

[30] См.: *Винокур Г. О.* О задачах истории языка.— Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 221.— По всей вероятности, в настоящее время противопоставление взгляда на стилистику как на употребление языка положительному отношению к «уровневой» стилистике может быть и не столь категоричным (ср.: *Степанов Ю. С.* Французская стилистика, с. 49), так как идея возможности разных задач и разных масштабов науки о стилях приобретает все большую популярность.

[30а] А. И. Горшков считает, что изучение употребления — это изучение языка на уровне текста, когда последний есть не вспомогательный материал, а основной объект. См.: *Горшков А. И.* О предмете истории литературного языка.— ВЯ, 1978, № 6, с. 6.

вышенный — сниженный» и пр. находится в другом ряду, чем противопоставления мягкости и твердости согласных, флексий мужского и женского рода, конкретной и абстрактной лексики, именных и глагольных словосочетаний и пр. В разряд языковых это противопоставление попадет в том случае, если получит языковое означающее, т. е. соединится с определенным элементом системы языка. А такая необходимость может возникнуть только в процессе общения с помощью данного языка. Тогда и формируется то, что называют стилистическим приращением смысла, коннотацией, стилистическим оттенком, стилистическим значением и т. д. и т. п. Эти обстоятельства доказывают, как кажется, неоспоримую специфику природы стиля по отношению к другим категориям языка, настоятельно требующую соответственного к ней подхода со стороны лингвистов. Роль языкового употребления как самостоятельного объекта изучения — основа этого подхода.

6. Способы изучения языкового употребления, в свою очередь, вытекают из его собственной специфики. Она заключается в непременном взаимодействии внутриязыковых и экстралингвистических факторов, которое сразу выявляется в преимущественном значении контекстно и конситуационно обусловленных эмотивно-функциональных коннотаций языкового знака.

Но по мере углубления анализа все очевиднее становится необходимость заново определить (и, значит, заново назвать) все те понятия, от которых зависит оценка лингвистического содержания этих коннотаций, принципы их классификации и возможность выбора при их помощи единиц, в каких целесообразно описывать закономерности языкового употребления.

Начинать эту процедуру, как ни странно, приходится опять-таки с «вечного» вопроса о том, «где искать стили». Нет сомнения, что сама его постановка есть в какой-то степени результат печального недоразумения, вызванного уверенностью в тождестве языковой действительности и объекта, который мы конструируем для того, чтобы эту действительность изучить [31]. Тем не менее с наличием в науке двух стилистик приходится считаться; и потому следует признать, что взгляд на стилистику как на языковое употребление в первую очередь — находится в известном противоречии и со стилистикой языка и со стилистикой речи [32].

---

[31] Д. Н. Шмелев, рассматривая ряд понятий, относящихся к функционально-стилистической дифференциации языка, пишет о различиях между самой языковой действительностью и способами ее описания. Последние должны адекватно отражать факты действительности, но та или иная группировка этих фактов во многом определяется характером и задачами исследования (см.: *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 28—29).

[32] Имеется в виду ставшее уже традиционным представление об их составе в современном языкознании (идущее от определения В. В. Виноградова). Ср. характерное замечание Ю. С. Степанова (Основы языкознания, с. 169): «Вид речи, употребляемый людьми в типовой общественной си-

Противоречие это главным образом выявляется при установлении границ между индивидуальным (субъективным) и коллективным (объективным), между активным (формирование коммуникативного акта) и пассивным (владение системой языка) началами во всей многомерной области знания «человек и язык». Происходит это потому, что понятие употребления в каком-то отношении сводит язык и речь в одну плоскость, выявляя, однако, на этой плоскости другие параметры, по которым следует проводить различия, помогающие описать процесс стилистического отбора и организации на его основе стилистически отмеченного высказывания — реальной и, как кажется, наиболее перспективной с точки зрения сегодняшних задач стилистики языковой данности для научного наблюдения.

Известно, что попытки корректировать дихотомию Соссюра, — в частности, ввести в нее промежуточные звенья, — предпринимались неоднократно[33]. И характерно, что промежуток при этом всегда заполнялся так или иначе называемым понятием языковой р е а л и з а ц и и. Отсутствие звена, переводящего «схему» (систему чистых отношений) в материю, не позволяло поставить на должное место категорию, соединяющую в себе признаки langue и parole: коллективные навыки языковой реализации как базы речевой деятельности общества. А здесь главным образом и сосредотачиваются интересы лингвостилистики, имеющей своим предметом (с точки зрения конечной цели исследования) о б щ е е, а не индивидуальное, т. е. осознание выразительных возможностей данного языка коллективом носителей в целом[34].

В этом плане нуждам стилистики, как мы в свое время уже замечали, более всего отвечает понимание языковой реализации Л. Ельмслевом, который заменил противопоставление «язык — речь» противопоставлением «схема — узус», где «узус» — это манифестация схемы, совокупность навыков, принятых в данном социальном коллективе и определяемых фактами наблюдаемого употребления[35]. У з у с (у п о т р е б л е н и е), н о р м а и

туации, называется стилем речи, или функциональным стилем речи (или языка — безразлично)».

[33] Такими промежуточными звеньями являются норма (usage) у Э. Косериу; usage and norm у Л. Расиелло; уровень высказывания у Ф. Данеша; как бы забытая соссюровская langage у стилостатистов, считающих, что именно она (т. е. обобщающий речевой опыт) есть уровень, на котором обнаруживаются стилистические нормы (Г. Хердан); interpretation у А. Хилла (с точки зрения адресата) и т. д. См.: *Enkvist N.* Linguistic stylistics, p. 39—40.

[34] См.: *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965, с. 116. Ср. «competence» и «performance» Н. Хомского.

[35] Замечание Ю. М. Скребнева: «Тот факт, что индивидуальные речевые акты не только различны, но и обладают сходством, дающим возможность констатировать существование определенных текстовых типов, имеет основополагающее значение для стилистики» (см.: *Скребнев Ю. М.* Указ. соч., с. 14) — только в последнее время кажется недискуссионным. К индивидуальным задачам стилистика шла длительным и сложным путем,

акт речи объединяются в понятие языковой реализации и могут представлять собой единый объект изучения (противопоставленный «схеме»). Этот объект, именно в качестве «единого и неделимого», и демонстрирует тот уровень, на котором развертывается наиболее полная и наиболее объективная картина стилевого состояния языка как средства общения.

Стилист в любом случае изучает именно употребление (и ограничивается его уровнем) независимо от того, эксплицирует ли он это положение или сознательно (а, может быть, и неосознанно) его маскирует; рассматривает ли он «язык» или «речь»; внеконтекстные и контекстные стилистические коннотации; парадигматику или синтагматику; исследует ли он готовые тексты, или ставит эксперимент; идет ли в своем анализе от заданной стилевой категории к форме ее языкового выражения, или, наоборот, от формы к ее стилевому значению. Изучение навыков стилистического использования языка в процессе общения, учитывающее, таким образом, и «языковые» и «речевые» факты одновременно, может быть дополнено «стилистикой текста», т. е. специальным изучением композиционно-стилистического построения речевых произведений [36], которое имеет общие интересы с логикой и риторикой.

Конечно, и тут нельзя раз и навсегда разграничить объекты изучения, так как употребление языка не может наблюдаться иначе, чем на материале текста. И дело заключается не только в том, что этот текст должен быть значительно бóльшим по объему в том случае, если его строение привлекает внимание исследователя в первую очередь. Важно другое: за счет чего создается стилистическая значимость этого текста: за счет внутренних стилевых ресурсов той или иной единицы языка, или за счет характера соединения этих единиц в пределах данного текста. Ю. М. Скребнев выделяет с этой точки зрения две разновидности стилистического анализа: стилистику единиц и стилистику последовательностей соответственно языковой парадигматике и языковой синтагматике [37]. Но и эта оппозиция, не совпадающая с выделением стилистики языка и стилистики речи (так же как это последнее не совпадает с различием между парадигматическим и синтагматическим планами языка), теряет на линии узуса четкие границы, потому что закономерности употребления стилистически отмеченного языкового факта не могут находиться в прямой зависимости от способа его образования. Следовательно, делая объектом своего наблюдения узус (т. е. коллективные навыки употребления языка обществом), мы как бы вступаем в иное измерение. Мир узуальных взаимосвязей создается прежд

по сути дела совпавшим с путем оформления лингвостилистики как о дела языкознания.

[36] Последней и посвящена названная выше работа В. В. Одинцова.

[37] *Скребнев Ю. М.* Указ. соч., с. 38—45.

всего скрещиванием внутриязыковых и внеязыковых (социальных) факторов. Удельный вес тех и других в организации процесса языкового отбора, который способствует формированию высказывания, может варьироваться в зависимости от того, единицы какого языкового уровня подлежат отбору. Но самое взаимодействие этих факторов будет оставаться при этом постоянной величиной, потому что языковой отбор любых единиц непременно соединяется с конечным, высшим этапом всего процесса — отбором стилистическим [38].

Называя стилистический отбор конечным этапом процесса языкового отбора (в целом), мы как будто ставим знак равенства между стилистикой и употреблением языка вообще, а весь узус в известном смысле характеризуем как стилистический (ср. высказывания об обобщающе-завершающей роли стилистического анализа на с. 14). Действительно, предшествующие стилистической ступени языкового и доязыкового (тематического) отбора [39], подготавливающего высказывание, предстают перед нами не как самостоятельные, а как результат стилистической апробации, которая, влияя на словесный состав предложения/высказывания, способна изменить и грамматическую структуру последних [40]. Лишь выразив свое отношение к способу обозначения предмета или явления действительности, говорящий может его употребить и тем самым косвенно охарактеризовать и себя и своего партнера по речи. Выразить же это отношение призваны стилистические коннотации языкового знака, благодаря которым, следовательно, и становится возможным языковое общение.

Таким образом, стилистический отбор на уровне высказывания «поставляет» одновременно с детализацией внутриязыковых подразделений львиную долю социальной информации, так как помогает не только вербализовать действительность, но и оценивать

---

[38] Он получает либо позитивное выражение, либо негативное (когда результат отбора представлен стилистически нейтральными единицами языка). См.: *Marouseau J.* Précis de stylistique français. Paris, 1969, p. 10 etc.

[39] Сам процесс языкового отбора, отражающий психологию мышления и речевого поведения, не является специальным объектом лингвостилистического анализа. Однако одна группа характеризующих его признаков (обдуманность/подготовленность/преднамеренность — спонтанность) должна быть принята во внимание и играть основополагающую роль для главной функциональной оппозиции в системе языка: книжная речь — разговорная речь.

[40] Ср., допустим, различные экспрессивные модификации модально-коммуникативного типа предложения. В анализируемых Н. Д. Арутюновой современных концепциях речевой деятельности, рассматривающих целенаправленность речевого акта, имеется, например, «постулат смягчения коммуникативного намерения» («откройте окно» и «мне бы хотелось, чтобы Вы открыли окно»), естественно, связанный с теми факторами, которые обусловливают стилистическую дифференциацию высказывания (см.: *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976, с. 53—54; см. также об этом: *Алисова Т. Б.* Дополнительные отношения модуса и диктума.— ВЯ, 1971, № 1).

эту вербализацию теми, кто ею пользуется. Последнее же обстоятельство указывает на самостоятельную значимость стилистического отбора в коммуникативно-языковом аспекте, что и заставляет нас выделить на фоне общих узуальных понятий специально узус стилистический. Это понятие имеет прямой выход в область тех социолингвистических градаций, которые приводят в движение весь сложный стилистический механизм языкового общения, и потому может быть значимым только по отношению к конкретному языковому состоянию данной эпохи.

7. Что значит описать стилистический узус данного языка данной эпохи? Прежде всего это значит определить, какие именно свойства языкового употребления следует признать типическими для коммуникативно-стилевых общественных ситуаций речи в данном обществе. Основой определения служит функциональное варьирование употребления стилистически окрашенных элементов языка, поддерживаемое внутрисистемной стилевой дифференциацией. В нем проявляется отношение общества к языку как всемогущему (в буквальном смысле слова) средству коммуникации, главная особенность которого — многообразие выразительных потенций стилистически отмеченной единицы. Благодаря такому отношению первое и обобщающее свойство стилистического узуса складывается из многомерного использования одних и тех же языковых реалий, способных выполнять целый комплекс экспрессивных стилистических заданий согласно условиям речи. Поэтому основная наша цель — выделить и описать некоторые универсальные для современного узуса явления, которые функционируют в языковой действительности, складываясь на основе взаимодействия стилевых единиц разного порядка, варьируясь в зависимости от частных языковых и внеязыковых условий и формируя вместе с тем общий образ действия известных стилевых закономерностей. Анализ показывает, что само количество таких явлений сравнительно невелико: многообразно лишь взаимодействие составляющих их элементов. Следовательно, названные закономерности выявятся именно в типах этого взаимодействия, изучить которые затруднительно без уяснения природы единиц и понятий, в каких можно описать элементы стилевых явлений, и, значит, без договоренности об удовлетворительной и адекватной терминологии, обслуживающей стилистический узус. Обоснование этой терминологии впереди. Но без нее самой трудно обойтись при иллюстрации названных положений уже сейчас. Стремясь увидеть, как «работает» стилистическое явление в общеязыковой практике, мы неизбежно столкнемся с кардинальным вопросом: существуют ли в этой практике такие стилистические средства, которые образовывали бы один стилистический прием, обслуживали бы только одну коммуникативную сферу, только одно выразительное задание и, соответственно, создавали бы только один стилистический эффект?

Уже самые первоначальные наблюдения показывают, что таких единиц нет, а есть другая закономерность: одно языковое стилистическое средство выходит в начальную позицию для образования ряда однотипных приемов, могущих быть осуществленными благодаря стилистическому значению упомянутых средств. Эти приемы, в свою очередь, соответствуют разным стилистическим заданиям (эффектам). И обратная закономерность: разные стилистические средства участвуют в образовании одного приема, выполняют одно (или сходное) задание и т. д. Сравним, например, современную узуальную роль такого стилистического средства, как канцеляризмы. Они употребляются сейчас главным образом с двумя выразительными заданиями:

1) «Прямое» — т. е. прямая эксплуатация их стилистических значений, обобщенно выражающихся в таких понятиях, как логическое уточнение; терминологическое ограничение знания, придающее характеристике предмета или действия категоричность, недвусмысленность и общественный масштаб (официальность); экономия средств выражения, осуществляющаяся, однако, не количественным признаком, а жесткой регламентацией способов обозначения соответствующих реалий, что способствует широкому употреблению клише, шаблонов и т. п. Стилистический прием в этом случае образуется по закону стилистического согласования: канцеляризм выступает в окружении ему подобных элементов с нейтральным фоном как основой высказывания. Сферы действия — деловая речь (первичная), научная и публицистическая речь (вторичные). Каждая из этих сфер, естественно, имеет свои закономерности употребления канцеляризмов: варианты стилистических заданий, приемов, особенности репертуарного набора, частотность и пр.

2) «Инвертированное» выразительное задание с двумя вариантами: собственно экспрессивным и характерологическим. Стилистическое значение канцеляризма эксплуатируется «от противного». В этом случае стилистические приемы — мост от стилистического значения к заданию — основаны на законе стилевого контраста. Благодаря ему реализуется главным образом прием иронии. Варианты его качественного и количественного выражения колеблются в зависимости: а) от сферы действия (сфера действия любая, кроме первичной); б) от типа стилистического отбора (спонтанного или подготовленного); в) от позиции участника речевого акта (отправитель или получатель). Амплитуда колебания — от нуля к предельному и всестороннему наполнению. Ср. непреднамеренное употребление канцеляризмов в бытовой разговорной речи и, допустим, всю шкалу иронической экспрессии от шутки до сарказма в публицистике. С точки зрения третьей зависимости (п. «в») качественные и количественные варианты приема могут сопровождаться вариантами на линии «задание — эффект»: совпадение или несовпадение экспрессивных намерений отправителя и получателя; эффект «обманутого ожидания», часто

использующийся для характерологических целей в художественной литературе. Вот только один пример[41]:

Кока сел составлять рапорт. «Наблюдение за подследственным велось с 18 до 23 часов 14 декабря»,— писал он, стараясь не выбиваться из казенного стиля.—«...после сеанса С. Спица посетил находящийся рядом «Гастроном», а оттуда вернулся к себе домой. За все время С. Спица один раз звонил, но, по-видимому, ни с кем не встретился». Прочтя рапорт, Чугунов оскорбился. — Ты бы, Светаев, еще в стихах. Чему вас только в институте учили? *Посетил, по-видимому, находящийся рядом.* Ничего понять нельзя (разрядка моя.— *Т. В.*). Пиши. Значит так: «Рапорт. *Личным сыском, произведенным декабря четырнадцатого дня* тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года *нами, старшим следователем капитаном милиции* Чугуновым и *следователем, лейтенантом милиции Светаевым,* обнаружено...» Две точки поставь... «обнаружено: *объект* Спица, выйдя из адреса дом тринадцать по Волочаевской улице, где расположена автобаза номер три, *последовал* по Волочаевской улице *в направлении* площади имени Прямикова, где *прибыл в адрес*: ...при котором помещался павильон «Пиво-воды». *В указанном адресе объект пребывал с восемнадцати до двадцати десяти, распивая спиртные напитки* вместе с гражданами, *личность которых по делу не проходит и не установлена. Выйдя* в нетрезвом состоянии *из адреса «Пиво-воды», объект* пересек площадь и по Большой Андроньевской улице, а затем по Абельмановской дошел до кинотеатра «Победа», который расположен *по вышеуказанной улице* в доме номер восемь, где смотрел на сеансе двадцать часов тридцать минут кинофильм «Адские водители». Из адреса кинотеатра по окончании сеанса *объект выбыл* в расположенный в доме номер шесть по той же улице магазин «Гастроном № 16», где *закупил продукты питания в незначительном количестве.* Затем...» — Дюма,— сказал Кока, дописав.— Мне бы такого в жизни не придумать, честное слово (О. Лаврова, А. Лавров, Отдельное требование).

Мы видим, таким образом, что константами для обоих заданий являются стилистические средство и значение (иначе не могла бы состояться оппозиция — прямое употребление и инверсия). Остальные элементы, участвующие в образовании стилевого явления,— величины переменные. В другом случае постоянными величинами окажутся стилистические прием и значение, а стилистическое средство станет величиной переменной. Но стилистическое значение всегда остается неизменным и выполняет генеративную роль. Это центральная ось, вращаясь вокруг которой остальные элементы стилевого комплекса вступают во взаимодействие. А разные варианты последнего образуют узуально закрепленные способы употребления явлений стиля.

---

[41] Соответственное моделирование обоих узуальных заданий художественным текстом достаточно отражается в этом примере.

8. Второе свойство стилистического узуса касается поля действия названных закономерностей. Объектом нашего исследования теоретически должен был бы явиться стилистический узус современного литературного русского языка. Именно литературный язык в его полифункциональности обнаруживает склонность к подсистемной (как функциональной, так и эмотивной) стилистической дифференциации. Но с практической точки зрения, т. е. с точки зрения современного стилистического употребления, само понятие «литературный» колеблется, его нормативные границы подвергаются разрушительному влиянию окололитературных и нелитературных пластов национального языка. В качестве стилистически значимых языковых единиц в современном употреблении наравне с литературными элементами выступают элементы просторечия, социально-профессиональных диалектов и жаргонов[42], не говоря уж о так называемой «обиходной речи», смежной с литературной разговорной речью (термин С. И. Ожегова). Эти две области находятся сейчас в состоянии активного взаимопроникновения.

Современное языковое состояние в нашем обществе таково, что пересечение, скрещивание разных стилевых пластов в пределах не только связных текстов, отражающих закономерности определенного типа речи, но и в рамках отдельного высказывания, стало стилистической нормой — образцом, к которому речевой акт стремится в целях наибольшей выразительности общения. Вот, например, фраза из современной газетной статьи: *Если говорить по большому счету, если мыслить глобально и не мелочиться, я бы разделил человечество — да простят мне такую вольность — на две части: на лиц, материально ответственных, и граждан, материально ни за что не отвечающих* (Неделя, 27. X 77). В этой фразе мирно уживаются и одинаково успешно выполняют экспрессивное задание: новая литературная образность, просторечная обиходность, образное клише, деловое клише, «высокий» синтаксис. Поэтому и общее представление о «современности» в языке основано на самых разных чертах. Ср., например, данную в одной литературно-критической статье характеристику языка двух писателей: Современным можно признать язык В. Алексеева — *легок, открыт, ясен, динамичен, ироничен, непринужденно изыскан в обращении с научными терминами и новыми словами*... Но не менее современным мне представляется и язык молодого архангельского писателя В. Личутина — *сочный, густой, вязкий, насыщенный диалектизмами*... (Лит. газ., 1974, № 20).

Сейчас писатель, стремясь к наибольшей выразительности, даже опускает нейтрально-литературное звено синонимического ряда, соединяя, например, еще только входящее в узус заимствова-

[42] См.: *Филин Ф. П.* О структуре современного русского литературного языка.— ВЯ, 1973, № 2, с. 7; следует обратить особое внимание на мнение автора о двух типах просторечия, один из которых представляет собой стилистическое средство литературного языка.

ние с просторечным архаизмом: Мы с тетей Евгешей сидели в холле [*горница то ж*] и чаевничали (А. Крон, Бессонница). Речь современной интеллигенции, как мы знаем, широко использует в экспрессивных целях далеко не единичные элементы всех сниженных пластов на правах собственных, а не «цитатных». Из области речевой моды это явление давно уже перешло в область устойчивой языковой привычки, которой в одинаковой степени оказывается подверженным, не говоря уж о молодом, и среднее и старшее поколение, активно участвующее в общественной жизни страны [43]. Наоборот, процесс резкого сокращения числа носителей чистого просторечия как социального диалекта и носителей «чистых» территориальных диалектов говорит о том, что в этих сферах функционирования национального языка также господствует «чересполосица». В соединении элементов литературного и нелитературного языка на этой почве первые (в обратном порядке) могут играть роль средств, рассчитанных на специальное стилистическое задание.

Таким образом, с узуально-стилистической точки зрения нет, очевидно, оснований ограничиваться только теми выразительными средствами, которые для современного языкового употребления являются литературно-нормативными. Это исказило бы картину реальных коллективных привычек в данной области [44]. Напротив, исследование современного стилистического узуса неизбежно покажет нарушение прежних границ литературности и нелитературности и, следовательно, даст возможность по-новому определить природу экспрессивных ресурсов языкового выражения в их функциональной принадлежности. Принципиально важно отдавать себе отчет в том, какие именно выразительные ресурсы языка привлекаются как стилистически окрашенные средства из нелитературных сфер к употреблению, основным ядром которого служит все-таки литературно-нормированный язык, и каким образом они используются. Факты показывают, что в сферу действительно общих, коллективных языковых навыков вводится практически неограниченное число (составляющее, как сейчас принято говорить, открытый ряд) погранично-литературных элементов. Однако существу-

---

[43] В 1975 г. мы провели следующий эксперимент: были опрошены 72 человека (нефилологи, имеющие высшее образование) среднего и пожилого возраста на предмет отношения к слову *вкалывать* (в значении 'усиленно работать'). 50 человек признались в его регулярном употреблении, 20 человек употребляют его редко, но употребляют. Один человек сказал, что он как будто бы его никогда не употребляет, но ничего не имеет против его употребления (врач, женщина, около 60 лет) и один человек (художник, 55 лет) отнесся к этому слову резко отрицательно, однако заметив при этом, что ему, тем не менее, случалось, кажется, «под тлетворным влиянием дочери» его употреблять.

[44] Для высокой оценки выразительных средств нелитературного слоя очень показателен разговор, имевший место между двумя филологами: Я хотела на вас проверить одно сочетание, да забыла какое, литературное или нет.— Наверное, нелитературное. Иначе бы не забыли!

ют типизированные приемы их применения, позволяющие все же иногда устанавливать «границы дозволенного».

Характерен сам путь проникновения нелитературных языковых элементов в сферу стилистического узуса, который следует признать не прямым, а опосредованным. Отметим, например, явное предпочтение говорящим коллективом тех явлений, которые уже имеют хоть сколько-нибудь длительную традицию употребления (даже в узких рамках какой-либо функциональной подсистемы), к которым «притерпелось ухо», т. е. которыми пассивно владеет более широкий круг носителей, чем непосредственные потребители выразительных средств той или иной нелитературной языковой сферы[45]. Так, например, «крайние» средства молодежного жаргона (школьно-студенческие или те их варианты, которые смешиваются с сугубо специфическими средствами профессиональных диалектов, например спортивных, музыкантских и пр.) получают в общеколлективном стилистическом узусе (а не в коллективно-групповых привычках) минимальное отражение. Этому способствует, в числе прочих причин, исключительная подвижность названных сфер общения, которые, стремясь к предельной экспрессии, постоянно обновляют свой языковой репертуар, из-за чего догнать их коллективный стилистический узус не может. В него поэтому обычно попадают (и довольно длительный период в нем активно действуют) средства, которые уже «безнадежно устарели» для самого источника[46]. А «самоновейшие» для настоящего момента средства этих периферийных речевых сфер естественно остаются за пределами общего экспрессивного использования[47].

---

[45] Ср. широкую употребительность таких обиходно-просторечных слов: *таксер, технарь, левак — левачить, чокнутый, в тихаря, киношник, калымить, отфутболить*; или профессионально-обиходных: *кибер, капиталка, золото* (о золотых медалях — спортивное), *защищаться* (о защите диплома, диссертации), *запаска, вахтерка, главреж, диссертабельный* и пр. См.: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. Под ред. Н. З. Котеловой. Л., 1971.

[46] Такова, например, судьба многих оценочных слов. Ср. короткую жизнь определений *мировой, железный, фиговый* как жаргонных и их длительную употребительность в качестве общепросторечных. То же происходит с выражениями по модели *в темпе, по идее, по-быстрому, в смысле* (у тебя нет чего-нибудь такого... *в смысле* вкусненького?; Он *по идее* должен скоро вернуться; В понедельник, после планерки, к нему зашли члены бюро и секретари комитетов — шесть человек — и предложили *«по-быстрому»* организовать комсомольскую учебу (из газет); с множеством экспрессивных глаголов типа *рубать / рубануть* (последний употребляется в двух значениях: ‘работать’ и ‘есть’ — Я две котлеты *рубанул* и не наелся) и пр. и пр. См.: *Скворцов Л. И.* Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии.— В кн.: Литературная норма и просторечие. М., 1977.

[47] Ср., например, ставшую чрезвычайно модной в самое последнее время адаптацию к грамматическим особенностям русского языка иностранной (преимущественно английской) лексики, или «полуперевод» чужих идиом — *словить кайф* (получить удовольствие), *траузера́ на зиппера́х* (брюки на молнии) и пр.

9. Третье свойство стилистического узуса касается времени действия обнаруживающихся в нем закономерностей. По всей вероятности, основное условие действия стилистического узуса — строгий синхронный срез. Вариативность же внутри этого среза свидетельствует о стилевой чувствительности к самым незначительным ретроспективам и перспективам, особенно если признак времени соединяется с признаком существенных изменений в социальном устройстве коллектива, пользующегося данным языком. Так, например, для изучения того, что в полном смысле слова можно назвать современным стилистическим узусом, объектом исследования, конечно, должен являться русский язык, функционирующий в советском обществе. Это общее положение, позволяющее принять полувековой отрезок, т. е. микроисторический с точки зрения процесса развития русского языка в целом, за синхронный срез, естественно, нуждается в уточнениях. Отношения разных стилевых явлений со временем неодинаковы. Некоторые из них летучи, и период их действия может измеряться (если иметь в виду активное употребление) периодом меньшим, чем, допустим, десятилетие. Это главным образом случается со стилистически окрашенными оценочными значениями, образующимися по сугубо внешним по отношению к самому языку причинам. Ср., например, приобретение словами *излишества, бесконфликтный* резко отрицательной общественно значимой оценки, которая стирается так же быстро, как и возникает. Притом, как мы увидим дальше, сам факт короткой жизни такого значения (или другого стилистического значения со сходной судьбой) становится основой для образования особого стилистического приема — актуализации уходящей экспрессии с целью ее «остранения». Приведем хотя бы два примера: — Почему-то ваши товарищи особое пристрастие питают к сооружениям древним. Подай им двенадцатый век, и только. А разве в 18-м, в 19-м ничего идеального создано не было? Сплошные *излишества? — Излишества тоже не всегда плохи.* Правда *тогда они не называются излишествами. И украшательством не называются. — Злободневная терминология!* (А. Яшин, Короткое дыхание); Желая похвалить его на современный манер, М. Теплинский (современный автор книги об «Отечественных записках».— *Т. В.*) говорит, что Скабичевский выступал «против *натуралистической приземленности*, за *яркие героические характеры* в литературе», «против *натуралистического бытописательства и мелкотемья*». Едва заметный «пережим», осовременивание фразеологии делают Скабичевского как бы участником нынешних литературных споров, и так и ждешь увидеть двумя строками ниже слова «*очернительство*» и «*лакировка*» (В. Лакшин, Пути журнальные.— Новый мир, 1967, № 8).

Другие факты языка сохраняют стилистическое значение не только на протяжении данного периода в целом, но и сходным образом функционируют в предшествующие эпохи развития языка. Выявление общих закономерностей соотношения между типом

стилистического значения и длительностью его неизменяющегося употребления пока еще дело будущего. Но некоторые из них очевидны уже сейчас. Так, чисто эмоциональная принадлежность стилевого явления, прямо не обусловленная функционально-ситуативной ограниченностью и не связанная с оценочной семантикой (например, «гиперболизация» — количества признака, динамики действия и пр.: я *безумно* хочу есть; удалось *вырваться* в театр), наиболее исторически устойчива. Она в большей степени связана с проявлением психологического отношения к способу номинации, чем принадлежность функционально-стилистическая[48], которая зависит от социально-дифференцированных способов применения языка обществом. Поэтому соотношение этих двух подвидов стилистического значения исторически изменчиво само по себе. Ср., например, употребление русским дворянством, наряду с французским языком просторечных (с точки зрения сегодняшнего времени) элементов народного русского языка, что было, так сказать, узуально-нормированным явлением эпохи для определенного социально-группового принципа употребления языка. В дворянской речи это соединение не было контрастным функционально-стилевым приемом и, следовательно, не давало повода к его эмоциональному, оценочному восприятию до тех пор, пока не изменилось соотношение литературно-разговорной речи и просторечия («смесь французского с нижегородским!»). Ср. и современное «зубоскальство» типа: *Гудбай, Фроська, Адью — покедова.*

10. Названные свойства стилистического узуса безусловно взаимосвязаны и поэтому одинаковым образом влияют на принципы отбора анализируемых фактов языка и текстов, откуда эти факты извлекаются. Когда предметом исследования является само языковое функционирование, то целенаправленность отбора определенной его сферы очевидна. Когда же в языковом функционировании мы стремимся обнаружить категории узуального характера, то обязаны принять за источник такие сферы, в которых было бы максимально отражено не разделяющее, а, наоборот, объединяющее начало. Это значит, что предпочтение следует отдать той языково-коммуникативной области, которая более других способна аккумулировать разнородные типы стилевого использования языка, т. е. так или иначе приспосабливать к выразительным нуждам «свои» и «чужие» средства стиля (а они всегда являются следствием «подсистемной» специфики). Таким образом, процесс отбора нашего материала — это центростремительное, а не центробежное движение, которое обходит наиболее специальные и обособленные виды речевого общения. Так, например, в научной речи узкопрофессиональные тексты лучше использовать только для отдельных иллюстраций и спорадически, а опираться на научно-популярную литературу. В публицистической

[48] Т. е. принадлежность к «внешней структуре языка», по Г. В. Степанову. См.: *Степанов Г. В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи.

речи для нас показательнее совокупность текстов, именуемая «газетной публицистикой» [49], нежели, допустим, ораторская речь [50]. Деловая речь, достаточно самостоятельная и обособленная в целом, также имеет тексты, особенно непригодные для объявленных нами целей (например, дипломатическая нота).

В художественной речи центр тяжести, естественно, падает не на стихотворные, а на прозаические тексты. Однако нужно оговорить и дополнительные условия, на которых эта последняя может быть использована как узуально-стилистический источник. При том, что настоящая работа построена в большей своей части на фактах письменной речи (хотя процент записей устной речи не так уж мал) и что данные опроса и эксперимента используются в ней лишь в отдельных случаях, эта оговорка имеет здесь принципиальное значение [51].

С одной стороны, язык художественной литературы вполне годится для узуально-стилистического анализа и в известном отношении особенно удобен, так как концентрирует стилистически окрашенные средства языка и типизирует их, а употребление, к тому же, как правило, не содержит нежелательных функционально-стилистических крайностей. С другой стороны, анализируя с лингво-стилистической точки зрения употребление слова в художественном тексте, постоянно нужно помнить о том, что оно есть продукт так называемого «вторичного моделирования» (термин Ю. М. Лотмана) действительности и потому имеет двойную причинность: коммуникативную и эстетическую. Но и этим не исчерпывается сложность подхода к художественной литературе как к источнику для изучения стилистического узуса. Теперь уже большинству исследователей совершенно ясно, что границы, разделяющие художественную и нехудожественную речь, не могут пролегать между наличием или отсутствием элементов поэтического языка, т. е. языка в эстетической функции [52], и что последние, таким обра-

---

[49] Ср. взгляд В. Г. Костомарова на газету как на «систему речевых ситуаций — специфичную сферу и форму общения» (*Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. Введение. М., 1971).

[50] Ср. замечание А. К. Панфилова о «чистоте» публицистического стиля в некоторых жанрах — лозунг, передовая статья и пр. (см.: *Панфилов А. К.* История становления публицистического стиля в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дис. М., 1974).

[51] Право на преимущественное использование письменной речи диктуется реальным преобладанием в ней зафиксированных (и уже по одной этой причине могущих осознаваться как коллективно принятые) особенностей стилистического употребления языка. А это отражает объективный перевес роли письменной (точнее, письменно-литературной) речи в общих языковых оценках, привычках и т. п., т. е. в формировании такой категории, как о т н о ш е н и е к я з ы к у, имеющей для стилистики основополагающее значение. По всей вероятности, метод эксперимента, который иногда квалифицируется как основной для стилистики (Р. Г. Пиотровский), более целесообразен при определении стилистического «места» того или иного явления языка в системе.

[52] «Эта (эстетическая.— *Т. В.*) функция языка проявляется не только в художественных произведениях. Всякий раз, когда наше внимание обращено

зом, принципиально «повсеместны». Более того, именно они несут основной груз двойной коммуникативно-эстетической функции в художественном тексте, во-первых, и одновременно являются фактами общеязыкового стилистического узуса, во-вторых. А это заставляет нас, в свою очередь, ко всяким проявлениям «языковой игры» (т. е. особого внимания к выбору означающего) [53] относиться как к узуальным, что еще более сближает в нашем представлении художественную и нехудожественную языковые сферы [54].

Сравнение художественного и нехудожественного использования стилистически значимых средств языка наводит на мысль о существовании более дробных различий в типах языкового отбора (и, соответственно, в его результатах), чем главная оппозиция «спонтанность/неспонтанность». Прежде всего следует отделить подготовленность во времени от эстетически направленной обдуманности речевого акта, если под последней понимать применение языка как материала для данного рода искусства (наряду, например, с движением для танца, звуком для музыки и пр.). Первая, точно так же, как спонтанный автоматизм, может привести к эстетическому эффекту без намеренной эстетической цели, или служить намеренной, но не специально-эстетической цели. С одной стороны, это отличие одномерного нехудожественного от многомерного художественного текста (имеющего вторичное моделирующее задание). С другой стороны, оно выступает как единственное, а значит, с точки зрения лингвиста, не первостепенное, так как оно не содержит собственно языковых признаков. Учесть это различие можно лишь на основании филологического комментария к тексту, в то время как сам текст говорит об обратном — о типологической близости в употреблении стилистически значимых элементов языка художественным и нехудожественным высказыванием, т. е. в том, как стилистические средства через посредство стилистических приемов подаются в речевой акт. Вторичность же художественной модели начинает отсчитываться с задания, а оно относится не к тексту, а к его комментарию. Вот, кстати, почему для стилиста особый интерес

на форму высказывания, на то, как выражена мысль, мы вступаем в сферу действия именно этой функции» (*Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях, с. 35). Поэтический язык — это «язык с установкой на творчество в самых различных сферах коммуникации» (*Григорьев В. П.* Поэтика слова. Автореф. докт. дис. М., 1978, с. 4).

[53] Понятие «языковая игра» нам представляется частью понятия «речевое поведение» (ср. излишнее обособление этого понятия в кн.: Русская разговорная речь. М., 1973, с. 411). Существует и терминология, в которой между этими понятиями ставится знак равенства.

[54] Дальнейший этап такого сближения — внутренние различия поэтических качеств художественно-прозаического и художественно-стихотворного слова, благодаря которым роман, повесть, рассказ могут быть использованы наряду с «околохудожественными» жанрами публицистики (например, фельетон, очерк, памфлет и пр.). Ср. взгляд М. М. Бахтина на «романное слово» (*Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 82—88 и след.).

представляют высказывания, содержащие эксплицитную оценку способа выражения его отправителем, который выступает в этом случае как помощник исследователя. Если мы полностью отдаем себе отчет в характере и степени обдуманности, целенаправленности эстетического словесного отбора, а его специфику можем использовать как раз для доказательства (позитивного или негативного) общеупотребительности результата такого отбора, то отношение к художественной речи как к достоверному источнику для извлечения определенных закономерностей в оценке выразительных возможностей своего языка данным говорящим коллективом должно быть в высшей степени положительным [55]. Оно вполне отвечает задачам предлагаемого исследования, состоящим в поисках общего (и в смысле коллективности применения, и в смысле межфункциональной роли) выразительного фонда языкового употребления, помогающего осознать категории стилистического узуса наряду (коль скоро речь идет именно об употреблении) с давно осознанными узуальными категориями лексики и грамматики современного русского языка.

[55] Такое отношение не исключает, конечно, а наоборот, подчеркивает необходимость точного (хотя не обязательно эксплицитного) экстралингвистического комментария для большинства литературно-художественных стилевых употреблений, в котором учитывался бы специфический вариант стилистического задания и стилистического эффекта.

Глава I

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО УЗУСА

Единицы языковых уровней и закономерности стилевого употребления

Характеристика объекта нашего исследования — современного русского стилистического узуса — составляется на основе: а) социальных признаков коллективного языкового употребления и б) признаков функционального варьирования в этом употреблении стилевых комплексов, поддерживающегося внутриязыковой традицией. Узуально-стилистическая жизнь языка проходит в регулярном столкновении первых (ситуативно-речевых) и вторых (системно-языковых). Формы его обнаружения отвечают конкретным чертам коллективного употребления языка на каком-либо этапе его развития.

При объективном взгляде на предмет языковые данные, благодаря которым определяются особенности того или иного синхронного среза в стилистическом узусе, преимущественно поставляются словоупотреблением. Это отнюдь не свидетельствует о том, что наши наблюдения ограничиваются лексикой (или лексикой и фразеологией) и тем более о том, что мы хотели бы считать такое ограничение правомерным. Одним из непременных условий стилистического анализа является принципиально безразличное отношение к тому, средствами каких языковых уровней создается комплекс взаимодействия стилевых единиц, обеспечивающий реализацию выразительных потенций языка[1]. Но то, что именно в области словоупотребления, или с его обязательной помощью, легче всего прослеживаются узуальные стилевые закономерности определенного периода в развитии языка, вполне объяснимо со следующих точек зрения.

Во-первых, когда ставится задача изучить стилевое состояние языка определенного исторического периода (а мы только что убедились, что ставить ее по-иному применительно к содержанию данной работы нецелесообразно), то под ней, конечно, подразумевается необходимость отражения связи первого и второго (т. е. языка и периода). Главный упор в их связи, естественно, делается на инновации, имеющие экстралингвистическую обусловленность. Они наиболее прямолинейно выявляются в словоупотреблении, и, значит, непосредственнее всего касаются самой

[1] Что, естественно, не исключает возможностей существования и изучения специфики стилистических средств, принадлежащих фактам разных языковых уровней.

лексики. Несмотря на то, что идея большей (более активной) ее исторической изменяемости, по сравнению с грамматическим строем, в последнее время не раз подвергалась сомнению, с точки зрения стилистически окрашенных слов это свойство трудно оспорить. Будучи в значительной степени конситуативно обусловленным, их употребление непосредственно зависит от личности автора высказывания [2] и, следовательно, от его отношения к этим словам как к наилучшему средству выражения мысли, полученному в результате стилистического отбора — конечной стадии отбора языкового.

Исследователи сравнивают «отношение к знаку» с понятием предикации: «Смысловое содержание стилистически окрашенного лексико-семантического варианта слова обладает своего рода „внутренней предикацией", выражающей узуально-закрепляемые отношения языкового коллектива к соотнесенному со словом классу предметов, когда узуально-закрепленная эмоциональная или интеллектуальная оценка предмета становится неотъемлемой, а иногда и ведущей составляющей смыслового содержания слова как дискретной языковой системы» [3].

В то же время вряд ли можно отрицать, что фактор оценки языка его носителем входит в число особенно чувствительных к изменению экстралингвистических обстоятельств языкового общения. В лексике же находит выражение наибольшее количество разнообразных и детализирующих стилистических коннотаций эмоционального и функционального происхождения.

Во-вторых, когда рассматривается сам процесс формирования закономерностей стилистически значимого языкового употребления, становится очевидной его связь с закономерностями процесса номинации явлений стиля. Связь, например, лексического значения с употреблением, позволяющая считать, что оно вырастает из «совокупности различных близких применений» [4] слова, не может осуществляться без прямого участия стилистического значения. Если «способы выражения лексического значения в слове создаются длительной речевой практикой людей и становятся элементами языковой системы» [5], то стилистическое значение вполне может остановиться на интерсубъективном поле узуса какой-то определенной исторической эпохи в развитии языка, будучи обобщенным выражением отношения к этой лексике (и значит, к любым другим языковым элементам) людей, ее употребляющих. Т. е. стилистическая номинация, являясь «непрямой узуальной номинацией» (по терминологии Э. Азнауровой в книге «Языковая номинация»), во многом обязана своим происхождением

---

[2] См. о связи построения высказывания с внеязыковой ситуацией: *Гак В. Г.* К проблеме соотношения языка и действительности.— ВЯ, 1972, № 5.

[3] См. в кн.: Языковая номинация. М., 1977, с. 55.

[4] Там же, с. 44.

[5] См. в кн.: Русский язык и советское общество, ч. 1. Лексика. М., 1968, с. 51.

внеязыковому, оценочному фактору, а следовательно, менее устойчива во времени, подвержена субъективным переоценкам, не безусловно коллективна даже на линии одного синхронного среза [6].

В-третьих, когда изучается образование стилистических средств и основанных на них стилистических приемов, существенная роль именно с л о в е с н о г о отбора прослеживается на примерах моделей, которые строятся при участии единиц любого языкового уровня. Так, например, в словообразовательных средствах стиля мы видим лексикализацию уменьшительно-ласкательных образований, снимающую экспрессивно-эмоциональные элементы стилистического значения и переводящую его в план экспрессивно-функциональный — «положи вот сюда, на *столик*», «дайте, пожалуйста, *карандашик*», «*кофточка* какая замечательная!» и пр.; на смену «ласкательности» здесь приходит разговорно-ситуативное клише «вежливости», «неофициальности» и т. д. Такая лексикализация — удел определенного класса нейтральных слов с конкретной семантикой. Особенно характерно вмешательство лексики, или, вернее, соединение лексики и словообразования в рождении тех стилистических средств, экспрессия которых связана с какими-либо явлениями окказиональности на фоне узуса. Например, потенциальные слова типа *обынтеллигентить(ся)* (Он ее очень *обынтеллигентил* — из устной речи); *обуржуить(ся)* (Говорят, вы совсем *обуржуились?* — из устной речи) имеют добавочные признаки в структуре стилистического значения по сравнению с узуальными словами, например *обабиться, очеловечить(ся)*. Уравнять эти признаки можно лишь при помощи специального приема, каким, например, является своего рода контекстное раскодирование: Я не затем два года *очеловечивал* этих ребят, чтобы их теперь *расчеловечили* (Василь Быков, Обелиск) [7]. Значит, если узус охватывает словообразовательной моделью лишь часть лексем одной тематической, лексико-семантической и т. п. группы, то окказиональное расширение этих возможностей есть один из творческих способов увеличения экспрессии высказывания. Ср. из того же ряда более употребительные *офранцузиться, онемечиться*, и менее употребительные, допустим, *онорвежиться, обыспаниться* и т. п. Экспрессивную силу этого ряда подчеркивает частая употребительность окказиональных образований от собственных имен: Он *олукъянился* (стал похож на семью Лукъяновых,— Ю. Трифонов, Обмен); До того *обальбертился*, что счетчик каждый день проверяет (стал таким же мелочным, как Альберт,— из устной речи) [8].

[6] См.: *Ахманова О. С.* Стилистика языка и стилистика речи.— В кн.: Проблемы лингвистической стилистики. Тезисы докладов. М., 1969.

[7] Ср. существительное *обесчеловечение*, приводимое словарем «Новые слова и значения», с. 322.

[8] То же в сходном ряду: я удивляюсь, что это вы до сих пор не *омашинились*? (из устной речи) (ср.: «Чтоб ножки не промокли, их надо *окалошить*» у Игоря Северянина) и, например, *отоварить(ся)*.

То же самое можно сказать, например, о морфологических средствах, выступающих смыслоразличителями стилистического значения. Если перед нами вариант падежной флексии (*в лесе*/*в лесу*, *сахара*/*сахару* и пр.), то стилистический эффект тем сильнее, чем дальше отстоит стилевая принадлежность данного слова от его словоформы (разговорная флексия—книжная лексема: У меня *опыту* тогда было еще маловато). Это расстояние увеличивается из-за принадлежности, скажем, слова к исконно русскому или заимствованному пласту лексики; из-за того, является ли это слово вкраплением, цитатой для современного русского узуса, или оно уже полностью ассимилировалось. Ср.: Когда я впервые оказался на *аппельплацу* перед гигантским темно-серым прямоугольником, меня охватили грустные мысли (Г. Городник, Восточные университеты. —Новый мир, 1977, № 7). Пишет человек, который работал переводчиком в лагерях немецких военнопленных в конце войны. Соединение сниженной флексии со словом иного узуса успешно отвечает экспрессивному заданию — приближения «чуждого» нам понятия.

Безусловно, и принадлежащие синтаксису средства стиля, если смотреть на них со стороны употребления, не могут изучаться без учета экспрессивной роли лексических единиц, которыми наполняется и «исполняется» синтаксическая конструкция. П. Гиро писал, что синтаксис (структура фразы) — душа стиля, а лексика — его плоть. Это мнение цитируют тогда, когда нужно подчеркнуть «первостепенную важность стилистических значений синтаксических конструкций» в организации стиля[9]. Но с точки зрения узуального стилевого употребления «душа» и «плоть» нерасторжимы и именно в этом своем качестве способны отвечать нуждам стилистически отмеченного речевого акта, т. е. выполнять стилистическое задание и вызывать соответствующий стилистический эффект.

Вот, например, регулярное стилистическое средство синтаксиса: повтор, характерный для эмоционально окрашенных структур, и один из основанных на нем стилистических приемов — синтаксический параллелизм. Единство лексики и синтаксиса в организации этого приема очевидно, а самостоятельная роль лексики

[9] См.: *Долинин К. А.* Стилистика французского языка. Л., 1978, с. 48.— Подчеркивая эту мысль, К. А. Долинин, однако, говорит о большем разнообразии стилистических значений в лексике, чем в других уровнях языка и, что особенно показательно, иллюстрирует основные положения, касающиеся стилистического значения, примерами его лексических типов, так как стилистическое значение у единиц других языковых уровней он считает слабо расчлененным семантически (см., например, об эмоциональном синтаксисе с. 106). Характерно, что даже наиболее явно окрашенные с экспрессивно-стилистической точки зрения синтаксические структуры, например инвертированный порядок слов в предложении, не несут каких-либо примет времени (если рассматривать их вне лексического наполнения) и принадлежат в этом качестве лишь системному средству языкового выражения (см.: *Ковтунова И. И.* Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976, гл. V—VI).

опять-таки заключается в обострении экспрессии, увеличении признаков стилистического значения. Ср.: *Говорят, человек перед смертью вспоминает* всю свою жизнь. *Может быть, и так, но он вспоминал перед смертью* только войну! *Говорят, человек перед смертью думает* сразу о многом. *Может быть, и так, но он перед смертью думал* только об одном — войне (К. Симонов, Живые и мертвые); *Я тебе сказала* — сиди спокойно — *ты* вся, как змея, извиваешься; *я тебе сказала* — руками в тарелку не лезь — *ты* аж по локти засунула... (из устной речи); *Перечитайте* хотя бы «Казнь Стеньки Разина», *вглядитесь* в жадное лицо толпы, *прислушайтесь* к голосам вокруг... (Е. Сидоров, Заметки о поэзии Евтушенко).

В первых двух случаях синтаксический параллелизм подчеркивается ритмическим, а этот последний осуществляется за счет акцентологических признаков конкретных слов и за счет собственно лексического повтора. В третьем примере повтор не выходит за пределы грамматических признаков, и это, несомненно, редуцирует эффект параллельной, симметричной организованности, интонационно-ритмической гармоничности высказывания [10].

Единство лексики и синтаксиса существенно и для определения функциональных свойств синтаксических явлений стиля. Имея при этом дело в основном с синтаксической синонимией, на основе которой происходит коммуникативно целесообразный отбор нужного функционально-стилистического варианта из близких по смыслу конструкций, исследователь неизбежно касается проблемы критерия лексико-семантической тождественности и лексико-грамматической вариативности однокоренных слов, рассматривает синтаксическую форму слова [11], т. е. изучает словоупотребление в той мере, в какой оно сопутствует формированию синонимических рядов синтаксиса. Поэтому, например, вопрос «глагол или имя» [12] с точки зрения стилистического употребления языка решается

---

[10] Е. А. Иванчикова, говоря об изобразительных возможностях синтаксических средств в художественном тексте, определяет их как «такие синтаксические формы, которые — одни или в сочетании с другими языковыми средствами (разрядка моя.— *Т. В.*)... способствуют созданию определенного художественно образного впечатления».— В кн.: Русский язык: проблемы художественной речи; лексикология и лексикография. М. (в печати).

[11] См.: *Золотова Г. А.* Синтаксическая синонимия и культура речи.— В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970, с. 180; *Ковтунова И. И.* О синтаксической синонимии.— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 1. М., 1955.

[12] См. его постановку в работе: *Винокур Г. О.* Глагол или имя? (Опыт стилистической интерпретации).— В кн.: Русская речь. Новая серия. Л., 1928.— Вот пример, иллюстрирующий внушительную силу не только официально-делового варианта самой синтаксической конструкции, но и входящих в него слов (семантики глагола и терминологической определенности класса отглагольных имен), благодаря взаимодействию которых усилился императивный эффект высказывания: Доктор мне в памятке написал: *Прекратить курение.* Если бы он написал *не курить*, плевать бы я хотел, а так — даже страшно как-то стало.

лишь соединением грамматического и лексикологического аспектов функциональной характеристики явления.

Слово как единица коммуникативная не тождественно слову как единице номинативной [12а]. Приобретенное им (или его отдельной формой, или его сочетанием с каким-либо другим словом) в акте речи стилистическое значение актуализирует семантическое вообще, а не только лексико-семантическое, содержание высказывания. Оно равно прослеживается: в лексеме и фразеологическом единстве; в словоформе и в словосочетании; в тех коммуникативных единицах, которые выступают как узуальные шаблоны на определенном историко-социальном фоне языкового употребления, и т. д.

Таким образом, для стилистического узуса понятие *словоупотребления* шире, чем понятие собственно лексического отбора. Оно в известной мере объединяет данные этого отбора с результатами внешне-тематической и грамматической (по Н. Энквисту) подготовки высказывания. Каждый из этих этапов, взятый в отдельности, не отвечает названным выше узуально-стилевым характеристикам. Так, например, с точки зрения исторической изменения в грамматической стилистике, связанные непосредственно с внеязыковыми причинами [13], не могут угнаться за «быстротекущей» общестилистической изменчивостью коллективных навыков использования языка, и их удельный вес в этих навыках более скромен [14], чем удельный вес словоупотребления в подразумеваемом нами широком смысле этого термина, т. е. употребления *слов*, а не *лексем*.

Настаивать на такой оценке языкового материала с целью стилистической интерпретации можно, конечно, при упомянутой выше тенденции к выявлению в нем *общих* закономерностей:

[12а] «Слово в высказывании не тождественно слову как отдельно взятой номинативной единице... это единица языка, которая обслуживает коммуникативное задание, определяемое лишь через высказывание или текст» (*Леонтьев А. А.* Высказывание как предмет лингвистики и теории коммуникации.— В кн.: Синтаксис текста. М., 1979, с. 33).

[13] См.: *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса. М., 1973, с. 317—320; *Золотова Г. А., Иванчикова Е. А.* Русский синтаксис в наши дни.— РЯНШ, 1967, № 5; *Шведова Н. Ю.* Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966; Русский язык и советское общество, ч. 1. Лексика, с. 34; ч. 2. Морфология и синтаксис, с. 175—213, 223—240.

[14] Интересно тем не менее отметить некоторые вторичные явления в этой области, например неожиданный и недолговременный выход той или иной синтаксической конструкции на функционально-эстетическую арену (как следствие широкой употребительности во всех сферах общения) в какой-то ограниченной жанровой роли. Ср. моду на заголовки газетных материалов, построенные по моделям *Нет — бракоделам* или *Спорту — быть*, или названия художественных произведений (преимущественно пьес и кинофильмов), представляющие собой развернутые предикативные единицы: *А существует ли любовь? — спрашивают пожарные* (пьеса Э. Радзинского. Его же более ранняя вариация на эту тему — *104 страницы про любовь*. Ср. название фильма 50-х годов *А если это любовь?*); *Сержанты мой выстрел первый!* (пьеса Э. Володарского); *А зори здесь тихие* (Б. Васильев) и т. д.

1) не «поуровневых», а касающихся элементов всех уровней языка; 2) не ограниченных определенной коммуникативно-функциональной средой, или типами речевой деятельности, а имеющих варианты во всех этих сферах и типах; 3) относящихся не только к «эмоциональным» или только «функционально-стилистическим» категориям, а объединяющих эти категории.

Другие задачи исследования, естественно, требуют и другого подхода к фактам языка. Например, исследуя некоторые особенности синтаксической организации текста, Д. Н. Шмелев замечает, что «... именно в интонационно-синтаксической структуре текста находит свое окончательное выражение как общая функциональная направленность речи, так и стилистическая значимость составляющих ее единиц» [15]. Положение о несомненной функциональной специфике синтаксического строения отдельных типов речи, которую демонстрирует анализ связного текста, не может вызвать возражений, точно так же, как и то положение, что стилистическая значимость (или стилистическое значение) языковой единицы полнее всего обнаруживает себя в связном тексте. Пример описываемых Д. Н. Шмелевым типов соотношения реального и синтаксического времени в предложении наглядно доказывает первое — их принадлежность к какой-либо определенной (функциональной прежде всего, а вследствие этого и функционально-стилистической) сфере, но не доказывает — и не должен доказывать — второе. Средства, при помощи которых осуществляются разные типы временно́го соотношения, не могут получить какой-либо дополнительной стилистической значимости, кроме той, которую им отводит задача построения текста. Расстановка (последовательность, дистанция и пр.) слов, выражающих это отношение, характеризует структуру, связь единиц, а не сами единицы.

Но структура также выступит в качестве «единицы», если исходить из следующих определений: 1) прямое номинативное значение грамматических форм времени как средств временно́го соотнесения отображаемых фактов и событий — признак научной и деловой речи; 2) транспозиция форм времени (т. е. их применение не в прямых, а в синтаксически обусловленных значениях) — признак разговорной и художественной речи [16]. Однако такие единицы — это единицы только стилистики текста, во-первых, и являются дифференциальными признаками разных функциональных сфер языкового общения, во-вторых. А потому к характеристике

[15] *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977, с. 137.

[16] См. эти определения там же, с. 137—138. Ср. кн.: *Прокопович Е. Н.* Стилистика частей речи. М., 1969, где глагольное время рассматривается с двух сторон, выходящих за пределы первоначальных характеристик стилевого узуса: с точки зрения уровневых стилистических возможностей грамматики и с точки зрения его роли в стилистической организации текста.

общих черт стилистического узуса их целесообразно привлекать лишь в качестве дополнительных.

Приведенные здесь соображения о большей иллюстративной роли словоупотребления, чем каких-либо иных сторон узуса, в анализе синхронных (и современных описанию материала) закономерностей использования стилистически окрашенных единиц, не должны, таким образом, служить доводом уровневой ограниченности выявления этих закономерностей. Напротив, они скорее доказывают (помимо упомянутой уже принадлежности стилистического значения всем уровням языка) неправомерность дифференцированного отношения к составляющим той языковой категории, которую мы хотим затем отнести к стилевой категории. Выразительные потенции первой не могут реализоваться узусом иначе чем при совместных усилиях всех ее составляющих. Поэтому совместность реализации выступает как величина, равная, так сказать, «материальной части» стилистического явления, способной принять на себя груз добавочной (коннотативной) экспрессии.

Объективно обособленной оказывается при таком подходе лишь одна область — область звуковой (интонационной и орфоэпической) стилистики. Было бы, конечно, совершенно неправильно утверждать, что эта область имеет второстепенное значение для характеристики узуально-стилистических привычек говорящего коллектива. Напротив, достаточно хорошо известна роль произносительных стилей [17], а также экспрессивная и характерологическая роль отдельных произносительных особенностей, связывающихся с территориальными, социальными и индивидуально-психологическими признаками носителей языка, с ситуативно-заданной установкой на определенный тип выразительности применительно к отдельному высказыванию и т. д. Ср. наблюдения Н. С. Трубецкого об оценке в узусе тех или иных особенностей произношения как вульгарных, заискивающих, слащавых, «светских», аффектированно-наивных, ханжеских и пр. и пр. [18] Коллективно употребительны также определенные типы экспрессивной интонации [19], особые эмоциональные средства, которые Н. С. Трубецкой называет «апеллятивными», отделяя их от «экспрессивных» [20] (сверхдолготы гласных и согласных) и т. д. Но именно поэтому звуковая стилистика (термин Трубецкого) не может сколько-нибудь убедительно анализироваться наряду со стилевыми явлениями, наблюдаемыми главным образом в письменной речи, где нам дано лишь «вторичное моделирование» отдельных стилистически окрашенных особенностей произнесения звуков и их комплексов, или интонационных конструкций.

---

[17] См.: *Панов М. В.* О стилях произношения.— В кн.: Развитие современного русского языка. М., 1963.

[18] *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960, с. 24—33.

[19] См.: Русская разговорная речь, с. 142—150.

[20] *Трубецкой Н. С.* Указ. соч., с. 24—33.

Безусловно, в письменном литературном языке складывается и исторически развивается определенная традиция способов графического отражения (или словесного описания) фактов звуковой стилистики. В художественной литературе нашего времени эти способы весьма распространены. Они играют такую же опосредованную роль «воспроизведения» языка, какую играет весь словесный отбор в художественном тексте для «воспроизведения» действительности.

Однако, фиксируемые в письменной речи вариативно и спорадически, эти факты никоим образом нельзя расценивать даже как другие «отраженные» художественным текстом факты языковой системы, анализ которых или намеренно опирается на эту отраженную функцию, или имеет ее непосредственным объектом своего исследования. Без такой специальной оговорки методологического характера стилистический смысл любого языкового явления логичнее фиксировать на уровне начальных, органически естественных возможностей их отправления и восприятия (которыми для звуковой стилистики служит звучащая речь, требующая своих способов анализа).

Другой стороной вопроса является объективное равнение языкового узуса на письменную форму[21] речи, в которой осуществляется большинство коммуникативных социально-значимых сфер языкового общения. При стилистическом взгляде на предмет даже разговорная речь наряду с непосредственными наблюдениями над ее естественным устным проявлением, как мы уже упоминали, имеет право быть изученной и по письменным источникам. Таким образом, внушительный перевес последних позволяет нам обратиться к описанию узуально-стилистических навыков современности без специального учета звуковой стилистики и считать ее совершенно отдельной темой исследования.

Узуально-стилевой комплекс и стилистическое значение

Итак, при желании осмыслить общие особенности стилистического использования средств данного языка данной эпохи, мы сталкиваемся с реальной картиной, складывающейся совершенно независимо от наших предвзятых мнений о месте тех или иных единиц в ее создании[22]. Если стилист примет рискованное решение исхо-

[21] «...Самое универсальное, практически наиболее пригодное и жизненно наиболее ценное средство сообщения — это... человеческий язык, и прежде всего — в его письменной форме... Можно сказать, что письменный текст представляет собой идеальное сообщение» (*Винокур Г. О.* Введение в изучение филологических наук.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1978. М., 1980.

[22] Подчеркивая тесную связь стилистического употребления языка с летучими свойствами жизненных обстоятельств, французский лингвист Э. Бюиссенс замечает, что Балли далеко не случайно выбрал для своей второй книги по стилистике название «Le langage et la vie». См.: *Buyssens E.* Linguistique historique. Paris, 1965, p. 102.

дить из этой картины, не умаляя и не возвеличивая роли тех или других явлений; если, не боясь упреков в «ненаучности», он назовет их так, как подсказывает ему сдвоенный опыт исследователя — участника коммуникативно-языкового акта, то, по всей вероятности, поставленный выше вопрос о выборе терминов, необходимых для описания стилистического узуса, решится сам собой, потому что место терминологических определителей в подобной ситуации может занять нетерминологическая лексика, вполне удовлетворяющая требованиям точности и непротиворечивости названия изучаемого понятия. И если языковая действительность показывает нам, допустим, эмоционально-функциональную шкалу стилевых окрасок с вариациями на темы: «грубость — фамильярность—интимность»; «возвышенная торжественность—деловая официальность»; «порицание—возмущение—негодование»; «радость—веселье—ликование» и пр., то именно эти реальные признаки могут лечь в основу классификации стилевых коннотаций, набор которых является для языкового узуса коммуникативно существенным.

Сами названные экспрессивные «оттенки» (или, по выражению Б. А. Ларина, «смысловые обертоны») нуждаются не в более точной и более наукообразной терминологии, а в понятии, обобщающем их сущность. Это понятие уместно назвать *стилистическим значением*, так как оно должно соответствовать определенному типу экспрессивной семантики, осложняющей лексическое или грамматическое значение единицы языка [23].

Термин «стилистическое значение» предпочтителен термину «коннотация» (имеющему сходное или близкое содержание) по двум причинам. Во-первых, из-за традиции употребления последнего в общесемиотическом плане [24], что оправдывает желание ограничить стилевое понятие областью *языковой* знаковости. А во-

---

[23] Лексикографы называют оттенком «промежуточную ступень между употреблением и значением». Смысловой сдвиг, возникающий в результате метафоризации, считается новым значением, а метонимические смысловые образования — оттенками, при том условии, что понятийная общность не нарушается. См.: *Сороколетов Ф. П., Горбачевич К. С.* Значение и оттенок в лексикографической практике.— Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка, 1975, т. 34, № 6, с. 535—554.— Р. Г. Пиотровский считает, что все стилистические дифференциальные признаки синонимии основаны на «оттеночных» значениях, а основными дифференциальными признаками синонимов являются семантические множители — значения. Поэтому стилистика — единственная область языкознания, занимающаяся вариантами содержания знака, тогда как все другие области занимаются инвариантом значения и функции знака (*Пиотровский Р. Г.* Очерки стилистики французского языка, с. 10—11).

[24] Хотя именно поэтому мы им пользуемся и в настоящей работе как синонимом термина «стилистическое значение», когда нужно подчеркнуть информативные свойства явлений стиля. Р. Г. Пиотровский же указывает на то, что стилистика изучает не количественную, а качественную и функциональную сторону языковой информации, являясь по своему существу наукой функционально-семантической. См.: *Пиотровский Р. Г.* Указ. соч., с. 15.

вторых, как мы покажем ниже, потому, что термин «стилистическое значение» легко может быть соотнесен (согласно функционально-коммуникативной его интерпретации) с понятиями-терминами «стилистическое средство», «стилистический прием», «стилистическое задание», «стилистический эффект»[25]. Нужды узуально-стилевого анализа[26] обслуживаются такой терминологией, как кажется, последовательно и однозначно, не стимулируя применения понятий языково-речевой оппозиции, выражающейся в терминах «стилема» (стилистическое средство) — «стилоид» (его реализация в стилистическом приеме) и, соответственно, «экспрессема — экспрессоид»[27]. К тому же мы не можем провести без ощутимых натяжек прямой аналогии между единицами стиля и «эмическим» уровнем единиц системы языка, так как первые не имеют материальной основы (языковой ткани), позволяющей видеть регулярное действие этого противопоставления в языковой действительности.

В настоящее время в смысл стилистических определений прежде всего включается понятие объема (количества) и качества дополнительной «коннотативной» информации, которую содержит стилистически отмеченный элемент языка. Это понятие приобретает первостепенное значение в плане коммуникативной ценности высказывания. Поэтому, изучая языковое употребление, к стилистическому значению целесообразно подходить с информативно-коммуникативных позиций, т. е. учитывать его способность быть опорным пунктом стилистического комплекса, обслуживающего речевое общение (средство—прием—задание/эффект). Эта способность, заставляющая нас относиться к стилистическому значению как ключевому понятию узуальной стилистики, есть следствие его семантической природы, что обусловило и выбор самого термина[28].

[25] Многие исследователи считают, что желательно насколько это возможно использовать «естественный язык в качестве своего собственного метаязыка», а «неоднозначность, свойственную естественному языку, при желании всегда можно преодолеть» (см., например: *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М., 1974, с. 16).

[26] Отметим, кстати, что в работе не проводится последовательного различения определений «стилевой» и «стилистический» ни с точки зрения отражения в первом явлений функциональных стилей, а во втором — экспрессивно-выразительных средств языка (см.: *Фирсова Н. М.* Стилистика испанского глагола. М., 1976, с. 5); ни в плане различия терминов: «стилистический» — как относящийся к системе общенародного языка, а «стилевой» — к сфере индивидуально художественного творчества (*Пиотровский Р. Г.* Указ. соч., с. 26); ни по принадлежности первого к самим языковым явлениям, а второго — к науке о языковых явлениях. Последний принцип (он выдвинут О. А. Лаптевой и проводится во всех ее исследованиях) представляется нам весьма целесообразным, и мы не следуем ему лишь во избежание недоразумений, которые могут быть вызваны тем, что это различие необщепринято.

[27] Ср. также термин «стилистема» у Р. Г. Пиотровского (указ. соч., с. 9), принятый им для обозначения стилистически коррелированных синонимов.

[28] См.: *Винокур Т. Г.* О содержании некоторых стилистических понятий.—

Стилистическое значение сейчас определяют по-разному: или как элемент семантической структуры слова [29], или как «созначение» означающего любой единицы языка [30]. Между этими определениями, очевидно, нет непримиримых противоречий, так как стилистический узус эксплуатирует коммуникативные, а не номинативные свойства слова, о чем шла речь выше. Тем не менее любая попытка определить это понятие наталкивается на ряд трудностей. С точки зрения информативной ценности текста широкий объем стилевых коннотаций может, строго говоря, быть расценен и положительно (как высшая ступень знания о тексте и об его авторе) и отрицательно (как избыточность, в плане осуществления основных функций единиц языковых уровней — смыслоразличительной, номинативной и коммуникативной). Получающийся при наложении этих двух оценок остаток на первый взгляд представляет собой «прирост» к минимально необходимому информативному корпусу коммуникации, но в то же время является его центром. Если с одной стороны — перед нами с о з н а ч е н и е, «периферия смыслового содержания слова», нечто второстепенное (как бы излишество), то с другой стороны, без этого излишества вообще нельзя запустить языковую единицу в производство, т. е. сделать ее инструментом коммуникации. Ведь оно «несет те или иные элементы информации о субъекте речи, о его принадлежности к определенной социальной группе, о его позиции в речевой структуре общения, о его отношении к предмету и адресату речи» [31].

Поэтому, очевидно, в определении стилистического значения нужно исходить не из престижной субординации стилевых компонентов, а из специфики самой «сенсорно-одушевленной» семантики стиля, всегда составляющейся по формуле субъектно-объектных взаимоотношений в высказывании, что и делает язык средством общения.

Тогда становятся понятными такие явления, как эмотивное содержание самого лексического значения слова (*дылда, шляться, гонор, воспевать*); как отмечаемое фразеологами преобладание коннотативного элемента над денотативным элементом содержания во фразеологической единице [32]; как существование языковых

В кн.: Стилистические исследования. М., 1972.— Термин этот иногда употреблялся и раньше (например, в кн. Э. Г. Риезель — *Riesel E.* Abriß der deutschen stilistik. M., 1954), а в последнее время получил признание в ряде стилистических исследований.

[29] Это «особый семантический компонент»; «общее обозначение эмоционально-оценочного и экспрессивного значения слова» (Языковая номинация, с. 46).

[30] Оно воспринимается интуитивно и реализуется «в речи при выборе этой единицы из ряда денотативно и десигнативно равнозначных для выражения определенного понятийного содержания...» (*Долинин К. А.* Указ. соч., с. 43).

[31] *Долинин К. А.* Указ. соч., с. 43.

[32] См.: *Федоров А. В.* Фразеологизм как экспрессивно-стилистическая единица языка.— В кн.: Вопросы стилистики, № 12, Саратов, 1977, с. 20.

знаков, например эмоциональных междометий, так называемых фразеологизмов-коммуникативов, соотносимых с неполнозначными словами или со словами-коммуникативами[33] (*вот это да*! *ну прямо уж*!), стилистическое значение которых играет роль смыслового ядра; как возможность, например, экспрессивного использования глагольных форм лица, наклонения и залога, когда их стилистическое значение выступает субститутом грамматического[34]; как стилистическое значение интонации и порядка слов, изменяющее смысл высказывания (на котором построен, например, известный анекдот: — *Нужна мне ваша курица*! — Гражданка говорит, что ей нужна ваша курица; — *Здравствуйте, я ваша тетя*! — Гражданка говорит, что она ваша тетя).

Ю. М. Скребнев пишет, что в условиях стилистических противопоставлений внутри общего лексического значения неизменным остается лишь «референт» (этот термин он употребляет для того, чтобы обозначить сам «объект действительности во всей его физической реальности»), тогда как «денотат» («доязыковое, невербализованное, еще не соотнесенное с определенным языковым знаком представление о предмете действительности — мыслѐнный образ тех или иных сторон, признаков, свойств предмета, отраженных сознанием») вступает в актуальную связь с «десигнатом» (означаемым) по выбору отправителя речи (говорящего или пишущего)[35]. Настаивая, таким образом, на различении понятий «денотат» и «референт», Ю. М. Скребнев, по всей вероятности, помогает прояснить интуитивно осознаваемое «нематериальное» содержание сем, имеющих в структуре десигната стилистическое значение, которое характеризует не сам объект действительности, а отношение к нему участников речевого акта, и тем самым определяет способ вербализации еще «невербализованного» денотата. Например, в высказывании «Эта *пигалица* всюду свой *нос сует*» отправитель выбирает лучший способ вербализации (означающее) своего представления об означаемом (в данном случае — о несоответствии качеств и признаков лица, о котором идет речь, с его действиями), как бы минуя само означаемое, т. е. момент непосредственного соотнесения лексического значения слова с референтом — предметом действительности. *Пигалицей* в этом сообщении может быть назван и маленький ребенок, и подросток, и молодая женщина, и старуха. Если же

---

[33] См.: *Куприянов В. Ф.* Фразеологизмы-коммуникативы в современном русском языке. Владимир, 1975.

[34] Таким нам кажется стилистическое значение повелительного наклонения или второго лица в случаях, описанных Д. Н. Шмелевым (см.: *Шмелев Д. Н.* Внеимперативное употребление повелительного наклонения в современном русском языке.— РЯШ, 1961, № 5; *Он же.* Стилистическое употребление форм лица.— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 3. М., 1961). См. также: *Попов Ф. В.* О стилистической роли грамматического значения.— В кн.: Очерки по русскому языку и стилистике. Саратов, 1967.

[35] См.: *Скребнев Ю. М.* Очерк теории стилистики. Горький, 1975, с. 14—19.

«мысленный образ» отправителя высказывания связан только с оценкой возрастного признака, это означающее может не отражать отношения к другому признаку — росту (совсем еще *пигалица*, а уже смеет возражать!). Но пренебрежительно-неодобрительная коннотация остается постоянным элементом означаемого. Таким образом, коннотация, выраженная стилистическим значением, как бы прямо «выходит» (по Скребневу) на денотат, минуя референт. Но очевидно, что представить себе развитие стилистического значения таким образом можно лишь для одного из двух принципиально разных видов взаимодействия стилистического значения с другими языковыми значениями — его включения в последние. Это, например, упомянутая эмоционально-оценочная экспрессия, которая входит в лексическое значение (значение слова *трепло* —'*безответственный, легкомысленный* болтун', слова *дылда* —'*нескладный* человек *слишком* высокого роста' и т. п), или же в словообразовательное значение (ср. «ласкательность» уменьшительных образований типа *котик, голубенький*). Сходное явление можно усмотреть и в некоторых других случаях. Существуют, например, глагольные окказиональные образования со стилистическим значением '*интенсивно и тщательно, до конечного предела* совершить действие, названное мотивирующим словом' (решить — *вырешить*, любить — *вылюбить*). В этом значении нет чисто эмоционального составного элемента, но есть общая экспрессивная динамика, имитирующая эмоцию и усиливающаяся благодаря окказиональности слова [36]. Экспрессивно-динамический тип стилистических значений, характерный, в частности, для глаголов, обнаруживает способность к контекстному приобретению эмоциональных свойств, осознаваемых как часть их грамматического значения [37]. Ср. также синтаксическое значение эллиптической конструкции с дательным имени, включающее сходный стилевой элемент (*Нет — войне!*),— *категорическое, решительное* и *взволнованное* отрицание ситуации, названной этим именем, и пр.

Другой тип взаимодействия стилистического значения с лексическим и грамматическим можно назвать присоединением (с оппозицией в виде крайнего положения). Это способность стилистического значения содержать такую дополнительную информацию, которой не дают другие единицы плана содержания — лексическое и грамматическое значения. Исследователи считают, что «практически безграничное количественное многообразие лексических значений, соотносящихся с бесконечным множеством

[36] См.: *Шепелева С. Н.* О формально-семантических типах в русском словотворчестве.— В кн.: Лингвистика и поэтика. М., 1979, с. 252.— Ее материал показывает, что стилистическое средство образуется здесь на основе нарушения обычных связей лексического значения глагола и лексического значения приставки, в то время как узуальное, например *выплакать*, стилистическим значением не обладает.

[37] О сходной способности стилистически нейтральных глаголов получать контекстную экспрессию см.: *Прокопович Е. Н.* Указ. соч.

явлении и вещи речевого мира, не идет ни в какое сравнение с четкой ограниченностью стилистических значений, что объясняется их квалификативной природой, их соотнесенностью с конкретными сферами интеллектуально-чувственной деятельности человека»[38]. Ю. М. Скребнев видит в этом принципиальную разницу денотативного и коннотативного значений: первые имеют экстралингвистическую соотнесенность, вторые — только внутрисистемны, «они несут информацию о том, какое место занимают соответствующие языковые единицы в общей системе языка»[39]. Однако информация о месте языковых единиц в системе языка — это в то же время информация о правилах их употребления в коммуникации, т. е. в конечном счете — о говорящих, а именно: 1) характеристика самих говорящих через их отношение к предмету речи (объективная) и 2) обратно — характеристика окружающей их действительности (предметов речи) согласно отношению к ним говорящего (субъективная). Следовательно, внутрисистемные свойства коннотативного значения оборачиваются с точки зрения узуса прямым выходом в ту же неязыковую действительность, если иметь в виду сам процесс языковой коммуникации, в котором и реализуется стилистическая вариативность языковых знаков, т. е. весь возможный объем коннотативной информации. Таким образом, с точки зрения организации коммуникативного процесса и проявляется оппозиция стилистического значения другим типам языковых значений, т. е. информативная ограниченность последних по сравнению со стилистической коннотацией[40].

Так, например, вся коннотативно-функциональная область стилистического значения («эвокация», по Балли), рассмотренная вне коммуникации, выступает как нечто инородное и постороннее по отношению к лексическому значению слова, значению грамматической формы и пр., но могущее быть к нему присоединено. В самом значении, например, слова *получатель*, формы *в отпуске* и конструкции *принять решение,* как не раз указывали исследователи, нет элемента: книжность, официальность и пр. Последнее — это всего лишь наслоение «от» говорящего/слушающего (Ю. М. Скребнев сравнивает это наслоение с ярлыком, указывающим место и время изготовления товара и его цену). Но только такая надстройка и реализует языковой отбор, дающий жизнь коммуникативному акту. В нем же происходит дальнейшая актуализация информационных потенций стилистического значения — характеристика самого говорящего. Если она осуществляется посредством отношения говорящего к предмету речи, которое стимулирует стилистический отбор, то при этом действует то же про-

---

[38] Языковая номинация, с. 54.

[39] *Скребнев Ю. М.* Указ. соч., с. 20.

[40] И. В. Арнольд пишет, что добавочную (к денотативной) информацию дает сам акт коммуникации и характеристика его участников, отношения между ними, отношение к предмету речи, и пр. См.: *Арнольд И. В.* Стилистика декодирования. Л., 1973, с. 22.

тивопоставление: информация о говорящем и информация об отношении к предмету речи лежат за пределами и лексического и грамматического значений, хоть и покоятся на них. Если лексическое значение — это «отображение в сознании предмета или явления, отстоявшегося как понятие»[41], а в это понятие благодаря свойствам предмета входит оценочный момент (*дылда*!), то не само понятие об этих свойствах приводит в движение механизм коммуникации, а именно оценка (т. е. отношение) к ним в обратной последовательности ведут к характеристике говорящего.

Значит все то, что при анализе текста квалифицируется как стилистически отмеченное, есть результат оценки, отношения говорящего к самому себе, к партнеру по речи, к предмету речи, к ситуации речи. Именно поэтому, например, с семиотических позиций говорят о стилистике как о знаковости второго порядка (Ю. Степанов): весь язык служит для нее планом выражения, а план содержания составляется сферой отношения к языку как к плану выражения.

Таким образом, и с этой точки зрения стилистическое значение принципиально отличается от других типов языковых значений, будучи показателем прагматического отношения, оценки выразительных возможностей языка. В то же время указанные выше соотношения стилистического значения с другими типами значений проявляются в языковой действительности (т. е. когда мы рассматриваем организацию коммуникативно-речевого процесса) далеко не всегда однозначно. Оно редко предстает перед нами как четкая оппозиция или, наоборот, последовательное слияние. К тому же было бы крайне недальновидно становиться на путь категорического разграничения семантических признаков, которые ложатся в основу формирования предметно-логического и экспрессивно-стилистического значений. Тесное взаимопроникновение первого и второго весьма характерно для упомянутых уже случаев (в лексике) — слов с такой семантической структурой, в которую оценка, эмоция и т. п. входят на правах составной части лексического значения. Все эти слова представляют собой отдельные лексемы потому, что ими закреплена именно коннотация.

Возможные коммуникативно-экспрессивные ситуации, в которых употребляются слова со значением, отягощенным стилистической коннотацией этого типа, так сказать, исчислены[42], и с точки

---

[41] *Шмелев Д. Н.* Очерки по русской семасиологии. М., 1964, с. 78.

[42] Конечно, с той степенью приблизительности, с какой можно вообще говорить о типизированном, коллективном начале в применении языка (о чем дальше будет идти речь отдельно), так как теоретически нельзя исключить случая, скажем, «ласкательного» употребления слов *дылда* или *трепло*, хотя в принципе такая возможность не более реальна, чем аналогичное употребление любого другого и даже нейтрального слова. Но для эмоционально-оценочных значений, как справедливо отмечают исследователи, «очевидна не полная произвольность языкового знака» (см.: Языковая номинация, с. 51), что, естественно, сужает возможность их субъективного употребления в противовес узусу.

зрения употребления это обстоятельство можно считать существенным признаком различия между словами, имеющими стилистическое значение, и словами, лишенными его, но обозначающими разного типа эмоции, оценки и пр.: *любовь — ненависть, плохой — хороший, хохотать — рыдать* и т. д.[43] Однако и это, казалось бы, бесспорное различие иногда обнаруживает в высказывании некоторую зыбкость границ между наличием или отсутствием стилистического значения. Во всяком случае, даже одна из трех приведенных пар (*хохотать — рыдать*) может сыграть контекстуальную роль эмоционально-оценочных слов[44], потому что здесь в какой-то степени сближаются отношение знака к предмету и отношение человека к знаку, как при всяком «усилении» (ср. стилистическое значение глаголов *вырешить — вылюбить* на с. 46). Определения этих слов в Толковом словаре под ред. С. И. Ожегова — ‘громко, судорожно плакать’ и ‘громко смеяться’ (отсутствие дополнительного признака протекания действия в этом втором определении компенсируется примерами употребительных фразеологических сочетаний — *хохотать как сумасшедший, как будто его режут* и т. д.). Но встречаются и такие случаи употребления: *Хохотать*, когда он так обмишулился, это все равно было такое свинство... Ну, *посмеялась* так, *мило* так... (из устной речи; имелось в виду «грубо смеяться» над тем, что человек, выдающий себя за образованного меломана, не узнал по радио оратории Генделя и назвал ее симфонией Гайдна). Или: Сколько *ни рыдала*, сколько *ни вопила* обманутая Дарья Ивановна, завхоз не дрогнул (из газет). Ср. также контекстно-обусловленный эмоционально-оценочный ореол у отдельных значений нейтрального слова: От ошибки никто не застрахован. Но, выходит, ошибиться легче, чем поправиться. Как его теперь *снять*, или *помягче говоря, освободить?* (из газет); *Старость — грустное и горькое* слово... *Старость* и *возраст* — понятия *неравнозначные* (из газет) и т. д.

Регулярное контекстное взаимодействие слов, обнаруживающих (разное по происхождению) сходство значений, создает особый стилистический прием — синонимическую ситуацию (см. ниже). И один из типов синонимической ситуации реализуется как раз благодаря тому, что контекстное окружение способствует возникновению как бы имитации слова, в семантику которого стилистиче-

---

[43] См.: *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977, с. 163—164.— Автор считает, что «необходимо различать... слова, которые обозначают определенные эмоции и переживания, имеют эмоционально-оценочные значения... слова, эмоциональная значимость которых создается при помощи словообразовательных средств... слова, в собственно лексическом значении которых заключена определенная оценка обозначаемых ими явлений». Последние два типа слов она называет «эмоционально окрашенной лексикой».

[44] См.: *Ковалевская Е. Г.* Семантическая структура слова и стилистические функции слов.— В кн.: Языковые значения. Л., 1976, с. 72 — о контекстном эмоционально-экспрессивном созначении у слов, обозначающих предметно-логические понятия.

ское значение не входит[45]. Когда «понятийный инвентарь переводится в коммуникативный план»[46], сближение генетически эмоциональных или оценочных слов и слов, стилевая значимость которых обусловлена контекстом, стремящимся к повышенной выразительности, представляет собой закономерное явление.

Таким образом, по-разному реализующаяся функция коннотативного стилистического значения — это мост, соединяющий предметно-логическую номинативную информацию с коммуникативной, т. е. информацией об участниках речевого акта и их отношении к речи. И, следовательно, коммуникативная область имеет для стилистического узуса первостепенное значение. В зависимости от особенностей и частных условий, в каких реализуется акт речевой коммуникации, взаимоотношения стилистического значения с лексическими и грамматическими могут осложняться не только регулярным взаимопересечением, но и взаимовлиянием, один из вариантов которого описан в статье В. Д. Девкина[47]. Отмеченное им переключение семантики слова с одного денотата на другой — свойство стилистически окрашенного коммуникативного акта, как правило, с высокой степенью экспрессивности и непременно содержащего эмоционально-оценочный, т. е. субъективный, момент. Именно для этих условий характерно употребление стилистического средства, берущего на себя груз оценки всей конситуации высказывания[48]. Ср.: Он... между делом наводил справки, не найдет ли где подброшенный портфель коричневого цвета с двумя застежками... Интересовался возникающими время от времени делами о мелких кражах в магазинах, делами, которые вел не он, а другие сотрудники, пытаясь найти ниточку, «почерк», приставал со своим *дурацким* портфелем к участковым инспекторам... (из судебного очерка); ...Но на экранах вместо желанной светленькой змейки по-прежнему раскачивалась *идиотская* сетка вроде дачного гамака (о неудавшемся опыте.— В. Комиссаров, Старые долги); Я весь отпуск думала, что мне с этой *проклятой* поэтической речью делать... (из устной речи) и др.

Такое свойство стилистического узуса дает основание принципиально различать: а) факты самой стилистической номинации, реализующей «квалификативную соотнесенность с рядом, чаще всего несущественных признаков, которые „избираются“ и узуально закрепляются за данным предметом обозначения языковым коллективом и становятся „представителем“ объекта наименования»[49]; и б) факты ее коммуникативного отбора при оформлении высказывания, когда эти несущественные признаки — представи-

---

[45] См.: *Прокопович Е. Н.* Указ. соч., с. 135 и след.

[46] См.: *Гак В. Г.* О соотношении языка и действительности.— ВЯ, 1972, № 5, с. 14.

[47] *Девкин В. Д.* Ксеноденотатная направленность лексических сем.— В кн.: Лингвистическое описание разговорной речи. Горький, 1973, с. 139—145.

[48] Ср. это явление с «именем ситуации» в разговорной речи. См.: Русская разговорная речь, с. 434—438.

[49] Языковая номинация, с. 53.

тели объекта наименования получают широкие полномочия, распространяясь на оценку всей ситуации, вербализуемой данным высказыванием. При этом неизбежно происходит дальнейшее (если за начальное звено брать непрямой, как правило, характер стилистической номинации) расшатывание лексико-семантических признаков слова признаками стилистической семантики, т. е. выход на первый план именно стилистического значения. Оно создает средство общей экспрессивной оценки денотата, менее всего претендующей на точность лексических различий. Ср. очевидную реальность и легкость синонимических взаимозамен слов *идиотский*, *проклятый*, *дурацкий* в приведенных только что примерах [50].

В настоящее время понятие стилистического значения уже начинает подвергаться углубленной разработке [51], что избавляет нас от необходимости рассматривать его всесторонне. Следует только напомнить, что в узуальной практике мы имеем дело со стилистическими значениями, типология которых строится на положительной или отрицательной оценке способов языкового выражения, ведущих к осознанию конситуативной и содержательной ограниченности или неограниченности употребления последних. Содержательная и конситуативная ограниченность употребления формирует стилистическую экспрессию соответствующих единиц языка, которые служат ей планом выражения. Он создается эксплуатацией структуры языкового знака, позволяющей усиливать или ослаблять его «асимметрию», отраженную эксплицитно-плеонастичной или имплицитно-экономичной связью между означающим и означаемым. Вот самый элементарный пример усиления имплицитности плана стилистического выражения по сравнению с планом стилистического содержания. На семинаре переводчиков руководитель разбирает глагол *смахивать*: «В предложении «Ученые утверждали, будто чернокожие люди *смахивают* на обезьян»,— «*смахивают*» — очень удачно. Это слово сразу вводит нас в атмосферу критики расистских взглядов некоторых буржуазных ученых. «*Смахивают*» говорит тут не только о сходстве, нет, это же слово подчеркивает, что ученые презирали чернокожих, и оно же подсказывает, что автор ни в грош не ставит мнение этих ученых. В данном контексте слово «*смахивают*» весьма содержательно, богато смыслом; «*походят*» было бы гораздо беднее. У него однаединственная смысловая нагрузка, а у «*смахивают*» их по крайней мере три». Ср. стилистическую оценку сокращений: Столица жила последней новостью: пошли первые поезда метрополитена, уже повсюду *ласково* и *фамильярно* называемого «*метро*» (И. Гуро,

[50] Этот факт можно соотнести с мнением В. Г. Гака о том, что в высказывании (т. е. в языковой реализации) семантические различия между словами оказываются второстепенными, а на первый план выдвигается их денотативная функция — способность указывать на определенный предмет ситуации (см.: *Гак В. Г.* К проблеме соотношения языка и действительности, с. 22).

[51] См.: *Долинин К. А.* Указ. соч., где стилистическое значение является главным дифференцирующим понятием.

И мера в руке его) и у Куприна: Париж в своей беготне и *суетливости нетерпеливо* сокращает слова и фразы: метрополитен — *метро*, кальвадос — кальва, бульвар Сан-Мишель — Бульмиш (Четверо нищих); или же следующую характеристику сниженности: — Тогда — *помру?* Он так и спросил: не «умру», а «помру» — этот городской человек. И Бойко подумал, что в этом «помру» гораздо *больше бесповоротности и мужества* (Л. Борич, С утра до утра).

На основе такого соотношения планов стилистического содержания и стилистического выражения и вступают в действие у с и л и т е л и: «количественное» увеличение признака, динамики (темпа, ритма, эмоциональности) действия или состояния и пр. Ср. эллипсис: *Она — за угол, я тут же — в кино!*, сниженные оценки: Яблоки *паршивые!* Неужели лучше не было?; Мне *осточертели* эти нотации! — которые одновременно содержат и функционально-ограничительные признаки. А само существование «усилительных» стилистических значений является условием для образования их контекстных имитаций. Их роль охотно исполняют, как мы уже видели, некоторые семантические категории, например значения чувств, оценок, активно динамических действий и пр.

Описание узуально-стилевых особенностей современного употребления языка — это анализ способности стилистического значения к контекстным модификациям, участвующим в построении упомянутого выше коммуникативного стилистического комплекса. Его содержание и функции зависят от взаимных связей стилистического значения языкового средства и контекста, в который данное средство входит.

Согласно логике соссюровской дихотомии, исследователи различают языковое (внеконтекстное) и речевое (контекстуальное) стилистическое значение [52]. Первое квалифицируется как потенциальное, прогнозирующее наиболее распространенные виды употребления элементов языка, им обладающих. Эти прогнозы заключаются в том, что, например, слово *идиот* окажется принадлежностью эмоционально окрашенных и сниженных контекстов, а словосочетание с *подлинным верно* — официальных и высоких. Неминуемая односторонность и статичность системной (внеконтекстной) предсказуемости (тем более, что она скорее может быть охарактеризована как следствие, как типизация фактов — по терминологии Л. В. Щербы, концептов, — извлекаемых из того же употребления) предоставляет ей при изучении узуальной жизни стилевых явлений ограниченную роль точки отсчета. Предметом узуального анализа в значительно большей мере явятся закономерности, благодаря которым слово *идиот* может стать названием социально-философского романа, а словосочетание *с подлинным верно* — кинокомедии. Но без внеконтекстного сти

---

[52] См.: *Долинин К. А.* Указ. соч., с. 45.

листического значения эти закономерности проследить нельзя, что еще раз подтверждает необязательность представления стилистики языка и стилистики речи как несовместимых объектов анализа, когда дело касается стилистических свойств реального языкового употребления. Поэтому за понятием «стилистическое значение» целесообразно закрепить объем, отражаемый свойствами использования единиц стиля в целом.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы. Во-первых: любые характеристики стилистического значения имеют семантическую базу, как и всякая категория «значения»[53], и следовательно, стилистика — это наука о специфическом типе значения языковой единицы. Во-вторых, специфика стилистического значения такова, что любые его характеристики выводят нас из предметно-логической области номинации в область коммуникативно-языковых ценностей, т. е. стилистическое значение — единица не системы, а узуса. В-третьих, любые характеристики стилистического значения, соединяя смысловой и коммуникативный аспекты, прежде всего должны рассматриваться с точки зрения особенностей содержания и объема информации, привнесенного им в высказывание.

Стилистический смысл. Экспрессия, функция и эмоция

Следующая наша задача состоит в том, чтобы выяснить, какие соответствия обнаруживаются между категориями стилистического смысла[54] и приемами их языкового выражения. А для этого надо четко себе представить, какие смыслы, или какие части смыслов языкового знака — суть стилистические. Имеется в виду уточнение нескольких характеристик, которыми пользуются все стилисты, независимо от разницы в теоретических убеждениях: экспрессия, эмоциональность (эмотивность), функциональная ограниченность, оценочность,— после чего предстоит выяснить, как ведут себя отдельные элементы стилистического значения и что их объединяет.

---

[53] Выступающая, таким образом, как ключевая и в стилистике (ср. замечания о категории значения в кн.: *Будагов Р. А.* Человек и его язык. М., 1974, с. 4).

[54] Понятию «стилистический смысл» в книге «Языковая номинация» дается следующее определение: «Это стилистически маркированная знаковая репрезентация в контексте в результате вторичной окказиональной номинации или окказионального переименования» (с. 44). Очевидно, проще было бы, исходя из упоминаемой выше «нематериальности» означаемого, выражающего мир эмоций, оценок, отношений и переживаний, считать стилистическим смыслом ту часть семантической структуры языкового знака, которая остается за вычетом постоянных признаков, характеризующих реальный предмет внеязыковой действительности. Лучше всего это понятие отражается в отношении к стилистике как к функционально-семантической науке, анализирующей соотношения, существующие между формой и содержанием языкового знака (Р. Г. Пиотровский).

С «объединяющей» точки зрения прежде всего важен термин «экспрессия». Неточность и произвольность употребления слова «экспрессия» в качестве термина стилистической науки (что почти неизбежно случается со всеми терминами стилистики) давно замечены исследователями, равно как традиция нетерминологического употребления этого понятия при стилистическом анализе, которая и расшатала его (в принципе возможную) однозначность. Терминологическое же уточнение этого понятия стало обсуждаться при его соотнесении с категориями семантической значимости, открывшемся лишь недавно, о чем можно судить, например, по работе А. Вежбицкой, которая ставит вопрос о месте экспрессии в семантической теории [55].

Понимание экспрессии как особого вида семантического наполнения единицы языка позволяет использовать сам термин в обобщающей роли для всей области стилистических смыслов, хотя и с семасиологической точки зрения содержание этого термина интерпретируется различно и не обязательно предполагает принятое нами обобщенное назначение. Так, например, В. К. Харченко считает, что термин «экспрессия» имеет двоякое содержание: это выразительность как свойство языка вообще и коннотативный признак в значении слова — в более узком понимании [56]. В. И. Шиловский противопоставляет экспрессивность и эмотивность как два равноправных, но имеющих разную семантику компонента лексического значения в слове [57]. Определение им экспрессивности как категории, связанной с «представлениями», усиливающей воздействие и силу высказывания, его характеристику, а эмотивности — как категории, связанной с чувствами и ощущениями, по всей вероятности, недостаточно обоснованно (во всяком случае, по отношению к «экспрессии») и не обязательно должно вызывать сочувствие [58]. Но сама трактовка вопроса о содержании этих терминов как имеющих отношение к семантике весьма своевременна. Несмотря на то, что непосредственное семантическое содержание скорее всего целесо-

---

[55] *Wierzbicka A.* Miejsce problematyki ekspresji w teorii semantycznej.— In: Pamiętnik literacki, 4. Wroc'aw, 1968.— Автор рассматривает всю проблематику экспрессии в чисто семантическом плане и понимает ее очень широко, включая сюда и «эмоциональность», и «семантику индивидуальных оценок», и «семантику пропаганды» и пр.

[56] *Харченко В. К.* Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова.— РЯШ, 1976, № 3.

[57] *Шиловский В. И.* Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантических категорий стилистики.— В кн.: Проблемы семасиологии и лингвостилистики, вып. 2. Рязань, 1975.— Против постоянной эволюции этого термина, которая приводит в конце концов к тому, что некоторые стилисты начинают считать, что «l'expression n'est pas toujours expressive», выступает французский лингвист Э. Бюиссенс (см.: *Buyssens E.* Op. cit., p. 111).

[58] Ср. более реалистическую оппозицию Е. Ф. Петрищевой — интеллектуально и эмоционально оценочные категории (в кн.: Русский язык и советское общество, ч. 1. Лексика, с. 139).

образнее закрепить за понятием «стилистическое значение», экспрессия также входит в смысловое поле стилистически отмеченного языкового средства как необходимое условие выражения данного стилистического смысла. Соответственно этому рассмотрим принятую для дальнейшего описания взаимосвязь указанных характеристик, конечно, не считая ее единственно возможной.

Термином «экспрессия» покрывается вся область стилистической выразительности вообще, независимо от того, какими именно средствами она создается. Здесь уместна оппозиция: «содержащее стилистическое значение — не содержащее такового» (высказывание). В первом присутствует экспрессия. По всей вероятности, об экспрессии следует говорить как о сопутствующем признаке плана стилистического выражения, когда дело касается речевой деятельности. Стилистическое же значение, будучи ядром плана стилистического содержания, является семантическим уточнением экспрессии [59], принятым в коллективном узусе. Т. е., например эмоционально-оценочное слово *хлюст* не может быть употреблено вне общей экспрессивной заданности высказывания, которая долженствует выразить пренебрежительно-негативный смысл, репрезентируемый стилистическим значением этого слова. И наоборот, общая экспрессивная заданность высказывания создает семантическое условие для контекстной имитации эмоционального стилистического значения у оценки, первоначально выраженной нейтральным средством языка. Например, в высказывании «Она *чудовищно уродлива*» такими условиями являются: значение крайнего, предельного проявления отрицательного признака, возможность переносного употребления и, как следствие,— разговорная функциональная ограниченность отдельных словосочетаний: *чудовищная грязь*, *чудовищные размеры* и пр.

Учитывая первоначальный смысл слова «экспрессия» как выражение вообще, подчеркнем различие описания нейтральной структуры языкового знака (план выражения и план содержания) и стилистически окрашенной (план стилистического содержания и экспрессивного выражения). В последней имеет место повышенная выразительность по сравнению с планом выражения, который позволяет дать лишь предметно-логическую информацию. Повышение выразительности может быть измерено наличием в высказывании данных не только об отношении знака к предмету, но и человека к знаку, которое является главной пружиной языково-стилистического отбора [60].

---

[59] По отношению же к экспрессии термином «коннотация» целесообразнее пользоваться при определении чисто информативных свойств стилевого явления. Зависимость стилистического характера текста от способов, какими вводится в контекст новая информация, исследуется в статье: *Ковтунова И. И.* Структура художественного текста и новая информация.— В кн.: Синтаксис текста. М., 1979.

[60] Д. Н. Шмелев говорит о «настоятельном требовании, предъявляемом к стилистике — отграничить от нейтральных в стилистическом отноше-

С точки зрения различий в отправлении и получении стилистически окрашенного речевого акта, некоторые категории стилистической окраски приобретают здесь двусмысленные характеристики. В целях точности, например, следует указать на особое положение «повышенной выразительности» у так называемых характерологических признаков отправителя высказывания [61]. В своей прямой функции они не содержат последней, так как указывают на «отношение говорящего к знаку» не более, чем этого требует употребление нейтральной языковой единицы. Ср. естественное употребление профессионализмов людьми соответствующей профессии, например *работать батута* — цирковым артистом или *взять на баланс* — бухгалтером. Но, во-первых, характерологические признаки далеко не всегда выступают в «чистом» виде; а во-вторых, и здесь необходим учет возможной разницы в отношении к ним отправителя и получателя высказывания.

Заданию повышенной экспрессии в равной степени может отвечать и генетически эмотивное, и эвокативное (по Балли) [62] стилистическое средство. Ср., например, диалог: — А витамины эти все-таки *способствуют повышению* аппетита? — Способствуют — не знаю, а *есть* все время *охота*; или же высказывание: Ты вот все *заявления делаешь и речи произносишь* — нет, чтобы *вдолбить* ей раз навсегда, что фрукты надо мыть как следует...,— где взаимодействуют разговорные и книжные средства, обладающие соответствующим стилистическим значением, а само движение от разговорного к книжному организует стилистический прием и создает экспрессивный эффект. Примеры же яркой повышенности экспрессивного задания, выполняемого стилистическими средствами с очевидной эмотивной окраской, не нуждаются здесь в дополнительном подтверждении.

нии средств языка стилистически ограниченные или стилистически связанные, не только несущие предметную информацию, но и сигнализирующие об определенном типе речи» (*Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях, с. 125). В этом смысле экспрессивное задание и экспрессивный эффект, без которых не реализуется стилистическое значение того или иного средства языка, должны играть роль типологических признаков речевых актов, относимых к той или иной сфере языковой деятельности. Э. Бюиссенс называет главной функцией экспрессивно окрашенного речевого акта стремление оказать влияние на его получателя, и потому считает, что экспрессия проявляется только в коммуникативном процессе (см.: *Buyssens E.* Op. cit., p. 111). Е. Г. Ковалевская справедливо, как кажется, противопоставляет два вида значений слова: предметно-понятийное и эмоционально-экспрессивное. Последнее содержит разные элементы: эмоционально-оценочные, эмоционально-экспрессивные, экспрессивно-стилистические (см.: *Ковалевская Е. Г.* Указ. соч.).

[61] Называя их «социальными символами», Э. Бюиссенс отказывает им в праве быть языковыми средствами, рождающимися в результате стилистического отбора и, следовательно, изучаемыми стилистикой. См. *Buyssens E.* Op. cit., p. 113.

[62] Наиболее удачен, как кажется, для соотнесения с его «effets par évocation» термин «социально-жанровый», который сейчас принят многими исследователями.

Обобщающий, относительно функциональности и эмоциональности, смысл термина «экспрессия» удобен еще и потому, что в высказывании эти два признака чаще всего оказываются слитными. Слитность разных по происхождению экспрессивных элементов, которые формируют стилистическое значение,— это не уподобление их друг другу, не потеря ими собственных дифференциальных признаков, а выравнивание их функций на коммуникативной линии узуса, когда те и другие объединяются во имя создания выразительного эффекта высказывания — его экспрессии.

Таким образом, понимая экспрессию как выразительность высказывания, создаваемую слиянием эмотивных и функционально-ограниченных свойств стилистических значений, мы в то же время не можем обойти вниманием тот факт, что разные пути ее возникновения позволяют говорить и о разном характере взаимоотношения экспрессии с причинами, которым она обязана своим рождением.

Исследователи всегда различали собственно-экспрессивные стилистические средства и средства со «вторичной» экспрессией, имея под последними в виду возникновение экспрессии на основе функционально-стилистической ограниченности употребления того или иного языкового явления. Ср., например, оценочные прилагательные *бесстыдный*, *наглый* и *нахальный*. Значение всех этих трех слов не содержит эмотивно окрашенных сем и они не обладают экспрессией, выражающей стилистическое значение, какой обладает слово *бесстыжий*. Его очевидная функциональная ограниченность есть результат стилистического значения сниженности (неофициальности, «неэтикетности» и пр.). Но этим признаком содержание стилистического значения данного слова не исчерпывается. Оценочные слова «тяготеют к эмоционально-насыщенным контекстам» [63]. И в таких двусторонне отмеченных стилевых контекстах (т. е. функционально-ограниченных и эмоционально насыщенных) слово, содержащее эвокативный признак стилистического значения, приобретает и эмотивный признак. В его семантической структуре имеются для этого все условия (*бесстыжий* — ‘крайне бесстыдный’), которые, в свою очередь, можно трактовать как первопричину приобретения словом функционального ограничителя.

Следовательно, уровень узуального употребления обладает безграничными возможностями для усиления, обострения, изменения характера и т. п. стилистического значения, которое, однако, во всех своих модификациях остается инвариантным источником экспрессии высказывания. Более того: эмоционально насыщенные или функционально-прикрепленные контексты способны сублимировать стилистическое значение у слов, семантика которых располагает к синонимизации означающих. Например, оценочно-«квантитативное» значение слова *наглый* — ‘высшая степень нахальства,

[63] См.: *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика, с. 163.

бесцеремонности, беззастенчивости' — ведет, как и в слове *бесстыжий*, к употреблению его в качестве эмоциональной оценки при соответствующем определяемом: Этот *наглый проходимец* мнит себя писателем![64] В значении слова *нахальный* намечается функционально-ограничительный показатель, который не входит непосредственно в семантическую структуру данного знака, но присоединяет к его семантике ассоциации со сниженно-бытовой сферой оценок и качеств определяемого объекта[65]: *нахальство* — это наглость, бесцеремонность, проявляющаяся, скорее всего, в частных бытовых, «сниженных» социальных ситуациях, менее «опасная» и более безобидная и т. д.

Соотношение функционально-обусловленных и собственно-экспрессивных качеств единицы, имеющей стилистическое значение, представляет собой многообразные зависимости, демонстрируемые узусом: совпадения, пересечения, противопоставления. Эта возможность узуса покоится на противоположном свойстве системных отношений, в которых синонимические и экспрессивно-стилистические вариации «в общем-то не соответствуют прямо и непосредственно функциональным разграничениям»[66]. Не принимая во внимание аспект узуальной употребительности, мы можем, конечно, считать, что те качества языковой единицы, которые определяются как эмоциональные (или, по упомянутой уже терминологии, как «собственно экспрессивные»), принадлежа ее семантической структуре, несут какую-то другую характерность, чем собственно-стилистическую, если под последней понимать главным образом явления функционального (социально-жанрового) отбора. Именно поэтому, возможно, семасиологи склонны противопоставлять экспрессию вообще стилистической роли слова именно как функционально-стилистической[67]. Когда, например, словарный состав языка рассматривается с точки зрения его стилистических потенций, «экспрессивно-оценочная» и «стилистическая» значимости оказываются как бы разными свойствами слов. Однако те же исследователи отмечают, что иногда эти свойства совмещаются, иногда исключают одно другое: «Экспрессивно-оценочные моменты отодвигают в сторону собственно-стилистическую значимость...; ...слова перестают быть противопоставленными друг другу в плане стилистических разграничений, стилистическая же окраска в ряде случаев становится экспрессив-

---

[64] Все толкования слов соотносятся или, во всяком случае, не противоречат Толковому словарю под ред. Д. Н. Ушакова, Толковому словарю под ред. С. И. Ожегова и 4-томному Академическому словарю 1957—1961 гг.

[65] Ср. высказывание Г. О. Винокура: «Определенные языковые единицы несут на себе следы, так сказать, стилистического происхождения, т. е. окрашивают обозначаемое ими содержание специфической атмосферой той конкретной социально-бытовой обстановки, за которой закрепило их традиционное употребление» (*Винокур Г. О.* Глагол или имя?, с. 88).

[66] *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях, с. 6

[67] См.: *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа. М., 1973, с. 246—258.

но-оценочным элементом их семантики»[68]. Но если такие взаимодействия имеют место, то нет сомнения в том, что языковая действительность дает нам возможность включать в область стилистически значимых явлений (т. е. несущих коннотативную информацию) все те, которые имеют экспрессию, образуемую эмотивным семантическим содержанием, реализуемым в особых функциональных условиях общения. Эта стилистически значимая экспрессия может быть воспринята участниками общения как субъективное дополнение, без которого «в реальной действительности язык вообще невозможен, потому что даже вполне нейтральная речь, не имеющая никакой специальной окраски, воспринимается на фоне различных языковых вариантов, так или иначе окрашенных, как отрицательный по отношению к ним момент»[69]. Иными словами, стилистической интерпретации с логико-теоретической точки зрения должен быть подвергнут весь состав данного языка (с нейтральным слоем в качестве точки отсчета) как средства общения, а не какая-то одна его сторона, о чем говорит и Ш. Балли[70].

Поэтому противопоставление экспрессивной и нейтральной областей языкового выражения основано не на отсутствии стилистической значимости у последней, а на особом характере этой значимости, что замечает сейчас большинство исследователей. Ю. М. Скребнев видит в нейтральных единицах «гипермаркированность», т. е. наличие у них самых разнообразных ярлыков-маркеров, тогда как в стилистически окрашенных единицах коннотация однозначна и определенна и, следовательно, ей соответствует достаточно узкая речевая сфера применения, в противовес «универсальной и неопределенной отнесенности нейтральной единицы»[71]. Такая трактовка стилевой нейтральности окажется полезной для описания роли отдельных элементов узуального стилевого комплекса, которая может быть «сыграна» во всех функциональных языковых сферах и типах речи, если налицо одно непременное условие: сольная партия экспрессии аранжируется нейтральным аккомпанементом.

Понятие же экспрессии, укрепляемое присвоенной ему ролью актуализатора стилистического значения в его эмоционально и функционально дифференцированном обнаружении, противостоит шаткости понятия стилистической окрашенности (только функциональной или и эмоциональной? Эмоционально-экспрессивной или экспрессивно-стилистической? и пр.). Если в нашем представлении экспрессия — это явление синкретическое, обнимающее собой весь

---

[68] См.: Русский язык и советское общество, ч. 1. Лексика, с. 133—135.— О тесном взаимодействии экспрессии (которую он понимает как «оценочно-выразительную» характеристику языкового элемента) и «стилистической окраски», когда последняя может быть использована как средство экспрессивной оценки (разрядка моя.— *Т. В.*), пишет и Р. Г. Пиотровский (указ. соч., с. 23—24).

[69] *Винокур Г. О.* Проблемы культуры речи.— Русский язык в советской школе, 1929, № 5, с. 88.
См.: также: *Guiraud P.* La stilistique. Paris, 1967, p. 53.
Скребнев Ю. М. Указ. соч., с. 22—23.

стилевой пласт употребления языка и тем самым отделяющее его от нейтральных средств языкового выражения, то изучение закономерностей стилистического использования языковых средств — это изучение всей области экспрессивно отмеченных высказываний. Узуальная стилистика выглядит в этом свете как наука об экспрессивных возможностях языкового выражения. Естественно, что при таком подходе противопоставление собственно стилистических (т. е. таких, употребительность которых ограничена определенными типами речи, сферами общения и т. д.) разрядов языковых единиц средствам эмоционально-оценочного выражения неуместно. Напомним, кстати, что в ряде классификаций, которые принято считать собственно стилистическими, недвусмысленно заложена и эмоционально-оценочная характеристика, а также наоборот. Например, сниженно-просторечная языковая стихия чаще всего соотносится с пейоративным стилистическим значением входящей в нее лексики [72]. А оценочная семантика слова, как уже было упомянуто, тяготеет к регулярной актуализации в эмоциональных высказываниях, заражая «рассудку вопреки» эмоцией самое оценку.

Стилистическое значение и оценочность

Категории эмоциональности и функциональной направленности тех или иных явлений языка не требуют сейчас дальнейшего обсуждения. Они исследованы в языкознании, а также в смежных с ним науках достаточно подробно, и их проблематика выходит далеко за пределы стилистики [73]. Нуждаясь лишь в некотором уточнении обстоятельств, связывающих «эмоцию», «функцию» и «экспрессию», мы, скорее, сталкивались с постоянной необходимостью затрагивать и «оценочность» в той части, в какой это понятие соприкасалось с понятием экспрессии. Напомним, что оценочное значение единицы языка само по себе (т. е. обозначение явлений действительности, имеющих положительные или отрицательные признаки) не является стилистическим. Исследователи рассматривают категорию оценочности как разновидность номинативной функции языкового знака, а не как коннотацию [74]. И в то же время некая общность акта оценки (в его социально-психологическом смысле) с миром переживаний и чувств человека несомненна. Одним частным, хотя и наиболее ярким, случаем подтверждения этого как раз

---

[72] Хотя в проявлении этой закономерности следует учитывать корректирующую роль разных позиций — отправителя коммуникативного акта и его получателя.

[73] См., например: *Stankiewicz E.* Problem of emotive language.— In: Approach to semiotics. The Hague, 1964.— Подробное обсуждение вопроса о функциональной ограниченности отдельных языковых явлений, а также разных типов речи в его соотношении с вопросами о «функции» и «функциях» языка см. в кн.: *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях.

[74] *Харченко В. К.* Указ. соч., с. 66—67.

и является существование наряду с «интелектуально-оценочным» [75] эмоционально-оценочного типа семантической структуры знака. Другое подтверждение — возможность контекстной имитации этого типа стилистического значения. А третье — получение на ее основе непрямых (субъективных, образных) способов выражения оценки. Они формируются характеристикой не только означаемого, но и означающего, т. е. оценивается отношение к самому способу выражения оценки. Наиболее прямолинейный случай общей оценки выразительных потенций языковой единицы — приобретение ею именно оценочного смысла. Поэтому он даст нам в данный момент возможность продолжить характеристику элементов действующего в узусе стилевого комплекса.

Когда оценочное значение единицы языка становится стилистическим? Прежде всего — в известных нам условиях эмоционально-окрашенного и функционально-ограниченного употребления, имеющего экспрессивные задания. Ср.: Кто это вам так *стильно* голову делает? (И. Грекова, Дамский мастер); Живу *нормально,* учусь неплохо, дома — *тишь да гладь* (В. Амлинский, День первый — день последний); Пальтишко *нормальное, первый сорт* [76]; Как живешь? — *Неважно*, плохо себя чувствую; Как дела? — *В норме*; *Картина в норме* (о хорошем кинофильме); *дела в ажуре*; *моды* здесь все *на уровне* (из письма); *в большом порядке девочка*; Ну, *ты,* знаешь, *не подарок* (да, *это не подарок*); *Книжечка — блеск!*; Он ведет себя, как *псих;* У меня *со слухом полный порядок* (ср.: Она — Софи Лорен, он — Марлон Брандо... к концу фильма *между ними возникает полный порядок* — из устной речи); Когда он согласился играть этого *бича, отщепенца*, товарищи по театру удивились (И. Герасимов, На трассе — непогода) [76].

Естественным положением является также обострение экспрессии стилистического значения, прямо пропорциональное сужению области «первичного» применения обладающей им единицы языка (*псих*, *бич*, *в большом порядке* девочка) [77]. Но в полном объеме узуальное стилистическое значение приведенных примеров предстает перед нами только тогда, когда мы учитываем еще и фактор новизны. Во всех этих случаях мы имели дело или с новизной самого слова (словосочетания, конструкции, предложения), или с развитием у него новых контекстных значений и, следовательно,

---

[75] *Петрищева Е. Ф.* Изменения в составе интеллектуально-оценочной лексики.— В кн.: Развитие лексики современного русского языка. М., 1965, с. 139—140.

[76] Отсутствие указания на источник в примерах означает или бесспорность общеупотребительности приведенного явления, или опущенную ссылку на запись устной речи — в том случае, когда эта ссылка информативно избыточна.

[77] Ю. С. Степанов пишет о том, что количество стилистической информации тем больше, чем четче противопоставляются стилистические синонимы, т. е. «чем у́же стилистическая сфера слова» (см.: *Степанов Ю. С.* Французская стилистика. М., 1965, с. 24).

новой сочетаемости, новой структуры (ср.: *бич, нормальный, ты тоже не подарок, блеск*, между ними *возникает полный порядок*).

Инновация сама по себе является стилистической ценностью. Но реализуется эта ценность по-разному, в зависимости от позиции адресанта и адресата высказывания в их отношении друг к другу. Так, мы уже отмечали, что нелитературные средства языка получают стилистическое значение в узусе тогда, когда выходят за пределы породившей их среды как уже не новые и общеизвестные, а в новой (литературной) среде выступают как новые. Кроме того, характерны случаи, когда стилистически наиболее обостренно инновация воспринимается в противоречии с намерением адресанта. Ср. возможность нейтрального (по намерению) употребления слова *стильный*, являющуюся результатом неполного владения современными русскими стилистическими навыками (такой пример находим в издаваемом на русском языке поляками журнале «Ванда»: *стильная* одежда нужна для хорошего самочувствия, *стильная* обувь — новинка сезона и пр.); или симптоматичное употребление слова *нормально* в детской речи: — Ну дед, я же говорю, давай *нормально побезобразничаем*, мы *не будем ничего плохого делать!*

Важность фактора новизны, возникающего как следствие кратковременного действия закономерностей стилистического узуса, подчеркивается его самостоятельностью — он может выступить в качестве единственной причины образования у единицы языка с оценочной семантикой стилистического значения. Ср. слова *престижный, престижность*[78]. В этом случае сугубо синхронное функциональное ограничение сферы действия слова замещается микроисторическим ограничением — его новизна еще до конца не преодолена языковым сознанием носителя языка того исторического момента, который мы принимаем за синхронный срез, а употребление инновации всегда экспрессивно. Следовательно, узуальное стилистическое значение, образующееся благодаря рассмотренным факторам, возводит «оккупированную» им единицу языка в ранг узуального стилистического средства. Так образуется первая ступень узуально-стилевого комплекса: средство языка получает стилистическое значение и становится узуально-стилистическим средством.

Если смотреть на приведенные выше примеры с точки зрения оценочного смысла, то мы должны пока ограничиться выделением в них стилистических средств оценочного типа. О том, образованию каких стилистических приемов они способствуют,— пойдет речь ниже. Обращая же внимание именно на оценоч-

[78] Вот несколько примеров: Маленькая дочка Генри Фонда, учившаяся в Вассере (самый *престижный* аристократический женский колледж в США)... (из газет); У американских социологов есть ходячий термин «*престижные* товары». Огромный автомобиль зачастую не нужен, и даже неудобен, но он *престижнее* маленького. А недавно я слышал выражение «*престижные книги*» — ими гордятся, но не читают (А. Крон, Бессонница). Ср. и другой пример: Я, кажется, *некачественно* пришила, оторвется (из устной речи).

ный смысл стилевого явления, заметим, что он может лечь в основу образования не только стилистического средства (через стилистическое значение), но и стилистического приема, независимо от того, какое стилистическое средство является его ядром. Наиболее распространенным приемом этого типа является контекстный перевод языковой единицы в оценочную семантику, не характеризующую ее изначально[79] (см. уже показанные случаи — *блеск*, *порядок*). Ср.: Слово *поэт* подразумевает единственность, неповторимость. Поэтому *стихотворцев* много, а *поэтов* мало (Е. Евтушенко, Размышления о поэзии Н. Рубцова); Поначалу снисходительная к молодой *поэтессе*, эмигрантская среда становится нетерпимой к *поэту*, в которого Цветаева вырастает в пору зрелости своего творчества (здесь курсив автора. — А. Эфрон, Из предисловия к публикации автобиографической прозы М. Цветаевой); Есть *писатели* серьезные, талантливые, маститые; есть *беллетристы* и вовсе *третьестепенные*.... (из газет); Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти *господа*, так широко афиширующие свою заботу о правах человека, предпочитают бросать свой взор в сторону других суверенных государств (из газет); Юко Мисима, или точнее — Кимитакэ Хираока, родился в 1925 году в аристократической семье. Его *папаша* — барон Хираока — занимал большой пост... (из газет); Обращает на себя внимание тот факт, что такого рода операции *«супермены»* из ЦРУ пытаются осуществлять и под вывеской государственного департамента (из газет).

Уже последний пример — иллюстрация одной из самых выразительных и широкоупотребительных форм эксплицированной (графически или «метаязыковым» образом) оценки. Ср.: Дознаются об облигациях... дело тогда кончанное. Вытащат на собрание: поди объясняй. *Бизнес-то у нас слово ругательное* (Г. Гофман, Двое над океаном); Это мироощущение широко и разносторонне одаренного человека, поднимающегося к вершинам культуры, *интеллигента в лучшем смысле этого слова*... (В. Дорофеев, Предисловие к избр. соч. А. Платонова); Стих Твардовского был *традиционен в самом высоком смысле* (из газет); В истории советского литературоведения существует весьма значительное явление, за которым закрепилось название *«формальный»* метод... Сами представители этого направления таким термином не пользовались... Они называли себя «морфологами» и еще чаще «спецификаторами». Последние термины безусловно значительно точнее и, что гораздо более важно,— *менее оценочны*... в том околонаучном смысле, который существует в гуманитарном мышлении (в отличие, например, от математического, где термин *«формализм»* употреблялся широко, *не вызывая такого потока эмоций*, в чисто деловом рабочем смысле (Хрестоматия по теоретическому литературоведению, ч. 1. Введение, Тарту,

[79] Приобретению социально-значимой оценочности посвящена большая часть наблюдений над стилистическим развитием лексики в русском языке советского общества в кн.: Русский язык и советское общество, ч. 1. Лексика.

1976, с. 5); ср.: В конце 1920 года Ленин внимательно следил за производством первых электропахотных машин, и ему нужна была точная информация по этому поводу, о чем он неоднократно предупреждал. И когда такая точность не была соблюдена, Владимир Ильич написал управляющему делами Совнаркома Н. П. Горбунову: «Вы вели это дело из рук вон плохо, неформально, вяло не по-военному. Вперед буду с Вами *формальнее*». *И формализм может быть полезен,* если он сродни четкости в работе и персональной ответственности за порученное дело (из газет).

В данном случае не ставится задача специального вычленения разных контекстных и конситуационных обстоятельств возникновения той или иной конкретной оценки. Важно, что и, казалось бы, чисто контекстное свойство высказывания первых двух примеров [80], и глубоко ассоциативные культурно-исторические наслоения двух последних — приводят к одинаковым результатам. Узус впитывает эту оценку и тем самым придает средствам, образующим данный прием, статус стилистических. Ср. несовпадающую с современностью оценку слова «прошлым» стилистическим узусом: Берсенев двигался неуклюже, высоко поднимал на ходу плечи, вытягивал шею; а все-таки он казался более порядочным человеком, чем Шубин, более *джентльменом, сказали бы мы, если бы это слово не было у нас так опошлено* (Тургенев, Накануне). Слово *джентльмен* современным носителем употребляется и воспринимается скорее как ироническое («Джентльмены удачи») или саркастическое (в публицистических жанрах на международную тему) в ряду других, уже начинающих устаревать выразительных средств, тогда как «пошлость», которую имел в виду Тургенев, могла обозначиться лишь при положительной оценке слова.

Внеязыковая причинность большого количества подобных явлений теперь хорошо изучена. Часто она лежит на поверхности той или иной конкретной мотивировки. Ср. исторические вариации оценочного ореола у одного из значений слова *товарищ*: от пейоративного (которое имело место в языковом употреблении 20-х годов у определенной части населения) до современного «уважительного в высшей степени»: А то, может, вызвать профессора какого-нибудь? Знаете, Вера Ивановна, товарищ Барсуков — *очень, очень крупный товарищ*! — Я врач! Понимаете? Мне безразлично, кто мой больной: министр, шкипер или лесоруб.— Ну, знаете ли, *ставить на одну доску лесоруба и товарища Барсукова*!...— А почему бы и нет? — запальчиво воскликнула Вера Ивановна.— Ведь это же *товарищ* Барсуков.— Она сделала ударение на слове «*товарищ*» (из газет); Черед дошел до покупки выдры. Надюшка нахмурилась, жар кинулся в руки, ладони вспотели. В ушах зазвучал наказ Порфирия Игнатьевича: «Смотри, ох, смотри в оба. Обжулят! Они *хоть* и *товарищами прозываются, а своя рубашка и у них ближе к телу*».

---

[80] Ср. высказывания типа: Ну, ты *поэт*! Как все описал замечательно!; С у нас прямо *поэт*! и т. п.

И Порфирий Игнатьевич назвал цену, какую, по его мнению, должны заплатить на базе за выдру (Г. Марков, На Васюгане).

Иногда эти мотивировки сложнее. Так, например, сейчас постепенно обозначивается интимно-одобрительное стилистическое значение слова *мужик* в городской разговорной речи сниженного типа[81]. Чаще всего оно пока реализуется при соответствующих определениях: он *отличный мужик*, он *свой мужик* (ср. даже: *Она умный мужик*, за терапию я не беспокоюсь — Л. Борич, С утра до утра). Ср.: она *чудная баба* и пр. Но это, конечно, не прямое следствие демократизации общества и, значит, перенесения наименования классово-ограниченной реалии на более широкий круг понятий, а установившаяся традиция использования в качестве экспрессивных средств выражения сниженного языкового пласта (*проклятая, злая, склочная* и пр. *баба* была всегда) только с переменой мест слагаемых, от которой сумма не меняется (т. е. при оппозиционном характере оценки — останется то же «количество» экспрессии).

Прием контекстного перевода слова в оценочную семантику может давать не столь безусловно коллективный эффект. В нем находят отражение вкусовые оценки, не связанные с закономерностями общественного языкового сознания, оценки летучие, оценки некорректные (т. е. подмена оценки слова традиционной оценкой понятия и ситуации: не говори *мачеха*, это плохое слово!). Ср. сознательное обыгрывание этого приема в целях полемики: Р. А. Будагов пишет, что слово *современный* стало звучать у нас в науке как *оценочное* (Что означает словосочетание «современная лингвистика»? — ВЯ, 1975, № 6) и пр. Но очень редко это оценки, немотивированные и не находящие отражения хоть в узком, но все же групповом языковом опыте. Обычно за ними стоит жанрово-социальная причина, правда, разных масштабов. Ср., напр.: Только от Солдатихи он и слышит: «Опять ты свою мать до слез довел! У-ух, и доберусь я до твоих косм, *битл ты этакий*!» Слово «битл» Солдатиха переняла у своей Юльки (дочки.— *Т. В.*) и *произносит его как ругательство* (Г.Горышин, Запонь); Тут сестричка подскочила: — Пойдемте, говорит, больной, *на обмывочный пункт*.— Но от этих слов меня тоже передернуло.— Лучше бы, говорю,— называли не *обмывочный пункт, а ванна*. Это, говорю, *красивей* и *возвышает* больных. И я, говорю, не лошадь, чтобы меня обмывать (М. Зощенко, История болезни); Никольский... который уже давно не то что «*ушел на покой*» (он не любил этого выражения), но уже почти не работал, явился в институт (В. Каверин, Открытая книга); Меня всегда забавляло выражение «*пишущий эти строки*». Почему-то я представляю себе пищущего тощим испуганным человечком, выглядывающим из-за частокола строк, одной из тех комических фигурок, какие нынче принято рисовать на полях научно-популяр-

---

[81] Где соответственно редуцируются бывшие ранее очень употребительными словосочетания: *мужик неотесанный, проклятая баба* и пр.

ных изданий (А. Крон, Бессонница); *Все это декларации.* Дело надо делать... (из устной речи); ...почему, собственно, я прогнала этого мужчину? Мне скучно, а в этом ловеласе нет ничего дурного, разве что это *глупое слово «определенно»* («определенно хорошая погода сегодня» — М. А. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Стюардесса* она у меня. *Слово-то какое-то неприличное, до того его затаскали.* Какое уж тут небо? Она его и не видит — завтраки и обеды пассажирам подает (Г. Горышин, Запонь) и т. д.

Выше мы уже приводили примеры, в которых приобретение словом оценочного ореола выступает как ядро удвоенного приема, т. е. со специальным обыгрыванием оценки. Этот прием встречается не только в художественных текстах, хотя оттуда извлекаются, как правило, наиболее яркие случаи. Вот добавление к ним, взятое из разных типов речи: В далеком сорок втором я писала: Качается рожь несжатая / Шагают бойцы по ней. / Шагаем и мы, *девчата / Похожие на парней...* Но со словом *парни* тогда вовсе не ассоциировались вульгарность и развязность. Да и теперь это совершенно несправедливое обобщение (Ю. Друнина, Мужчина и женщина.— Лит. газ., 9. III 1977); Я имел в виду людей самых *простых, обыкновенных,* ну, скажем, инженеров... видите, как изменилось у нас понятие *«простого, обыкновенного человека»*! (из газет); Преподавательницы, научные работники, заводские мастера, драматурги, студенты, домохозяйки и так далее. Как их можно назвать всех вместе? Может быть, так: *горожане.* Жители городов. Раньше было такое *спокойное слово: «мещане»,* то есть как раз то самое — жители города, «места». Но *слово «мещане» с течением времени уродливо преобразилось* и означает теперь совсем не то, что означало когда-то. *Что-то малоприятное и, честно говоря, подозрительное.* А если говорят *«интеллигентствующий мещанин»*, то это уж такая *отвратительная гадость...* Смысл перевернулся, и против этого не попрешь (из газет); Лида любит Виктора — героя заведомо отрицательного. Виктор, *как это полагается отрицательному,* называет родителей *предки,* любимую — *бэби,* мужчин — *сэр,* а деньги — *пиастры* (из рецензии).

Этот последний пример — стандартный случай разноаспектного толкования: 1) речевая характеристика персонажа, т. е. стилизация разговорной речи в художественных целях, что уже является дублированным воспроизведением языкового факта, основанным на оценке данного способа выражения; 2) результат этой оценки (речевая характеристика), в свою очередь, подвергается оценке, т. е. «критике текста». Ср. сталкивание двойной (социально-возрастной) оценки: — Твоя покойница мать и то скучала: *мещанка* была! — А я вот *не мещанка,* а скучаю все равно! — с удивлением проговорила Фрося,— нет, наверное, *я тоже мещанка...* Отец успокоил ее: Ну, *какая ты мещанка*!... Теперь их нет, они умерли давно. *Тебе до мещанки еще долго жить* и учиться нужно: *те хорошие женщины были...* (А. Платонов, Фро).

Таким же специальным приемом является возвращение слову первоначальной оценки, своего рода деэтимологизация: Полагали, что, если правительство решит вопрос об обучении африканцев на родном языке, беспорядки окончатся. Но когда дети потребовали уничтожения всей системы раздельного обучения белых и темнокожих, а затем стали требовать «всего, что дано белым», было решено, что тут дело рук *агитаторов*. Конечно, *агитаторы были и есть, если называть так тех, кто может претворить в слова страдания и муки своего народа, сделав эти слова тактикой борьбы за освобождение...* (из газет); Он был *не самоуверенным, а уверенным в себе* мужчиной (из газет); При слове *мода* мы сразу вспоминаем об одежде. Причем *нередко это слово имеет неприятный оттенок*, будто *мода* — это *синоним крайности в манере одеваться* (из газет).

Отдельного внимания заслуживает современная оценка слова *карьера*. Приобретенная им в нашем обществе пейоративная семантика сделала фактически невозможным его нейтральное употребление, соответствующее предметному значению, что вызвало активную обратную реакцию. Вот наиболее яркие примеры: Слово «*карьера*» может навести на мысль о тщеславии и честолюбии, о карьеризме. *Какое-то оно загубленное*, это слово. Его стараются заменить «продвижением по служебной лестнице», «общественным признанием». А если вернуться к его прямому смыслу, то оно будет означать как раз то, о чем пойдет речь: как преуспели в делах два молодых инженера, одновременно придя на завод (Изв., 17. XII 1963); На статью «Карьера и карьеристы» пришло более двухсот откликов. Несколько читателей выражают свое несогласие с точкой зрения автора. Почему же не понравился им разговор о карьере, карьеризме и карьеристах? Какие контраргументы выдвигают они? Это, в основном, четыре довода. Первый — слово: *карьера*, дескать, когда-нибудь, возможно, и обозначало положительное понятие, но оно настолько *скомпрометировано* в прошлом, что в наше время уже не может обозначать чего-то позитивного. И, мол, нет никакой нужды его реабилитировать. Повторюсь: как свидетельствует толковый словарь, слово *карьера* и ныне означает 'успешное продвижение вперед в области служебной, научной и прочей деятельности'. Положим, мы вычеркнем это слово из памяти, из обихода, заменив оборотами — вроде *трудовой путь*, *служебная биография*, *служебный рост* и т. д. Что от этого меняется? Ничего. Да и не может измениться. *Успешное продвижение в области служебной...* было, есть и надолго еще останется. Ведь в основе *успешного продвижения*, то есть *карьеры*, лежит добросовестный, творческий, самоотверженный труд человека на благо общества (Изв., 27. VII 1972). В статье П. Красунского «Карьера при социализме» были как бы подведены итоги этим мнениям и дана оценка создававшемуся положению. Приведем несколько отрывков из этой статьи: Мне придется открыть читателям «Литературной газеты» одну редакционную тайну. Дело в том, что мы долго ломали себе головы над тем, как точнее сформулировать название обсуждаемого предмета.

Ведь ни для кого не секрет, что в нашем обиходе понятие и сам слово *карьера* по многим причинам *вызывают*, как правило, *отрицательные ассоциации*. Мы рассматривали и другие казавшиеся приемлемыми синонимы: *продвижение, успех, удача*. Увы, ни одно из этих слов не передавало точно смысла проблемы, которую нам хотелось обсудить с читателями. Так и пришлось остановиться на несколько рискованном варианте и ввести в заголовок слово, редко в наших социалистических условиях употребляемое в положительном смысле... Часть участников дискуссии решительно отвергла *слово карьера*, предлагая даже изъять его из социалистического словаря, поскольку оно *ассоциируется с понятием «карьеризм», с индивидуалистским, асоциальным стремлением выдвинуться во что бы то ни стало*, с принципом «Цель оправдывает средства». Так считают многие участники дискуссии, а это значит, что в *сознании людей слово «карьера» еще сильно отягощено отрицательным, чуждым социализму смыслом*... Небольшая часть наших авторов заменяет слово *карьера* понятиями *выдвижение* и *успех*... На первый взгляд, это просто лингвистический спор. Но ведь в нем сосредоточены, как в фокусе, все оттенки мировоззрения и идеологии современного человека, а также изменения, совершающиеся в социальной действительности, в культуре, в сознании... Понятие *карьера* завода или шахты вполне закономерно, *такое употребление слова будет способствовать его освобождению от отрицательных ассоциаций*... В нашем социалистическом мире *слово «карьера» имеет гуманный смысл*: все, что содержится в этом понятии, подчинено идеалу подлинного человека. Имеется в виду человек, который отличается в жизни честностью, благородством, творческим началом в любой сфере деятельности, жизненной правдой и тем, что он оправдал надежды общества (Лит. газ., 26 VI 1974).

Сами оценочно-стилистические средства, в свою очередь, участвуют в образовании приемов, которые имеют и не оценочную, а какую-либо другую направленность. Оценочное средство здесь может служить трамплином:

1) для приема, который построен на столкновении «старое — новое» Ср.: Передо мной дети. Описывают пионерский лагерь — Понимаете, наш корпус был гараж. А теперь его *облагородили*; построили второй этаж.— Я слушаю и вспоминаю, как у меня наполнялось различными смыслами слово *благородный*. В детстве было *благородный сэр*, *благородный рыцарь*, кажется, из «Трех мушкетеров» или «Принца и нищего». Потом *благородный металл* — это уже школьная химия. Еще что-то было... Но вот в сочетании с обычной вещью это слово первый раз услышал в 25 лет, когда один старый инженер сказал: «Смотрите, какая *благородная панель*». *«Облагородить гараж»*. Ну да, ведь уже раз пять или шесть я слышал от заводчан этот оборот *облагородить*, но как-то не придавал ему смысла... (из газет) [82]; Он же *ненормальный. Нормальный ненор-*

[82] Ср. старые оценки: — Она очень *оригинальна*,— промолвил Владимир Сергеевич сквозь зубы.— А что — *это* в ваших устах, в устах положительных

мальный. Но гений. Все гении *ненормальные...* (реплика персонажа из фильма «Мои друзья»);

2) для приема остранения, выполняющего здесь роль лаконичной и точной характеристики персонажа через его речь: Было и письмо с просьбой о протекции при поступлении в театральный: «Я не могу жить без театра, это моя мечта с самого детства... Вы меня сразу узнаете, на экзамене я буду в голубом *импортном* платье с блестками...» Александр Михайлович на минуту задумался, смог бы он при случае отличить *импортное* платье от *отечественного?* Решил, что смог бы, и порвал письмо (из газет); Она, знаешь, из тех, кто уже даже *обалденный* не говорит, а *зашибенный;*

3) для вариантов оценочного приема, связанных не с приобретением оценки, поскольку таковая уже заложена в самом стилистическом средстве, а с эксплуатацией той части его стилистического значения, которое содержит эмоцию; например, для так называемого «эффекта уклончивых слов»: У нее вид — то ли *недостилизованный,* что ли... в общем, это не Клеопатра (о фильме, из устной речи); этого же типа средство (в приеме «открытый ряд соединений», см. ниже) выступает в роли усилителя иронической оценки: Мой сын называет Уссурийск *недогородом* (из устной речи).

Стилистический прием и его отношение к стилистическому средству

Демонстрация некоторых стилистических приемов, опередившая определение самого понятия, небесполезна для последнего, потому что оно таит в себе значительно большее количество трудностей, чем определение стилистического значения и стилистического средства. Сама семантика слова «прием», содержащая в себе элемент «преднамеренности», «специальной построенности», сознательного расчета на выразительный эффект, отчасти противоречит той роли, какую мы отводим данному понятию в типологии явлений стилистического узуса, учитывая рассмотренную во Введении неоднозначность противопоставления «спонтанный (неподготовленный и необдуманный)» — «неспонтанный (подготовленный и обдуманный)» языковой отбор, формирующий высказывание.

Понимание приема как специфического явления стиля, поставленного на службу только эстетической функции и принадлежащего художественной речи, является наиболее распространенным (что, по всей вероятности, является также отголоском лозунга формальной школы об «искусстве как приеме»). В. М. Жирмунский, называя прием одним из трех основных понятий поэтики, отмечал, что, будучи явлением телеологическим, он определяется общим

людей, *похвала? — Не думаю...* (И. С. Тургенев, Затишье); Герои à la Марлинский попадались везде... Про них сложилось прозвище *«фатальный».* Тип этот, как известно, сохранялся долго, до времени Печорина... (И. С. Тургенев, Стук... Стук... Стук!).

[8]

заданием поэтического текста, и что потому единство приемов поэтического произведения создает стиль[83]. Соотнесение этого понятия с поэтическим языком проясняет его динамическую, актуализирующую сущность в любом случае — если поэтическим языком считается «язык с установкой на творчество» (В. П. Григорьев) и его элементы обнаруживаются во всех сферах речевой деятельности человека, или если даже, говоря о приеме, исследователи традиционно понимают под поэтическим языком язык художественной литературы. Р. Г. Пиотровский, в частности, справедливо полагая, что «сущность стилистического явления особенно отчетливо проявляется тогда, когда оно выступает в форме стилевого приема», видит главное поле действия стилистических приемов в художественной литературе, почему и квалифицирует ее как удобный материал для общеязыковой стилистики[84]. А И. Р. Гальперин считает главными понятиями стилистики «выразительные средства языка и специальные стилистические приемы... придающие речи особую — эстетико-художественную функцию».

Различие между понятиями «стилистическое средство» и «стилистический прием», таким образом, осознается прежде всего с точки зрения большей или меньшей степени преднамеренности, специальной обдуманности процесса отбора, результатом которого является стилистический эффект. А. В. Федоров устанавливает в связи с этим фактором такую зависимость между средством и приемом, при которой последний трактуется как один из частных случаев применения стилистического средства[85]. В этой трактовке отражается представление о тождестве названных понятий с точки зрения «материи» и о различии с точки зрения «образа речевого действия»: если стилевое средство употреблено намеренно (и если, к тому же, намеренность эта представляет собой акт эстетический), оно является приемом. Такое понимание приема может привести к неправомерно резкому отграничению поэтической речи (или языка художественной литературы) от общеязыковой практики. В. М. Жирмунский, по всей вероятности ощущая некоторый схематизм такого противопоставления и пытаясь каким-то образом его преодолеть, пользовался термином «прием» и по отношению к стилевым свойствам «практического языка», но заключал его в кавычки. При этом он замечал, что, например, в разговорной речи сосуществуют «приемы», сближающие стилевые тенденции поэтической,

---

[83] См.: *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. М., 1977, с. 35; *Гальперин И. Р.* Является ли стилистика уровнем языка? — В кн.: Проблемы языкознания. М., 1967, с. 201.— Б. М. Эйхенбаум писал в «Поэтике кино», что смысл приема зависит от его функции.

[84] *Пиотровский Р. Г.* Очерки по стилистике французского языка, с. 26.

[85] *Федоров А. В.* Некоторые пограничные вопросы языкознания и литературоведения.— В кн.: Вопросы стилистики, № 12. Саратов, 1977,— Но как все-таки можно применить «средство», не проходя стадии его включения в прием? Средство без приема — это, во всяком случае, не употребление, а языковая абстракция.

ораторской (по его определению — «эмоциональной») и других типов речи [86].

Указанное отношение к понятию «прием», хотя его разделяют и лингвисты, восходит, конечно, к нелингвистическим традициям. Подходя к стилевым явлениям с точки зрения их языковой организации, целесообразно ставить во главу угла не «доязыковое», процессуальное понятие подготовки к акту речи, а его языковую наличность, из которой затем можно делать нужные исследователю выводы внеязыкового характера. Сама же речевая наличность (т. е. высказывание, текст) не дает возможности положить в основу различий очень существенных для стилистики понятий с р е д с т в о и п р и е м «степень преднамеренности» использования того или иного стилевого явления. Более правомерно говорить здесь о структуре явления и масштабах, в которых обнаруживается узуальный объем стилистического значения составляющих, достаточный для снабжения приема определенным экспрессивным смыслом.

И. Р. Гальперин, обсуждая вопрос о том, единицей языка или речи является стилистический прием, приходит к выводу, что его можно «рассматривать двояко: и как некую систему форм, присущих стилистике как одному из аспектов языка, и как комбинаторную способность по-разному сочетать слова и конструкции» [87]. По всей вероятности, усмотренная им необходимость двоякого рассмотрения приема вызывается тем, что он в качестве элемента узуально-стилистического комплекса есть и система форм и система значений, отличающаяся принципиальной возможностью комбинаторных вариаций.

С этой точки зрения складывается иная картина соотносительности понятий «прием» и «средство». Мы имеем дело не с включением приема в средство при особых условиях употребления последнего, а с образованием приема как непременного этапа реализации стилистически значимого употребления языка (т. е. стилистически окрашенного высказывания) в любых сферах языкового общения, на основе стилистического средства; иными словами, с непременным участием языкового средства (или средств), имеющего стилистическое значение. Таким образом, если и можно говорить о включении одной единицы в другую, то, скорее, в обратном порядке: средство включается в прием. Ср. не только примеры, которые приводились выше, но и ряд других.

Существует, например, прием, который условно можно назвать «эффектом уклончивых слов», потому что он отвечает экспрессивному заданию редукции, нейтрализации признака (а в случае выражения пейоративного значения расценивается как эвфемистический). Этот прием обслуживают разные языковые средства,

---

[86] *Жирмунский В. М.* Указ. соч., с. 23—24.
[87] *Гальперин И. Р.* Является ли стилистика уровнем языка?, с. 201—202.

объединенные в деле создания приема соответствующим стилистическим значением.

а) Непосредственно эксплуатирующаяся неопределенная семантика местоименного класса слов: *некоторый, какой-нибудь, кое-кто* и пр.

б) Лексика, семантические особенности которой сами дают возможность для употребления ее в уклончиво-неопределенном смысле. На основе лексических значений (например, 'большой', 'важный', 'влиятельный' и пр.) развивается стилистическое употребление, ослабляющее эти признаки: *значительный* (*в значительной степени, мере..., значительное число* признаков..., *значительный интерес* представляет, *существенное значение* имеют — типические клише научной речи); то же: *известный, определенный* (*известный интерес* представляет..., в *определенной степени*); Погоня за показателями, свойственная *иным* школам; *Иная* мамаша, наскоро обтерев яблоко, дает его ребенку (из газет).

в) Лексика, данное значение которой есть результат словообразовательного процесса с отрицанием (это средство функционирует особенно широко): ... Бунин одержал *немалую* победу, по мнению большинства, и в «Деревне» (Е. Калмановский, И. Бунин. Эскизы к портрету); *немало* сил отдавала она и бытовым делам (Р. Маркова, Записки бывшей фронтовички); два очаровательных крокодильчика... *неплохо* акклиматизировались на новом месте (Вокруг света); Предсказательница ахнула... и едва не трахнула меня ящиком, в котором находилось все ее *несложное* хозяйство (В. Каверин, Открытая книга). Сразу же приведем пример «образного штампа» — первого показателя истинно широкой употребительности единицы языка — *нехитрый* (*нехитрые пожитки, нехитрое хозяйство, скарб* и т. п.). Второй показатель широкого употребления — образование на основных признаках стилистического значения дополнительного «эмотивного нароста», иронического по преимуществу: ср. использование устойчивых сочетаний типа *не* (*самым*) *лучшим способом, образом* (он *проявил себя* в этой ситуации *не лучшим образом*), которое, очевидно, создается от обратного: несоответствующей признаку эксплицитностью, «расслабляющей развернутостью», плеонастическим способом выражения.

г) Наконец, весь класс вводных модальных элементов предложения, который сам по себе связан с рассматриваемой экспрессией и, следовательно, дает пример соединения стилистического значения с грамматическим (*надо заметить, что...; по всей вероятности...; следует оговориться, что скорее всего...* [88]) и который достигает максимального проявления эффекта или в соединении с неопределенной семантикой названных выше местоимений (*в каком-то смысле...*), или с удвоенным отрицанием: *нельзя не назвать,*

[88] Ср. оксюморное содержание одного из вариантов данного приема: Это, *если хотите, крайнее* проявление характера; Он, *можно сказать, совсем* спятил («предельное» значение самих определений одновременно редуцируется модальностью).

нельзя не заметить. Нагнетение неопределенно-уклончивой модальности вообще характерно для этого приема: ...вы могли в начале века увидеть странных людей в различной, но *все же вроде как бы* полуформенной одежде (Л. Успенский, Красные шапки). Ср. слова популярной песенки из телевизионной серии «Следствие ведут „Знатоки“»: «Если *кто-то кое-где* у нас *порой* честно жить не хочет». Такая чрезмерная «уклончивость» здесь вызывает лишь комический эффект, а также (см. предыдущие случаи) способствует рождению штампа. Модный штамп (генетически актерский, но распространившийся в интеллигентной среде вообще) — *где-то* в «не местном» значении, а как синоним *в чем-то* (Понимаешь, я *где-то* чувствую, что он мне не верит; она *где-то* глупа и пр.), проходит сейчас путь, типичный для штампа вообще: возникнув как средство, долженствующее способствовать особой, «обновляющей» выразительности приема, оно постепенно угасает, становясь приметой дурного вкуса.

Ср.: Между прочим, женщины, пьющие ледяное красное вино, как-то особенно хорошеют. Они становятся *где-то* похожи на ведьм. Где именно? *Где-то*. Прекрасное слово — «*где-то*». Вы *где-то* свинья. Обожаю этот оборот (А. и Б. Стругацкие, За миллиард лет до конца света).

В поэтической речи этот прием способен приобрести специальное значение. Так, В. М. Жирмунский называл употребление «неопределенного эпитета» (*кто-то, что-то, где-то, когда-то*), родственного «бесконечному эпитету» (*безмерный, несказанный*), специфическим приемом символистов, выражающим «неясность локализации в пространстве и во времени, характерную для романтического стиля» [89].

Уже на одном этом примере мы с достаточной ясностью можем проследить взаимоотношения стилистического средства и стилистического приема. Будучи типичной иллюстрацией «употребления языка в речи» (что является как раз причиной, не позволяющей ограничиваться одним из объектов дихотомии и допускающей возможность эксплуатации обстоятельств, которые не разъединяют планы langue и parole, а объединяют), они показывают: 1) принадлежность понятия «прием» высказыванию как тексту, понятия «стилистическое значение» высказыванию как узусу (манифестируемым навыкам коллективного употребления языка), понятия «стилистическое средство» как главного связующего звена при переходе языковой единицы от схемы к реализации, когда она получает стилистическое значение и тем самым становится годной для употребления в определенных коммуникативных сферах; 2) возможность комбинаторных свойств стилистического значения, позволяющих обслуживать широкий диапазон экспрессивно-смысловых вариаций, отвечающих определенному речевому заданию [90].

[89] См.: *Жирмунский В. М.* Указ. соч., с. 384.

[90] Р. Р. Гельгардт говорит в этом случае о «побочной стилистической коннотации, возникающей комбинаторным путем». «Она остается окказио-

Так, например, в стилистическом узусе существует прием, который мы называем «интимизацией» общения. Это перевод высказывания из нейтральной или высокой сферы общения в сниженную, из официальной — в неофициальную, из неофициальной — в еще более неофициальную, т. е. в фамильярно-интимную. Последовательная редукция такого признака, как официальность общения, сопровождается обратно пропорциональным ростом эмоциональных признаков высказывания. Прием интимизации осуществляется различными стилистическими средствами. Одна из групп таких средств основана на эллипсисе. Ее стилистическое значение — экспрессия неполной вербализации, особого «группового», т. е. отличного от других способов, «сокращенного» употребления, которое полностью открыто лишь для определенной ситуации, для определенного типа речи, для определенного круга говорящих. Стилистическое задание интимизирующего приема, осуществляемое эллиптическими средствами стиля, ведет к экономии речевых средств как к одному из существенных факторов речевого поведения в коммуникации. При выполнении этого задания названные стилистические средства окрашивают высказывание экспрессией, благодаря которой экономия речевых средств выступает как специфически выразительная функция общения, модифицирующая стилевую норму его эксплицированности.

Заметим, что, с одной стороны, прием интимизации речи может быть осуществленным языковыми средствами совсем иного плана (например, той спецификой разговорного синтаксиса, которая свидетельствует о плеонастичности высказывания), а с другой стороны — эллипсис как стилистическое средство способен участвовать в организации не только данного приема, но и ряда других: усилении динамики действия, гиперболизации событий и явлений и пр. Соответственно меняется и характер заданий высказывания. Таким образом, соотнося прием интимизации с эллиптическими языковыми средствами, мы рассматриваем лишь его частичную реализацию, во-первых, и одну из стилевых ролей эллипсиса, во-вторых.

нальным явлением речи,— пишет он дальше.— При отражениях качества стилемы (стилистического значения.— *Т. В.*) в стилистической окраске употребляемого слова, комбинаторные (позиционные) наращения стилистических типов в конкретных текстах и условиях речевой деятельности бывают нескольких видов...» (см.: *Гельгардт Р. Р.* О стилистических категориях.— ВЯ, 1968, № 6, с. 65). Называя три фактора — ситуацию, ассимилирующее воздействие словесного окружения и жанрово-стилистическую форму высказывания, которые способствуют возникновению стилистических оттенков, Р. Р. Гельгардт упоминает, что оттенки, которые возникают комбинаторным путем в функциональной перспективе текста, присоединяются к основной стилистической окраске или наслаиваются на нее. В этих «наслоениях или присоединениях к основной стилистической окраске» и проявляются, с нашей точки зрения, закономерности использования стилистически значимых явлений языка в полном объеме, когда выделение «основного значения» (инварианта) существенно не более чем напоминание об общепринятой условной дефиниции.

www.ruslang.ru

Называя эту группу средств эллиптической, мы менее всего имеем в виду ее структурно-языковые признаки. Она объединяется для нас указанным выше стилистическим значением «экспрессивной сокращенности» высказывания, сгущения, которое провоцируется увеличением асимметрии в соотношении между означаемым и означающим внутри стилистической коннотации. Здесь имеет место процесс, так сказать, пресупозиционного характера, т. е. опора на предшествующее стилистическому нейтральное и эксплицитное употребление означающих, которое позволяет за счет любого вида «сокращения» перевести его означаемое в стилистический план [91]. В этом свете синтаксический эллипсис, семантическая конденсация, некоторые виды специального умолчания, недосказанности сообщения (апосиопезис) и пр. являются однотипными стилистическими средствами [92].

Большинство этих средств генетически принадлежит разговорной речи и образуется за счет ситуативной обусловленности семантико-синтаксических свойств ее номинации [93]. В то же время

---

[91] Ср. понятие пресупозиции предложения в кн.: *Арутюнова Н. Д.* Понятие пресупозиции в лингвистике.— Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка, 1973, № 1.

[92] Когда языковые явления объединяются по признаку стилистического значения (т. е. выступают как одно стилистическое средство), несходство других признаков и критериев не является препятствием к этому объединению. Так, для синтаксического эллипсиса, например, семантический критерий считается неверным, тогда как для лексической конденсации он не подлежит сомнению (см.: *Сковородников А. П.* О критерии эллиптичности в русском синтаксисе.— ВЯ, 1973, № 3). Ю. М. Скребнев пишет: «В трудах по стилистике, как правило, последовательно не различаются: а) явления, относящиеся к заведомо разным языковым уровням (например — синтаксические и семантические фигуры речи); б) явления, порождаемые использованием (выбором) одной языковой единицы из числа парадигматически наличных, и синтагматические явления, порождаемые взаимоотношением языковых единиц, совместно встречающихся в тексте. Ни один минимально сведущий грамматист не позволил бы себе излагать материал, скажем, в таком порядке: „подлежащее, падеж, прошедшее время, частицы, страдательный залог, обстоятельство цели". Между тем в трудах известных стилистов соседствуют „сравнение, метафора и цитата" (т. е. соответственно, фигура отождествляющего совмещения двух единиц значения, один из видов совмещения двух семантических планов в единице формы и литературный прием включения в текст чужого высказывания) или „эллипсис, анаколуф, метафора, литота" (первый термин имеет в виду неполноту предложения, второй — нарушение правильной формально-синтаксической связи, третий — вышеупомянутое совмещение двух семантических планов, четвертый — выражение положительного признака путем отрицания соотнесенного с ним отрицательного признака)» (указ. соч., с. 16—17). При всей своей справедливости, эта критика содержит, с точки зрения у п о т р е б л е н и я, одно уязвимое место: если «соседство» означает «взаимодействие», то сравнение может соседствовать с цитатой (в языково-стилистическом смысле этого последнего термина, о чем будет идти речь ниже), а эллипсис — с анаколуфом как элементы узуально-стилистического комплекса. А следовательно, по отношению к грамматическому материалу стилисту дозволено как раз то, что недозволено самому грамматисту.

[93] См.: Русская разговорная речь, гл. V. Номинация.

эти стилистические средства представляют собой один из таких типов, который легко, часто и весьма результативно репродуцируется во всех сферах общения и в разных типах речи [94].

Обостряющаяся или затухающая в зависимости от этого экспрессивная окрашенность задания речевой экономии, согласно которой эллипсис используется высказыванием, в любом случае совмещается с побочным внеязыковым фактором — тематической ограниченностью. Это, в свою очередь, является следствием содержательной специфики тех или иных сфер общения.

Если мы сейчас обратим внимание только на одно эллиптическое средство стиля — семантическое стяжение, то увидим, что «интимизации», как правило, подвергаются означаемые тех реалий, которые выступают в качестве наиболее обычных предметов речи для данной сферы общения. Например, бытовая область вещей и представлений в разговорной речи: Отдаю его в этом году на *продленку*; Ты, Дмитрий, возьми с собой *мелкашку* (мелкокалиберное ружье; охотн.); Она... обмакнула ручку в фарфоровую *непроливашку* (С. Антонов, Первая должность); Другое дело — *мелочевка* [95]. Ежедневно сталкиваясь с множеством «микроскопических» проблем, увы, по тем или иным причинам неразрешимым с первого захода, клиент каждый раз подвергается нервной встряске... (из газет); В лесу, небось не был? — *В партизанку? В партизанку* был взводным у Бугримовича (В. Быков, Обелиск); Вы, конечно, помните «колымскую *инвалидку*»? Там мне довелось встретиться с вами... (из газет). Сюда же отнесем частое использование стяжений разных типов — от просторечно-жаргонных лексем, подтверждающих неограниченные возможности углубления

[94] Так как мы пока не касаемся вопроса о закономерностях функционирования тех или иных приемов узуально-стилевого характера в разных сферах речевой деятельности общества, обратим сейчас внимание на отчетливо выраженное в этих примерах отсутствие прямой связи между применением эллипсиса и характером языкового отбора (спонтанного или неспонтанного). Это обстоятельство сыграет в дальнейшем свою роль при выяснении вопроса «о противоречивости сознательного и неосознаваемого в выборе человеком разных форм, имеющих одно и то же содержание» (*Будагов Р. А.* Указ. соч., с. 55).

[95] Необходимость контекста для этого слова подчеркивает принципиальное безразличие (если мы изучаем стилистическое употребление) и для формирования и для функционирования данного приема к тому, являются ли его стилистические средства узуальными или окказиональными, более употребительными (т. е. претендующими на внеконтекстное стилистическое значение) или менее употребительными (когда их стилистическое значение оформляется контекстом). Здесь может иметь место лишь внутренняя градация: чем реже употребляется само стилистическое средство, тем резче обозначается его стилистическое значение — общий закон новизны, управляющий выразительностью речи. Поэтому мнение, что «случаи намеренной языковой игры, инкрустации», когда можно «инкрустировать речь чем угодно и когда угодно» (что само по себе не совсем верно.— *Т. В.*) не имеют отношения к «серьезным наименованиям вещей», так как это «лишь стилистический прием»,— противоречит, как кажется, закономерной и непременной взаимопроницаемости, которая наблюдается в случаях указанной выше градации (см.: Русская разговорная речь с. 411).

сниженной интимизации, до небрежности группового кода: Не все же время нам *ишачкой* заниматься, заработать надо (от *ишачить* ‘тяжело и невыгодно работать’); Это у меня *заначка*, на кино и прочее (от *заначить* ‘отложить’; ‘спрятать на черный день’, ‘присвоить’).

Стилистическая активность приема подчеркивается следующими обстоятельствами: а) средства, его образующие, выступают как омонимы, что не влияет на их употребительность. Ср. *партизанка*, *дешевка* (‘дешево приобретенный товар’ ‘дешевая жизнь’ и перен. ‘женщина свободного поведения’); *минералка* ‘минеральная вода’ и *минералка* ‘удобрение’: То запчасти подкипет, то *минералки*, то, смотришь, трактор пришлет... (из газет); б) словообразовательная модель, уже содержащая в себе стяжение, стремится к дальнейшей сниженной, обновленной конденсации: Мясо вынь, пожалуйста, в *заморозке* лежит (в морозильнике); в) ряд стяженных единиц имеет разное семантическое наполнение (*трешка*, *пятерка*, *десятка* — только по отношению к рублям, *двушка* — только по отношению к копейкам);
г) ту же стилистическую нагрузку несут дважды стяженные формы, например, от субстантивированных прилагательных (*столовка*, *читалка*); то же в топонимических названиях — ср. пример, наглядно показывающий всю сумму составляющих стилистического значения средств этого типа: В почтовых и сельсоветских бумагах село наверняка называлось *Первомайским*, *но чья-то душа подмигнула названию*, и оно навсегда перепачкалось в *юную Первомайку*, а это *понравилось*... жителям. *Не так солидно... зато красились* (т. е. делали ремонт, белили избы.— *Т. В.*) *с несолидной лихостью* (Д. Холендро, Пушка). Осуществлению сниженного стяжения в целях интимизации не мешает даже аналитическая форма топонима: *Улица Льва Толстого*, *Львушка* у нас ее называют, очень хорошая, зеленая... (из устной речи).

Для разговорных стереотипов, содержащих стилистический эллипсис, очень показательна ситуативно-тематическая избирательность. Ср. высказывания по поводу театральных, литературных и прочих событий, где прием интимизации окрашивается усиленным оттенком «посвященности» и «сопричастности». Театралы, например, не употребляют в разговоре между собой полных названий спектаклей и театров, а пользуются, как правило, «устранением определяемого»[96]: пойду на *Спящую*, ставят *Лебединое*, премьера в *Моссовета*. А если в разговоре участвуют «непосвященные», то задание усиливается, для достижения эффекта приходится прибегать к расшифровке: на какого *Бориса*?.. на *Годунова*, конечно. Ситуативные различия здесь пренебрегают омонимией, вернее, преодолевают ее: *Большой* и *Малый* — это и театр и зал консерватории, тогда как для профессионала такое употребление возможно лишь по отношению к н е с в о е м у месту работы; в с в о е м он устранит определяющее: мне сегодня *в театр* к семи.

[96] См.: Русская разговорная речь, с. 417.

Информативная неполноценность — также не помеха (*Борис* уже больше не идет). Названия литературных произведений в сходных типах высказываний чаще дают обратную картину, что объясняется разницей в ситуативной базе: не «в *Братьях* есть такой эпизод...», а «в *Карамазовых* есть такой эпизод...», не «*Анну* читал сегодня вечером», а «балет есть по *Карениной*, слыхали?»

Уже по этим примерам видно, что истоки данного словоупотребления — какая-либо узкая социально-жанровая и потому первоначально именно ситуативная ограниченность: Значился он в *младших научных*, но случалось, и *старшие* бегали к нему советоваться (В. Комиссаров, Старые долги); ср. у Куприна: Мы, *цирковые*, знали о ее природной простодушности (Ольга Сур). Прием интимизации очень популярен поэтому в профессиональных и «околопрофессиональных» навыках речи. Ср. хотя бы ряд словообразовательных моделей Nomina agentis: *кадровик, левак, фирмач*[97], *анонимщик, калымщик, киношник*[98] — как наиболее яркий пример эллиптического средства профессиональной речи в приеме интимизации.

Так как этот прием очень во многом обязан стремлению к охране речевой обособленности, щегольству, подчеркивающему недоступные посторонним отношения с предметом высказывания, в интимизирующий эллипсис вовлекаются не только разговорные профессионализмы, но и терминология разных областей профессионального знания. Ср. хотя бы один тип: Здания здесь стоят на *несущих* полурамах (речь архитектора); для *составляющих* характеристика дается на основании следующих признаков... (из современной лингвистической статьи); *неприсоединившееся* государство (внешнеполитический термин)[99]. Поэтому область профессионального словоупотребления так богата эллиптическими средствами стиля[100]. В ней родились *нейтралка, агитка* (Пьеса... во что бы то

---

[97] Новое слово, которое, употребляясь главным образом для обозначения представителей иностранных фирм (см. словарь «Новые слова и значения», с. 506), постепенно распространяется в качестве стилистического средства и на «самоназывание» работников нашей торговли (но только внешней). Ср. старое *комитетчик*, не распространившееся на новую реалию (напр., «член комитета комсомола») и вышедшее из употребления.

[98] Распространенное сейчас пейоративное стилистическое значение этого слова — модифицированная профессиональная интимизация. Ср.: Наши журналисты, телевидение и *киношники* делают все, чтобы пропагандировать новый вид спорта (из выступления кинооператора).

[99] Б. В. Томашевский в свое время писал, что всякая научная терминология вырастает из «кружкового жаргона». Ср. еще некоторые эллиптические примеры этого последнего: У вас *закрытая* работа? — Кой черт *закрытая*!.. Обыкновенная астрофизика и звездная динамика... Ничего закрытого здесь нет... (А. и Б. Стругацкие, За миллиард лет до конца света); *Озадачить*, то есть превратить в задачу (такой термин бытует среди авторов задач) удается далеко не все интересные с лингвистической точки зрения факты (Н. Лауфер, Необыкновенные задачи.— Знание — сила, 1976, № 10); *осметить, обсчитать* и пр.

[100] См.: *Протченко И. Ф.* Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М., 1975, с. 215—250 и др.

ни стало должна быть революционной. Вы понимаете, как опасно это слово и как оно граничит с простой пошлой *агиткой...* — К. Станиславский, Письма); *самочинка* (самочинный обыск — Вчера два аферпста залепили *самочинку* — из милицейской практики) [101]; *наружка* (наружное наблюдение — Ю. Семенов, Бриллианты для диктатуры пролетариата); *прогрессивка, отрицалка* (актерское — амплуа отрицательного персонажа); *успевать* (У нее все *успевают* в классе, ни одной двойки) [102]; *провести* (*Проведите* эту сумму, пожалуйста — бухгалтерское); Когда *заступаешь?* — Через неделю (из устной речи); Ах так! *Буду ставить в известность* (из устной речи); — Сегодня ненадолго появитесь, а завтра *приступите* (Ю. Герман, Дело, которому служишь); Мое путешествие по танцплощадкам Киева имело своей целью не *«вскрывать» и «разоблачать»*. Это делали мои коллеги-журналисты не один раз. Я же наивно мечтал найти здесь крупицы положительного опыта (из газет); *За костюм* ему сразу *присудили*, а он говорит — материя дорогая, в суд лоскутья принес! (Е. Леваковская, Сентябрь — лучший месяц); Поймал бы с цветами (украденными.— *Т. В.*) — *привлек* (речь милиционера — В. Комиссаров, Старые долги); Хорошо еще, что близко от *расположения*, а то бы не успели (речь военного); Из блиндажа вышел Шатерников.— Ну, что там? — спросил Ракитин. — Совет в Филях... — *Уточняют* и все такое... Накурили — дышать нечем (Ю. Нагибин, Бой за высоту); Приходили вчера два *носителя*, очень шепелявят (говорит языковед-фонетист); Сам я пахожусь на одной из нижних ступеней кадровой лестницы... Естественно, меня волнует проблема *подбора* и *выдвижения* (из газет); Над этой обсерваторией, как мы говорим, *нет неба* (речь астронома); В словах «старая гвардия» слышалось уже не только уважение, но рядом с ним — мысль о новых силах. И ее отражением где-то в недрах управлений кадров родилась будничная формула: *уже не потянет* (из газет); В подобном роде высказались все семь присутствовавших здесь членов партбюро. Четверо проголосовали за то, чтобы Суслову *указать*. Трое же настаивали на выговоре (из газет); *Откатать обязательную, откатать произвольную* (фигуристы); *Архивы по народникам, датировка по Новгороду* (историки); *еду на материал* (журналисты); *развить слона на В-6* (шахматисты); я тогда *делала Дездемону* (актерское); *сидеть на кадрах, работать* (служить) *на машинке, характеристика на...* (административное); *диктант на усвоение* (учителя).

Названный прием приспосабливает профессиональную терминологию к разговорно-непринужденному типу коммуникации [103].

---

[101] Рискнем привести из этой сферы и ужасающую *расчленеику* (т. е. убийство с последующим расчленением трупа).

[102] В стихотворении Р. Рождественского «210 шагов» обыгрывается связь стяженных и нестяженных употреблений этого глагола: В школе когда-то были оценки / Две: *успевает* и *не успевает*...

[103] См.: *Бельчиков Ю. А.* Интимизация изложения.— Русская речь, 1974, № 6.

Приведенные выше формулы представляют собой причудливую смесь жаргонных, профессиональных и общелитературных начал, что способствует их одинаковой употребительности и в официальных ситуациях общения (интервью, выступления на собраниях, по радио и т. п.), и в непринужденных «кулуарных» разговорах.

Ср. пример одной газетной статьи, авторы которой подвергают критике работу районного отделения милиции. При этом они употребляют, согласно милицейским навыкам речи, термин *нарушение* усеченно, без дополнения: «Иной раз гражданин допустит даже какое-нибудь пустяковое *нарушение*. Сделай ему замечание. Так нет, милиционер требует документы, подозрительно оглядывает человека. Ему, как положено, предъявили все документы, путевой лист. *Нарушений* никаких не было... Все наставления и приказы, определяющие службу в милиции, направлены на то, чтобы не допускалось *нарушение*, не попирались права, достоинство и честь советских людей». И только в финальной фразе мы находим «полное» употребление: «Все это еще более укрепит престиж советской милиции в глазах трудящихся и поможет решительнее бороться со всеми *нарушениями общественного порядка*» Т. е. профессиональную «интимизацию» подхватывает и тот, кто в данном речевом акте выступает как антагонист представителей этой профессии.

Важнейшее подтверждение стилистической активности разных видов эллипсиса как средств, организующих прием интимизации,— включение в него источников широкого семантико-стилистического диапазона. Активизация процесса стяжений сама по себе является характеристикой современного стилистического узуса, так как она связана с общим снижением нормативно-стилистического уровня нейтрального высказывания. Поэтому «интимизируются» названия самых высоких, официальных, отвлеченных понятий. Ср.: Вы этого понять... не можете, это связано с обратной транскриптазой... это такой фермент в составе онкорп-вирусов, и это, я вам прямо скажу, отцы, пахнет *нобелевкой* (А. и Б. Стругацкие, За миллиард лет до конца света) [104]; Работаешь? *Нетленку*, значит, *лепишь?* (там же); Хорошие сапоги.— *Отечка*? (отечественное производство); Без *сноторки* совсем спать не могу (из устной речи). А сопутствующие эллипсису (т. е. и метонимии, и другим семантическим стяжениям, а также «названию ситуации» и пр.) изменения лексической и грамматической сочетаемости обостряют специфику стилистического значения, так как увеличивают дистанцию между языковой единицей — нейтральным средством языка и языковой единицей — стилистическим средством языка.

Ср. еще ряд эллиптических средств стиля: Оставьте ваши *металлические* разговоры. Дома я отдыхаю. А завтра в цеху посмотрим (из газет); *Майонезная* старушка (сдающая большое количество майонезных баночек.— *Т. В.*) миролюбиво откликнулась:

---

[104] Ср.: Ему дали *Нобеля* (реплика акад. В. А. Энгельгардта в посвященном ему телевизионном фильме).

«На свои пьют!» (из газет); Это типичная картина *аденойдовского* ребенка (из устной речи); Посреди комнаты — стол с остатками яств и множеством *алкогольных* бутылок; *кризис между Кипром и Грецией*; *мирное урегулирование* на Ближнем Востоке (из газет);— Заходи, *милиция!*; *Ах, ты комсомол* — пичужечка! (из устной речи);— Нет,— говорит *техника безопасности,*— вы не зацепили карабин за кольцо, как положено по инструкции (С. Антонов, Первая должность); В универмаге *стоял* и *висел* сплошной *дефицит*: лакированные сапожки, импортные куртки... *Одевшись в дефицит,* он совершенно перестал отличаться от обитателей институтского городка (В. Комиссаров, Старые долги); Я только *в кадры сбегаю...*; Да вы в подвал позвоните, там *Красновидово сидит* (сотрудник, который ведает делами дачного поселка «Красновидово»); Сейчас *грудные клетки не делают, делают желудки.* Они ведь придут с утра голодные. Три человека (говорят в регистратуре поликлиники); У нее что?— У *нее гемоглобин и давление*; Шагнув навстречу, он хрипловато представился: — Юрий Яковлевич Зеленцов.— И, заметив, что его имя не произвело на меня впечатления, обеспокоенно спросил; — Не помните меня? Забыли историю с *нейлонщиками?* (из газет) — здесь «история с *нейлонщиками*» — это судебный процесс над расхитителями нейлонового сырья для одной из отраслей промышленности; *разговорники*-то все уже написали (об участниках темы «Разговорная речь», которые закончили плановую работу) и пр.

Мы приводим здесь лишь необходимый минимум иллюстративного материала, так как сами языковые факты, служащие одним из стилистических средств для образования рассматриваемого приема, хорошо известны и в другой связи уже подробно описаны лингвистической литературой. Сейчас было важно подчеркнуть их безусловную стилистическую объединенность при участии в построении приема интимизации, отвечающего определенным экспрессивным задачам речевого общения. Предпринятый по д р у г о м у поводу анализ д р у г о г о приема, возможно, даст основания показать другую стилистическую роль эллипсиса, привлечь для рассмотрения другой тип его стилистических значений. Но это уже не повлияет на понимание их функции, которая может быть охарактеризована только как конструктивная: данное средство «делает» данный прием.

Указанные выше свойства характеризуют прием как единицу, в которой, согласно формулировке И. Р Гальперина, происходит слияние плана языкового выражения и плана содержания [105]. Мысль о прямой содержательно-функциональной обусловленности выбора тех языковых средств, которыми прием осуществляется, также способствует универсальному применению термина — для художественной и для нехудожественной речи; при специально обду-

[105] «В любом, даже самом малом, сочетании стилистическая сущность будет проявляться при анализе плана содержания» (*Гальперин И. Р.* Является ли стилистика уровнем языка?, с. 201).

манном, подготовленном словоупотреблении и при автоматическом, спонтанном; с точки зрения значения, которым окрашивают его стилистические средства, и с точки зрения его структуры. Внутренний механизм только что рассмотренного приема одинаков для всех типов речи, и различие здесь может заключаться либо в частоте употребления, либо в репродуцированном характере использования этого приема, «вторичном» его моделировании со специальной художественно-изобразительной целью.

Мы видели также, что и в тех и в других случаях языковое средство становится стилистическим, т. е. получает стилистическое значение лишь тогда, когда оно участвует в построении стилистического приема. Значит, здесь намечаются некоторые виды обратной связи, и на этот раз разговорно-книжные (или письменно-устные) оппозиции спонтанности и неспонтанности играют в них свою роль. Но это не стилеобразующая, а градуирующая роль — увеличения или редукции стилистических экспрессивных свойств стилистического приема, размещающихся на линии, у которой, кроме крайних точек, есть еще промежуточные (полуспонтанность, полуподготовленность) [106].

Соотносительными с видом языкового отбора оказываются не сама возможность возникновения стилистического приема в высказывании, а виды его «материальной» манифестации. Так, с одной стороны, спонтанная организация высказывания устной разговорной речи знает вид, при котором прием и образующее его средство находятся в состоянии взаимного наложения — средство исчерпывает сам прием, прием совмещается со средством. Ср. уже приводившиеся выше эмоциональные фразеологические коммуни-

---

[106] Ср. замечание Г. О. Винокура о том, что «автоматизированность разговорно-бытовой речи не должна обманывать, потому что и такая речь несомненно предполагает активное отношение к средствам языка, как бы механически ни совершался этот отбор средств на практике» (см.: *Винокур Г. О.* Проблемы культуры речи, с. 86). Вопрос же о противоречивости осознанной и автоматической языковой деятельности в разных сферах языкового общения гораздо шире вопроса о механизме образования стилистического приема. Считать спонтанность—неспонтанность стилеобразующим фактором (см.: *Долинин К. А.* Стилистика французского языка, с. 274) можно, как кажется, только при его включении в общий корпус внеязыковых факторов, образующих стиль, т. е. ситуацию, цель и тему высказывания, действующих так или иначе в зависимости от обобщающего фактора — взаимоотношений участников коммуникативного акта (см.: *Винокур Т. Г.* О содержании некоторых стилистических понятий, с. 51 и след.).

Рассмотрим такой воображаемый пример: лектор после окончания лекции (может быть и не прочитанной, а произнесенной, но все равно так или иначе подготовленной и продуманной) отвечает, сойдя с кафедры, на вопросы студентов. Стиль его речи (если вопросы касаются лекционной же темы) существенно не изменится, так как он иначе не сможет выразить эту тему и преодолеть создавшуюся полуофициальную ситуацию (главный фактор «учитель — ученики» останется). Т. е., отвечая, допустим, на вопрос о причинах, по которым союзники в 1942 г. затягивали открытие второго фронта, он скорее скажет: «Трумэн хотел, чтобы мы и немцы *нанесли* сначала друг другу как

кативы (например, *Ну прямо вся из себя...*; *Фу-ты, ну-ты рожки гнуты*; *Как бы не так*; *Да ты это что*?), вмещающие в себя большой диапазон составляющих стилистическое значение (для двух первых коммуникативов — это фамильярно-одобрительная, шутливо-неуважительная оценка восхищения, с добавочным — только для второго примера — оттенком удивления).

С другой стороны, употребление любого штампа или стереотипа есть результат спонтанного отбора, воплощающегося в самом приеме. Штамп (стереотип) как прием — это подмена специального языкового отбора для данной ситуации высказывания общим опытом узуального отбора, закрепленного в коллективном языковом сознании носителей. Целенаправленный выбор самого стилистического средства как начальный этап подготовки к построению высказывания отсутствует. Стереотипность средства — залог образования приема. Т. е. здесь обнаруживается крайний предел сопряжения стилистической экспрессии с автоматизмом языкового отбора, которое вообще имеет место во всяком высказывании, являющемся результатом спонтанной речевой деятельности. Ср. общую сумму стилистических значений разговорной речи: неофициальность, сниженность, интимность, эмоциональность, лаконический динамизм. «Дай *двушку* позвонить» — это интимизирующий прием, построенный на «конденсате» по закону стилистического согласования, и бытовой автоматизм его употребления не зачеркивает стилистического значения средства, окрашивающего сам прием. Ср. сдвинутые и оттого ситуативно-избирательные *«Дай две копейки* позвонить» и *«Дайте двушку* позвонить» (первое — именно из-за существования «двушки», т. е. неофициального, сниженного стилистического средства, которое больше согласуется с интимной ситуацией общения, а второе — из-за «пустого» «Вы», не дающего возможность осуществить прием интимизации без нарушения стилистической нормы согласования элементов высказывания, имеющей место в стилистическом узусе).

Таким образом, взаимозависимость трех обследованных понятий стилистического узуального комплекса не всегда однозначна, но всегда последовательна: языковое средство становится стилистическим, получая стилистическое значение в процессе образования с его участием

можно больший *ущерб*»; или «*уничтожили* друг друга», или, в крайнем случае, «*перебили* друг друга» (это зависит от личных вкусов лектора), но уж никак не «*переколошматили* друг друга», если это только не будет намеренная фривольность, желание поострить, «позаигрывать» со студентами. Единственное, что может измениться в его речи – это синтаксическая структура высказывания. Но, получив чисто разговорные особенности, она, тем не менее, не переведет речь лектора целиком в разговорный стиль. Останутся книжные формулировки, а следовательно, соответствующая лексика и фразеология, останется логическая последовательность развития мысли, т. е. последовательность текстовых отрезков, организующая сверхфразовое целое.

стилистического приема. Сопутствующие явления — взаимозаражение средства и приема одним стилистическим значением, закрепление за средством внеконтекстного стилистического значения.

Представление о приеме как только о сугубо намеренном, отобранном заранее, обдуманном языковом изъявлении, малоприемлемо для лингвостилистики еще и потому, что оно лишает нас главного инструмента, которым можно оперировать при исследовании функционирования одних и тех же стилистических средств языка в разных условиях, с разными речевыми заданиями, т. е., иными словами, закономерностей стилистического использования элементов системы языка. Тем более, что связанное с понятием преднамеренного языкового отбора понятие эстетической функции высказывания, накладывающейся на коммуникативную, играет значительно бóльшую роль в повседневном языковом общении людей, чем это принято думать. Коль скоро эстетическая функция языка проявляется всегда, когда мы обращаем внимание на форму речи [107], т. е. не только на то, *что* мы говорим, но и *как* мы говорим (а этот последний вопрос неминуемо связан с вопросом — *с кем и при каких обстоятельствах* мы говорим), то ясно, что не существует таких сфер общения или типов речи, которые бы были принципиально к ней безразличны. К тому же наблюдения показывают, что внимание к форме высказывания, стремление эксплицировать свое отношение к выразительным средствам языка, отводить ему важную роль в «поведенческом» аспекте социального бытия и пр. занимает гораздо бóльшее место в процессе языковой коммуникации, чем это можно предположить при поверхностном взгляде на предмет. Во всяком случае, для современного русского узуса дело обстоит именно так, и нет оснований думать, что наша эпоха дает другие примеры для развитых языков в развитых обществах [108].

Конечно, с точки зрения эксплуатации стилистических средств языка значима социально-ситуативная дифференциация его носителей. Вряд ли стоит сомневаться в том, что речь современной интеллигенции дает самый богатый материал для изучения выразительных возможностей языка. Будучи многослойной (т. е. являясь результатом большого количества «ролевых» вариантов), она содержит большее количество фактов, указывающих на наличие стилистического отбора, чем речь людей, общественно-интеллектуальный опыт которых дает меньшую возможность язы-

[107] «Эстетическая функция языка в своем начальном виде проявляется, как только говорящий начинает обращать внимание на внешнюю форму своей речи, как-то оценивать возможности словесного выражения» (*Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях, с. 36).

[108] Негативная оценка этого положения общественностью сама по себе является подтверждением его наличия. Так, в американском еженедельнике «Time (23.VIII 1975) была опубликована статья под названием «Can't anyone here speak English?», автор которой сетует на полное безразличие к языку, охватившее, по его мнению, Америку. В этом он винит главным

кового разнообразия. Но разнится при этом лишь сам языковой репертуар, в который облекается результат стилевого отбора, и, возможно, пропорциональное количество стилистических приемов как в отдельном высказывании, так и в речевом поведении в целом, не говоря уже о том, что идет динамический процесс сближения интеллигентских и неинтеллигентских навыков употребления повседневного языка.

Для стилистического узуса, однако, важно другое обстоятельство: то, что вся массовая коммуникация плюс художественно-литературное творчество являются отражением речевой деятельности интеллигенции и что поэтому противопоставление общего стилистического опыта интеллигенции незначительному участку стилистических особенностей разговорной речи тех, кто так или иначе не связан с массовой коммуникацией, некорректно. Оно имеет значение лишь тогда, когда перед исследователем стоит задача дифференциального описания стилевых навыков речи какой-то одной социальной, территориальной и пр. группы носителей, а не выявления более общих закономерностей, какие можно вскрыть при обследовании максимального количества явлений. Последнюю возможность предоставляет нам, безусловно, только интеллигентский языковой узус. Его характерные черты со всей очевидностью представляют стилистический прием не в виде частного случая употребления стилистического средства [109], а как единственный способ ввести это средство в коммуникативный акт.

И. В. Арнольд, также считая прием центральной единицей стилистики, идет еще дальше, предлагая для стилистики декодирования принципы более широкого охвата — в ы д в и ж е н и е, т. е. скопление, объединение приемов, при помощи которого можно проводить комплексный стилевой анализ текста с точки зрения получателя речи (конвергенцию, сцепление, повтор) [110]. «Выдвижение» подтверждает, как кажется, неоднородность и многоликость контекстного осуществления приемов в высказывании, когда его анализ должен ответить на вопросы: как те или иные приемы обеспечивают выполнение ряда стилистических заданий с адекватным стилистическим эффектом? Какие стилистические значения стилистических средств связаны с какими из стилистических приемов, и от чего зависят варианты их заданий? Сколько приемов может обслужить одно стилевое средство? и т. д. и т. п. Совокупности вариантных взаимоотношений этих единиц отражают основные закономерности стилевого употребления языка.

образом пуристов, которые, боясь слэнга и неологизмов, способствовали стандартизации языка; телевидение, где речь стала несущественным придатком назойливо впечатляющего «зрительного ряда», и широко распространившиеся эвфемистические штампы, которыми потчуют публику привилегированные чиновники («при Никсоне в Белом доме нельзя было сказать: *Я сказал неправду, я был неправ, я ошибся*, а только *я неправильно выразился*, и все к этому привыкли, всем все равно»).

[109] *Федоров А. В.* Указ. соч., с. 109.

[110] *Арнольд И. В.* Стилистика декодирования. Л., 1973, с. 44.

Называя прием (поэтический.— *Т. В.*) «формальным средством», В. М. Жирмунский пишет о различном художественном смысле, который он приобретает в зависимости от единства всего художественного произведения, от общей направленности всех остальных приемов [111]. Различие конкретного экспрессивного назначения узуально-стилистического приема в зависимости от общих стилевых характеристик текста, его содержащего,— естественное положение вещей и для общеязыкового употребления. Но сам прием выступает тогда не как «формальная» единица, реализующая эстетический смысл языкового отбора, а, скорее, наоборот, как единица стилистического смысла, объединяющая различные формальные средства его выражения. По отношению к приему как к понятию стилистическому, таким образом, принципиально неприложимо определение типов только его формальной структуры и установление формальных же границ его проявления. Логика стилистического анализа особенностей употребления языка указывает лишь на одно очевидное обстоятельство: минимальным отрезком текста, с достаточной полнотой выявляющим как стилистическое намерение говорящего, так и способ осуществления этого намерения, является высказывание как акт речевой коммуникации. В. Г. Гак называет высказывание «полноценным лингвистическим знаком речи». Это определение в стилистическом отношении особенно удобно, потому что элементы такого знака включаются «в знаковую ситуацию, охватывающую отношение знака к предмету (номинативный или денотативный аспект) и отношение человека к предмету, степень его информированности (модальный и логико-коммуникативный аспекты)» [112]. В этом соединении и задается собственно стилистическая характеристика языкового явления. Для нее значимым оказывается второй аспект, обусловливающий типы экспрессивной семантики (т. е. стилистических значений), соотносимые с типами стилистических средств. Это соотношение обеспечивает организацию стилистического приема — способов выражения им экспрессивного задания высказывания. Остальные показатели (объем и количество языковых средств, получающих, в своей совокупности, стилистическое значение; уровни языка, единицы которых участвуют в образовании стилистического средства) имеют здесь конструктивно-вспомогательное значение.

Собственно же стилистические признаки, которыми ведает высказывание (как коммуникативная единица языка, материальная манифестация его выразительных возможностей), выводят нас в область экстралингвистических условий языкового общения, без привлечения которых невозможно завершить характеристику узуально-стилевого комплекса, так как последний его компонент «задание—эффект» может быть рассмотрен только в непосредственной связи с задачами и условиями общения.

---

[111] *Жирмунский В. М.* Указ. соч., с. 35.
[112] *Гак В.* О соотношении языка и действительности.— ВЯ, 1972, № 5, с. 14.

Глава II

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Экстралингвистические факторы образования стиля. Стилистическое задание и стилистический эффект

Во взаимодействии стилистического средства и стилистического приема обнаруживается предельный объем комбинаторных свойств стилистического значения, который дает возможность говорящему осуществить, а слушающему воспринять экспрессивное задание высказывания.

Анализ интимизирующего приема позволил, например, нам увидеть следующую комбинацию: а) имплицитные свойства стяженных форм стилистического эллипсиса ведут к экономии речевых средств высказывания; б) лаконический динамизм, свойственный имплицитным формам, придает экономии речевых средств высказывания экспрессию; в) экспрессивная экономия речевых средств сообщает высказыванию неофициальность (дальнейшие градации: интимность, фамильярность). Компоненты стилистического значения (эмоциональная экспрессия лаконизма — динамики — недосказанности и жанрово-социальная ограниченность неофициальности — интимности), таким образом, распределяются по всем участкам узуально-стилистического комплекса. Поэтому стилистически отмеченное языковое употребление складывается на основе этого комплекса как целого. Совокупность вариативных отношений составляющих его частей образует модель для выражения определенного стилевого содержания, оптимальная реализация которого находится в прямой зависимости от развития их взаимодействия. Вот, например, наиболее характерная для стилистического узуса модель: усиление плана содержания путем обновления плана выражения. При этом могут быть использованы: окказиональная форма глагола (потом она его *полюбляет* — и полный порядок, хэппи энд!); окказиональный перевод лексемы в другую часть речи (...в Бобкиной комнате что-то грохнуло и разлетелось *дребезгом* — А. и Б. Стругацкие, За миллиард лет до конца света); новый образ (*Навели*, наконец, *мосты*, а речка-то высохла! — из устной речи — о запоздалых попытках примирения разводящихся супругов); новая оценка (*законная* книжечка! — из молодежного жаргона) и пр. Здесь мы видим новую форму, новое осмысление тропа, новое значение слова. Каждое из этих новых употреблений обязано предваряющей его работе всего узуально-стилевого комплекса, благодаря которой языковой факт помещается в определенную эмоциональную и

функциональную плоскость (о чем свидетельствует его контекстное окружение). Так, оценочная экспрессия в последнем примере — результат эмоционально-фамильярного стилистического значения, полученного этим средством выражения оценки тогда, когда оно включилось в «обновляющий» прием. Стилистическое средство второго примера вошло в этот прием, пережив грамматическую транспозицию и получив, как ее результат, стилистическое значение удвоенного эмоционального содержания, и т. д.

Всякий узуально-стилевой комплекс дает нам пример двойственной (или многомерной) организации, отражающей двойственность и противоречивость стилистических свойств тех элементов, которые его образовали, и тем самым обеспечили реализацию стилистически отмеченного речевого акта[1]. Значит, двойственность как стилевая характеристика может получить дальнейшее распространение, т. е. стать свойством и самого речевого акта — высказывания. В частности, ее примером служит регулярно наблюдаемая неадекватность экспрессии и импрессии, почему соответственно завершающей характеристике узуально-стилевого комплекса следует обратиться к понятиям стилистического задания и стилистического эффекта.

Но эти понятия самым решительным образом уводят нас из области внутренних закономерностей языкового употребления в область его экстралингвистической обусловленности. С точки зрения самой языковой действительности, т. е. реальной последовательности этапов осуществления коммуникативно-речевого акта,— стилевое (экспрессивное) задание является как бы закадровой интродукцией — отправной точкой для языково-стилистического отбора в высказывании. С точки зрения лингвистического анализа — это (закадровый же) финал, и мы обращаемся к нему в последнюю очередь, уравнивая его с реальным финалом данного отрезка речевой коммуникации — стилистическим эффектом. Такой путь необходим потому, что две эти крайние, обрамляющие стилистическое высказывание причинно-следственные категории, проходят не по лингвистическому «ведомству» и в стилистическом анализе могут предстать только как производные величины от собственно языковых характеристик узуально-стилевого комплекса. Это положение было продемонстрировано анализом того небольшого количества фактов, которым мы пользовались в наших рассуждениях и раньше.

Экспрессивное задание речевого акта может быть охарактеризовано при помощи типологических понятий коммуникации как процесса, в котором принимают участие два главных действующих лица — отправитель и получатель высказывания. Их взаимо-

---

[1] И. В. Арнольд пишет, что функция стилистического контекста состоит не в том, чтобы снять многозначность — это функция лингвистического контекста, а напротив, в том, чтобы добавить новые значения, зависящие от комбинаторных приращений смысла (см.: *Арнольд И. В.* Стилистика декодирования. Л., 1973, с. 72).

действие выступает как обобщающий внеязыковой фактор в языковой организации высказывания, определяющий действие более частных внешних факторов, состав которых не раз описывался в лингвистической литературе: ситуация, форма, содержание и цель общения. Степень их непосредственного влияния на языково-стилистический отбор неодинакова.

Иерархию зависимостей языково-стилистического отбора от внешних факторов, которые способствуют формированию высказывания, можно представить следующим образом. Языковой состав сообщения (выполняющий взаимосвязанные функции смыслоразличения, номинации и коммуникации) зависит от формы общения (устной и письменной, монолога и диалога) и от содержания общения (тема и предмет высказывания). Форма общения, в свою очередь, зависит от частной ситуации общения (т. е. от того, в каких реальных жизненных условиях оно происходит). Определяющие факторы в этих двух положениях также зависимы сами: содержание общения зависит от цели общения (т. е. от «частной функции»: сообщение, волеизъявление, убеждение и пр.) [2], а частная ситуация зависит от общей ситуации — т. е. от взаимоотношений участников коммуникативного акта (общественной сферы). Легко себе представить, что цель общения находится в непосредственной зависимости именно от общей ситуации — от соотношения говорящего и слушающего. Именно она формирует варианты отношения к языку в их частной реализации, представляемой коммуникативным актом. Стилистический же отбор языковых средств безусловно имеет прежде всего целевую установку. «Само понятие стилистики в основе своей связано с понятием цели: стилистическое построение есть построение целевое» [3]. Следовательно, при стилистическом анализе мы рассматриваем целевую установку высказывания как ближайший частный языковой фактор, влияющий на отбор словесных средств выражения. Но что такое цель высказывания с лингвистической точки зрения? «Цель эту, однако, менее всего следует понимать психологически. Она — не в том, чего хочет реально житейский оратор или поэт, а в самом соотношении словесных элементов, создающих данное стилистическое построение. Сама структура данного высказывания — соотношением, сопоставлением, композицией своих элементов вскрывает стилистическое задание, обусловливающее все высказывание в целом. Вскрыть это задание поэтому можно не психологическим анализом, а только методом интерпретации, так сказать, методом «критики структуры» в пандан к филологической критике текста» [4].

[2] Имеются в виду «исторически детерминированные „функции языка“ в различных условиях речевого общения, в различных сферах его конкретного применения в том или ином обществе» (*Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977, с. 9—10).

[3] *Винокур Г. О.* Поэтика. Лингвистика. Социология.— ЛЕФ, 1923, № 33 (цит. по кн.: Хрестоматия по теоретическому литературоведению. Тарту, 1976, с. 46).

[4] Там же.

Стилистическое задание, таким образом, — это выразительное намерение говорящего, представленное нам в высказывании, выявленное лингвистическим анализом состава этого высказывания и затем объясняемое при помощи совокупности факторов, связанных с общественным функционированием языка. «Социальная природа и социальный смысл лингвистических и стилистических явлений могут быть установлены лишь п о с л е т о г о (разрядка моя. — *Т. В.*), как установлены сами эти явления..» — пишет далее Г. О. Винокур. И для того, чтобы затем их проанализировать, «нужно ввести эти явления в соответствующий объяснительный контекст... Социология и должна явиться таким объяснительным контекстом, но лишь в том случае, если она действительно будет объяснять уже установленные факты, а не добывать эти факты из области чуждой ей дисциплины самостоятельно» [5].

Это положение, как кажется, яснее всего трактует взаимоотношения лингво-стилистического анализа с непременно долженствующим в нем присутствовать «внеязыковым», «причинным» комментарием по поводу тех или иных особенностей отбора средств словесного выражения.

Лингвосоциологические исследования последних десятилетий со всей очевидностью показывают взаимодействие внеязыкового и «внутриязыкового» как движущую силу общественно-исторического развития отдельных национальных и литературных языков, а также их подсистем [6]. Известно, что социальный строй общества воздействует на язык потому, что определяет состав его носителей, специфику его коллективного применения. Социальная, профессиональная, возрастная принадлежность носителей языка — один из основополагающих критериев при анализе языкового употребления данного языка в данную историческую эпоху. Если изучение языка задано как социологическое, оно должно иметь целью описание языкового существования общества или развития (изменения) языка под воздействием общества. Если же социальный смысл языковых явлений призван играть роль естественного и необходимого комментария к тем или иным особенностям их употребления, то основная цель этого комментария — установить характер взаимной зависимости внутриязыковых и внеязыковых факторов в функционировании языка.

С одной стороны, в советском и зарубежном языкознании «связь языка с внеязыковой действительностью всегда казалась настолько бесспорной и ясной, что для превращения ее в сюжет специального теоретического осмысления потребовалось немало усилий: «здравомысленная очевидность»... и лингвистическая «непрестижность»... являются, если не непреодолимым, то, во всяком

---

[5] *Винокур Г. О.* Указ. соч., с. 51.

[6] См.: *Филин Ф. П.* К проблеме социальной обусловленности языка.— В кн.: Язык и общество. М., 1968; Русский язык и советское общество. Лексика, § 1—24. М., 1968; *Никольский Л. Б.* О предмете социолингвистики.— ВЯ, 1974, № 1; *Он же.* Синхронная социолингвистика. М., 1976.

случае, достаточно сильным препятствием на пути научного постижения и конкретного представления этого типа связи» [7].

С другой стороны, развитие таких самостоятельных областей знания, как социо- и психолингвистика, семиотика, теория коммуникации, оказало преувеличенное влияние на многие собственно лингвистические области, призванные изучать внутреннюю структуру языка по преимуществу. Это обстоятельство вызвало естественное желание лингвистов занять оборонительную позицию и «стремиться к освобождению» от опоры (или равнения) на предвзятые принципы или положения смежных наук... Подход к понятиям науки должен исходить непосредственно из своего объекта и положить конец зависимости, сознательной или бессознательной, в которой лингвистика находилась по отношению к истории и той или иной психологической теории» [8].

Однако уйти от того факта, что язык — явление социальное, что иначе оно не могло бы стать средством коммуникации, никому еще не удавалось. Любое собственно социологическое или собственно психологическое исследование языка покоится на знании его функциональной природы, и, таким образом, социальный фактор не является внешним по отношению к системе языка [9]. Возрождение и утверждение концепции языка как «сугубо человеческого явления» со всей очевидностью опирается на мысль о том, что социальный момент не только и не столько играет роль внешней среды, экстралингвистических факторов в функционировании языка, сколько представляет собой неотъемлемый элемент его структуры, развития, изменения, существования [10]. Роль социологии языка определяется социальной сущностью самого языка [11].

Таким образом, сами споры вокруг необходимости или нежелательности соединения «чистой» лингвистики (и главным образом стилистики) со смежными науками, о которых шла речь,— это споры, основанные на ложной посылке. Обращение к фактам социально-психологических условий языкового функционирования вовсе не означает вторжения в чуждую область, и наоборот, отсутствие таких проблем в исследовании отнюдь не есть доказательство

---

[7] *Степанов Г. В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976, с. 8—9.

[8] *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974, с. 37.

[9] «Расширение употребления знака внутри системы является лишь отражением его употребления в языковом коллективе... сфера употребления знака внутри системы соответствует сфере его употребления в языковом коллективе». (см.: *Курилович Е.* Лингвистика и теория знака.— Цит. по кн.: *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX—XX вв., ч. II, с. 930). Холлидей считает, что в последнее время западные лингвисты забыли «the fact that people not only speak but that they speak to each other» и потому «социо-» и «несоцио-» воззрения на язык оказались противопоставленными. См.: *Halliday M. A. K.* Language as social semiotic. London, 1978, p. 57.

[10] См.: *Маковский М.* Соотношение индивидуальных и социальных факторов в языке.— ВЯ, 1976, № 1, с. 40.

[11] *Будагов Р. А.* Человек и его язык. М., 1974, с. 101.

его лингвистической «благонамеренности», а лишь результат выбора определенной теоретико-методологической платформы [12].

Когда речь идет об употреблении языка, и к тому же употреблении стилистическом как о специальном объекте исследования, закономерности которого сами по себе суть явление социологически обусловленное, упомянутый выше социально-психологический комментарий проникает внутрь собственно стилистических характеристик. Мы не можем обратиться или не обратиться к нему в зависимости от нашего желания, т. е. так построить исследование, чтобы можно было остановиться на сумме внутриязыковых сведений о предмете. При изучении узуального стилистического комплекса обращение к экстралингистическим условиям его действия составляет неотъемлемую часть анализа, так как одну пару в составе его компонентов — задание — эффект — мы имеем право рассматривать как понятия, принадлежащие только процессу коммуникации. Здесь образуется противопоставление: высказывание, имеющее экспрессию — высказывание, таковой не имеющее. И следовательно, задание, осуществляемое посредством других компонентов узуально-стилевого комплекса, мы назвали «экспрессивным» [13] именно с коммуникативных позиций. Стилистическое значение выступает при этом как внутриязыковое, семантическое уточнение экспрессии. Выразив его, экспрессивное задание и становится отражением того социально-психологического контекста, который требуется извлечь из языковых показателей высказывания.

Таким образом, с точки зрения внутриязыковых и внеязыковых факторов, объединяющихся в деле построения стилистически значимого высказывания, замечается центральная оппозиция: стилистическое значение — стилистическое (экспрессивное) задание как главные представители языкового и внеязыкового планов. Эта главная роль принадлежит им потому, что первое является инвариантным признаком осуществления второго. А вариативность второго лежит уже во внеязыковой области (прямое/инвертированное задание, с точки зрения адресанта/с точки зрения адресата и т. п.). Многие примеры, приводимые выше, уже объективно демонстрировали эту зависимость.

Можно лишний раз подкрепить ее стилистическим значением какого-нибудь наиболее элементарного стилистического средства, например так называемых канцеляризмов. Как всякое стилистическое средство, они поливалентны. Следовательно, и приемы, в

---

[12] В то же время названные науки имеют свой объект (что, кстати, очень наглядно показано в цитированной уже книге Г. В. Степанова) — так называемую внешнюю систему языка, источником организации которой являются языковое состояние и языковая ситуация — чисто социолингвистические понятия (см.: *Степанов Г. В.* Указ. соч., с. 30).

[13] «Вне употребления экспрессия абстрактна»,— замечает А. Сэше (см.: *Sechehaye A.* L'école de linguistique générale. Berlin, 1927, p. 9).

которые облекается их употребление для того, чтобы выполнить экспрессивное задание высказывания, и само это задание многообразны. Приведем для большей убедительности случаи с словесно эксплицируемым экспрессивным заданием. Первый из них — отрывок из рассказа В. Конецкого «Мимолетный праздник», в котором о героической борьбе советских моряков с ураганными ветрами, приведшими к катастрофическим повреждениям восьми грузовых судов, повествуется как бы цитатами из судового бюллетеня: Использовав кратковременное затишье... капитан... проконсультировавшись по радиотелефону с другими советскими судами... принял окончательное решение...; При попытке использовать машину было обнаружено повреждение шестерни валоповоротного устройства...; Для частичного преодоления создавшейся аварийной обстановки был отдан правый якорь... — Кончается же рассказ замечанием от автора: «Стилистику Бюллетеня я оставляю без исправлений. Мне кажется, *иногда казенные слова сильнее действуют*». Второй случай — еще один вариант эмоциональной реабилитации деловых клише: Вспомним обязательную строчку стандартных служебных характеристик — *Занимаемой должности соответствует*... Не задумываясь над смыслом, выводит иной работник бестрепетной рукой эти примелькавшиеся слова. А ведь *от них нередко зависит успех дела, судьба человека* (из газет). Третий случай — эстетический приговор канцеляризму: На наш исходящий № 102 дробь 32 сообщаем, что Васятин Д. И. задержан 19/VI сего года в деревне Сосновка... где проживал в течение пяти дней по аресу... *О, ритуальное косноязычие* казенных бумаг — *успокоительное и завораживающее!* Ползут из под пера *корявые* строчки... *спрессовывают* все происходящее и удивительно *преображают* события и поступки. *Уходят краски, драматизм, движение; отсекаются эмоции; и слово теряет объем,* остается *плоский факт,* запечатленный на *плоской бумаге* (О. Лаврова и А. Лавров, Отдельное требование).

Стилистическое значение канцеляризма (само по себе весьма показательное для подтверждения разницы понятий «экспрессия» и «эмоциональность», так как оно образуется как раз непременным отсутствием эмоционального элемента) — естественная тема для выполнения вариаций прямых и инвертированных заданий речевого акта [14]. Но их экспрессия осуществляется безотносительно к тому, каким конкретным средством или каким конкретным стилистическим приемом пользуется его отправитель для выражения данного стилистического значения. Здесь мы можем принимать в расчет лишь его намерение и соответствие/несоответствие ему восприятия слушающего.

Экспрессивное задание осуществляется ради стилистического эффекта. Проблема стилистического эффекта как специальная

[14] О двойном назначении стилевого комплекса на примере канцеляризмов мы уже упоминали во Введении (см. с. 23—24).

проблема восприятия стилистически отмеченных элементов языка долго оставалась вне поля зрения стилистов, намеренно или случайно. К выделению особого стилевого объекта — стилистики получателя, или стилистики декодирования [15],— они пришли в настоящее время в связи с активизацией лингвистических аспектов в составе таких наук, как теория коммуникации, социология и психология речи. Различение стилистики отправителя и стилистики получателя — это анализ соотношения между экспрессивным заданием и экспрессивным эффектом. Экспрессивный эффект, так же как и экспрессивное задание, относится к той категории понятий, которые составляют необходимый внеязыковой объяснительный контекст, призванный дать комментарий к остальным компонентам узуально-стилевого комплекса [16]. Проблема восприятия прямо зависит от «образов» участников коммуникативного акта (в их и активной и пассивной роли) и от их, обусловленного соответствующими характеристиками, отношения к высказыванию.

В плане стилистики получателя может быть рассмотрено любое стилистическое явление, заключенное в стилистически значимый контекст [17]. С точки зрения описания стилистического употребления языка в данном обществе и данным говорящим коллективом, проблема стилистического восприятия не может быть поставлена самостоятельно, а должна быть так или иначе отражена при анализе отдельных участков процесса формирования общественных навыков выразительного употребления языка, в частности — при попытках классификаций, связанных с характеристикой типизированных ситуаций общения разных функциональных языковых подсистем.

Проблема анализа структуры и значения узуально-стилистического комплекса с точки зрения соответствия экспрессивного задания экспрессивному эффекту осложняется не только разницей в отправлении и восприятии, но и разницей в типе отбора языково-стилистического средства. Возьмем, например, один из стилистических приемов, который, согласно праву двойного определения этого понятия (так как в нем «сливаются план содержания и план выражения»), можно назвать: а) с формальной стороны — замещением, основанным на экспансии стилистического значения, захватывающего позиции лексического; б) с содержательной стороны — доверием к «умному» слову. Первоначальная сфера его действия — речь не очень сведущих людей, употребляющих, до-

---

[15] *Арнольд И. В.* Указ. соч.

[16] См.: *Ахманова О. С.* О стилистической дифференциации слов.— В кн.: Сборник статей по языкознанию. М., 1958, с. 27, где говорится о том, что желание произвести впечатление, эффект — это главная движущая сила стилистического высказывания (т. е. эффект отождествляется с заданием экспрессии).

[17] Понятие стилистического контекста введено М. Риффатером. См.: *Riffaterre M.* Criteria for style analysis.— Word, 1959, v. 16, № 1 и другие его работы, которые анализируются в книге И. В. Арнольд «Стилистика декодирования».

пустим, книжные высокие слова лишь в неосознанно-экспрессивных целях без точного понимания самого их смысла. Иными словами — данный прием основан на том, что экспрессивное задание не получает семантико-стилистического уточнения.

С культурно-речевой точки зрения — это просто ошибка, неправильное словоупотребление. Однако регулярность подобных неправильностей, сходство конситуаций, в которых они проявляются, однотипность «замещенных» слов свидетельствуют о том, что перед нами, так сказать, «негативный» факт стилистического узуса. Замещение этих слов, как правило, нельзя назвать семантически немотивированным. Это неразличение близких значений по преимуществу, которое приводит к сдвигу синтаксической роли слова, сочетаемости и пр. Но мотивировкой «замещения» может служить и внешнее звуковое подобие (паронимия). В таких случаях главным оказывается не значение слова, а сходство контекстных условий, в каких употребляются «замещаемые» слова [18].

Вот наиболее характерные примеры: Тов. Иванов с *апогеем* рассказывал; Он говорил *с экспромтом*; Вы посмотрите на этот *эпизод!* Разве можно с этим мириться! (покупатель, показывая на очень плохо сшитый костюм); Что нужно сделать, чтобы был *правильный дефект речи?* (из письма в газету); — Ну, чего вам двести граммов? Что я вам, *вундеркинд*, что ли, угадывать? (девушка-продавец, раздраженно, в ответ на просьбу покупателя: «200 граммов, пожалуйста...»); Я все *регалии* ваши перечислила? (из телевизионной передачи — имеются в виду чины и звания заслуженного военного); Прибыл я на место действия — не обманул коллега: благорастворение воздуха, кактусы, куда ни глянь — одни пейзажи и *натюрморты* (из фельетона); Уважаемый Сергей Сергеевич! Пишу Вам эту анонимку потому, что не могу закрыть глаза... Доброжелатель (*Серафим Петрович Мотькин*). P. S. Прошу мою *анонимку* учесть при очередном распределении квартир (из фельетона); — Видите, — сказал Юрий Петрович, — какой он веселый человек. Одно слово: *комедиограф* (В. Конецкий, Мимолетный праздник); А однажды он с самым серьезным лицом сказал: — Что вы думаете? Меня ведь в Ялте каждый извозчик знает. Так и го-

---

[18] Ср.: Даже в несчастной привычке употреблять иностранные слова, которым Сарафанов придавал свое собственное значение, не имевшее ничего общего с их действительным смыслом... скоро можно было привыкнуть к его лексикону. *Наивно* — значило *серьезно*; в этом же значении он употреблял слово *сентиментально*; *хаос* — надлежало переводить — *глупость* и т. д. Только к двум словам, которые Серафим особенно часто употреблял, я никак не мог привыкнуть и часто принужден был отгадывать их смысл по аналогии — эти слова были *грация* и *цивилизация*. Значение этих слов постоянно менялось и вдобавок они очень часто становились одно вместо другого. Приблизительно слово *грация* можно было перевести словом *ловкость*, иногда *смелость*, реже — *ум*. *Цивилизация* попеременно обозначала то *образование*, то *ком иль фо*. Когда Сарафанов начинал сердиться, эти слова означали даже *мошенничество* (Мамин-Сибиряк, Все мы хлеб едим).

ворят:— А-а! Чехов? Это который *читатель*? Знаю.— Может быть, они думают, что я *по покойникам читаю*? Вот бы вы, батенька, спросили когда-нибудь извозчика, чем я занимаюсь... (А. Куприн, Памяти Чехова) [19].

Иногда экспансия стилистического значения ведет к относительно устойчивому закреплению за словом если не нового лексического значения, то, во всяком случае, новой возможности употребления. Так произошло со словами *проблема* в значении ‘трудность’ (Бывает, что *приобрести билет* на нужный поезд — *проблема* — из газет); *округлить* в значении ‘закончить, не усложняя, не затягивая’ (Когда вы, наконец, *округлите* ваши чувства и поженитесь? — из кинофильма «Валерий Чкалов») и т. д. Обратное этому явление — не раз уже фиксировавшиеся случаи выхода на первое место переносного значения слова, сопровождающиеся его переходом в другую стилевую область (*рассадник, сигнал/сигнализировать, сколотить* и пр.).

«Доверие к умному слову» представляет собой прием, в котором ясно прослеживается двойственная природа этого понятия. С одной стороны, он демонстрирует характерологическую стилевую окраску, которая, не являясь прямым результатом намеренно экспрессивного задания высказывания, может квалифицироваться как находящаяся на нижнем пункте шкалы «спонтанно-необдуманный и намеренно-подготовленный словесный отбор». С другой стороны, на эту характерологическую окраску наслаивается и собственно-экспрессивное задание — оригинальность, индивидуально-субъективный способ отражения действительности (чего не бывает в случаях чисто характерологических, скажем, в употреблении людьми старшего поколения способов выражения предшествующей эпохи, ощущающихся как устарелые в момент речи, и пр.). Кроме того, примеры из художественной литературы, показывающие возможность построить на этом приеме образ (через речевую характеристику), свидетельствуют о высшей точке шкалы преднамеренного словесного отбора. Это последнее обстоятельство заставляет нас, изучая действие узуально-стилевого комплекса, всякий раз отдавать себе полный отчет в вариативной соотносительности отправления речевого акта и его восприятия, которое может представить картину или полного совпадения экспрессивного задания и экспрессивного эффекта, или же их известной противоречивости.

Таким образом, перед нами основные противопоставления: 1) специально заданная экспрессия отсутствует в отправлении,

---

[19] Этот прием как совмещающий характерологию и экспрессию, притом в больших дозах, как видим, охотно «удваивается» эстетической функцией — традиция, идущая от классической литературы. Ср. только один пример: ...сыновьями я доволен. Леля служит хорошо, начальство его одобряет. Леля у меня ловкий ребенок. Ну, Михец — тот не так: *филантроп* какой-то.— Отчего *филантроп*? — Господь его знает, ни с кем не говорит, дичится... (Тургенев, Затишье).

но возникает в восприятии; 2) задание направлено на экспрессию, но не дает экспрессивного эффекта. Они и образуют весь комплекс явлений стиля в коммуникативном процессе, будучи связанными с двойственной ролью стилистического приема, который представляет собой отстоявшуюся в узусе модель стилистической репрезентации, способную содержать в равной степени не только автоматизм и сугубую мотивированность, но и двойную нагрузку последней (ср. художественный текст).

Позиция исследователя по отношению к речевому опыту участников коммуникации

Выше мы упоминали, что роль интуиции, субъективное восприятие, определенная двусмысленность — факторы, которые в стилистике при всем желании невозможно сбросить со счетов. Их надлежит лишь привести в некоторое логическое соответствие с общими принципами отношения исследователя к объекту исследования в том случае, когда исследователь — носитель того языка, который он исследует, что для стилистики имеет определяющее значение.

Существует два мнения относительно того, что́ целесообразнее и результативнее: заниматься стилистикой родного или иностранного языка. Сторонники первого считают, что стилистика иностранного языка постигается легче, потому что всякие субъективные привычки и оценки, непременно существующие в опыте носителя, затемняют непредубежденное отношение к характеру выразительных речевых средств и что «со стороны виднее». Сторонники второго, наоборот, утверждают, что в научном плане стилистикой может заниматься только носитель данного языка, потому что от иноязычного исследователя ускользает вся «полусубъективная» и «амбивалентная» область оценок выразительных возможностей языка, которая и составляет суть стилевых явлений. Сам по себе этот спор отражает, скорее, не строго научные, а «научно-бытовые» представления. Но для стилистики он представляет известный интерес, потому что вопрос о личности исследователя здесь включается в коммуникативную проблематику, рассматривающую соотношение языкового опыта отправителя и получателя речи.

Установлено, что стилистически значимое употребление языка следует анализировать с непременным учетом социальных характеристик того реального персонажа, которому оно принадлежит. Это значит, что исследователь, предпринимая такой анализ, выступает в роли одного из этих персонажей, т. е. изучает стилистику как получатель (декодирует данный ему готовый образчик стилистического языкового употребления) или как отправитель (ставит эксперимент на основе своего собственного языкового опыта).

То, что второй путь менее пригоден в случае, когда мы изучаем закономерности коллективного употребления языка обществом,

достаточно очевидно. Но очевидно и то, что односторонняя позиция по отношению к явлению стиля неадекватна изучению коллективного языкового опыта, и что поэтому исследователь должен каким-то образом соединить в своем отношении к тому или иному стилевому явлению две позиции — и адресанта и адресата речи, т. е. играть роль отправителя тех высказываний, которые он изучает, воспринимая. Тем самым двойственная природа понятия, которое называется «владение языком» и без которого не может быть осуществлен коммуникативный процесс, когда при постоянной величине (носитель языка=получатель / отправитель) в тот или иной момент речи актуализируется одна из переменных величин (носитель языка=отправитель или носитель языка=получатель), должна быть преодолена путем абстрагирования от реальных признаков процесса языковой коммуникации. Это позволит исследователю предпринять двусторонний анализ, т. е. взаимопроверку двумя точками зрения фактов, подлежащих стилистическому анализу.

Условием этого прежде всего является процедура включения своего индивидуального языкового опыта в коллективный, разницу между которыми не обязан осознавать рядовой носитель языка [20]. Тогда, относясь к языковому составу того или иного высказывания с точки зрения отправителя, можно одновременно корректировать его с точки зрения получателя. Здесь уместно применить термин «объективный аспект»: Ю. С. Степанов обозначает им научное описание звучащей индивидуальной речи при помощи техники, но для стилистики он совпадает с аспектом «изучения значений в индивидуальной речи» [21].

Иными словами, в каждом отдельном случае исследователь, во-первых, берет на себя роль соавтора высказывания, как бы принимая обязательство проникнуть на основании готовых языковых данных в механизм его образования, т. е. установить стилевое задание; а во-вторых, становится соучастником *восприятия* того же высказывания и, значит, должен внести свою лепту в определение стилевого эффекта, который оно дало. Если в языковой практике задание определяется только через эффект (ожидаемый или представляющий собой ожидание «обманутое») [22] — и о предсказании эффекта адресантом сообщения можно говорить лишь применительно к отдельным видам речевой деятельности, — то в *изучении* этой практики стилевое задание и эффект предстают как дискретные категории. И, значит, синкретизм исследовательской позиции (позиций отправителя/получателя высказывания) —

---

[20] Ср. понятие А. Мартине «постулат языковой идентичности».

[21] См.: *Степанов Ю. С.* Основы языкознания. М., 1966, с. 189, 215—223.

[22] «Ожидание» квалифицируется как существенный компонент социальной роли участников речевого акта — то, чего ожидают окружающие от поведения индивида в той или иной конкретной социальной ситуации (см.: *Крысин Л. П.* Речевое общение и социальные роли говорящего.— В кн.: Социолингвистические исследования. М., 1976, с. 45).

непременное условие для научной интерпретации явлений стилевого употребления. Благодаря ему исследователь может выполнить обязанности «высшего судьи», которые объективно необходимы, так как стилистический анализ невозможен без оценок если не нормативно-диктаторского, то, во всяком случае, экспрессивно-вкусового характера. Вторые формируются на основе первых, и в них исследователь обязан подвергать критическому анализу и позицию отправителя и позицию получателя даже в том случае, если прямые нормализаторские установки никак не отвечают его намерениям.

Отметим, кстати, что отношение к проявлениям стилистической значимости как к отклонениям от общеязыковой литературной нормы, так же как и непосредственное соотнесение понятий «норма» и «стиль» в работе отсутствует именно потому, что оно несовместимо с признанием важности «личностного» фактора в стилевой организации высказывания. Ведь позиция исследователя — это комментарий к обобщаемому опыту авторов речевой деятельности, неизбежно включающему в себя в сфере стилистических явлений соединение объективных и субъективных начал. Этот обобщенный опыт не спасает в ряде случаев от неполной, односторонней, или не безусловной коллективной (с точки зрения употребительности) оценки стилевых намерений и стилевого результата высказывания, или от спорной характеристики тех или иных компонентов стилистического явления. Даже самые элементарные типы словоупотребления не исключают двойственности стилевых характеристик в плане «задание — эффект».

Допустим, мы рассматриваем употребление высокой лексики и на основании «критики текста» отмечаем, что с исследовательской позиции высказывание «В совхозе решено *возвести* новый *птичник*» (из телепередачи) построено не как нейтральное, а в соответствии с одним из приемов создания комического эффекта [23]. Эта трактовка может, во-первых, совпасть или не совпасть с трактовкой коллективного адресата в целом, т. е. типического адресата высказывания в массовой коммуникации [24]; во-вторых, совпасть или не совпасть с индивидуальной оценкой подобного высказывания его получателем; и в-третьих, совпасть или не совпасть с той целью, которая организовала отправление этого высказывания, т. е. с его экспрессивным заданием. Первый и третий случаи могут интерпретироваться как проявление известной закономерности в колебаниях синхронных оценок стилистических средств (о

[23] Так как характеристика состава и функционирования узуально-стилевого комплекса была специальной темой первой главы и предыдущих разделов данной главы, в дальнейшем нет необходимости привлекать к анализу в связи с постановкой других проблем все его элементы. Каждая конкретная задача ограничивает целесообразный понятийный минимум для того, чтобы описание не оказалось излишне громоздким и не содержало бы неоправданных повторений.

[24] См.: *Винокур Т. Г.* О содержании некоторых стилистических понятий.— В кн.: Стилистические исследования. М., 1972, с. 71—73.

чем ниже). Второй же поддается учету в гораздо меньшей степени и является свидетельством непредсказуемости всех возможных вариантов соотношения понятий «задание» — «эффект».

Ни задание, ни стилистический эффект не могут здесь трактоваться однозначно потому, что расширившаяся тенденция к использованию высокой книжной лексики в нейтральном словесном окружении (а в разговорной речи — и в сниженном) — это процесс, который имеет определенную социально-историческую мотивировку. Он неизбежно смазывает высокую экспрессию книжных слов и нейтрализует контекстное противопоставление ровно настолько, чтобы оно явилось адресату результатом не специально обдуманного экспрессивно-стилистического задания, а языкового отбора, совершенного автоматически. Конечно, делается скидка на неизбежный момент подготовленности во всякой письменной речи, хотя она, как мы говорили, может дать нам пример подготовленного языкового отбора, имеющего, так сказать, пространственно-временной порядок, а не собственно стилистический, т. е. направленный на специфически выразительную цель.

Нейтрализация эта в сознании современного носителя русского языка доказывается именно регулярным употреблением такого рода соединений, не ограниченных ни лексически, ни фразеологически и потому теряющих различие с теми случаями, когда подобное употребление мотивировано содержательно; ср.: Церемония *завершается посещением* памятника Ленину и мавзолея Димитрова, *возложением венков*... (из газет) и ср.: Сегодня художники *завершили оформление* уютного *бара* (из газет).

Причина здесь неязыковая — увеличение роли массовой коммуникации, которое поощряет перевес книжной речи. Но языковой результат уже как бы абстрагируется от этой причины. Создается традиция. Эта традиция разрешает употреблять высокие книжные слова вместо их нейтральных с экспрессивно-функциональной точки зрения синонимов тогда, когда они ситуативно не мотивированы. Такое употребление — основа возникновения штампов, стандартов [25]. Имеет ли подобное употребление системно-языковые

[25] См.: *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971, с. 202 и след., где автор говорит о различении понятий «стандарт» и «штамп» и прежде всего видит их различие в том, что стандарт — явление нормативно-нейтральное (с. 180), а штамп — экспрессивно-стилистическое. «Стандарт, своей природой предназначенный для воспроизведения, воспринимается как штамп лишь при утрате основного свойства: нормативной нейтральности. Экспрессема, напротив, может быть воспринята в качестве штампа в силу простого повторения, ибо оно идет вразрез с сущностью экспрессии вообще — неповторимостью, индивидуальностью, уникальностью» (с. 203). При всей справедливости этого наблюдения хочется только заметить, что непременное генетическое родство стандарта и штампа (с него и начинаются логические посылки их дальнейшего размежевания) именно потому может иметь место (и потому приходится обсуждать вопрос о сходстве и различии этих явлений вообще), что утрата экспрессивности, неизбежная при частой автоматической и «антиконситуативной» повторяемости, может перевести штамп в разряд стан-

последствия? Т. е. имеет ли место передвижение стилистических средств, на которых строится данный прием, из высоких книжных в нейтральные? С точки зрения исследователя, который знает место данной языковой единицы в системе языка и в общих закономерностях ее исторического развития,— нет. Но с точки зрения коллективных навыков носителей, которые выражают ее употреблением языка, в наше время безусловно происходит переоценка ценностей, вследствие чего массовая коммуникация обращается к высоким книжным средствам без специальных стилистических нужд.

В явлениях этого рода можно наблюдать немалое количество и других нюансов, которые свидетельствуют о двусмысленности отправления и получения высказывания. Ср.: Вчера *прибыли* две баржи с зерном... видите, разгружаем. Вчера некому было. Спасибо сегодня польские *воины* пришли на подмогу (И. Стрелкова, Берег далекой реки). Повествующий о войне, этот современный рассказ, естественно, содержит военную терминологию и может передавать свойственную тому времени тягу к высоким обозначениям, ставшим затем употребительными настолько широко, что в результате произошла явная нейтрализация их более позднего употребления (сегодняшнего) по отношению к синониму (ср. *солдаты*). Однако в контексте рассказа употребление слова *воины* несет и след специальной экспрессии, мотивированной содержательно-оценочным фактором. И то и другое задание не может не быть учтено исследователем несмотря на то, что реальный его эффект непредсказуем.

Пойдем далее. Как интерпретировать следующие случаи: В течение уже многих десятилетий ничего о нем (об индейском племени.— *Т. В.*) не было известно, *полагали*, что оно полностью вымерло (Вокруг света); ...кинорежиссеры научились решать *ныне* чисто профессиональные задачи... (из рецензии); ребята тут просто *алчут* знаний, и ни одно твое слово не пропадает... (из газет); Я ее как-то встретил на концерте...*исполняли* восьмую симфонию Шостаковича (И. Эренбург, Девятый вал); ...церковников-эмигрантов, придерживающихся его политической ориентации, стали *именовать* карловчанами (Н. Н. Крашков, Эволюция социальной концепции православия.— Вопросы истории, 1970, № 9, с. 22); Недавняя передача о Хлебникове, которой *внимали* миллионы телезрителей, доказала, что нашему современнику Хлебников также понятен, хотя и сложен, как музыка Шостаковича...(А. Вознесенский, Муки и музы); Уже в начале матча стало ясно, что соперники *жаждали* победы (из газет) и пр.

Каждое из речевых произведений, содержащих эти высказывания, имеет свою конкретно-тематическую и функционально-стилистическую обусловленность языковых употреблений, но их

дарта. Ср. приводившиеся выше употребления высокой книжной лексики в нейтральных контекстах, где более низкие синонимы просто напрашиваются, лежат, так сказать, на самой поверхности языкового сознания.

доказательства неоднозначны и противоречивы с точки зрения соотношения «отправитель—получатель» потому, что неоднозначна не денотативная, а коннотативная необходимость.

Ср. следующие примеры с употреблением «высокого» глагола *трудиться*: Сейчас по злобинскому методу в СМУ-6 *трудятся* три бригады...(из газетного репортажа); В Ходейде многие изучают русский язык. Зная его, легче найти работу там, где *трудятся* советские специалисты (очерк о проблемах стран арабского Востока): ...и вот в этом сезоне...динамовцы...*трудятся* на поле (из телевизионного репортажа— о футболистах);— Смотри, как *трудится* наша молодежь...молодцы какие (из устной речи— двое пожилых людей наблюдают за работой на субботнике по озеленению двора); Мой батька *трудится* на заводе с 15 лет(из телевизионного репортажа).

С одной стороны, перед нами отчетливо выраженный штамп. Вот характерное замечание одного из носителей (нефилологов): У нас ведь как сейчас— или *трудятся*, или *вкалывают*. Третьего не дано. Но с другой стороны, вполне правдоподобно было бы предположить, что отбору этого слова способствовала даже в разговорной реплике (так же как при его образном употреблении вместо глагола *играют* в примере из телевизионного репортажа) необходимость экспрессии, ведущая к эстетической функции слова в данном конкретном высказывании, а не отстоявшаяся и ставшая механической привычка к употреблению этого высокого слова вместо его нейтрального синонима *работать*.

Также двойственно может быть интерпретировано это соотношение в случаях употребления сниженно-разговорных слов в нейтрально-книжном окружении: День и в самом деле выдался трудный. Билибин *не вылезал* из лаборатории, доказывал верность расчетов (В. Комиссаров, Старые долги); Он...вынул из кармана и положил на стол документы генерала, потом *полез* за своим удостоверением (К. Симонов, Живые и мертвые); Восемь лет назад живая история Алжира стерла следы печально известного «дюка». Правда, все еще *торчит* постамент, покрывшийся травой и плесенью (очерк об Алжире из ж. «Вокруг света»); Есть у современного зрителя такая слабость— очень любит он встретить на экране *толкового* собеседника, ценит содержательный разговор (из рецензии); Здания здесь чем-то напоминали корабли— то ли зигзагами наружных лестниц, *смахивающих* на трапы, то ли отсутствием глухой полосы цоколя (Л. Волынский, Размышления в Артеке); Мы вошли в переднюю— огромную комнату, напоминавшую декорацию из какой-либо пьесы *вроде* «Укрощение строптивой» (К. Симонов, Япония-46) и т. д.

Функциональная принадлежность текстов, в которых наблюдаются данные примеры, может быть различной. Но это не мешает сходному (и внешне или не мотивированному или слабо мотивированному) употреблению названных слов, которое предполагает установившуюся и закрепившуюся за ними традицию,

поддерживаемую осознанием (в какой-то степени новым) участниками речевого акта возможности их контекстно-выразительной сочетаемости.

Иными словами, нельзя говорить о прямолинейной и непосредственной мотивировке языково-стилистического отбора конкретными задачами особой выразительности для каждого отдельного высказывания, не учитывая безотносительной к ним и достаточно быстро приобретаемой привычки механического и становящегося традиционным употребления тех или иных стилевых средств [26]. Так, например, формулу «*Пригласите,* пожалуйста, к телефону», широко употребительную со стилистическим значением функционально ограниченной этикетной гипервежливости, вполне можно было бы квалифицировать и как немаркированную, если смотреть на нее глазами носителя, для которого не существует альтернативы (привычка, характер, подражание употребительности круга близких ему людей, наиболее типические ситуации его жизни и т. д. и т. п. таковы, что в его речевом опыте другие «телефонные» стереотипы отсутствуют). А фразу «Вспомнили, что он с художественного факультета, *позвали* раскрашивать акварелью штабные карты» (из газетного очерка) считать не «одноразовым» заданием текста (снизить интонацию до разговорной), а более устойчивым и постоянным осознанием этого глагола как нейтрально-возможного в любом функциональном окружении. Тем не менее, языковой состав этих предложений показывает исследователю объективную стилистическую значимость и глагола *пригласить* в обращении по телефону, и контекста, окрашенного глаголом *позвать*, который приобретает сниженное стилистическое значение на нейтрально-книжном фоне (т. е. вследствие контрастного сочетания). Следовательно, и здесь мы имеем дело с такой причинностью языково-стилистического отбора, в которой соединяются внеязыковые и внутриязыковые факторы разных масштабов — ситуативная обусловленность, механическая воспроизводимость, свойственная стереотипам, амплитуда индивидуальных синонимических отклонений и пр.

Изучая стилистику узуса по типологии высказываний, а не по типологии употребления самих стилистических явлений, мы должны были бы специально поставить вопрос о дифференциации коммуникативных единиц в зависимости от типов взаимодействия этих факторов. Но в данный момент они лишь помогают исследователю составить более четкое представление об истоках формирования разных способов использования элемента языка как стилистического средства, не искажающее и не упрощающее реального положения вещей.

В сознании носителей языка динамическим образом уживаются две, отчасти противоположные, тенденции: с одной сторо-

[26] См.: *Кожин А. Н.* Об экстралингвистическом аспекте аффективных обозначений.— Науч. труды Курского пед. ин-та, 1977. Проблемы ономасиологии, № 4.

ны, безусловное ощущение «общности» и «одинаковости» языка, которым они пользуются как средством коммуникации; с другой — способность к критике того речевого опыта, который так или иначе выходит за пределы их собственного. Поэтому даже самое слабое колебание между опытом отправителя и адресата высказывания может вызвать нарушение равновесия между стилистическим заданием и стилистическим эффектом [27]. Ср. построенные на этом контрастные приемы вопросно-ответной диалогической связи (неприятие второй — зависимой — репликой того стилистического средства, которое предложено первой, независимой): — *Кушать* будешь? — Нет, я *есть* не хочу; Вы можете и с *супругой* приехать... — К сожалению, моя *жена* больна (из устной речи); — Расскажите мне своими словами, что *натолкнуло* вас на благородный поступок,— попросил Юрий, раскрывая свой блокнот.— А *ничего не толкало,*— равнодушно ответил старик (В. Шефнер, Круглая тайна); У него очень мягкое *туше...*— *Туше не туше,* а действительно, играет он замечательно (из устной речи).

Нарушение равновесия между стилистическим заданием и стилистическим эффектом может иметь вполне бесконфликтный результат. Ср.: Я убедился, что этот *юноша* очень начитан. Надо ему помочь. — Да, этот *парень* действительно способный (из устной речи); Теща написала из Саратова: наймите *прислугу.* Блестящая идея! Конечно же, надо найти *домработницу* (Б-ка «Крокодила»); — Какое же ваше семейное *увлечение?*— Мое *хобби* рыбалка (из ответов на телевизионном конкурсе); Я им регулярно *завожу* продукты [на дачу], целую машину набиваю.— Вы и хлеб тоже *привозите*? (из устной речи); Ты сегодня когда *идешь* [на работу]? — Мы в шесть *заступаем,* когда вечером... (из устной речи); Пока ты шатаешься, перлы криминалистики творишь, еще один разгон учинили. *Доколе* это будет продолжаться? Он так и сказал «*доколе*», и голос его от гнева густел... (А. и Г. Вайнеры, Лекарство от страха). Но иногда оно приводит и к драматическим коллизиям:— Я не знала, что вы *страдаете астмой.*— Что значит *страдаю!*—огрызнулся Статыгин.— *Я не говорил, что страдаю.*— Тогда что Вы называете астмой? — Душит, когда сыро, когда воздуху не хватает, вот и все (А. Яшин, Короткое дыхание); — Как ты *возгордился*!— Откуда у тебя *поповские словечки?* (М. Погодин, Сонет Петрарки); Смешно даже слушать, как она *пыжится:* «Я *горжусь оказанным мне доверием*... тра-та-та, тра-та-та»— Чего же тут смешного? (из устной речи); По последним четвергам каждого месяца у нас будут теперь *клавирабенды.*— Ты уж теперь просто *концерт* сказать не можешь? — Так ведь фортепианные... (из устной речи); — Ну, давай не *отсвечивай.*—

---

[27] Это явление называют конфликтом ролевых партнеров: поведение одного из них не соответствует ожиданиям другого. См.: *Крысин Л. П.* Указ. соч., с. 45.

Лучше бы уж сказал не *фосфоресцируй* тут, Боря, пожалуйста (из устной речи)[28].

Во избежание таких коллизий формируется противоположный прием — сглаживание противоречий, стремление найти общий язык, отобрать наиболее ситуативно-приемлемое средство стиля. Ср.: ... Опоздаете с блюмингом ни много ни мало на полтора месяца. Это уже *железно.*— Ну да, *критический путь молод, поэтому,* сами понимаете, и *жаргон у него молодежный* (А. Смирнов, Кибернетика, люди, машины.— Знамя, 1965, № 3); Скорцени много рассказывал о своем «друге» Степане Бандере, банду которого он выводил зимой сорок пятого года с Украины...— *С кем еще из... ваших людей* (*не говорить же мне «квислингов» или «предателей»*. Надо все время быть точным в формулировках, потому что впереди еще главные вопросы, их еще рано задавать, еще рано), из тех, кто вам служил, вы поддерживали контакты?— Генерал Власов (из газет);— Где это ты так *ударился, то бишь саданулся?*— Да с ребятами, там... (из устной речи).

Это как бы противный логике процесс приспосабливания плана содержания к плану выражения: а) согласно речевым навыкам отправителя: Наталья Гончарова, кому не известно,— *на которую клал глаз сам царь Николай* (речь школьника.— В. Тендряков, Весенние перевертыши); С утра Юргинов побежал наводить справки у ребят об этом типе; ничего особенного, даже не штангист, *сечет слабо, хиппует* (В. Комиссаров, Стары долги); Ну, что можно сказать... *Бах, конечно, свингует* (из телепередачи «Музыкальный киоск»); б) согласно речевым навыкам получателя: Нужда, острая нужда в своем пролетарском органе, посвященном местным, *«тутошним»* рабочим интересам (из газет); Простите, *по поводу язвы* я лежала... велели прийти (из устной речи — пациент на приеме у врача); Это блестящее исследование ставит, шутливо говоря, такую загадку: питекантропы и особенно неандертальцы уже *здорово* разговаривали, но при этом еще не вполне мыслили (Знание — сила, 1976, № 3).

---

[28] Ср. у Достоевского: Это была записка — «Маменька, милая, простите меня за то, что я *прекратила свой жизненный дебют.* Огорчавшая Вас Оля».— Какая *странная* записка! — воскликнул я в удивлении.— Чем странная? — спросил Васин.— *Разве можно в такую минуту писать юмористическими выражениями?* Васин поглядел вопросительно.— Да и *юмор странный,*— продолжал я,— *гимназический условный язык между товарищами.* Ну кто может в такую минуту и в записке к несчастной матери,— а мать она ведь, оказывается, любила же,— написать: «прекратила мой жизненный дебют».— *Почему же нельзя написать?* — все еще не понимал Васин.— *Тут ровно никакого и нет юмора,*— заметил, наконец, Версилов,— *выражение, конечно, неподходящее, совсем не того тона, и действительно, могло зародиться в гимназическом или там каком-нибудь условно товарищеском, как ты сказал, языке, или из фельетонов каких-нибудь, но покойница употребила его* в этой ужасной записке *совершенно простодушно и серьезно.*— Этого не может быть, она кончила курс и вышла с серебряной медалью.— Серебряная медаль тут ничего не значит (Подросток).

Характерны обратные случаи — несоответствия языково-стилистического отбора образу (т. е. его предполагаемому языковому опыту) получателя высказывания. Ср., например, дикторский текст в детской телевизионной передаче: «Ребята, у нас было *запланировано* показать... но вы сами нарушили этот план... и должна вам сказать, вы его, *что ли, красиво* нарушили...».

Тот факт, что в обращении к детям одинаково непозволительны ни канцеляризм, ни образный штамп сомнительного вкуса, не требует особых доказательств и не является предметом нашего рассмотрения, так как исследовательское совмещение опыта получателя и отправителя речи может последовательно осуществляться лишь при отказе от собственно культурно-речевых оценок. Перед исследователем стилистического языкового употребления стоит другая задача: вывести из этого опыта понятие нормы стиля, а вернее — поставить вопрос о правомерности его существования. Сейчас еще не время подходить к решению подобных задач вплотную. Но предварительное замечание о том, что этот вопрос целиком и полностью зависит от взаимодействия языкового опыта участников речевого акта — было бы, как кажется, в настоящий момент весьма уместно.

Понятие «отношения к языку»

«При говорении,— писал Л. В. Щерба,— мы... сочетаем слова, хотя и по определенным законам сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, во всяком случае не только употребляем слышанные сочетания, но и постоянно делаем новые»[29].

«Неожиданный» способ сочетания слов, равно как и «неожиданное» образование формы слова, синтаксической конструкции, в которую входит слово или словосочетание и пр.,— по отношению к узусу — факт далеко не однозначный. Ни с точки зрения языкового употребления вообще, ни тем более с точки зрения стилистических навыков тех, кто говорит на данном языке, этот факт не может быть осмыслен без рассмотрения проблемы о соотношении в речевой деятельности общества коллективного и индивидуального (а для стилистики более верно было бы сформулировать «объективного и субъективного») начал.

Проблема эта непосредственно связана с проблемой «отношения человека к языку» [30] и, следовательно, с проблемой оценки выразительных средств языка теми, кто его употребляет. Речевое общение не дано нам вне схемы «некто говорит другому о чем-то», где адресующийся и адресат взаимодействуют посредством акта речи. В теории К. Бюлера «адресующийся—сообщение—адресат»— это типическая ситуация, непосредственным образом влияющая на функциональный характер сообщения и тем самым

[29] *Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.— Изв. АН СССР, отд. обществ. наук. М., 1931, № 1, с. 113.

[30] *Костомаров В. Г., Шварцкопф Б. С.* Об изучении отношения говорящих к языку.— Вопросы культуры речи, вып. 7. М., 1967.

определяющая способ языкового (в том числе и собственно стилистического) отбора. Она положена в основу многих теорий функциональной и функционально-стилистической дифференциации системы языка (Пражская школа, Р. О. Якобсон, А. Гардинер, который непосредственно относит многосторонние зависимости пишущего/говорящего к стилеобразующим факторам и др.[31]). Схема Бюлера представляет нам участников речевого акта как условных носителей данного языка, умеющих говорить и понимать сказанное. Для стилистического же описания конкретного языкового употребления необходимо учитывать реальные общественные взаимоотношения говорящего и слушающего. «Образ» участников речевого акта (в реальном социально-психологическом наполнении) становится неотделимым от их отношения к высказыванию; т. е. отношение к высказыванию осуществляется через взаимоотношения участников коммуникации.

Язык, по мнению семиотиков, тем и отличается от других семиотических систем, что в нем помимо синтактики и семантики «неизбежно присутствует также и третий аспект — прагматика, который играет очень большую роль в его функционировании»[32]. Именно в стилистике с этой точки зрения и следует искать ключ к взаимодействию семантики с прагматикой, так как она «фактически занимается изучением проецирования прагматических элементов в план семантики и синтактики, ограничиваясь пока лишь простым описанием (или, говоря современным языком, исчислением) приемов транспонирования прагматических элементов в другие семиотические планы»[33]. Следовательно, для стилистики — постановка вопроса «человек в языке» (Э. Бенвенист), «человек и его язык» (Р. Будагов) — имеет самостоятельное и специфическое значение.

Если «лингвист имеет полное право интересоваться не только языком, но и отношением человека к этому языку»[34], то для лингвиста, занимающегося стилистикой, это не право, а обязанность. Если «проблема „человек и его язык" должна опираться... на описание языкового употребления людей определенной эпохи и определенного общества, независимо от того, являются ли эти люди писателями, или просто говорящими»[35], то лингвостилистика в основном занимается именно проблемой употребления языка го-

---

[31] См.: *Jacobson R.* Linguistics and poetics.— In: Style in language. N. Y., 1960, p. 353; *Gardiner A.* Theory of speech and language. Oxford, 1951, p. 55.

[32] *Звегинцев В. А.* Стилистика и семиотика.— В кн.: Вопросы истории и теории языка. Л., 1969, с. 43.

[33] Там же.— Ср. замечание О. С. Ахмановой о том, что стилистика поворачивает языкознание от изучения структуры языка к его функционированию (см.: *Ахманова О. С.* О принципах и методах лингвистического исследования. М., 1966).

[34] *Будагов Р. А.* Человек и его язык, с. 54.

[35] Там же.— Автор пишет, что «до последнего времени лингвистика и стилистика интересовались почти исключительно первыми и очень мало вторыми», что вряд ли справедливо.

ворящими, почему и оказывается целиком подчиненной задаче выражения их «отношений» к языку и восприятием этого отношения получателем.

Само понятие «отношение человека к языку, которым он пользуется», имеет разные аспекты рассмотрения. Во-первых — оценка обществом (т. е. теми, кто использует данный язык в коммуникативных целях как знаковую систему высшего порядка) его выразительных возможностей — основа лингвистического подхода к явлениям стиля. Она дает главный материал для «изучения языкового вкуса эпохи»[36]— категории, с которой (по нескольким нап-

---

[36] См.: *Ожегов С. И.* Русский язык и советское общество. Лексика. Алма-Ата, 1962, с. 22.

Ср., например, отрицательную оценку «высокого» способа выражения: Жаловаться ему приходилось часто, и он любил сильные и безотказные слова, *от которых никто уж не мог отмахнуться*. Почти каждую жалобу он начинал словами: *Сейчас, когда весь советский народ...* Он называл это политической шапкой (Л. Борич, С утра до утра); *Неисчислимый, неизмеримый, безграничный, невиданный, беспредельный*, употребляемые в большом количестве, имеют неприятный вкус иррациональности. Нет необходимости ежеминутно называть многочисленное *неисчислимым*, могучее *непобедимым*, умное *мудрым*, а большое — *великим* (А. Кроп, Заметки писателя); Стравинский тщательно избегает слов *вдохновение, озарение* и т. п. Вместе с тем высказывание его... свидетельствует вовсе не о сухом делании музыки (К. Ю. Стравинская, О И. Ф. Стравинском и его близких). Эта оценка по-разному проявляется в разные исторические периоды. К настоящему моменту, например, неприятие «высокости» несколько ослабло по сравнению с 60-ми годами, когда оно являлось обратной реакцией на закономерно положительное отношение к высокому слову в дни войны и в первые послевоенные годы (см.: *Кожин А. Н.* Великая Отечественная война и русский язык.— РЯШ, 1975, № 2), но с точки зрения более длительной временно́й оппозиции здесь нет существенных изменений. Ср. начало века: Письмам Татьяны Юрьевны... присуща известная наивная восторженность, столь чуждая нашему рациональному веку, обильные излияния ...теперь воспринимаемые как старомодные... (К. Ю. Стравинская. Указ. соч.— О письмах 20-х годов). В зависимости от индивидуальных склонностей автора, такая оценка всегда служила специальному эстетическому заданию. Ср. у Чехова: *Идейно, идеи,*— проговорила она вяло и нехотя,— *идейность, идеалы, цель жизни, принципы... Эти слова Вы говорили всегда, когда хотели кого-нибудь унизить, обидеть или сказать неприятность...* (Жена); *Кой черт экспрессия!.. Черт ли в ней в экспрессии*, если актеры по целым месяцам жалованья не получают! (Юбилей). Для современной поэзии — это уже платформа («полюс простоты», по В. П. Григорьеву). Ср. высказывания Е. Винокурова «Мне нравится обыденная речь», Д. Самойлова — «Люблю обычные слова» и пр.

В то же время можно привести примеры, подтверждающие универсальность подобных оценок: ...вы знаете, я не очень верю в «иерархию» искусств (и я заметил, как это часто поражало меня в его разговорах... что заводя речь на серьезные темы, употребляя выражение, казалось, заключающее в себе определенное суждение относительно какой-нибудь важной темы, Сван заботливо выделял его при помощи особой машинальной и иронической интонации, как если бы он ставил его в кавычки, делая таким образом вид, что не хочет брать на себя ответственность за него; он как бы говорил: «иерархия», разве вы не знаете, так называют это смешные люди. Но если это было так смешно, почему же в таком случае сам он говорил «иерархия»? (М. Пруст, В сторону Свана. Пер. А. Франковского).

равлениям) соотносится описание стилистического узуса в целом. Сюда входит помимо всего прочего и признание социально-эстетической важности слова вообще, находящее выражение в самых разных сферах общественной жизни. Приведем отдельные примеры: Психологический барьер, воздвигнутый в нашем сознании против морской рыбы, колоссален, как небоскреб. «*У нее и названия-то не выговоришь, а не то чтобы из нее что-нибудь приготовить*» — вот одно из самых стандартных заявлений наших домохозяек в адрес морской рыбы. Даже торгующие организации подчас отказываются принимать морскую рыбу, требуя от рыболовецких организаций «настоящей рыбы». Но что есть настоящая рыба?.. это та, из которой можно приготовить вкусное блюдо. Значит, даешь вкусное блюдо из *бельдюги* — и даже она будет нарасхват! (В. Похлебкин, Лабардан или треска.— Неделя № 19, 1971); — Ну, вы отчаянная, в такую даль!..— *Мне очень название нравится... Уссурийск...* привлекает... (из устной речи); *Необходимо ликвидировать названия сигарет и папирос с претензией на «романтику»— «Казбек», «Аврора», «Северная Пальмира»* и т. п. и заменить их либо на безразличные (например, номерные или буквенные), либо на отталкивающие (Н. Забинкова, Курить вредно. Лит. газ., 1976, № 18); ср. из переводного романа: А. Мирей всегда курит «Хайлайф». *Ей нравятся не сигареты, а название* (Ж. Жапризо, Та, которой не стало)[37]; Согласитесь, если девушке приходится всюду говорить и писать, что она *«травильщица»*, *«трепальщица»* или *«кишечница»*, то может возникнуть не такая уж малая жизненная трагедия... До сих пор не найдены заменители *«бойцу скота»*, *«волочильщику»*, *«выдувальщику»*, *«навивщику, заушников»* (в производстве очков) и т. д. (из фельетона).

Во-вторых, отношение к языку определяет многообразие видов его коллективного применения. От форм социального существования языка — письменной и устной — ведет свое начало комплекс внеязыковых факторов, обуславливающих функционально-стилевые различия в его употреблении. Р. А. Будагов, имея в виду сферу литературного языка, выделяет четыре основных типа отношений людей к языку: «Первый из этих типов легко обнаруживается на уровне разговорной речи; второй — на уровне письменной речи; третий — тоже на уровне письменной речи, но выступающей как специальное занятие пишущего и, наконец, четвертый—тоже на уровне письменной речи, но преобразующийся в язык художественной литературы»[38], где, как пишет автор далее, «отношение к языку перерастает в воздействие на язык». Легко заметить, что эта

[37] Ср. из стихотворной юморески И. Фонякова «Этикетки»: Статей написано в избытке, / что алкоголь — большое зло. / Зачем же крепкие напитки / Мы именуем столь тепло! / Зачем (вопрос имею личный) / Бутыль с наклейкой на боку / Зовут так ласково «Столичной», / Зовут «Одессой» и «Баку»? / А я бы так решил, однако, / Набор составил бы такой: / «Коньяк «Конфликт», / Настойка «Драка», / Портвейн «Скандал», / Коктейль «Запой»...

[38] *Будагов Р. А.* Указ. соч., с. 56.

типология основана на представлении о степени осознанности употребления языка и преднамеренности отбора его выразительных средств, которая является одним из следствий отношения к нему говорящего коллектива.

В-третьих, существует проблема оценки тем или иным конкретным индивидуумом используемых им средств языковой коммуникации, зависящей от социально-психологических характеристик его личности. Если предыдущий аспект прямо связан с функциональным расслоением языка, то данный аспект более непосредственно соотносится со стилистической дифференциацией языковых явлений, так как в образе участника речевого акта (получателя и отправителя речи) аккумулируется и реализуется коллективный речевой опыт применительно к формам социального функционирования языка.

Владеть (активно или пассивно) разными способами общения на одном и том же языке (т. е. пользоваться его синонимическими свойствами) — значит как-то «относиться» к языку: Не будем путать нормальное *честолюбие,* проистекающее из присущего только человеку чувства чести, с ложным. Для него в русском языке есть отдельное слово — *тщеславие* (А. Крон, Бессонница). Такие фигуры объективно-субъективных противопоставлений достаточно наглядно иллюстрируют стилистическую роль «оценочного отношения» к языку. Строго говоря, весь комплекс категорий «оценочного отношения» к языку, получающего осуществление в реальной речевой деятельности, может быть расценен как область отражения сложного взаимодействия объективного и субъективного начал в роли движущей силы человеческого поведения вообще. Перевес одного из этих начал зависит от сферы применения языка, а следовательно, и от типа носителей языка, которые выступают в этой сфере как участники речевого общения. Значит, описание так или иначе связанного с этими типами «отношения к языку» не может быть осуществлено безотносительно к его коммуникативной реализации, коль скоро «лишь общение определяет облик языка» (А. Мартине).

Исследуя связь особенностей коммуникативного процесса с психолингвистическими и общепсихологическими факторами, действующими в данной культурно-исторической среде, ученые относят использование стилевой дифференциации языка к области, непосредственно обуславливаемой социальной ситуацией и социальными функциями общения[39]. Это значит, что для стилевого узуса данного языка данной эпохи существенны и постоянные социальные характеристики отправителя—получателя речи (как носителя той или иной подсистемы — литературного языка, диалекта и пр.) и его переменные социальные роли (как участника акта рече-

---

[39] См.: *Леонтьев А. А.* Общетеоретические проблемы этнопсихолингвистики.— В кн.: Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977, с. 10.

вой коммуникации)[40]. Интересующие нас, в частности, типы взаимодействия коллективных языковых навыков и их способность содержать индивидуальные отклонения связаны и с первыми и со вторыми. От первых зависит объем и «качество» общего языкового опыта отправителя/получателя речи, а от второго — виды его соотнесения с языковым опытом собеседника. Будучи изначально взаимозависимыми, они определяют своим соединением коммуникативный тип общения — официальный или неофициальный; его форму — письменную или устную, монолог или диалог; его содержание.

Но в то же время отношение языково-стилистического отбора высказывания к этим дефинициям не всегда прямолинейно. «Сам выбор стиля речи,— пишут исследователи,— может явиться демонстрацией определенных социальных качеств субъекта. Например, выбор в бытовой обстановке одним из собеседников литературного языка устанавливает определенную дистанцию, барьер между общающимися. И наоборот, если в официальной обстановке собеседник перешел на разговорную речь, это часто означает снятие им барьера между собой и собеседником»[41]. Вот пример ролевого переключения участников коммуникативного акта, с наглядными стилистическими последствиями:

...В конце помещения под плоскими часами единственный обычный стол и за ним Вадим Иваныч Карасев, наш руководитель: двадцать восемь лет, женат, дочери пять лет. Перед ним я, Трушин: двадцать шесть лет, женат, сыну три года. Между нами синька с лежащим на ней корейским паркером Карасева, два телефона — городской и местный — и разница в служебном положении.— Вы почему раньше ушли с работы, Трушин? — Когда это? — Вчера. На сорок минут раньше.— Серьезно? — *Не придуряйся, старик, тебя видели в проходной, сейчас проверка. — Чего ж не предупредили, змеи?* — Итак, я вас слушаю. Какова причина вашего ухода? — Чего-то припоминаю... Да! Вспомнил! У меня болел зуб, Вадим Иваныч! — И что же? Вы пошли к врачу, Трушин, как я понимаю? — Ну, конечно! — И он вам дал справку или еще какой оправдательный документ? — Справку?.. Сейчас вспомню... — *Старик, если справки нет, придумай еще что-нибудь, сейчас строго — нас проверяют. — Старик, квартиру мы получили, дел до черта, не до справок!* — Вспомнили, Трушин? — Вспомнил. У меня не зуб болел, а тетка. У нее точно есть справка, могу принести. — Да, но согласитесь, Трушин, что в нашем отделе работает

---

[40] Ср. понятия языковой и речевой общности (в кн.: *Никольский Л. Б.* Синхронная социолингвистика, с. 45—48) и переменных и постоянных характеристик социальной роли говорящих (*Крысин Л. П.* Указ. соч., с. 45).

[41] См.: *Тарасов Е. Ф., Школьник Л. С.* Социально-символическая регуляция поведения собеседника.— В кн.: Национально-культурная специфика речевого поведения..., с. 188 (авторы исходят из признака неофициальности разговорной речи, подробно обсуждаемого в кн.: Русская разговорная речь. М., 1973).

не ваша тетка, а вы...— Я думал, Вадим Иваныч, что тетка достаточно уважительная причина, тем более что она у меня библиофил.— *Не пудри мне мозги, старичок, своей теткой, выдумывай что покрепче, на тебя докладная от проверяющих у директора.— Что же не предупредили, что докладная? Вот змеи!* — Все-таки, Трушин, я хотел бы знать причину вашего несвоевременного ухода с работы, и если она не является уважительной, я вынужден буду наложить на вас взыскание.— Конечно, Вадим Иваныч, я понимаю... Дело в том, что причина существует, я просто не хотел ее называть, так как речь идет об интимных делах. Я был в суде. Моя жена подала на развод. — *Ты что, правда, развелся?* — *Упаси бог, это я для отмазки.*— Значит, у вас сохранилась повестка в суд, Трушин? — Разумеется! — *Старик, без повестки не выгорит! — Не нервничай, Вадька, брат у меня развелся вчера, у нас с ним даже инициалы сходятся — без булды!* — Это меняет дело, Трушин. Попрошу вас завтра же принести мне повестку. *В следующий раз по-умному делай, сечешь?* — Непременно принесу, Вадим Иваныч. А *долго нас еще будут проверять? — С неделю. И другим скажи.— Заметано.* У вас ко мне все, Вадим Иваныч? — Да, вы свободны, Трушин, можете приступить к работе. Я встаю, корректно улыбаюсь начальнику и возвращаюсь к своему столу (А. Кучаев, Второй план).

Сосуществованием прямой и «инвертированной» зависимости стиля от социального фактора и закладываются возможности формирования в стилевом узусе общих, а не принадлежащих только какому-нибудь одному подсистемному языковому образованию, закономерностей использования стилистически значимых языковых единиц. Важно еще и то, что к самому наличию двух видов зависимости стиля от внешних по отношению к языку факторов правомерно отнестись как к обратному доказательству. Оно говорит о независимости (пусть относительной) стилистического отбора выразительных средств в высказывании от того, каким образом строится та или иная конкретная ситуация общения и как она проявляет постоянные признаки речевого облика ее участников.

Ведь хорошо известно, что традиция узуальных навыков употребления языка, которые являются ничем иным как следствием отношения говорящего коллектива к его коммуникативно-выразительным возможностям, складывается под давлением целого комплекса причин. Мы знаем, что и отдельные факты большей или меньшей употребительности какой-либо единицы языка и даже более широкие явления — например, языковой вкус или языковая мода данной эпохи — не объясняются частными социальными факторами, а зависят от социальной природы самого языка. А эта более глубокая причинность, выступая «не в первом приближении», часто настолько сливается с имманентными закономерностями языкового употребления, что прихоти узуса вообще и тем более узуса стилистического не поддаются тому, что раньше называлось «вульгарно-социологическим» толкованием.

Мы не вправе искать ни прямых, ни косвенных социально-исторических обоснований, например, закреплению за вводным модальным оборотом *к вашему сведению* иронического употребления, а за словосочетанием *почет и уважение* — шутливого [42], точно так же, как таких обоснований нет, допустим, в законах словосочетаемости (*поступил* в институт, но *вступил* в спортивный клуб) или в законах словообразования (от *стрелять* в основном значении — *стрельба*, а не *стреляние*) [43] и т. п. А если такие причины и есть, то они воспринимаются как опосредованные, дающие лишь первый толчок дальнейшему развитию у того или иного языкового явления коннотативного комплекса и, следовательно, образованию его стилистического значения. Ср., например, принятую в деловых бумагах постпозицию имени и отчества и ее оценочные экспрессивные последствия: ...Он первым делом привинтил к двери своего кабинета большую стеклянную табличку с надписью «Алмазов С. Н.» Такие же надписи и в особенности инициалы, поставленные п о с л е фамилии, у нас в Институте были не приняты и считались дурным тоном (А. Крон, Бессонница); так же воспринимается эта постпозиция в детской речи: Ты что плачешь? — Меня *Буданова Лена* толкнула... В этом случае социально-жанровая ограниченность ведет к эмоционально-оценочному компоненту стилистического значения.

Но возможна и обратная последовательность. Ср., например, текст одного из ответов на вопросы анкеты «Какой мне видится хорошая семья» (Неделя, 1977, № 17): ...Даже такое мелкое (как считают некоторые мужчины) замечание жене: «Пересолила немного и картошку крупно порезала» — его достаточно, чтобы у супруги опустились руки. Если бы сказать иначе: «*Дорогушка, никак влюбилась? Чуточку пересолила, но вкус отличный!*» ...достаточно этих слов, и... посмотрите в глаза жены, они вам обо всем расскажут...

Автор этого ответа подразумевает, что обращение мужа *дорогушка* и пр. должно понравиться жене и положить конец семей-

---

[42] См. текст колонки редактора в газете «Неделя» (1969, № 33): Была когда-то в русском языке такая формула, устойчивое словосочетание, как выражаются лингвисты,— *«почет и уважение»*. Эти слова употребляются сейчас в юмористическом смысле (вернее было бы, конечно, сказать — шутливо.— *Т. В.*). *«Почет и уважение»* — это слова, точно формулирующие то отношение к старикам, которое по самой природе нашего общества должно быть присуще ему. Активный почет и деятельное уважение. Дело ведь не в том, чтобы место в трамвае уступить; или ср.: — Скажите, сколько раз вы лежали по поводу гастрита? — По поводу *так называемого* гастрита, вы хотите сказать,— *саркастически* уточнил Горлов (Л. Борич. С утра до утра).

[43] Ср. обыгрывание этой зависимости на 16-й полосе «Литературной газеты»: С юных лет *занимается стрельбой* А. Желтов. Тридцать из тридцати — таков его ежедневный рекорд. *Стреляет* он и на работе, и на улице — где придется. И всегда *безотказно*. Интересно, *что своих сигарет у А. Желтова отродясь не бывало*.

ным раздорам. Однако это, как говорится, дело вкуса, и в другой семье выполнение такого совета может не привести к желаемому идиллическому результату. Социально-жанровая ограниченность этого типа образований очевидна, но здесь она выступает не как первопричина, а как следствие эмотивности уменьшительного стяжения.

Почему в одной группе носителей такое словоупотребление расценивается как проявление дурного вкуса, а в другой воспринимается в высшей степени одобрительно — вопрос, который не решается прямолинейным социальным толкованием. По всей вероятности, на него можно ответить только тогда, когда принимается во внимание соединение объективных и субъективных факторов в отношении к языку. Оно является основанием для синонимической вариативности как особенности стилистически направленного языкового отбора, опирающегося не на денотативную, а на коннотативную необходимость и, следовательно, дающую большее право собственно номинативного выбора. Поэтому к оценкам того или иного словоупотребления, обоснованным представлениями чисто эстетического порядка, очевидно, следует подходить не с точки зрения узуально-коллективного использования языка как средства коммуникации, а с точки зрения того специального выразительно-эстетического отбора, который свойствен речи художественной как индивидуальному речевому изъявлению, построенному на «вторичном моделировании». И сама эта закономерность знаменательна тем, что подтверждает отсутствие непроницаемых границ между языковым отбором, эстетически оправданным в целом (художественная речь), и отбором узуально-стилистическим.

Возьмем лишь один частный случай — прием контекстно самодостаточной субстантивации определений (причастных, адъективных, местоименных) среднего рода, имеющих экспрессивное задание «многозначительной неопределенности». Он оформляется той группой стилистических значений, которая связана с усилением имплицитности плана стилистического выражения: Когда он согласился играть этого... отщепенца, товарищи по театру удивились: Это же не *твое*!.. Но он-то знал. Правда, ему еще не приходилось делать *такого*... (И. Герасимов, На трассе непогода);...А эти пустые схемы, думать страшно. А то еще пошлость, или такое *приземленное*, что самая разновейшая форма не прикроет бедности (молодая актриса говорит о предложенных ей ролях. — Е. Шереметьева, Весны гонцы); вскоре послышалось *добродушное*: Перекур! (из газет); ...включаясь в спор о природе сценической документальности, обращу внимание на *бесспорное*... (К. Щербаков, Нету пути иного — театральная рецензия); А в этих органах было немало людей... готовых на *всякое*... (из газет) и т. д.

Исследователь обязан уловить некоторую нарочитость и как бы назойливость таких словоупотреблений, ощущающуюся всякий раз, когда их пример демонстрирует не столь безусловно-узуальную модель (как, например, местоименную — я от тебя не ожидал

такого). Отчасти это объясняется легко обнаруживаемой широкой употребительностью названных случаев в ограниченной социальной сфере — например, актерском общении; или в определенной роли, например, в роли литературно-критических штампов и пр. Но, во-первых, эта избирательность не всегда подтверждается (как мы видим даже по нескольким приведенным примерам), а во-вторых, такая оценка зависит от взгляда самого исследователя, обязанного, как мы говорили выше, «сверять» ее с оценками других отправителей и получателей речи, с позиций которых тоже существуют различия: одно дело — невозможность использовать данный способ выражения самому (как крайняя степень негативного отношения), а другое — критически воспринять, т. е. ответить на заданную экспрессию, но не ответить на ее стилистическое значение.

Существует ли путь, следуя которому представляется возможным установить некоторые логические пропорции выражения субъективно-объективных причин языкового отбора в высказывании? Если объектом исследования является само отношение к языку, демонстрируемое употреблением, то регулярность взаимодействия индивидуально-субъективных и коллективно-объективных факторов в стилевой области может быть исчислена определенными конкретными явлениями, но лишь при условии полной непредубежденности наблюдения над ними.

Индивидуальное и коллективное начала в процессе стилевого отбора

Многие исследователи признают, что стилистика наиболее близко соприкасается с субъективной стороной в языке [44], и поэтому преимущественный интерес тех, кто ею занимается, к проявлению индивидуальных особенностей автора (в широком смысле) вполне правомерен не только с точки зрения лингвистической поэтики, изучения языка художественной литературы, но и лингвостилистики в целом. В то же время само признание стилистики лингвистической дисциплиной связывается с «тем непременным условием, что она имеет своим предметом те языковые привычки и те формы употребления языка, которые действительно являются коллективными» [45].

Противоречат ли друг другу эти мнения? По всей вероятности, истинного противоречия здесь нет, коль скоро не только стилевая, но и вообще вся речевая деятельность состоит, как и любая другая практическая деятельность человека, из взаимодейст-

---

[44] См.: *Колшанский Г. В.* Соотношение объективных и субъективных факторов в языке. М., 1975, с. 188 и след.

[45] *Винокур Г. О.* О задачах истории языка.— Избр. работы по русскому языку. М., 1959, с. 222.

вия субъективных и объективных факторов, почему любое конкретное высказывание и содержит одновременно оба начала[46]. Наличие коллективных языковых навыков в стилевой области вовсе не означает отсутствия в ней явлений субъективных, и наоборот. Однако было бы странно утверждать, что данная область лишена с этой точки зрения какой бы то ни было специфики по сравнению с другими языковыми навыками коллектива. Поэтому стилистический анализ высказывания необходимо начинать с выделения коллективного и индивидуального языкового выражения. Но столь ли очевидно противопоставляются эти два элемента, чтобы можно было с уверенностью отделить один от другого? Как провести эту операцию, скажем, в разговорной речи и как — в тексте художественного произведения?[47] Есть ли какие-нибудь более или менее точные критерии для безошибочного разграничения этих понятий?

Нет сомнения в том, что эти критерии должны быть многоаспектными и что следует более пристально вглядеться в «индивидуальность» индивидуальных и «коллективность» коллективных явлений стилевого употребления. Вопрос этот может решаться с позиций антиномии между индивидуальной, субъективной стороной речепроизводства и интерсубъективным характером языка как всеобщего средства коммуникации[48]. Тогда «вмешательство индивида в естественный порядок языка видится в сумме определенных явлений, которые представляют собой как бы постоянные погрешности против синхронного узуса и завоевывают себе право войти в него через локальные сферы употребления (социальные, профессиональные и территориальные диалекты и пр.)»[49].

---

[46] См.: *Колшанский Г. В.* Указ. соч., с. 122.— В высказывании это взаимодействие выражается в том, что объективный фактор содержит информацию об объекте, а субъективный — оценку этой информации субъектом. Однако относить явления стиля лишь ко второму фактору (см. с. 120, 188 и след.), по всей вероятности, было бы некоторым преувеличением, хотя и объясняемым позицией исследователя данной проблемы, при которой важно выявить наиболее характерные области, демонстрирующие противопоставленность изучаемых категорий. Кроме того, судя по известному определению К. Фосслера: «Стиль — это индивидуальное языковое употребление в отличие от общего»,— в оценках стиля как результата только субъективного отношения к языку присутствует иное (одно из многих) понимание, а вернее — отношение к содержанию самого термина «стиль».

[47] См.: *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976, с. 72—73; *Богин Г. А.* Разговорная речь и индивидуальные характеристики личности.— В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, 4. Горький, 1973.— М. Н. Кожина справедливо связывает «степень допустимости и возможности проявления авторской индивидуальности» с функциональным различием стилей (в нашем понимании — подсистем языка). См.: *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М., 1977, с. 57.

[48] См.: *Маковский. М.* Указ. соч., с. 40; *Степанов Ю. С.* Основы языкознания, с. 187—269 и др.

[49] Эллипсис, контаминация слов, опрощение, народная этимология, языковое планирование, заимствования и пр. (*Маковский М.* Указ. соч.).

Таким образом, более реалистическое разграничение этих двух категорий не может игнорировать ни их постоянного взаимодействия, ни явной относительности данной оппозиции, потому что индивид — это одновременно и член коллектива (последний же предполагает общность навыков), а коллектив состоит из индивидов [50].

«Мы должны точно уяснить себе, что же такое индивидуальное говорение, чем оно обусловлено и как оно реализуется в действительности. Говорение возможно лишь на базе собственно языка. Какие бы крупные индивидуальные отклонения мы ни встречали в речи того или иного говорящего, мы всегда должны помнить, что отклонения эти есть именно отклонения от нормы, а не ничем не связанные психофизические отправления. Говорение индивидуума не может быть понято без осознания языка как коллективной способности, это говорение определяющей. Но если язык собственно предполагает пассивное, закономерное пользование им со стороны говорящего, то говорение всегда есть акт волевой, сознательный» [51]. В последнем качестве и правомерно, по всей вероятности, искать начало индивидуально-субъективных проявлений по аналогии с другими сторонами «поведенческих», социально-психологических характеристик человека.

В то же время точкой отсчета для изучения результатов речевого поведения человека, т. е. конкретных высказываний, отправитель которых выступает в самом этом действии как реальная «индивидуальность», должна быть общая посылка — сознание языка как коллективной способности. В этом отношении стилистическое сознание не может быть устроено как-то иначе. Но в стилистике мы обязаны учитывать и дополнительные факторы:

1. Функционально-жанровые различия, которые обнаруживаются в закономерностях использования языка разными коммуникативными сферами. Каждая функциональная подсистема языка и каждый текстовый жанр в ней характеризуются типическими ситуациями, формальными и содержательно-тематическими особенностями общения [52], которые рализуются благодаря неодинаковой роли коллективного и индивидуального начал.

2. Связанный с этим тип языкового отбора, прямо зависящий от удельного веса объективного и субъективного факторов в организации высказывания.

---

[50] М. Маковский приводит рассуждение из аристотелевой «Метафизики» (о том, что всякое явление может выступать и как единичное и как всеобщее, в зависимости от того, к чему оно относится), которое подчеркивает диалектический характер субъектной и интерсубъектной связи в языковом употреблении (указ. соч., с. 42).

[51] *Винокур Г. О.* Указ. соч., с. 43—44.

[52] О совокупности т е м как информативной специфике сферы общения см.: *Никольский Л. Б.* Синхронная социолингвистика, с. 37; *Лаптева О. А.* Указ. соч., с. 12—13.

3. Отношение стилистически отмеченного языкового употребления в речи художественной и нехудожественной. Здесь важно выступающее «крупным планом» сходство и различие результатов в двух крайних видах языкового отбора — спонтанного/непреднамеренного и подготовленного/осознанного как отражение общего функционального противопоставления разговорной и книжной подсистем. В анализе специально-художественного (т. е. преднамеренно-удвоенного) использования тех явлений общеязыковой стилистической отмеченности, которые коммуникативная функция языка, не осложненная главенствующей целенаправленностью функции эстетической, манифестирует как следствие автоматизма речевых навыков, структура субъективных и интерсубъективных переплетений отражается как через увеличительное стекло [53];

4. Характерологию и экспрессию, случаи их взаимопересечения и взаимоисключения как отражение объективно-субъективных связей во взаимодействии отправителя и получателя высказывания.

В свете этих дополнительных факторов целесообразно рассмотреть «количественные» комбинации во взаимодействии получателя и отправителя высказывания, потому что доля субъективных сдвигов объективного языкового проявления измеряется истинностью или мнимостью индивидуального содержания как акта отправления, так и акта получения речи. Первый случай поощряет индивидуальные коррекции узуса, второй их сдерживает. Следовательно, здесь прежде всего выступает противопоставление личной и массовой коммуникации, одним из основных дифференциальных признаков которой служит количественный облик ее участников [54].

Личная коммуникация главным образом осуществляется соотношением «один — один». Массовая коммуникация — соотношением «один — много», «много — много» и «много — один». Любые внешние варианты этих типов соотношения не снимают индивидуального содержания личной коммуникации и лишь усиливают коллективное содержание массовой [55].

Основная форма личной коммуникации — это диалог в его первичном и естественном виде: два участника общения, олицетворяющие образы адресующего и адресата, при переменной и,

---

[53] Поэтому сравнение двух коммуникативных сфер — художественной и нехудожественной — в большей степени, чем любой другой способ анализа, отвечает основной задаче настоящей работы, т. е. обнаружению ряда общих моделей формирования стилистически отмеченных употреблений (узуально-стилевых комплексов) и их экспрессивных модификаций, отвечающих нуждам разных функционально-коммуникативных сфер.

[54] См.: *Холодович А. А.* О типологии речи.— В кн.: Историко-филологические исследования. М., 1967, с. 208.

[55] См.: *Винокур Т. Г.* О содержании некоторых стилистических понятий, с. 71 и след.

следовательно, одинаково активной роли в речевой деятельности и в восприятии речи. Языковой отбор для них в известной мере несвободен, он и структурно и экспрессивно определен составом предшествующей (инициативной) реплики сообщения. В инициативной спонтанной речи, когда говорящий формулирует «усвоенное и обработанное им самим предметное и смысловое содержание»[56] самостоятельным выбором выразительных средств языка, больше свободы для субъективного к ним отношения, а в реактивной речи — меньше. Однако ситуативная «несвобода» не мешает сугубо личному, индивидуальному проявлению другой свободы — сохранения или несохранения постоянных социальных признаков речевого облика. Это происходит потому, что разговорный диалог располагает к минимальной целенаправленности отбора языковых средств. Взаимная заинтересованность обоих его участников в успехе коммуникации помогает как бы равномерному распределению ответственности за нее между адресующимся и адресатом. Не только реплика, но и сам момент ее восприятия, имеющего непосредственный характер, подготавливает дальнейший ход диалога.

Как противоположность устному диалогу существует личная коммуникация в виде письменного монолога, например, частное письмо неофициального содержания. Этот вид также обязан своим языковым составом имплицитному учету ответного восприятия (характер которого может быть предугадан при непременном для личной коммуникации представлении о конкретном образе адресата) и также имеет определенные условия для названного выше вида свободы действия адресанта.

По мере ухода от первичной (устной и разговорной) формы диалога индивидуальная свобода отбора языковых средств становится все более ограниченной с указанной точки зрения, но получает другой выход — в увеличении целенаправленности, установки на язык, т. е. проявления о т н о ш е н и я к его выразительным возможностям, а следовательно, «проигрывания», как теперь говорят социолингвисты, какой-то определенной речевой роли. Для массовой коммуникации такое явление типично, потому что в ней меняется представление об адресате. Оно включает элемент собирательности, нерасчлененности, непредсказуемости реакции на сообщение, что связано с односторонностью массовой коммуникации, при которой (в основных ее видах) адресат играет пассивную роль, т. е. не имеет возможности влиять на языковой состав сообщения одновременно с самим процессом коммуникации. Здесь имеет место заранее обдуманное применение элементов языка, обусловленное социальной позицией предполагаемого адресата, характером его языкового опыта.

---

[56] См.: *Леонтьев А. А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969, с. 136.

Более обычная для массовой коммуникации монологическая форма (не рассчитанная на синхронную словесную реакцию адресата, которая может изменить речевую ситуацию, и следовательно, п о с т р о е н н а я) реализуется лишь при пассивном восприятии речи. Последнее в обратном порядке влияет на речь адресующегося, т. е. усиливает активность, инициативу в отборе средств выражения: автор монолога ни с кем не может разделить ответственность за способ выражения, и поэтому его речевое поведение в большей степени опирается на узуально-отстоявшиеся выразительные нормы, применяясь к которым он играет соответствующую роль в речевом поведении.

О. А. Лаптева справедливо отметила ряд обстоятельств, не позволяющих объяснять оппозицию «монолог—диалог» признаком адресованности речи [57]. Именно эти обстоятельства сближают обе формы общения и в который раз подтверждают, что и та и другая непременно нуждаются в адресате, т. е. что коммуникация — акт двусторонний. Поэтому, скажем, бытовой диалог, развивающийся по чеховской «касательной», и размышление вслух (на сходную тему), облеченное в монологическую форму, имеют больше общих черт в характере подготавливающего их языкового отбора, и следовательно, проявления индивидуальных черт языкового облика отправителя, чем информативно-логически построенный диалог в разговорной речи и дискуссионный диалог в научной речи.

Соответствие внешней «коллективности» и «индивидуальности» образов участников речевого акта внутреннему языковому содержанию высказывания — один из главных факторов, благодаря которому становится возможным осуществление стилистического многообразия высказывания в разных жанрах речи, принадлежащих одной функциональной сфере языка, т. е. объединенной одной целенаправленной функцией. Например, познавательная функция общения выражается различными жанрами речи, имеющими свои принципы организации текста. Рассматривать их только под углом тематической и целевой модификации высказывания, не принимая в расчет типических моделей взаимосвязи самих агентов речевой деятельности, неправомерно, потому что тогда от нашего внимания ускользнет по сути дела весь собственно стилистический аспект этих принципов, так как он обязательно должен быть пропущен через призму «отношения» говорящих к высказыванию.

Известно, что внутрифункциональные стилевые различия отдельных жанров речи могут быть значительными и что эти различия обсуславливаются разными частными причинами, темой, формой и ситуацией общения. Ср. собственно научную и научно-популярную речь; язык гуманитарных наук и язык естественных наук; устную научную речь и письменную научную речь. Но за каждой

[57] См.: *Лаптева О. А.* Указ. соч., с. 48—53.

из этих первопричин стоит обобщающий фактор типологических различий взаимодействия отправителя и получателя с их отношением к высказыванию, вне которого нет стилистически значимой языковой коммуникации. Поэтому, если исследовать эти различия, предположим, применительно к научному языку, то можно обнаружить, что они зависят и от количественного облика участников общения. Одна из имеющихся в научной речи возможностей — индивидуальный образ отправителя научной информации, соответствующий коллективному адресату, т. е. отношение «один/много». Вторая возможность — коллективные образы адресующегося и адресата, т. е. отношение «много/много».

Ясно, что способы организации текста при этих двух возможностях принципиально различны. Коллективная речевая деятельность непременно предполагает некое «усредненне», выработку нейтральных приемов изложения, сглаживание субъективных отклонений от узуса. Но для языка науки в высшей степени характерна и третья возможность (если говорить о традиции научного общения в данных конкретных социально-исторических условиях). Наше время, отмеченное массовым характером развития науки, вовлекает в научную сферу общения большое количество людей, приобретающих одинаковые профессионально-речевые навыки. При этом свойственные им индивидуальные особенности языкового употребления очень слабо предохраняют их научную речевую деятельность от нивелирующего коллективизма. «Обобществление» данных науки «обобществляет» и средства их словесного описания. Таким образом, возникает настоятельная необходимость различать для языка науки упомянутое выше истинное и мнимое содержание формулы «один—много». Второе (по форме индивидуальное, по содержанию коллективное) переводит в область коллективной языковой деятельности большинство видов научного общения и тем самым способствует формированию функциональной разновидности «научный язык» — с рядом единых черт языкового отбора.

«Неперсонифицированная» сущность образа адресующегося, характерная для научного языка, накладывает свой отпечаток на самый процесс отбора. Отношение к высказыванию заявляет о себе в ограничительных рамках адаптации к функционально-языковым стандартам, т. е. дает минимальную свободу субъективным оценкам способов выражения. В то же время мы знаем, что и сейчас научная мысль может получать в трудах отдельных ученых сугубо нестандартное, индивидуальное речевое выражение, которое зависит не от состояния языка, а от личности ученого. Одни привлекают к научному повествованию «беллетристические» способы, широкий диапазон метафорических средств языка; другим свойственны планомерные отступления от книжной нормы в пользу разговорной; третьи нарушают цеховые обязательства и пристрастия тем, что намеренно избегают так называемого «наукообразия», стремясь к максимальной простоте и минимальной

терминологичности текста, к отсутствию штампов. Так, например, в статье В. Шкловского «Новелла тайн» мы читаем: «...Но *неудобно* писать о Достоевском в примечании к статье о Конан-Дойле», тогда как условности научной речи подсказывают здесь следующие шаблоны: «мы ни в коей мере не хотим сравнивать», «ставить на одну доску», «ставить знак равенства», «сближать» Достоевского с Конан-Дойлем [58] и т. п.

Следовательно, способы языкового выражения познавательной задачи, которая всегда главенствует в научном общении, здесь формируются по-другому. Они не покрываются выработанными в научной среде стандартами и представляют собой отражение языкового опыта автора не только как ученого, но и как носителя языка вообще. «Двуязычие» как необходимое свойство основной массы людей, занимающихся наукой и как бы переходящих от одного «диалекта» к другому в зависимости от сферы их речевой практики, при этом теряет резкость подсистемных противопоставлений. Принимая во внимание сказанное, можно считать, что в познавательной сфере языкового общения существует тройное деление, влияющее на стилевую организацию текста: коллективный, мнимо-индивидуальный в истинно-индивидуальный речевой облик адресующегося.

Обращение к массе обязывает адресующегося учитывать особенности языкового сознания общества, в зависимости от того, какими его слоями представлен адресат данного высказывания. Строго научное изложение рассчитано, например, на однородный и адекватный адресующемуся образ адресата. Научно-популярные жанры, наоборот, предугадывают характер восприятия неоднородной и неадекватной адресующемуся общности получателей высказывания. Вряд ли можно сомневаться в том, что существуют кардинальные различия между способами организации текста, которые связаны с групповыми навыками функционального применения языка, и способами, которые выходят за их пределы. Относительная независимость этих последних по-иному позволяет ставить вопрос о целевой обусловленности языкового отбора. Приходится, например, отказаться от предвзятого мнения о том, что той же познавательной задаче высказывания противопоказана образность и экспрессия, и, наоборот, изучать разные пропорции и формы введения тропов в научную речь. Приходится выделять функционально-прикрепленные и «свободные» стилистические средства — т. е. право индивидуальных вариаций в его столкновении с терминологической необходимостью. Эти вариации показывают, как социальная сфера общения меняет реальное содержание образа говорящего: в одних обстоятельствах он меньше связан групповым опытом и свободнее проявляет себя как отдельная личность, в других — берет на себя более тяжелый груз языковых навыков коллектива.

[58] Ср. языковую характеристику известного современного английского историка Дж. Тойнби, данную советским исследователем: «Когда Тойнби

Узус и окказиональность

Закономерности стилистического использования языковых единиц, которые выявляются в узусе, можно, следовательно, с одной стороны, считать устойчивыми и коллективными, а с другой — вариативными и находящимися на грани индивидуально-непредсказуемых. Выше мы говорили о том, что проблема взаимодействия индивидуальных и коллективных факторов в отношении к языку (т. е. в применении его семиотических свойств) решается в пользу последних. Значимость языковой единицы не может не быть интерсубъективной, так как в противоположном случае мы имеем дело не с языком, а с психофизическими отправлениями. Ведь и крайние опыты языка поэзии («заумный» язык футуристов и т. п.) основаны на мотивированности звуковых комплексов — семантической, ассоциативной, аллитеративно-паронимической и пр., пусть даже мнимой. А именно потому, что никто не хотел, например, согласиться с Крученыхом в том, что лилию следует называть «еуы», его поэзия так и не стала узуальным фактом словесного искусства.

Таким образом, любое индивидуальное речевое отправление, будучи со стороны физиологической фактом деятельности индивида, есть со стороны языковой (т. е. семиотико-коммуникативной) факт «коллективного принуждения», осознанной необходимости[59]. Стилевая вариативность языка есть, по всей вероятности, та область, в которой языковая деятельность индивида может получить известную компенсацию за это «принуждение», например, в виде потенциальных и окказиональных явлений, по отношению к которым вопрос о соотношении индивидуального и общего, субъективного и объективного, нового и старого (и в языке и в речевой деятельности) ставится самостоятельно.

Изучение окказионального и потенциального словоупотребления в аспекте его экспрессивных возможностей традиционно закрепляется за стилистикой. Но с точки зрения самого стилевого употребления окказиональным можно считать факт языка, способный выступить как стилистическое средство, экспрессия которого строится на эксплуатации необщепринятого, необычного, нового. Т. е.

патетичен, язык его заметно архаизирован. Вообще эмоциональный строй трудов Тойнби необычен: церковно-проповеднические интонации возникают посреди академически уравновешенного повествования. Подчас же повествование «снижается» подчеркнуто-разговорными, почти слэнговыми оборотами речи. Все это — органическое выражение мыслительной структуры историка» (см.: *Рашковский Э.* Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби. М., 1974).

[59] Э. Косериу называет саму речевую деятельность, в которой реализуется узус, первым основанием и первой формой интерсубъективности, так как говорить — это всегда сообщать, а благодаря сообщению «нечто становится общим». Само же сообщение может существовать постольку, поскольку говорящие уже имеют нечто общее, что проявляется в процессе разговора одного с другим (т. е. язык). См.: *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история.— В кн.: Новое в лингвистике, III. М., 1963, с. 185.

окказиональное стилистическое средство — это не окказиональная языковая единица в лингвистическом смысле этого термина, а языковая единица со стилистическим значением, образованным названными признаками. В этой области «новизна» играет главную стилеобразующую роль, несмотря на то, что выступает не в смысле исторически детерминированной реальности образования тех или иных элементов языка, а в смысле оппозиции двум признакам: коллективному и регулярному использованию только таких элементов, которые закреплены системой. Здесь лингвостилистика дает особенно наглядный пример опоры даже наиболее индивидуализированных речевых проявлений на общеязыковое сознание, во-первых, и известной ограниченности действия сферы этих проявлений — во-вторых.

Наиболее распространенное узуально-стилистическое средство экспрессии — потенциальное слово. Оно есть результат речевого акта, в котором индивидуальное и коллективное, субъективное и объективное, старое и новое располагаются на рубеже между общеязыковой моделью и ее индивидуальным речевым наполнением. Потенциальное слово подтверждает мысль о том, что экспрессия раритетов узуальна и что стилистика (являясь, как писал Г. О. Винокур, «лингвистической дисциплиной только при том непременном условии, что она имеет своим предметом те языковые привычки и те формы употребления языка, которые действительно являются коллективными») должна ее учитывать как наиболее действенный прием исполнения стилевого задания в высказывании. Стилистические значения окказиональных единиц языка мы рассматриваем как узуальное выразительное средство, являющееся конструктивным центром приема, который можно назвать «открытым рядом соединений». Он построен на контрасте модели и ее наполнения, и поэтому его стилистическое значение идет от средств, способствующих функционально-стилистическому перераспределению языковых элементов. Это значение «несоответствия» (формы и семы слова, меры их ассиметричности, общего значения и его спецификации в целях функционального ограничения употребления). Оно выполняет экспрессивное задание этимологической реставрации[60], обновления способа языкового выражения. «В сознании получателя возникает оппозиция: известное (языковое) — неизвестное (речевое, окказиональное). Это противопоставление имеет эстетический смысл. И несомненно экспрессивно»[61].

Сама возможность создать и употребить нечто «новое», не похожее на то, что известно всем, будучи по отношению к стилевому узусу определенной эпохи развития языка стилеобразующим фак-

[60] См. замечание Е. А. Земской о том, что значение потенциального слова целиком складывается из значения составляющих его частей (*Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с. 218).

[61] *Ханпира Э. И.* Окказиональные элементы в современной речи.— В кн.: Стилистические исследования. М., 1972, с. 306.

тором, совпадает с «тенденцией к экспрессивности» в ее столкновении с «тенденцией к регулярности» (Д. Н. Шмелев) как с основной движущей силой этого развития. Поэтому для окказиональных стилевых образований характерны те же закономерности коллективного употребления, что и для других стилистических средств узуса: проявление индивидуально-субъективной оценки выразительных возможностей языковых явлений. С этой точки зрения между художественным и нехудожественным речевым произведением также нет принципиальной разницы. Она заключается, скорее, в самом отборе языковых средств, играющих роль окказионального средства стиля [62]. Если потенциальное слово выступает в эстетической функции как отраженное явление стилевого узуса, то собственно окказиональные языковые образования (в смысле регулярности их эксплуатации) играют ту же роль в художественном тексте, что потенциальные — в общеязыковом. Т. е. экспрессивное задание осуществляется тем расстоянием, которое образуется между: 1) проявлением индивидуальности в языковом отборе реального или потенциального слова для общестилистического узуса; 2) узуального или окказионального слова в у ж е и н д и в и д у а л и з и р о в а н н о й художественной норме отбора.

Но и здесь это в основном вопрос регулярности и частотности, так как само наличие и потенциальных слов и окказионализмов в высказывании никак не связано с его принадлежностью к одной из этих двух сфер. Вот окказионализмы из ораторской речи: Поэт должен петь хрипловатым, *незакрасивленным* голосом (В. Боков цитирует М. Шолохова.— Лит. газ., 18. VII 1975); из рецензии: Он внес в этот образ «*серьез*»; из информации: Эту шутку они преподнесли нам с полным *серьезом*. Вот из фельетона: Как вы сегодня хорошо выглядите — *комплитюкнул я*; из художественной прозы: Это бывает в *невезеньевы* полосы (А. Куприн, Домик); *Дребезги* — название рассказа В. Золотухина; А на острове Буяне жили просто *таракане*,— продолжал он, уподобив тараканов народу или племени (дедушка поет песенку внучке.— В. Лидин, Песенка) и из поэзии: Любите *при сейчас*, Любите *при всегда; Кому горят* мои георгины (А. Вознесенский). Вот из детской речи: Я *плачу не тебе, а тете* Зине (известный пример К. Чуковского), а вот из частного письма: Я Вам не писал, потому что очень замотался и *зачерносотенничался* (В. В. Розанов — Горькому. Цит. по кн.: Контекст. М., 1978, с. 324) [63]. Их появление обязано языковому т в о р-

[62] Так, например, к индивидуальному словоупотреблению Л. Леонова относят и *блестинки*, *глуповатинки*; и *безадресный*, *безуступчивый*; и *полупешком*, *полузагробный*, и мн. число *гру́сти*, *све́ты* (см.: *Плахин Е. А.* Лексические особенности прозы Леонова. Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1964).

[63] Характеристику разных категорий окказиональных образований применительно к вопросу об их субъективной или интерсубъективной принадлежности и, таким образом, ценности с точки зрения образно-поэтической «неповторимости» см.: *Ханпира Э. П.* Указ. соч., с. 259—262. Стилистическая же индивидуальность собственно синтаксических явлений (если

ч е с т в у, момент которого (возможно, в несколько ослабленном виде) присутствует и в употреблении потенциальных слов. Ср. одинаково яркие примеры комического обыгрывания и окказионализмов и потенциального богатства языка как стилистической экспрессии: Вскоре очерк был написан. Начинался он так: Благородный *возвращалец*. С лукавинкой, добрым юмором и смешинкой встретил меня благородный *возвращалец* Н. И. Лесовалов... Весь высокий настрой жизни благородного *возвратителя* располагает его к широкой *возвращальческой* деятельности. Когда я посетил его, этот выдающийся *возвращенец* пил желудевый кофе на веранде. Люблю этот полезный напиток,— поведал мне маститый *возвращатель*... (В. Шефнер, Круглая тайна.— Рассказывается о том, как журналист берет интервью у человека, который вернул государству найденную им крупную сумму денег); Он сидел на скамейке в парке, держал на коленях раскрытый блокнот и время от времени что-то в него записывал.— Сочиняете стихи?— спросил я.— Нет, — ответил он. —Я работаю в другом жанре. — В каком? — В несколько специфическом. Я автор названий. *Художник-названист*, если можно так выразиться.— Как, как?— не понял я.— Ну, *если литератор, сочиняющий романы,— романист, то сочиняющий названия — названист* (Я. Осенка, Названист).

Вот еще примеры, выбранные из текстов разной функциональной принадлежности: Как бы *вызывальщик* из депо не пришел... (А. Платонов, Фро); квас весь вышел... и нет теперь *заботчика* о продовольствии (А. Платонов, Сокровенный человек); Один из *опознавателей* воскликнул: О! Иозеф Геббельс и Магда (И. Клименко, Как был найден труп Гитлера); Олеша... сказал, что умер последний *фабулист* (И. Ильф и Е. Петров, Литературный трамвай); Завлит — *добывальщик* пьес, *читальщик* малотиражной драматургии (из газет); Ну, потом будет *правка*.— Вы знаете, что это такое? От *правщика* можно всего ожидать... (из устной речи).

Последний пример говорит о том, что граница между потенциальным словом как результатом индивидуального творческого напряжения отправителя в момент речи и групповым, но отличным от общих привычек говорящего коллектива (например, профессиональным) употреблением также может быть недостаточно четкой. Слово *правщик* может квалифицироваться и как профессиональный термин. Ср. юридический термин *завещатель*, приведенный только что термин следствия *опознаватель* и пр. Любая обособленность употребления (как у ж е с о с т о я в ш а я с я в д р у г о м я з ы к о в о м о п ы т е, до данного речевого акта, но еще о с о з н а в а е м а я его отправителем актуализация потенциальных

ставить знак равенства между ней и окказиональностью в смысле экспрессии выражения) более всего характеризуется способами организации текста. Причем вне эстетической задачи постановка этого вопроса окажется, по всей вероятности, праздной. Ср. логические и теоретические основания анализа индивидуального синтаксиса писателя: *Иванчикова Е. А.* О синтаксисе художественных произведений Достоевского.— Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка, 1971, № 5.

возможностей языка) создает функциональный ограничитель стилистического значения и обслуживает то же экспрессивное задание, что окказионализм и потенциальное слово. Ср., например, профессиональные ударения, формы мн. и ед. числа (Выдача *прáхов* с 10 до 12; *читáтель* ждет серьезной литературы) и т. д. Эти формы употребляются в художественном задании и как характерология и как чистая экспрессия: У вас *волос* посечен (И. Грекова, Дамский мастер); Сегодня мы нагоняем план на *каркасá* (С. Антонов, Первая должность); Подчас Сева озабоченно сообщал, что у него стучат пальцы в *клапанáх*. И вообще Сева уже не говорил, например, *люки*, но *люкá*, а в слове *люфты́* ударение энергично делал только на последнем слоге. Он был вечно занят доставанием *масел* и *смазок* (В. Митин, Гараж); Прошло какое-то время — все стало иным. Даже галуны у швейцара как-то поблекли, выгорели, что ли, не знаю. Официанты стали разболтанно-нахальными, меню свелось к одним дежурным *блюдáм* (из газет). Ср. диалектно-просторечное: Про Людмилу говорили в горкоме, что права она крутого, а за мужем своим «*слéдит*» — с ударением на «е», что и *слову дает смысл побогаче*, и быт рисует погуще (из газет).

Сходную стилистическую роль могут играть и другие языковые средства, когда их употребительность по каким-либо причинам неустойчива и близка к потенциальной. Например, названия профессий женского рода содержат бóльшую долю имплицитности, чем параллельные мужские, и потому могут получать стилистическое значение: — А вы химик, я слышал? — Точно. Есть такая профессия. Я химик. Иногда еще говорят *химичка* (А. Яшин, Короткое дыхание). Ср. колебания в пределах одного текста, более очевидные для отрывка из литературы прошлого времени и более нивелированные в современном: ...приезжает, парень еще молодой и *женат тоже на докторе*, жена и значок золотой имеет: «*Женщина-врач*». Познакомились как-то — ничего, ребята славные и начитанные, особенно *врачиха*, по всяким наукам настегалась, так учеными терминами и сыплет...; Доктор и «*докторица*», фамилия которых была Горшковы, произвели на меня неопределенное впечатление...; Когда мы вышли из-за стола, я спросил *докторшу* об участи раздавленного Ватрушкина; *женщина-врач* точно обрадовалась моему вопросу... (Д. Мамин-Сибиряк, Сестры); Молодая *инспекторша*, поразмыслив, пришла к выводу, что положительные морально устойчивые девочки не станут защищать заведомых хулиганов... Через несколько дней я зашла в детскую комнату милиции. *Инспектор сидела* на своем месте... Значит, оскорбили они девочку? — задумчиво *произносит женщина-инспектор* (Н. Ивантер, Девочка и учительница. — Лит. газ., 1976, №49).

Аналогичным образом ведут себя (как стилистические средства) «заполнители лакун» в других словах женского рода — названиях животных и др.: Рядом с ней шагает *леопардица* Лялька — представляете? (из газетного очерка); Ох, ты и *льстица!* хитрюга маленькая (из устной речи); Моя жена такая *ультиматорша* ока-

залась (из устной речи); Это был именно *мамонтенок* (из телепередачи «Колымская находка»); Мы ее *старостенок* называем, очень уж мала для старосты (из газет); и пр.

Для межфункционального стилевого узуса наиболее показательна именно та окказиональность, которая меняет стилистическую принадлежность мотивирующего слова, т. е. образует стилистический контраст. Это, например, потенциальное слово, образуемое увеличением аффиксальных вариантов, нарушающих реальное соотношение видовых пар у глаголов [64]. Такие явления имеют главным образом стилистическое значение нейтрализации, приспосабливающей форму глагола к употребительности с «чужой» экспрессией в «чужой» функционально-стилистической среде. Чаще всего это касается нейтральных и книжных глаголов, получающих разговорно-сниженное обличье. Так употребляются, например, некоторые одновидовые глаголы, получающие видовую пару присоединением приставки [65]:— Ну, если мне захочется, я пойду *попреподаю*. Не все же науку двигать (из устной речи); Он еще вчера завершил свои дела... *попредавался* маленьким радостям командировочного (В. Савченко, Жил-был мальчик...); ты тут *поприсутствуй* немножко, я сейчас... (из устной речи); Я *поприветствовал* бабушку, помахал ей рукой и сказал: приветик! (из фельетона). Широкая употребительность [66] этой модели не делает ее узуальной в грамматическом плане [67], не снимает стилистического значения «несоответствия» и сопутствующего всякой окказиональности усиления новизны. Последнее происходит потому, что с точки зрения каждого отдельного речевого акта, в котором отражена данная употребительность, здесь возникает окказиональное значе-

[64] Роль глагола в стилистической дифференциации и в стилистической экспрессии словоупотребления более активна, чем имени, так как глагол не принадлежит к первичному лексическому классу и не связан с классом объектов прямо, а только через тот синтаксический комплекс, который сведен ими к слову (см.: *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 253). Т. е. в глаголе легче обозначается «внутренняя предикация», свойственная стилистическому значению.

[65] В грамматиках обычно этот способ указывается лишь для нескольких глаголов (*поразговаривать, посочувствовать* и пр.).

[66] Ср.: У нас не было причин не здороваться, и, столкнись мы нос к носу, я не «склонился бы низко», как требует необузданная ее фантазия, но несомненно, как теперь принято выражаться, *поприветствовал* (А. Крон, Бессонница). Помимо широкой употребительности в роли синонима к *поздороваться* этот пример подтверждает снижающее стилистическое значение данного средства в оппозиции к высокому, книжному стилю. В то же время в примере из «Анны Карениной»: Ласка подскочила к нему, *поприветствовала* его, попрыгав (см.: *Авилова Н. С.* Виды глагола. М., 1976, с. 284) можно усмотреть желание Толстого обозначить этим словом именно разницу между этикетным действием человека и «свободным» изъявлением эмоции у животного. Вряд ли *поприветствовать* могло быть в эту эпоху употреблено в семантической дублетности к *поздороваться*.

[67] Чему все-таки мешает двуприставочность, так как в других случаях противоречие литературной норме не явилось препятствием для коллективной употребительности глагольных форм в экспрессивном задании. См.: *Ожегов С. И.* Подойти, подъехать, подослать.—Вопросы культуры речи, вып. 2. М., 1959, с. 213.

ние (при соединении данной, например, приставки с лексическим значением глагола, всякий раз иным и потому обуславливающим его особый оттенок) [68]. *Поприветствовал* — равно по значению *поздоровался*; это его стилистический синоним, располагающийся на границе литературного и обиходно-просторечного употребления; *попередавался* не имеет такой синонимической пары, и значение его (и грамматическое и лексическое, т.е. его семантическая структура) остается окказиональным, так как в семантику глагола, который не может содержать признака несвязанности результата действия с определенным моментом его течения, именно такой «невозможный» признак вводится приставкой, и т.д. Эта семантическая окказиональность добавляет стилистическому значению нейтрализации эмотивный признак: некоторая небрежность и «необязательность» такого словоупотребления придает ему слабоокрашенный иронический оттенок (легкомысленного отношения к серьезному делу), и в этом качестве создает основанный на данном типе средств прием, где ирония входит составной частью в общее экспрессивное задание: Все тут с ума *посходили*; Вам, наверное, надо *позаписывать* детскую речь; Я сегодня здорово *повкалывал; Понакрутили* тут дел; Что это ты тут *понаписал*; Я вас всех сейчас *повыгоняю* отсюда; Я такое могу *напридумать*, что закачаешься.

Стилистическое значение подобных средств одновременно служит и приему «восполнения» недостающего выразительно-смыслового звена в лакунах грамматической схемы. Чем факультативнее это звено, тем «окказиональнее» средство, его выражающее: Потом она его, конечно, *полюбляет*, и полный порядок — хэппи энд (рассказ подростка о кинофильме); Ну, давай, скорее *ликвидни* вещественные доказательства (шутливый совет выбросить окурки перед приходом жены, которая запрещает курить больному). Наоборот — настоятельное, с точки зрения информативности, требование заполнить недостающий смысл приводит к такой употребительности, которая образует ненормированный в культурно-речевом аспекте штамп. Такова, например, «вывеска» обиходно-просторечного словоупотребления: *поимейте* в виду; он у нас тут денежки *заимел* и пр. [69]. Эта употребительность «дотягивает» окказионализм до иностилевой синонимии. Ср. обиходный глагол *поинтересоваться*, контекстное окружение которого говорит о его синонимических связях с глаголом *узнать*: Ты там *поинтересуйся*, имеют ли они

---

[68] «На уровне индивидуальной речи значение может быть только сопережито в момент сообщения» (*Степанов Ю. С.* Основы языкознания, с. 219).

[69] Ср. мнение о том, что глаголы типа *газовать, грипповать* «удобно выражают необходимые понятия, которые до „изобретения" названных слов могли выражаться только описательно» (см.: *Махароблидзе Г. А.* Грипповать, газовать.— Вопросы культуры речи, вып. 2, с. 180). С точки зрения данной задачи, однако, правам и возможностям изобретения в условиях личной коммуникации, предела нет. Ср.: Что это я здесь *занотабенила*? Не помню теперь (разговор при работе над рукописью); Зачем ты волосы *раскудрявила*? Тебе так лучше было (расчесала локоны); Этот столяр сначала все *заподлицачил*, а теперь отрывай (сделал «заподлицо»).

право на дополнительную площадь; Надо бы *поинтересоваться* в котором часу [начинается сеанс]. Бо́льшую или меньшую употребительность глагольной формы определяет здесь лексическое значение. Экспрессивным оказывается лишь то, что употребляется окказионально: Он заторопился, *заздоровался*, *закланялся*: Ну, *отздоровайся* со всеми — и к столу!; Она ведь у вас стеснительная. — Как же, стеснительная! *Отстеснялась* уже. Такая простонахалка стала. Ср. с более употребительным *застесняться*[70] и совсем регулярным *постесняться*, в котором от экспрессии остается лишь обиходная сниженность: Я хотела к вам зайти, да *постеснялась* вас беспокоить. И наоборот, стилистическое значение обостряется новизной реалии: *названивать* (не в колокол, а по телефону): Я тебе сегодня целый день *названивал*; с усилительным оттенком (а не по модели *наигрывать*) — ‘настойчиво звонить’; или: Я тебе *вызвоню* (записано в узком круге людей, употребляющих эту форму постоянно — в значении ‘позвоню’).

Неузуальные глагольные формы как стилистическое средство входят и в прием экономии речевых средств, параллельный интимизации и также образуемый своеобразной семантической конденсацией: Мне надо *доразложить* карточки; Придется все *перенаклеивать*; Эту запись придется *переслушивать*; Я, если бы не издательство, материал бы постепенно *подсобрал* и уже бы в этом году книжку написал... Конденсирующее свойство этих средств подчеркивается омонимией форм с узуальными значениями: например, ‘произвести действие исчерпывающее’: Я *переслушал* все его пластинки[71].

Определенные (например, многоприставочные) типы этих средств обслуживают и «эффект уклончивых слов»: официантка *подрастерялась* (Л. Беляева, Семь дней не в счет); из устной речи: цветы уже *подзавяли*; Я *подустал* немного; Это я, конечно, *подзагнул*, не всегда так бывает, но два раза мы действительно столкнулись (об автомобильной аварии); Он здорово *подначитался*, все знает; Я уже *подразобралась* теперь в этой конвергенции; теперь я уж это все *подзабыл*; Вы не паелись? Давайте еще *подзакажем*. Экспрессивное задание, выполняемое этим приемом, активизируется благодаря упомянутому свойству семантической конденсации. Ср. образования с *недо-* в характеристиках «квазидействия», «квазиопределения» и пр.: тут у нас кроссворд *недорешенный*; мы их *недовывихнутыми* называем (Е. Шереметьева, Весны гонцы); Но

---

[70] Ср. *зауважать* (Очень я тебя *зауважала* после доклада); *зажалеть* (Я вас разжалобила, и вы меня *зажалели*?) и т. п.

[71] Ср. специальный омонимический эффект, который сейчас, возможно не состоялся бы из-за увеличившейся активности семантико-стилистических перемещений в глагольном словообразовании: — Вы все смеетесь да шутите и *прошутите* так всю вашу жизнь.— Гм! *Прошутить* жизнь! Новое выражение! Ведь вы, Марья Павловна, я надеюсь, употребили глагол шутить — в смысле действительном?... — *Прошутить* жизнь,— продолжал Веретьев,— а вы хуже моего распорядитесь, вы *просурьезничаете* всю вашу жизнь (Тургенев, Затишье).

он *недопродумал* тут немножечко... и вот...; Ясно, он *недопроизошел* (модная пейоративная характеристика умственных способностей человека в саркастическом экспрессивном задании) [72]. Вот пример контекстного противопоставления — окказионального усиления и окказиональной редукции значения: Понимаете, проявщицы торопятся домой, вот и *недопроявили*!.. А потом проявщики заснули ночью, вот и *перепроявили* твой материальчик! (В. Егоров, Брачок-с!); Они *подраспустились*, надо табель вешать и проверять (из устной речи). Ср. увеличительное средство с до- (по модели *достукался*): Я все откладывал... и, как это бывает в жизни, *дооткладывался* до того, что стало поздно собираться в гости — пришло время ехать на похороны (В. Быков, Обелиск); Я так *дораскладывалась*, что негде ступить, даже на полу у меня... (о карточках с примерами для научной работы) [73].

Так как современный стилистический узус поощряет нейтрализацию и адаптацию средств разной стилевой характеристики в пределах высказывания, стилистическое значение функционального «снижения», сопровождающее перечисленные приемы, распространяет свою власть не только на нейтральные слова, но и на книжные. Особенно это ощутимо в префиксальных формах двувидовых книжных глаголов на *-ировать*: *зафиксировать корректировать*, *программировать*, *тиражировать* и пр. Двувидовое грамматическое значение предлагает книжность и официальность в качестве исходной стилистической нормы их употребления, из-за чего в других типах речи эти глаголы воспринимаются как инородный (и с точки зрения практической стилистики — дефектный) элемент. Ср. в романе: Катерина Ксаверьевна не только учила детей в школе и *ликвидировала* неграмотность [источник — лозунг о ликвидации неграмотности] среди красноармейцев, но выполняла всю ту работу, которую выполняют другие женщины (Л. Первомайский, Дикий мед); Я ее *информирую*, когда прихожу. Она меня ждет. Я ей все всегда рассказываю (из устной речи); Молодая женщина с милыми открытыми глазами. С увлечением говорит она о музыке, о сочинениях, которые мечтает написать, весело и заразительно смеется, *реагируя* на шутку (Л. Живов, Преодоление). Это несоответствие хорошо служит комической, иронической, сатирической экспрессии. Ср. пример с подчеркнутой оппозицией книжного и просторечного: Ежели *реализовать* «пальчики» на рынке, хорошо можно руки *поднагреть* (Б-ка «Крокодила»).

Наиболее употребительные приставочные образования нейтрализуют книжность этих глаголов и даже в какой-то мере способствуют их разговорно-неофициальной адаптации: Предстоящий бой было трудно *запрограммировать* (из газет); *Зафиксированы* пер-

---

[72] Он просто *недочеловек* какой-то; Это *недогород* и пр.

[73] Заметим, что конденсированное средство в значительной степени обостряется возвратной формой, благодаря ее системно-обозначенному эллиптическому свойству. Ср. глаголы *обзавелись* (имуществом, дачей и пр.), *защититься* (защитить диплом, диссертацию, проект) и пр.

вые письменные отзывы о Гилельсе-мальчике (И. Попов, И мастерство и вдохновенье); Ты меня совсем *заинструктировала*, я и так все понял (из устной речи). Она усиливается возвратностью (что мы уже отмечали): — Что же, вы зафиксировали однажды и навсегда эти приемы выражения чувства? — Они сами *зафиксировались* от частого повторения (К. Станиславский, Работа актера над собой), а также другими приставками (примеры из устной речи): Быстро она *сориентировалась*! Сразу две очереди заняла; Ты меня *скорректируй*, я буду выезжать, чтобы не задеть (водитель — при неудобном выезде на трассу); Ну-ка, *проинформируйте* меня, что у вас здесь слышно?; У вас интересное лицо. Не *попозируете* мне?; Ну, хватит, *поигнорировала* нас и пора честь знать. Давайте обедать; Я его так *проигнорировала*, будь здоров!; Она уже *отспекулировалась*, два года получила.

Это стилистическое средство (книжное слово, преображенное в нейтральное или в сниженно-разговорное), создавая, наравне с другими средствами снижения, эффект облегчения, динамичной неофициальности высказывания, «бумеранговым» приемом используется в книжных типах речи. Ср. научный текст: Мы *проиллюстрируем* это следующими примерами; Гораздо важнее другое. Даже при талантливой интерпретации мы сможем, усомнившись, *скорректировать* свое представление при помощи имеющегося у нас некоторого запаса знаний (из сб. «Речевое воздействие». М., 1972); публицистику: *Проинтервьюировавший* его голландский журналист... недавно дал показания; Специальная комиссия... занимающаяся расследованием... не могла не *среагировать* на это (из газет). Такое словоупотребление сейчас вошло в моду, почти догнав суффиксальное образование с *-ну-*, которое, имея стилистическое значение и отталкиваясь от своей родной сферы — просторечия и обиходной речи (*курнуть*, *гульнуть* и пр.), в настоящее время постепенно охватывает все более широкий круг глагольных слов — и нейтральных (*голоснуть*, *штрафануть*, *колебнуть*), и специфически книжных: ср. те же двувидовые глаголы на *-ировать*: *игнорнуть*, *спекульнуть*, *ликвиднуть*.

Окказиональные средства стиля и проявление субъективности/индивидуальности в стилевом отборе

Общий прием, который мы назвали «открытым рядом соединений», выполняющий экспрессивное задание обновления языкового репертуара при помощи разнотипных стилистических средств (одну группу из которых мы только что продемонстрировали), находит выражение и в других языковых явлениях. Однако картина употребительности выглядит для всех них одинаково. Заняв место между окказиональностью и узусом, рожденное как дань общеязыковым навыкам и использованное в индивидуально-субъективных экспрессивных целях, каждое из них не может быть ни абсолютно

новым, ни абсолютно единственным. И в то же время нет никаких доказательств, что такое стилевое явление не создано, а воспроизведено, если даже нам кажется, что мы его впервые услышали или сами употребили в первый раз[74]. Когда исследователь имеет дело с ранее знакомым ему конкретным средством стиля, то «неуникальность», повторяемость не лишает в его глазах это средство экспрессии, которой способствует контекст высказывания и тем самым — ситуация, его формирующая. Это подтверждает сомнительность поисков абсолютной или относительной новизны и уникальности того или иного окказионального средства стиля. Они лишены какого бы то ни было научного смысла, если мы говорим о реальных, а не призрачных фактах использования выразительных средств языка, которые нами зафиксированы, т. е. которые мы восприняли, находясь в роли адресата высказывания, их содержащего. Коль скоро такое средство «отправлено» и «получено», то произошло ли это один, двадцать один или миллион один раз — не имеет принципиального значения точно так же, как факт его общеязыкового признания или непризнания. С точки зрения стилистики (даже стилистики общего языка, а не только той речевой сферы, которая имеет специальное поэтическое задание и целиком на него направлена) мы не вправе считать «вошедшей в язык» лишь конкретную единицу системы, а обязаны учитывать моделирующую общность узуально-стилевых комплексов, в которых объединяются разные конкретные языковые средства для того, чтобы обеспечить выполнение экспрессивного задания[75].

«Открытый ряд соединений» дает нам и другие примеры разной амплитуды колебаний на узуально-окказиональной линии стиля: явления, образованные особыми именными приставочными образованиями, сложными словами, соединением слов при помощи устойчивых компонентов, получающих самостоятельное значение, и пр.[76] Они представляют собой стилистические средства, образую-

---

[74] А. И. Васильева удачно, как кажется, называет такие явления переходящими окказионализмами, возникающими повседневно, но не закрепляющимися в языке. См.: *Васильева А. И.* Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976, с. 33.

[75] Ср. шутливую полемику по поводу понятий «подражание», «влияние» и пр. («под кого-то, подо что-то»): «Все, что помнит и любит прежнюю литературу, использует ее достижения для своих собственных, новых — то подражание... Один лишь графоман никому не подражает. Но, руку на колено, графоманище-дружище, и ты ведь подражаешь Кириллу и Мефодию, используя нашу азбуку!» (из путевого очерка).

[76] Ср., например, лексикализацию элементов *анти-, квази-, сверх-, моно-, поли-, теле-* и, наоборот, роль слов *кино, радио* в словосложении и в словообразовании (см.: *Голанова Е. И.* Активные процессы в префиксации современного русского литературного языка. Автореф. канд. дис. М., 1973; *Воронцова В. Л.* Процессы развития морфологических элементов, стоящих на грани морфемы и слова.— В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. Ср. примеры: Это не пирог, а какой-то *антипирог* (из устной речи); Да и вы все время творите друг другу *микропраздники* (о молодоженах; из газет); Поэзия — *моноискусство*

щие специальные приемы, где «обновленная» форма преследует экспрессивную цель, что само по себе является закономерным использованием стилевых ресурсов языка в речевой деятельности. Приведем некоторые виды этих явлений, в дополнение к предыдущим, так как область их употребления тоже достаточно широка. Будучи связаны с разговорным стилем, они, во-первых, годятся для «снижения» высокой или нейтральной книжности и, во-вторых, принадлежа книжным стилям, знаменуют собой специализацию языковых средств, расширение словесного репертуара отдельных типов книжной речи.

Большой вклад в этот прием вносит научно-профессиональная речь, где потенциальность или малая употребительность слова играет терминообразную роль[77]. Ср.: *поурочные* темы; *поуровневое* деление; *помодельный* анализ. Вот ряд примеров: Забывчивость — один из самых злых наших недостатков. Как бороться с ней? — Бороться не нужно. — *Забывание* — нормальное явление (из беседы с психологом). При выделении предмета из ряда других происходит, по выражению В. Г. Гака, «*поворачивание*» его разными сторонами к субъекту (Языковая номинация, с. 49); Когда нет литературы... начинаются игры в условность... которую *проще* назвать *условливанием* со зрителем... (из рецензии); Я вошел в лабораторию слежения за радиационной обстановкой (из газет); смешное и совершенно несвойственное русскому языку, слово *видение*, простая калька с модного иностранного термина, встречается у В. Разумного на каждом шагу (М. Лифшиц, В мире эстетики.— Новый мир. 1964, № 2)[78]; *усредненность* исполнительских концепций (Муз. жизнь); классовое дело, которое, благодаря своей устремленности, не дает ходу *личничеству* в узком смысле[79]; беско-

---

(А. Вознесенский, Муки и музы); процесс создания особого типа личности — коллективной личности, этакой *поличности*? (там же).

[77] О причинах этого см.: *Даниленко В. П.* Лингвистические требования к стандартизируемой терминологии.— В кн.: Терминология и норма. М., 1972.

[78] В разговорной речи окказиональность таких слов особенно экспрессивна: Ну что, весь день прошел в беспрерывном открывании и закрывании дверей, *в прихождении* ко мне людей...

[79] Ср. отраженные приемы экспрессивно-характерологического использования этих средств: — В 1928 году избрали председателем... С тех пор ни разу *по личности* недостатков не отмечали. По хозяйству — да, бывало. А *по личности* — не-ет...— Он произнес эти слова и, мне кажется, не заметил, что вслух. Очень тихо, с каким-то необычайно чистым и глубоким чувством. Это была как исповедь перед самим собой, исповедь, которая подводит итог жизни. За сорок лет ни разу не дал людям повода отметить «по личности» — вот что он считает главным в ней (из газет); Из Щелковского лесопункта, Вологодской области, Кондратьевой прислали такую бумажку: «Щелковский л/пункт напоминает о необходимости высылки медицинской справки о *живности* ребенка». Г. Кондратьева пишет нам по поводу этого дальнобойного хамства: «Я, как мать, очень огорчена и даже не нахожу слов, чтобы ответить на этот запрос... Каждый знает, что значит ребенок для матери, а тут — *«живность»*... Это бесчеловечно» (Б-ка «Крокодила»).

нечные жалобы на недостаток *установочности* (очерк Л. Кабо о школьном преподавании); *Усвояемость* белков и их молекулярная структура... (Наука и жизнь); Автор... исследуя причины... стабильности и нестабильности семейной жизни (у ученых на эту тему в ходу такие неказистые слова, как «*брачность*» и «*разводимость*»)... (Неделя); *Домашность* — так определил давний стиль начальник химлаборатории В. А. Ливкин (из газет); «Нулевой прирост» населения даст Америке хотя бы передышку для решения старых проблем, прежде чем перед ней возникнут новые. Отсюда лозунг: «Ограничить *детность* в семье!» (Знание — сила) — ср. *кажимость, объединяемость, событийный, сужденческий, мироощущенческий* и пр.; Освобожденные от тематического *бытовизма*, эти стихи... подчеркивают характер образного мышления (из лингвистической работы); Для Данте провансальский язык — такой же народный язык новой поэзии... как и тот язык, на котором писал и он сам и все его собратья по *стильновизму* (Р. Хлодовский, Заметки о Данте); Главная привлекательность современных *таблетированных* и *ампулированных* изделий состоит в том... что они упрощают весь лечебный процесс (Знание — сила); оценка, *дистанцированная* во времени (из научной статьи); Здесь требуется поставить точку над «и», иначе говоря — *дефинитировать* понятия, о которых мы спорим (из рецензии); *кибернетизированный* разум и *метастазированные* клетки (из научной статьи) [80].

Другие типы этих средств — межфункциональны: Село стоит на *безлесой* равнине... (Вокруг света) [81]; *Безлитературный* фильм на своем собственном ходу живет примерно часть, ну от силы две (из рецензии); Сколько свежести в этой строфе! Как точно в *бесшубной* толпе увиден зов весны! (А. Вознесенский, Муки и музы); Конечно, я разозлился, что какой-то анонимный *неартист* пытается навязать мне свой бездарный поворот сюжета (из устной речи); Я проснулся среди ночи с неясным *предощущением* (А. Крон, Бессонница); Вавилон Викторович самый *позднеложащийся* жилец квартиры (В. Шефнер, Круглая тайна) [82], не останавливая производство, переехали в новое, *белохалатное* (помещение. — *Т. В.*) (из газет); ... такого паскудного жулика, как валютчик, просто поискать, это прямо ну *тигролев* какой-то! — *Тигролев? — не понял я.* — Ну да, помесь необыкновенная и нашему брату неизвестная (А. и Г. Вайнеры, Лекарство от страха); Рассмотрев, таким образом, первый *терминоэлемент* «стилистика», перейдем к рассмо-

---

[80] В последнее время в публицистике употребляется глагол *канализировать*: Американцы хотят *канализировать* усилия Пекина в угодном Западу направлении (из выступления международного комментатора телевидения Ю. Жукова).

[81] Ср. у Достоевского: Нынче *безлесят* Россию, истощают в ней почву (Подросток).

[82] См.: *Виноградова В. П.* Стилистические функции сложных существительных.— В кн.: Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков. Киев, 1977.

трению второго, и постараемся объяснить, о чем говорит второй *терминоэлемент* — декодирование (И. В. Арнольд, Стилистика декодирования) [83]; несколько месяцев назад об этом *сексреволюционном* фильме рассказывал мне один режиссер из европейской глубинки (из рецензии); Это письмо — *суперкрайняя* точка зрения (из газет); Вот пример *монополидиалога* в седьмой аудитории (там же); пишу для такого *кинопиршества* «12 стульев» (из рецензии); получаемые ими *нефтедоллары*, конечно, идут мимо труженика (из лекции о международном положении); *европоцентризм* оказался специфической формой *буржуазносекулярного* мировидения (Э. Рашковский, Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби); В этот день все мы, и я шестидесятилетний (*шестидесятиоднолетний*, но так не говорят) увидели на экранах Юрия Гагарина (Л. Успенский, Записки старого петербуржца); Это теперь пошли, знаешь, такие врачи-*прибористы*, у них только, что прибор покажет,— Какой прибор? — Ну, давление, анализы... (из устной речи).

Из примеров, когда «открытый ряд соединений» образуется при помощи лексико-грамматического средства стиля, приведем один случай модифицированной сочетаемости, содержащей конденсат с увеличением экспрессии определения: Все это натуры незаурядные, *очень русские*, истовые и искренние в своих страстях и поступках (из рецензии); Это поэт *очень русский*, продолжающий демократические тенденции некрасовской музы (Е. Сидоров, Заметки о поэзии Евтушенко) [84]; Это, конечно, очень значительное по теме и замыслу, по своей публицистике, *очень центральное* произведение (М. Щеглов, Реализм современной драмы); Но было в нем также что-то простоватое и скромное, что-то *чрезвычайно русское* (А. Куприн, Памяти Чехова); Он *очень не чех* по характеру, такой экспансивный (из устной речи); Тебе, наверное, особенно трудно, потому что ты как раз *очень женщина*. — Что это значит? — Не понимаешь? Ну, бывают *не очень женщины, а ты — очень*. Другое дело, если бы ты была сухарем (В. Каверин, Открытая книга). Ср.: Я вся продрогла, как собака, потому что *очень был сквозняк*; *Очень ветер* сегодня; Мы *дарили очень*... и все уже кончилось. Может быть, я потом еще один достану экземпляр (из устной речи) [85].

Грамматическая ненормативность и ограниченная употребительность подобных случаев не лишает, как видим, а, наоборот,

---

[83] Ср. еще ряд моделей, для которых практически возможно любое языковое наполнение: «...веды» (*руставелиеведы, эйзенштейноведы*); «это у нас *стуловеды*, уже два починили» и пр.; или же нагнетение приставок: *разнаистрожайшийший* выговорище с *наисерьезнейшим* предпоследним предупреждением (из фельетона).

[84] Ср. пушкинское выражение «из русских распрорусский».

[85] Ср. у Достоевского: они сидели, *очень слушали*, но в разговор не вступали; мы *очень могли* у ней *встретиться*; Сам он *очень молчал* (Подросток) — одновременное отражение и индивидуальных особенностей его языка и иной общелитературной нормы того времени.

усугубляет их характерность как узуального стилистического приема, тем более, что налицо определенная избирательность лексических значений. Примеры со словом *русский* одновременно показывают опору на субстантивацию относительного прилагательного (*очень русский — очень чех*) и как бы поддержку атрибутивного семантического признака, что не мешает данному стилистическому средству играть в современном употреблении роль манерного штампа.

Проблема субъективной и интерсубъективной приверженности к отбору определенных выразительных средств языка в соответствии с определенным выразительным заданием сложна тем, что в ее решении нет возможности хоть как-нибудь ограничить проявление первого члена оппозиции, т. е. индивидуальной субъективности. Коммуникативный аспект такого ограничения — индивидуальный речевой акт и п о в т о р я е м о с т ь в нем системных языковых средств — для стилистики затемняется тем, что коллективный характер использования ее категорий следует усматривать не в последней, а в регулярной способности этих средств становиться стилистическими, — так же, как и в регулярном образовании приемов, основанных на средствах. Если конкретные стилистические средства не употребляются регулярно, что как раз происходит с окказионализмами, то выявление их повторяемости и повторяемости самого приема, естественно, затруднено. Однако с точки зрения стилистического узуса разность языкового содержания стилистических средств и приемов не только не должна размывать их очертаний, а наоборот, призвана помочь установлению их границ, при котором самое главное — учет вариативности языкового состава стилистических средств и обозначение ее пределов.

Напомним, например, о характерологических средствах, не всегда получающих собственно стилистическую значимость. Во-первых, она формируется или не формируется — лишь с точки зрения коммуникативного процесса — т. е. стилистики декодирования, которая уделяет специальное внимание разнице узуальных обликов адресующего и адресата и, следовательно, корректирует эффект восприятия. Ср:... ковырнул пальцем под панель, откуда вывалились какие-то *затерханные* провода, там и сям перехваченные изолентой (из газет); Он мне уже прилично надоел своею ученой *говоливостью*, но мне хотелось поставить на деле точку (А. и Г. Вайнеры, Лекарство от страха); *Мы ходили в Сингапур*; *Он был выпимши*; Завтра мы с Надюшей собрались *в концерт* — собственно экспрессивный эффект всех этих средств обеспечивается лишь «неравным» типом взаимоотношений адресанта и адресата (другая профессия, другая социальная принадлежность, другой возраст).

Получение этими средствами стилистического значения, т. е. перевод их в разряд стилистических средств, осуществляется при осознании их литературной ненормированности — просторечной, профессионально-диалектной, социально-исторической. Как сти-

листическое средство, ненормированность с точки зрения современного литературного языкового употребления уже входит в приемы стилистической характерологии с разными видами стилистического значения, которые могут служить и оценочно-эмотивному заданию. Такое задание — в качестве образно-эстетического — свойственно отраженным стилистическим средствам вторичных стилистических приемов аналогично любому другому узуально-стилевому комплексу. Ср.: Один чернявенький, вроде бы *армян* или *грузинец*, или еще, может, еврейской национальности, значит... (говорит подсудимая на допросе.— А. и Г. Вайнеры, Лекарство от страха). Анализ этого характерологического приема уже выходит за рамки стилистики декодирования, так как представляет собой результат совмещения в «образе автора» позиции получателя и непрямого отправителя данной характерологии, невозможного без иронической коррекции со стороны носителя литературной нормы. Поэтому ненормативность, когда она выступает как стилистическое средство, и характерология, когда она выступает как стилистический прием — это тоже элементы узуально-стилевого комплекса. Употребительность же ненормированных языковых явлений, на которых основывается образование стилистического средства, не может быть ограниченной. И для стилистического узуса это не представляется существенным, так как все они в данном случае употребляются со стилистическим значением одной разновидности: функционально-стилистического ограничителя сниженного или высокого экспрессивного содержания, соединяемого с оттраненной оценкой (в данном случае — оценкой ненормативности).

Возьмем другой пример: Вот уже семь десятилетий оно [детство] помнится мне как непрерывное *пребывание в климате* (*не хочу я затрепанной «атмосферы»*) ласкового тепла, любви и живого наслаждения (Л. Успенский, Записки старого петербуржца). Этот пример многомерен и представляет собой то, что И. В. Арнольд называет «выдвижением». Во-первых, само по себе метаязыковое комментирование (оценка) является стилистическим приемом. Во-вторых, именно оно подчеркивает шаблонность сочетания *пребывать в атмосфере* чего-либо (со значением чувств и ощущений), которое без этого утрачивает фразеологичность, т. е. разрушение устойчивости здесь играет роль «от противного» — подчеркивает эту устойчивость. В-третьих, прием содержит стилистическое средство, имеющее сниженное стилистическое значение и характеризующее отношение говорящего к способу номинации непосредственно.

Если бы стилистический анализ всегда мог ограничиваться случаями словесной экспликации экспрессивно-стилистического задания, то говорить о коллективном и индивидуальном начале в стилевых проявлениях было бы, конечно, гораздо проще. Но большинство явлений подобного рода такой экспликации не содержит, и в этом отношении, как мы знаем, стилистический анализ, так же

как и любой другой языковедческий анализ, основывается только на первичных фактах речи, а не на их метаязыковом толковании. Следовательно, трактовка, предположим, языковой оценки как приема должна строиться на этих фактах даже тогда, когда случаи устойчивой и неустойчивой (свободной или вариативной) сочетаемости не выступают с той отчетливостью, которая могла бы каким-либо другим образом свидетельствовать об их узуальном или квазиузуальном характере. Если, например, перед нами такое высказывание: Он *прицепился к этому случаю* и стал нудить, приставать...— то есть ли это экспрессивно-стилистическая модификация фразеологического сочетания *придраться к случаю*, несущая (пусть слабо выраженный) индивидуальный характер словоупотребления, или его можно рассматривать вне всякой зависимости от последнего? Связано ли выражение «эти слова можно *возвести эпиграфом*... к названию новой книги Майи Гапиной» (из рецензии) с какими-то другими вариантами возможной сочетаемости или оно свободно? Ср. другие примеры: Ты не думай, что в душу мою *пессимизм зашел*. Нет, я очень оптимистически настроен (из письма); Это значит *обречь себя на* ее яростный *гнев* (из выступления акад. В. А. Энгельгардта по телевидению); Зачем ты *разводишь пессимизм*? Ну, это все так плохо, что *обречено на успех*. Ср.: девицы мои *впали в страх*; я *впал в нерешительность*. Если слово *наивысший* узуально, а *наинизший* потенциально, то «предельная» смысловая характеристика последнего более экспрессивна именно поэтому. Можно ли считать индивидуальным, а потому экспрессивно-характерологическим такое построение высказывания: Когда толкую конвергенцию, то *иронизируют в том плане, что*..? На все подобные вопросы нельзя дать однозначный ответ потому, что неоднозначно само первоначальное звено: неопределима индивадуальная или коллективная приверженность к тем или другим вариантам фразеологических сочетаний (*проявил нерешительность*; *был, оказался в нерешительности*); сдвинут весь окружающий контекст, который может принять фактически любую словесную форму выражения данного содержания (*впал в пессимизм, меня охватил пессимизм, мной овладел пессимизм*, не думай, *что я пессимист* и пр.). Его «одноразовый» облик может быть подтвержден только особым видом контекста, обнажающим причину и механизм данного словоупотребления: Если существуют *одногодки*, то должны же существовать и «*однодневки*» — те, кто появился на свет в один день со мной! (Л. Успенский, Записки старого петербуржца); Сколько он ни читал... всегда у него внутри оставалось какое-то порожнее место — та пустота, сквозь которую тревожным ветром проходит *неописанный* и *нерассказанный* мир (А. Платонов, Чевенгур); Старый (пожалуй, несколько «*старящийся*», как бывают «*молодящиеся*») литератор Сергей Анохин, усталый выйдя вечером в свою компату... (из газет).

В то же время, если рассуждать обратным порядком, т. е. идти от наличия стилистического значения и его принять за доказатель-

ство вариативности узуса как свойства, которое обеспечивает возможность субъективных дополнений к объективному плану языкового выражения,— то мы получим если не более точное, то, во всяком случае, более логичное лингвистическое определение соотношения индивидуального и коллективного в общих пределах современного словоупотребления. Можно считать, что вся сфера стилевых явлений, в разной степени, начиная от окказиональных наполнений узуального приема и до самых стертых случаев проявления индивидуальности, какими являются варианты сочетаемости слов,— содержит бо́льшую долю субъективного волеизъявления, чем сфера нейтральных в стилевом отношении средств языка.

Именно поэтому правы те, кто считает, что при образовании составного понятия «функционально-стилистический» нужно различать более грубые и объективные факторы для «терминоэлемента» функциональный и более тонкие и субъективные — для «терминоэлемента» стилистический[86]. Тем более это относится к эмоциональной, а не только к функциональной экспрессии, когда та и другая выступают во взаимодействии.

Узуально-стилистическая образность

Помимо окказионального словоупотребления наиболее показательным примером совместной манифестации субъективных (индивидуальных) и интерсубъективных (коллективных) оценок выразительных возможностей языка, зависящей от коммуникативного процесса, являются образные средства стиля. Рассматривая вопрос об их принадлежности к узусу, мы отталкиваемся в первую очередь от двойственной природы этого понятия: с одной стороны, оно обозначает регулярное свойство языковой системы, основанное на вторичной номинативной функции, т. е. на переносных, метафорических значениях языкового знака. С другой стороны, оно предполагает экспрессивную неповторимость образа как результата субъективно-индивидуального подхода к использованию этих значений[87].

Узуально-стилистическая образность не должна иметь никаких индивидуальных ограничений со стороны ее словесного выражения, при том условии, что она покоится на общеязыковых принципах вторичной номинации (если иметь в виду лексические и фразеологические единицы языка)[88]. Стилевой характерностью узуса здесь

---

[86] *Арнольд И. В.* Стилистика декодирования, с. 58.

[87] «Жизнь метафоры в языке выводит наружу его основной парадокс, состоящий в том, что... стремясь к частному, единичному, индивидуальному, субъективному, метафора может дать языку только общее, стертое, безликое» (см.: *Арутюнова Н. Д.* Синтаксические функции метафоры.— Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка, 1978, т. 37, № 4, с. 341).

[88] «Если в номинативном задании,— пишет В. Н. Телия,— преобладает прагматическая интенция именующего субъекта, то мотив выбора языковой

является так же, как и в случаях окказионального словоупотребления, сама возможность строить выразительный стилистический комплекс на словесном образе. Поэтому различие между поэтической и узуально-стилевой образностью лежит опять-таки, скорее, в области языковых намерений, чем языкового исполнения. Использование общеязыковой образности, общеязыковой фразеологии и пр. поэтическим языком как «своего» выразительного средства [89] подчеркивает самостоятельную стилистическую значимость тропов [90], не принадлежащих к специфическим ресурсам индивидуальных поэтических преобразований. Но это не значит, что всякий языковой троп принадлежит стилистическому узусу данного языка данной эпохи. Последний снисходителен к индивидуальным ограничениям, но, напротив, очень строг к ограничениям коллективного характера, одним из основных признаков которых является новизна употребления.

формы может сообразно с полетом фантазии именующего сколь угодно далеко отойти от опосредующего значения, что, впрочем, характерно для жаргонной сферы номинации» (см.: *Телия В. Н.* Вторичная номинация и ее виды.— В кн.: Языковая номинация. М., 1977, с. 140). Однако наличие пусть самой отдаленной мотивировки есть непременное условие переносного (а следовательно, и образного) употребления. В противном случае мы имеем дело не со вторичной, а с прямой номинацией, которая действительно, «сколь угодно далеко отходя от опосредующего значения», как бы приходит к другому языку. Если отвлечься от межнациональных языковых связей, то можно вспомнить, например, любой условный язык обособившей себя макро- или микросоциальной группы вплоть до узкогруппового семейного кода, в котором наименованию вещей могут способствовать частные внешние ассоциации, известные только членам этого замкнутого круга людей. Так, в одной семье холодильник называли телевизором, а корыто — ведром, потому что один из членов семьи всегда путал эти названия. Эти слова, вопреки очевидной логике, выполняли прямую номинативную функцию: все друг друга понимали и уже даже не смеялись — ассоциативная экспрессия стерлась. Но вот перед нами название арбуза — «чудак» в следующем контексте: Гражданка! имени-отчества не знаю! Вы посмотрите, каких я *чудаков* за двугривенный отхватил! (А. Караваева, Женя). Его, правда слабая, мотивированность (особенно большие, чем-то выдающиеся, странные, необычные, очень хорошие и т. д. арбузы) очевидны. Соединяясь с экспрессивным глаголом *отхватил*, имеющим стилистическое значение динамики (динамического действия, поступка, ситуации с в высшей степени положительным результатом; удачливости, соединенной с некоторой долей случайности и неожиданности), этот способ номинации может служить подтверждением образного употребления, и к тому же характерологического. А последнее обстоятельство и выполняет роль известного ограничителя «прагматической интенции именующего субъекта».

[89] См.: *Некрасова Е. А.* Метафора и ее окружение в контексте художественной речи.— В кн.: Слово в русской советской поэзии. М., 1975; *Она же.* Сравнение общеязыкового типа в аспекте сопоставительного анализа художественного идиолекта.— В кн.: Лингвистика и поэтика. М., 1979. Эти исследования с неоспоримой наглядностью показывают отсутствие непроходимых границ между поэтическим и литературным языком.

[90] По отношению к метафоре, согласно классификации Н. Д. Арутюновой, это не касается ее идентифицирующего типа (*лист*), который составляет

Исследователи отмечают, что между языковой и речевой вторичной номинацией нет существенной разницы [91]. Однако со стороны употребления подобную разницу можно усмотреть с точки зрения новизны. Подчеркивая различие в стилистически отмеченном употреблении тех случаев, когда вторичная номинация не только восполняет недостающие номинативные средства, а содержит и окказиональное языковое наполнение, мы говорим лишь о данном контексте, в то время как узуально-употребительная образность представляет собой отражение постоянного социального статуса носителя языка, уже определенно обозначившегося через общие, типические черты образно-языкового сознания, предоставляющего возможность прибегать в данном конкретном случае к данной конкретной тематической сфере определений и сравнений, вербализованной данными конкретными средствами языка. Этот факт подчеркивает внеязыковую причинность образных дефиниций, напоминая нам о социолингвистической природе самого стилевого узуса. Не преувеличивая прямой экстралингвистической зависимости, первоначальные мотивы которой не всегда легко обнаружить, мы можем, однако, с уверенностью сказать, что на любом образно-переносном стилистически отмеченном употреблении лежит отпечаток какой-либо современной избирательности — понятийно-предметной, лексико-тематической и пр. Ср.: У них в семье *революция*: бабка теперь полная хозяйка, Зинку оттерли...; Как придешь, она сразу *обстреливает*: что, как, где, почему, почем, даже пальто снять не даст; — *Вот будет кино*!; *Это робот, а не человек*!; К нему только *на ракете* подъезжать!; Ну и дела, молчат, сплошная тайна, *черный ящик*, туман неизвестности; Накормили мы его *на гостевом уровне*.

Поэтому и для узуального тропа стилеобразующим фактором является новизна. Новая образность основана на регулярно повторяющейся эксплуатации одних и тех же внеязыковых ассоциаций, которые содержат исключительно внушительные приметы времени. Так, например, подсчет тропов, построенных на современной научно-технической терминологии (*это не человек, а кибер*; она вся такая *запрограммированная* — шагу лишнего не сделает, слова лишнего не скажет;— У нас в доме наверху чихнут — лифтерша «будь здоров» говорит: *сверхзвуковая* чувствительность), во взятых подряд 50 примерах метафорических значений из записей устной речи показал 29 случаев.

Приведем ряд сходных примеров более широкого диапазона: Режиссер снял картину, *интерес* к которой *запрограммирован* за-

---

ресурс номинации, а не нюансировки смысла. См.: *Арутюнова Н. Д.* Синтаксические функции метафоры.— Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1978, № 3—4, с. 340.

[91] Результатом первого считаются конвенционально закрепленные значения словесных знаков; второго — окказиональное употребление лексических значений в несобственной для них номинативной функции. См.: *Телия В. Н.* Указ. соч., с. 129.

долго до того, как прозвучала первая магическая команда «мотор!» (из газет); Каждый достаточно четко мыслящий современный литератор знает, что основным двигателем (*точнее было бы сказать — «горючим»*) для них [литераторов] служат детали нынешней жизни (из рецензии); Речь — о детях; их надо *раскочегарить* сейчас, пробудить мечту и смелость мысли (из газет); Что с Мишей в детском доме видели?... Золотого детства не было. Оловянное было, *железобетон*... (В. Розов, В день свадьбы); Это у вас *скоропортящаяся* идея; «*Опознавательные приметы*» литературного жанра... необходимы, но недостаточны, как сказали бы математики (из газет); *Словесные модели, готовые блоки из ультрасовременных слов*, на которые щедр нынешний век, легко создают иллюзию образованности (из газет); Какова была его общая цель жизни (или он пробавлялся крохотными и *заземленными* цельками?)? (из письма в газету); ...Надо делать вывод — *жизненно-важную метеосводку* — о состоянии души (Н. Булгаков, Нашел); Василий Васильевич, едва заседание началось, произвел *визуальную разведку* (В. Комиссаров, Старые долги); Ребята будут *сверхплотно* опекать каждого советского игрока... (из газет); В браке *«модели 1913 года»*, как и тысячи лет до этого, надлежало, об этом писал еще Тацит, любить не супруга, а супружество (из газет); ...Но благоприятствовать счастью все-таки можно, противопоставить разрушительной силе развода своего рода *«ремонтную службу»*, направленную на создание новой семьи (из газет); Стоп! *Выключай мотор*! (на собрании — реплика оратору, затянувшему выступление); Ребята! *Не отсвечивайте здесь*! (не торчите зря, не мешайте, уйдите отсюда и пр.); «Хорошее утро!» — сказал он машинисту. Тот потянулся, вышел наружу и равнодушно освидетельствовал: *Революционное*! *Вполне*! (А. Платонов, Сокровенный человек); Скучно там, не квартира, а *полоса отчуждения* (там же); Полезно вспомнить, при каких обстоятельствах Хэмфри был *выведен на орбиту* (из газет); Остановимся у тетки Настасьи.— У *«Последних известий»*?.. У нас ее так называют... (Н. Сизов, Трудные годы); Посмотрим, как выглядит *типовое свидание* в шестьдесят четвертом году (М. Анчаров, Теория невероятности); — У меня скверный характер. — Для *разовых встреч* характер не имеет значения. А жениться я на вас не собираюсь (из фельетона); Последние же годы по *репертуарной урожайности* для Гилельса особенно показательны (из рецензии); Безграничная *шкала фортепианных звучностей*; *дозировка напряжения* каждой кульминации; музыкант говорит: люблю *сопротивление материала* (там же); Стюардесса говорит: *прошило обшивочку* немпожко (о своих сердечных переживаниях); Мне тогда еще не исполнилось и 22 лет. *Испытывал, выражаясь сегодняшним языком, состояние невесомости* (из воспоминаний ветерана войны). Ср.: *Тогда я называл* прыжок Нижинского *парением. Сегодня можно сказать, что это было невесомостью* (из интервью с Ф. Лопуховым — старейшим деятелем советского балета); Нам понятно, почему *буксует* институт и работники про-

мышленности... получают от него запоздалую информацию (из газет); Хуже было с посетителями, у каждого было свое дело, *липкое, как изоляционная лента* (И. Грекова, Дамский мастер); Он *угольным пластом* залег на тахту (из газет); Нынче в ходу понятие: *оптимальный вариант*. Хорошее, верное, нужное для жизни понятие. Но в искусстве бывает необходим и иной — *экстремальный вариант* (из газет); — Ты почему опять опоздал? — Да никак не мог в автобус сесть.— *Старая пластинка*! (из устной речи); Ее... не устраивал зять-шофер... а теперь она не скрывала, что ей нравится инженер, и, может быть, советовала Наташке *сменить пластинку* (В. Черных, Незаконченные воспоминания) — ср. *сменить пластинку* в значении 'переменить тему разговора'; Как только под его руками раздаются первые аккорды — кажется, будто включили какую-то *цепь высокого напряжения*... (из рецензии); *Коэффициент полезного действия*, а точнее — реального вредного воздействия всех этих патентованных приемов на советских людей... (из газет); широта философского осмысления, *проецирование ее на замысел* писателя... (из газет).

Новизна как стилеобразующий фактор заставляет двойственно отнестись к некоторым тематически ограниченным группам, например к военной образности (*встречать в штыки, сходить на разведку, атаковать* и пр.), которая глубоко проникла в общеупотребительные образные средства языка не только в нашу эпоху, но является одним из постоянных и наиболее распространенных источников формирования метафорического значения. Например, А. И. Горшков находит это явление в «Почте Духов» А. И. Крылова и в других прозаических произведениях того времени. Широко представлены «военные образы» в языковом употреблении и более поздних периодов развития русского языка. Став общепринятыми, они как бы связывают свою судьбу с определенной тематикой. В настоящее время это, например, спортивная тематика — *схватка на лыжне, стратегия игры, прорыв москвичей*; сельскохозяйственная — *стратегия и тактика жатвы*; *бросок хлеборобов* и т. п. Причем здесь может иметь место не только функционально-тематическое сходство (война и спорт). Фразеология со словом *фронт* распространилась повсеместно — от официальной, деловой речи (*на топливном фронте* обнаружены неполадки и т. п.) до бытовой. В последней, в частности, широко распространен образ *любовный фронт*. Ср.: *На любовном фронте* все нормально. Есть одна любовь. Очень скромный парень... Гуляю, пока скучно, а там могу повернуть руль на 180 градусов (В. Лихоносов, И хорошо и грустно); Она *на несколько фронтов крутит* (т. е. заводит романы) и пр.

Ни взятый отдельно критерий тематического генезиса, ни взятый отдельно критерий употребительности не могут способствовать преодолению зыбкости границ между общеязыковой метафоричностью, не имеющей (для изучаемого синхронного) среза специального экспрессивного задания, и узуально-стилистической образностью, облеченной в специальный прием, который соответствует

специальному экспрессивному заданию. Лишь их соединение, которое, с одной стороны, покажет сохранность метафорического ореола в современном языковом сознании, а с другой — конситуативную избирательность и, следовательно, бóльшую внеязыковую зависимость [92], может свидетельствовать о наличии «узуально-стилевой современной образности». Таким образом, примем решение, что только в реликтах функционально-коммуникативной ограниченности, т. е. в факторах внешней системы языка, и может быть заключено принципиальное различие узуально-стилевой и общеязыковой образности, которое не снимается последующим расширением узко-группового употребления, активным выходом узуально-стилевой образности на арену межфункционального употребления.

В роли ее межфункциональных средств выступают отобранные говорящим для максимального выполнения экспрессивного задания элементы того предметного арсенала, который сигнализирует об эпохе, ее историко-социальных особенностях, ее стиле жизни и пр. Их отбор оформляется той степенью полуавтоматической (или полуосознанной) индивидуализации, которая свойственна проявлению образности как узуально-стилевому приему, имеющему особое экспрессивное задание. Употребительность этого типа образности активизируется по мере накопления соответствующего языкового опыта говорящим коллективом и переходит в разряд традиционных стилистических средств, обязанных своей жизнью скорее явлению внутриязыковой аналогии, чем прямому давлению внеязыковых обстоятельств. Образуется смысловая модель узуально-стилевой перифразы данного времени точно так же, как, скажем, в языке поэзии существовали и существуют свои типические комплексы реалий, тем и номинаций, определяющие стилевые тенденции словесного искусства того или иного исторического периода.

То, что новое, отмеченное временем наполнение образных способов выражения широко проникает в язык художественной литературы вплоть до поэзии (а вернее, здесь имеет место встречный процесс взаимного обогащения, «обмена опытом»), может также служить доказательством узуально-стилистической закономерности его возникновения как всякого явления стиля, которое содержит большой коннотативно-информационный объем социально-жанрового характера [93]. Обходя функционально-жанровые границы, новая образность дает примеры буквального повторения. В публицистике: *Хэмфри был выведен на орбиту*, т. е. его выдвинули на пост вице-президента; в разговорной речи: *Иван наш вышел на орбиту* — квартиру получил. Ей не мешает, а, скорее, напротив, ее обост-

---

[92] Т. е. нечто обратное связи «образ» и «фразеология». Об образной фразеологии с точки зрения употребления в контексте см.: *Черданцева Т. З.* Язык и его образы. М., 1977, с. 72—78.

[93] Ср. мнение Н. Д. Арутюновой о назначении метафоры — «вызывать представления, а не сообщать информацию» (указ. соч., с. 340).

ряет, столкновение с внелитературными речевыми навыками или с оксюморным содержанием (...покупщиков на Пруды-то не найдешь. Худое место, вовсе худое... И не деепа им ничего, Прудам-то, *разбомбил бы* их уж господь (М. Рощин, С утра до ночи); Дура будешь, если упустишь,— сказала ей директриса...— Выходи замуж, *пикируй на добра молодца*! ...Директриса Белобородова в годы войны летала штурманом на бомбардировщике и не упускала случая напомнить о своем героическом прошлом (В. Липатов, Повесть без названия, сюжета и конца). И в то же время она очень быстро сходит со сцены, меняя свой языковой репертуар [94] (пример синонимизации слов *революционный — хороший* относится к языковому употреблению 20-х годов. Ср. большое количество примеров у Б. Пильняка в «Голом годе» со сходным значением).

Образ и штамп в стилистическом узусе

Экспрессивное задание и экспрессивный эффект образного стилистического средства адекватно раскрываются лишь в соотнесении языковых навыков участников коммуникативного акта, которое дает простор субъективной оценке этого средства, сопряженной с объективной номинативной необходимостью. Первая и вторая располагаются в коммуникации (относительно друг друга) по-разному. В приведенных выше примерах их отношениям должна была быть свойственна некоторая напряженность, увеличивающаяся прямо пропорционально увеличению индивидуально-субъективного, творческого начала в создании образного средства. Но нельзя обойти вниманием и такие случаи, когда это напряжение спадает и даже может быть приравнено к нулю.

Будучи, как мы уже упоминали, всегда окрашенными самой непосредственной реакцией на внеязыковую социальную действительность, на быстро меняющиеся приметы общего стиля эпохи, которые касаются прежде всего особенностей, норм и оценок социально-психологического поведения человека, стилистические навыки в использовании образных средств языка с особой наглядностью демонстрируют картину «обратной связи» — регулярного перехода образного словоупотребления в штамп. Это не только нарушение естественной оппозиции казалось бы крайних точек на шкале языкового отбора: индивидуально-неповторимое (образ) — коллективно-повторяемое (штамп), но и ретроспективный процесс

---

[94] Ср. более раннее и ушедшее: Они называли ее своей мамой, своей музой, *своим х-лучом*, и активно посещали... ее салон (А. Куприн, Жанпета). Это модное (в связи с открытием Рентгена) сравнение находим и в других текстах того времени — русских и иностранных, например у М. Пруста в романе «В сторону Свана»: Франсуаза со смехом отвечала: «Барыня все знает, барыня все *видит насквозь, как х-лучи*» (она произносит *х* с деланным затруднением и улыбкой, словно подтрунивая над тем, что такая невежественная женщина решается употреблять в разговоре ученые термины)... (Пер. А. Франковского).

утраты на пути к речевому автоматизму «отношения» к языку, формирующего образ, а значит, утраты и самой образности.

Психология употребления образного штампа находится в наибольшем противоречии с понятием языково-стилистического отбора. В этом плане весьма существенно введенное В. Г. Костомаровым противопоставление понятий «стандарт» и «штамп» с негативно-оценочной характеристикой последнего, так как все языковое употребление, кроме образного, не только вполне мирится с повторяемостью, ситуативным однообразием, тематической ограниченностью и пр., но и принимает эти факторы как необходимое условие проявления коммуникативных ценностей языка.

Как же совместить сугубо автоматический характер употребления образного штампа с тем, что образное языковое выражение одновременно есть свидетельство специального, эстетического отбора языковых средств и субъективного отношения к этим средствам (коль скоро они признаются годными для словесного «образа»)?

Общий путь развития языка, обусловленный взаимодействием двух тенденций — к экспрессивности и к регулярности (последняя называется и более жестко — стандартизация) [95],— отражается в образовании штампа непосредственно, а автоматизм речевого процесса объясняет предпочтение уже готового средства средству, которое еще нужно создать, даже если дело идет об образном описании предметов, явлений и событий. К тому же вполне вероятно, что сама широкая известность данного образного выражения с точки зрения коллективного языкового опыта воспринимается как результат его наивысшей оценки и, следовательно, готовности к применению. Т. е. в коммуникации происходит совмещение двух сторон стилистического отбора: стремления к уже *известному* и апробированному и одновременно стремления к *наилучшему* способу выражения данного содержания. Достижение цели на первом из названных этапов отбора приводит к потере качества на втором. Смягчить удар, нанесенный такой потерей, может лишь временная оттяжка — приостановленная, по тем или иным причинам, механическая воспроизводимость словесного образа. Но приостановиться она может лишь в условиях личной коммуникации, тогда как в массовой коммуникации безудержное развитие воспроизводимости, повторяемости таких словесных образов, которые были пущены в обращение как безусловно новые, наиболее яркие и предельно индивидуализированные, представляет собой естественный ход вещей. Бороться с ним способна лишь художественная речь, действенность словесных образов которой зависит от степени

---

[95] См.: *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе, с. 90—149, 180—196 и 202—231; *Шмелев Д. Н.* О семантических изменениях в современном русском языке.— В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964; *Золотова Г. А.* Слово и штамп.— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 7. М., 1966.

мастерства автора, их создающего[96]. Вне художественной речи штампованная образность представляет собой некое конвенционально принятое свойство языкового употребления, опознавательный знак определенной сферы общения в массовой коммуникации, критическое отношение к которому может означать лишь намеренное разрушение единства признаков, олицетворяющих в сознании носителей языка стилистическое своеобразие этой сферы. Генетический источник «образного штампа» — публицистика и все те речевые жанры, которые обслуживают газету,— исчерпывающе обследованы в книге В. Г. Костомарова «Русский язык на газетной полосе»[97]. Его употребление в других сферах языкового общения — проблема, которая может быть рассмотрена лишь в связи с так называемым приемом цитации, о чем речь впереди. Функционально же ограниченное освещение модифицирует эту проблему, снимая с повестки дня первую часть термина, которым мы обозначили данное явление,— «образный», и оставляя вторую — «штамп». Т. е. в центре внимания окажутся разговорные стереотипы, официально-деловые клише и научно-этикетная фразеология, изучение которых вызывает к жизни новые вопросы. Однако, чтобы они не повисли в воздухе, необходимо на уже приведенных примерах показать некоторые специфические черты узуально-стилистического употребления штампов. Ограничимся минимальным количеством иллюстраций, подтверждающих неизбежную коммуникативную целесообразность использования образных рецептов, которые прописывает сравнительно небогатый, но (благодаря легкой воспроизводимости) очень действенный арсенал публицистических штампов.

Штамп всегда «работает» как сигнал, как стилистическое лицо данного жанра речи. По набору таких сигнальных штампов можно безошибочно установить жанровую принадлежность текста — обстоятельство, не раз обыгрывавшееся в пародиях, фельетонах и пр. Один из главных признаков образного штампа имеет процессуальный характер: умирание образа как синхронное условие образования штампа. Естественно, что это движение можно увидеть лишь при анализе закономерностей коллективного языкового употребления и что его темп зависит от вида социальных взаимоотношений участников коммуникативного речевого акта в данной сфере общения. Так, например, преобладание высокого лексического пласта, выступающего в качестве стилистического средства, организующего типичные образные приемы такого типа текстов, как литературно-

---

[96] «...Художественная выразительность образа зависит не от каких-то небывалых сочетаний слов, а от их мотивированности в данном контексте. Для построения поэтической метафоры может быть использована и традиционная формула; будучи как бы заново мотивирована, она именно благодаря неожиданности этой мотивировки приобретает силу и индивидуальную выразительность» (см.: *Шмелев Д. Н.* Слово и образ. М., 1964, с. 37).

[97] *Костомаров В. Г.* Указ. соч.; см. также: *Вакуров В. Н., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я.* Стилистика газетных жанров. М., 1978.

критическая статья, рецензия и т. п., логически связано с характерными для массовой коммуникации неравными взаимоотношениями отправителя и получателя речи, когда первый, обращаясь к «множественному облику» второго, выступает в роли открывателя, ценителя, законодателя вкусов и пр. Вот очень характерный в этом смысле отрывок: Заметим попутно, что *произвольное проецирование атмосферы* и *коллизий минувших эпох на современность* — случай не единичный в нашей театральной практике. Всякого рода неоправданные, *субъективистские «аналогии» неизбежно ведут к искажению исторической перспективы*, что *не может не* вызывать *самых решительных* возражений; Сила, *отринувшая прочь*, перечеркнувшая *творение* Мастера, заставившая его *до дна испить чашу страданий*, предстает в спектакле *безликой* в своей *многоликости*, многорукой (это выражено *броской* театральной *метафорой*). Она как бы *анонимна* и *оттого неуязвима* (из рецензии). Высокий стиль и, в частности, книжная образность отвечают экспрессивному заданию данного типа речи. Но, употребленный однажды, такой образ переходит в позицию модели, престижного образца, традиционно сопрягаемого с соответствующим экспрессивным заданием[98], откуда и рождается штамп. Ср.: *ядовитый туман преднамеренной информации*; *инженеры погоды больших высот*; *стратегия предсказания поведения радиации*; *солдаты здоровья*; *труженики хлебной нивы*; *гвардейцы жатвы*; *маяк производства*; *ледовая дружина* (команда хоккеистов); *стальная когорта* (о сталеварах); *космическое содружество* (о космонавтах); *форум* (совещание); *вахта урожая*; *хлеборобы* (работники сельского хозяйства); *Дворец культуры* (клуб); *Дворец бракосочетаний* (ЗАГС)[99]; *скрытой камерой; получить прописку*; цех стал *краше* (жизнь будет еще *краше*; нет ничего *краше* нашего завода).

Последний пример показывает не только легкую воспроизводимость приема, но и буквальную повторяемость стилистического средства (или его элемента). Ср.: *большой* (волейбол, теннис, разговор): *большая* (вода, литература, медицина), *большое* кино и пр.

---

[98] Для рецензий, в частности, очень характерен образный штамп, построенный на обмене определений смежных сфер искусства и литературы. Модель: *Гамма красок* и *палитра звуков*. Ср.: На днях *спектакль прозвучал* в Большом театре особенно молодо, свежо и празднично (из газет); Богата мужественная и мудрая *поэтическая палитра* Дудина, разнообразна тематика его стихов, в них всегда присутствует гражданственность... (из газет); Всю эту сложную *гамму чувств*, возникающих при взгляде на полотна Яблонской, отлично выразил украинский поэт Иван Драч. Первые *картины* Татьяны Яблонской *были шумные и говорливые*... И вдруг *полнейшая тишина, молчание* в «Безымянных высотах», показанных на нынешней Всесоюзной выставке в Москве (Вл. Воронов, Открытыми глазами). В последнее время этот штамп начал проникать в другие речевые жанры, например рекламу: Оригинальны и современны *комплекты* для зимнего спорта и отдыха, *решенные в ярком колористическом звучании*.

[99] Эти названия прежде чем стать номинативными единицами официально-деловой сферы общения обнаружились в языковом употреблении как публицистические образы.

Если сам факт повторяемости свидетельствует о начале сдвига — перехода данного образа в разряд штампов (т. е. отмирание образа), то момент, когда он себя изживает (т. е. прекращается его снабжение новым языковым наполнением или, в угоду механическому повтору, игнорируется семантическое согласование — ср. *большая камерная* музыка), есть момент исчезновения свойства, которое сделало данное средство штампом. Перестав быть штампом, т. е. не употребляясь более в составе создавшего его образного приема, данное средство перестает быть и прерогативой определенной социальной ситуации речи и, следовательно, определенных взаимоотношений участников коммуникативного акта. Следовательно, непременным условием узуального осознания того или иного стилистического средства как образного штампа является его функциональная ограниченность.

Аналогичны явления и не связанные именно с высокой лексикой. Можно привести обратные случаи, например, ряд приемов лирического «оживления», редукции официальности, которые выполняются нейтральными средствами языка, с намеренной целью снижения высокого тона высказывания. Нейтральные языковые средства здесь играют роль стилистически окрашенных. Но их узуальное восприятие — образ и штамп одновременно — так или иначе основано на функционально-ограниченном языковом опыте, т. е. предполагает типологическое постоянство коммуникативных актов, его порождающее. Ср. образно-штампованный цветовой спектр газеты: Туристский бизнес стал одной из наиболее прибыльных отраслей экономики. Западная печать называет проекты по освоению новых туристических зон операциями по разработке *белого* (снег) и *желтого* (пляжи) *золота* (из газет). Ср. *черное* (*жидкое*) *золото*; *зеленая кладовая* (лес); *голубой экран* и пр. Или более узкую группу примеров из «Прогнозов погоды»: *прошумят грозы*; *столбик* термометра *отметит* 15°; жителей южной полосы *порадует солнце*. Эти примеры стилистически особенно значимы потому, что породившая их тематическая сфера одновременно с успехом экспортирует в разговорную речь канцелярские штампы типа *погодные условия*, *ливневые дожди* и пр.

Антиномии «у з у с — о к к а з и о н а л ь н о с т ь», «о б р а з — ш т а м п» наглядно показывают тягу к новому как одну из закономерностей стилистического употребления языка конкретной эпохи. Утрата новизны или лишает единицу языка стилистического значения или меняет его содержание. Индивидуальное и «новое» переходит в разряд коллективного и «старого». Процесс накопления у стилистического средства противоположных признаков ограничивается рамками отношения человека к языку, формирующего стилистический состав высказывания согласно экспрессивному заданию коммуникации.

Глава III

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ УЗУС И СИНОНИМИЯ

Синонимическая ситуация

Итак, соединение индивидуальной деятельности отправителя речи (и, соответственно, индивидуальных черт ее восприятия получателем) с социальными установками коллектива, говорящего на данном языке, есть непременное условие реализации коммуникативного акта — т. е. языкового отбора, оформляющего высказывание. Принимая во внимание разные стороны в характеристике высказывания (статическую — высказывание как результат использования языка, текст и динамическую — высказывание как индивидуальное пользование языком, производство текста) [1], мы, однако, не ставим знака равенства между ними и ограничением сфер действия индивидуально-субъективного и коллективно-объективного факторов в его организации. Соотношение «психофизической конкретности» индивида, отправляющего и получающего высказывание, с результатом его речевой деятельности выражается, как мы уже видели, в разных сферах общения по-разному.

Наибольшая очевидность этих вариаций обозначается в таком результате языкового отбора, который прямо указывает на столкновение неодинаковых речевых навыков. Он отвечает стремлению участников двустороннего коммуникативного акта наладить линию связи, взаимопонимания [2], пользуясь стилевым комплексом, коммуникативно-смысловая роль которого заключается в обнажении дистанции, отделяющей эти навыки друг от друга, и одновременном сокращении ее размеров.

Способы, какими это делается, зависят от отношения участников коммуникации к языковому составу высказывания. Рассматривая их, мы невольно касаемся и связи высказывания с ситуацией, потому что отношение говорящих к языку обнаруживает и отношение к самой действительности, выражаемое через язык, т. е. адек-

---

[1] См.: *Гак В. Г.* Высказывание и ситуация.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973, с. 349.

[2] К. А. Долинин называет это «тяготением к равенству ситуативных рангов партнеров» (т. е. рангов, обусловленных их ролями в данном коммуникативном отношении, которое не следует смешивать с их постоянными социальными рангами). См.: *Долинин К. А.* Ролевая структура коммуникации и разговорная речь.— В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Вып. 7, ч. 1. Горький, 1976, с. 155.

ватность высказывания разным социально-психологическим освещениям данной ситуации. Следовательно, собственно стилистический этап языкового отбора сдвигает информативный объем «типовых» ситуаций в разных направлениях.

Ср. следующие «метаязыковые» пассажи: *Лезут в голову* (мысли.— *Т. В.*) — оборот просторечный, но не лишенный меткости. Лезет в голову то, что отобрано подсознанием, и мы не всегда властны повернуть ход своих мыслей. У романистов это, кажется, называется *потоком сознания*, у нас, физиологов, — *доминантой*, удивительной и еще не до конца изученной способностью человеческого мозга отбирать и нанизывать... впечатления (А. Крон, Бессонница); *Ходил с ней, дружил с ней* — вместо теплых человеческих слов: «*Я люблю ее*». Случайно ли это? (из газет). Это примеры синонимизации разнонаправленных ситуативно-языковых положений [3], предваряющей аналогичную синонимизацию самих языковых средств.

Стилистический отбор языковых средств покоится не на денотативной, а на коннотативной необходимости и, следовательно, вносит субъективно-индивидуальный штрих выражения в объективно заданное содержание. Лучшей иллюстрацией этого субъективно-объективного баланса служит так называемая синонимическая ситуация [4]: отстоявшийся в узуальном плане выразительный прием, основанный на сопоставлении или противопоставлении слов, вступающих в контекстно-обусловленные синонимические отношения — действительные или ложные. Так как они прежде всего эксплуатируют разноплановые номинативные возможности слова, в синонимической ситуации действуют неодинаковые по происхождению явления: «близость значений разных слов и их способность обозначать одни и те же предметы» [5]. Типы синонимических ситуаций, соответствуя типам языково-стилистического отбора, показывают последний в действии, смысл которого зависит от особенностей той или иной коммуникативной сферы, т. е. от ситуации общения.

Самый простой вид синонимической ситуации — нанизывание сходных наименований, вариативных повторов [6] с целью усиления

---

[3] Ср. имя ситуации в разговорной речи. См.: Русская разговорная речь. М., 1973, гл. V. Номинация.

[4] См.: *Винокур Т. Г.* Синонимия и контекст.— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 5. М., 1965.— Ср. рассмотрение сходной проблемы: а) с точки зрения организации высказывания: *Гак В. Г.* Повторная номинация и ее стилистическое использование.— В кн.: Вопросы французской филологии. Сб. трудов МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1972; б) с точки зрения организации текста: *Он же.* Повторная номинация на уровне предложения.— В кн.: Синтаксис текста. М., 1979.

[5] Только первое отвечает синонимии как семантической категории системы языка. См.: *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 115.

[6] Ср. предложения номинативного тождества у Н. Д. Арутюновой в кн.: *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976, с. 304.— Т. С. Коготкова говорит об эмфлитации — избыточном ряде синонимов в диалект-

выразительного эффекта — отражает таким же простым способом субъективную установку отправителя на субъективное восприятие получателя: предоставление ему права выбора языкового средства, отвечающего субъективной оценке силы и уместности его экспрессии. В этом случае чаще соединяются однородные стилистические значения, реже — разнородные. Ср.: безудержная *удаль*, *лихость*, *бесшабашность* (подпись под фотографией фигуристов); Да что ж он? *Спятил*? *Рехнулся*? (М. Булгаков, Дни Турбиных); Боже, как *нарезался!*... Как *надрался!* (там же); У советских людей *чувство локтя*, *товарищества* особенно развито (из газет); Скупые описания...*робкие* и *несмелые* попытки введения арготических слов в художественную литературу... (Д. С. Лихачев, Арготические слова профессиональной речи); *Шаблон*, *трафарет*, *штамп* нужно изгонять с наших экранов,— сказал капитан Аркелов (Советский экран).

Относимое с культурно-речевой точки зрения к неоправданной тавтологии, такое построение представляет собой узуальный прием имплицитно выраженного учета интересов партнера по речи, весьма показательного тем, что он основан на повторе — одном из самых действенных средств языкового выражения экспрессии. Характерно также и то, что именно этот элементарный случай в разговорной речи (т. е. в условиях спонтанного отбора) встречается не так уж часто, хотя сам повтор для нее в высшей степени ограничен и имеет клишированные языковые модели: «*только лишь*», «*любо-дорого*» [7] и пр.

Другие виды синонимической ситуации построены на вариациях семантико-стилевых противопоставлений и сопоставлений. Здесь один из наиболее элементарных случаев — соотнесение заимствованного и «своего». Он может быть интерпретирован как (неодинаковый в деталях, но общий в принципе) прием равновесия. Равные отношения отправителя и получателя высказывания подтверждают это равенство, способность владеть обоими способами выражения при отсутствии информативной необходимости: «отграничение языка... как социального феномена... от речи... предполагает определенную *однородность* (*гомогенность*) языка...» (М. Маковский, Соотношение индивидуальных и социальных факторов в языке) [8];

ном высказывании — как о «своеобразной компенсации отсутствия в говоре тех средств, которые имеются в литературном языке для передачи одного и того же содержания действительности» (см.: *Коготкова Т. С.* Русская диалектная лексикология. М., 1979, с. 82).

[7] Так же как более разнообразные повторы однокоренных дериватов: *полным-полно*, *одна-одинешенька* и пр. Подробно о тех и других явлениях см.: *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960; *Васильева А. И.* Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976.

[8] Ср. свидетельство конвенционального группового употребления обоих способов: Со второй половины века Просвещения [в европейских языках] почти одновременно оформляются два новых слова (*культура*, *цивилизация*), между которыми в разных языках постепенно устанавливаются тонкие и сложные градации... Во многих языках *«цивилизация» чаще*

Неравные — создают экспрессию «про запас», с расчетом на множественность индивидуальных восприятий как закономерного явления в массовой коммуникации, обращенной к коллективу, который, однако, состоит из индивидов, чья реакция на сообщение может быть предсказана лишь предположительно: Как *просто*, как *элементарно* можно было пройти мимо этих людей! Не заметить талантов! (из газет); У Петра Назаровича выработалось ценное для руководителя качество: *нюхом, нутром* — тем, что *научнее называют интуицией*, он безошибочно отличал подражание, моду от того, что останется, когда увлечение пройдет (Л. Борич, С утра до утра); Приятель прислал мне из Тулы объявление: *Баня не работает, т. е. не функционирует* (Г. Литинский, Время и стиль);... Я стал более внимательно присматриваться к событиям быстротекущей жизни — и скоро понял, что термин «*потеря качества*» (можно употребить более модный термин «*девальвация*») применим не только к театру и шахматам; Читатель скажет: ба, да ведь это знакомый всем нам тип *обывателя, филистера*! (Б. Бурков, Америка остается одноэтажной).

Показательно, что для массовой коммуникации гораздо более типичен не этот ход «на повышение», а обратный — «на понижение», когда толкуется, «переводится» заимствование, представляющее собой или профессиональный термин, или раритет с точки зрения употребительности, или, наоборот, слово, значение которого вследствие частого употребления затерлось настолько, что оказывается необходимым его деэтимологизировать, и пр. Ср.: Знаете ли Вы, как вести себя в случае *афронта*, то есть преднамеренной *бестактности*? (Б-ка «Крокодила»); Она блистательно исполняет труднейшие *32 фуэте* (*вращение на одной ноге*) в финале балета (из газет); А был у меня там в этих краях приятель... И был он *дегустатор, пробольщик*... (М. Зощенко, Какие у меня были профессии); Это... *закон энтропии*. Или, если это латинское слово почему-то не нравится,— *естественный ход событий* (из газет).

Узуально-стилистическая принадлежность этого стилевого комплекса подтверждается регулярной повторяемостью приемов и средств, их образующих, и столь же регулярным его «вторичным моделированием» в художественном тексте с экспрессивно-характерологическими целями. Самые разные варианты стилистического значения получают, например, сопоставленные пары *шофер — водитель, бортпроводница — стюардесса, летчик — пилот* и пр. Наиболее характерный прием — профессиональное отвержение заимствованного члена пары: Я никогда не видел тебя в форме *стюардессы*.— Я не люблю этого слова. Я *бортпроводница* (Э. Радзинский, 104 страницы про любовь);... Почему-то все говорят *пилот*. А я *летчик* (из телепередачи о Северном Полюсе); Вы говорите, *шофер*

употребляется по отношению к прошлым эпохам в истории человечества, «культура» — по отношению к более новым временам (*Будагов Р. А.* Человек и его язык. М., 1974, с. 71).

такси — лучше, чем на служебной. А у нас, у *водителей*, по-другому считают... (из устной речи) и т. д.

При этом вырисовывается картина большей употребительности крайних точек синонимического ряда, минующей нейтральное его звено. Газета дает, например, значительный количественный перевес слов *инициатива* и *почин* по отношению к слову *начинание*. Разговорная речь — формул *почем* и *в какую цену* по отношению к *сколько стоит* и т. д. Это явление несет характерные приметы современной языковой моды, о которой мы выше упоминали в другой связи. Ср. еще: «*Градостроители*» — таково название цветного широкоэкранного фильма, съемки которого идут сейчас на студии им. М. Горького... Профессия героев фильма (о ней можно догадаться по названию — это *архитекторы*) — новая для постановщика (из газет).

Общепринятость данного комплекса не мешает стилистическому значению его средств и приемов вносить в употребление свою лепту индивидуальных оттенков, благодаря которым осуществляется множественность экспрессивных заданий. Ср., например, такой прием, как возвращение заимствованному термину «истинного значения» путем буквального перевода — с заданием «развенчать» это заимствование: *Мюзик-холл... мюзик-холл...* Что там ни говори, а есть в этом словосочетании (в переводе на русский обозначающем *всего-навсего музыкальный зал*) какая-то манящая сила, некое магнитное поле, притягивающее зрительские сердца (из газет); Скомпрометированный некоторыми критиками-вульгаризаторами термин *актуальность* я бы хотел заменить здесь простым русским словом *насущность* (Е. Евтушенко, Вопр. лит-ры, 1962, № 9). Близкий ему прием «остранения» выполняет или чисто эмоциональное задание: По своему складу и образу жизни Роскин был *горожанином* (*«урбанистом»*, как мы его насмешливо называли) (К. Паустовский, Конотоп); или характерологическое: Я родилась и выросла в религиозной среде, но религия меня никогда не очаровывала. Я не приписываю себе научное определение «атеист». Я просто старая *безбожница* (из газет); или экспрессивно-характерологическое: Я не знаю точно что такое *цитаты*, знаю только, что это *выписки из книги* (из газет); *Ампутировать* — это очень страшное слово... *отрезали* ему ногу, вот и все (из устной речи).

Ср. спекулятивный прием противопоставления синонимических значений, основанный на обозначающейся тенденции употребления данных слов с разными смысловыми оттенками: Бессмысленно спорить, лучшее это произведение молодой прозы, или нет. «Лучший» — это *комплимент, а не похвала* (т. е. незаслуженная похвала — из устной речи); История эта *уникальная* в своем роде, *но не единственная* (из газет).

По сути дела, такие синонимические ситуации — это начальный этап перевода высказывания в другой стиль (в другую подсистему, в «другой язык»), т. е. «работа на получателя» речи,

облегчение ее восприятия путем приспосабливания высказывания к ситуативно-целевой специфике данной сферы общения, что неминуемо повышает экспрессию стилевого эффекта. Ср.: К сведению посетителей: письменные справки о том, что *женщина, или родильница,* находится в роддоме, выдаются дежурной по смотровой акушеркой; Узнав об этом, в главке встревожились, потому что изыскателей по всей стране было не так уж много, их надо было сохранить, *наложить броню*, то есть специальным указом правительства *освободить от фронта* (С. Воронин, Солнечная долина). Такое противопоставление терминологизированных клише деловой речи нейтральному словесному ряду — типическая коммуникативная ситуация текстов разной функционально-стилистической принадлежности.

А вот показательные примеры экспрессивной ценности этого перевода: столкновение реальной картины эмоционально-окрашенных событий с их канцелярско-деловым описанием в милицейском протоколе: *...Катя уже в полной горячке обрушилась на инспектора* («обвинила работников милиции в равнодушии и жестокости»). И, *боясь не выдержать и расплакаться, вскочила и убежала.* («Разъяснительную работу провести не удалось, ввиду крайней недисциплинированности девочки»). ...— Значит, говоришь, оскорбили они девочку? — задумчиво произносит женщина-инспектор, перечитывая свою бумагу.— Ну что ж, этого им никто не позволил — словами кидаться. За это, между прочим, и ответить можно.— Она вымарывает несколько строк.— Ладно, слушай дальше: «Я *осознала свою неправильность поступка и обещаю вести себя без нарушений*». На, подписывай (из газет); Информация и совесть. Можно ответить на этот вопрос *на привычном для всех языке*, сказать о чувстве ответственности супругов, совести, долге. *Но есть и другой язык*, на котором тот же ответ прозвучит так: энтропия отступила под ударами своего самого страшного врага — информации (из газет). При этом традиционно складывающийся в той или иной функционально-стилистической сфере общения тип речевого взаимодействия способен, как видим, адаптировать любое содержание. Поэтому было бы принципиально неверным усматривать в синонимической ситуации лишь специфически преднамеренное средство увеличения экспрессии и информативного объема высказывания, свойственное только отдельным (книжным) типам речи. Сама сущность синонимической ситуации отвечает такому заданию, которое отнюдь не противоречит спонтанности: подстроиться к опыту собеседника (а собеседнику, соответственно, воспринять ожидаемый эффект). В разговорной речи стилистическая перестройка высказывания «на ходу» — один из весьма распространенных приемов. Он как раз часто отражает ступенчатый характер ситуативно оправданного стилистического отбора. Ср.: Лена, *мы...* (далее должно бы идти несостоявшееся *приглашены*)... *нас пригласили...* ну, в общем, Петровы *нас в гости зовут*; Сами знаете, как у нас тут с *бабами*, т. е. с *женщинами*

туго... (Б. Бондарко, Цейтнот). Тенденция к синтаксическому аналитизму (плеоназмы, дислокация элементов словосочетания, инвертированный порядок слов) дают этому приему достаточный конструктивный простор: *я температурю* очень... ну, *температура у меня* все время; это *не питание... так питаться*, *такая еда это не еда*... одно горе; вы только послушайте, что она *говорит* только... такое *плести* — это я даже не знаю; Ведь много уж времени прошло, а потом она *скончалась... умерла* быстро (отбор корректируется в сторону большей разговорности).[8а]

Хотелось бы также подчеркнуть узуально-коммуникативный уровень синонимической ситуации, оправдывающий, кстати, выбор термина, обозначающего данное понятие. Ведь само по себе контекстное сопоставление структурно или семантико-стилистически взаимодействующих единиц языка, в данном случае — их синонимизацию — мы не рассматриваем ни как речевой этап языковой синонимии, ни как пример различия языковых и речевых синонимов. Наблюдения за употребительностью того или иного факта языка находятся в известном противоречии с оппозицией langue — parole, неадекватной ракурсу: процесс языкового отбора/результат этого процесса (т. е. текст высказывания)/коллективно осознанные выразительные свойства языкового состава этого высказывания /ситуативно-целевые способы применения этих свойств. Поэтому следует избрать такие определительные параметры, которые будут соответствовать характеристике узуально-стилевых комплексов, использующих семантико-стилистическое сближение единиц языка (в пределах высказывания) для осуществления экспрессивных задач широкого диапазона. Его границы определяет коммуникативная цель конкретного высказывания. Иногда эксплуатируются общие признаки (семантической близости и стилистической соотносимости), призванные подчеркнуть закономерную тождественность коммуникативных возможностей обладающих ими единиц языка. В других случаях, наоборот, обыгрываются дифференциальные признаки, образующие фигуру противопоставления. И, наконец, первые и вторые могут быть организованы инверсией, которая сходство выдает за различие, а различие — за сходство, если экспрессивное задание текста этого требует.

Так, например, в некоторых синонимических ситуациях стилевая характеристика строит п о д о б и е контекстного ряда идеографических синонимов [9] из слов, которые не находятся в синони-

---

[8а] Ср. ПК (парные конструкции) Т. С. Коготковой, характерные для разговорной диалектной речи. См.: *Коготкова Т. С.* Указ. соч., с. 87 и след.

[9] Напомним, что в такой синонимизации могут участвовать на равных правах и по-разному организованные (в соответствии с индивидуально-субъективной точкой зрения) ряды сопоставляемых единиц языка — от дублетов до квазисинонимов. Исследователи отмечают, что существуют частные значения слова, у которых к семантическим элементам главного (внеконтекстного) значения присоединяется контекстный элемент. Следствие этого — синкретизм значений, способствующих приближению или

мических отношениях. Ср. общую оценочно-стилистическую шапку для наименований сходных ситуаций: *Кружки, салоны, собрания, вечера, сходки* («сборища» в терминологии тайной полиции), *обеды, юбилеи, книжные лавки, где толкутся писатели, клубы и кофейни*, где они бывают, *публичные* и *домашние чтения*, где они выступают со своими произведениями — вот ближайший круг объединений, с которыми нам приходится иметь дело (М. Аронсон и С. Рейсер, Литературные кружки и салоны); или стилистическую интерпретацию семантического различия: Между тем *кастовость, назовем ее мягче, избранность* — понятие чаще всего эфемерное, особенно когда покоится оно на таком преходящем факторе, как возраст (из газет); Альфредо, постепенно расставаясь с либеральными влечениями молодости, станет «жирным землевладельцем», хотя и пообещал своей красавице жене, что с ним этого не случится. *Толстым и жирным* Альфредо не стал, но от класса землевладельцев не отступился (Б. Галанов, Новые фильмы Франческо Рози); Конечно, лучше написать *озарить — это 'сильно осветить'*, но ведь интенсивность действия различает эти значения гораздо меньше, чем стиль (из беседы на семинаре переводчиков); Улыбка у него получилась *деланная, натянутая, неискренняя*, готовая в любой миг спрятаться, но в общем-то *не фальшивая*, с честными намерениями (И. Стрелкова, Берег далекой реки).

Другие синонимические ситуации строятся как бы на подмене стилевых противопоставлений смысловыми [10]. Так часто выглядят эвфемистические толкования: Есть семантическая разница между словами *политическое устранение* и *убийство*, а то, что вы называете *взломом*, мы называем *тайным проникновением* (из диктор-

---

совпадению значения двух слов, и экспрессивно-стилистические функции чаще всего объясняются именно этой второй семантической функцией, т. е. зависимостью от контекста (см.: *Курилович Е.* Заметки о значении слова.— Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 242, 246, 249 и др.; *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 157—162 и др.).

[10] Эта возможность (не говоря уж о регулярности явления) как раз и является доказательством совместной манифестации стилистического и нестилистического значений, когда дело касается употребления языковой единицы. Ср. высказывание В. А. Звегинцева: «Стилистические синонимы меряются двумя мерками, имеют двойное измерение — „смысловое" и „стилистическое"»,— с его спорным продолжением: «При этом одно предполагает другое: для того, чтобы выявить их стилистические качества, мы должны сначала свести их к смысловым единствам. Употребляя, например, слова *шамать, лопать, есть, трапезничать*, мы можем вставить их в абсолютно тождественные дистрибутивные условия, без всякого изменения их идеографичности или смысла... Изменяется лишь отношение к тому, о чем идет речь, а в изменении этого отношения и заключается функция стилистических синонимов» (см.: *Звегинцев В. А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968, с. 141—142). Но отношение к тому, о чем идет речь, влияет на смысл. «Двойное измерение» синонима, очевидно, подчеркивает, согласно Д. Н. Шмелеву, что, например, смысл слова *трапеза* как «высокого» члена синонимического ряда как раз в том, что оно (в реальном своем значении) может быть воспринято только на основе данных (нейтральных.— *Т. В.*) синонимов. См.: *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 139.

ского текста телевизионного документального фильма «Тихие американцы»); Я уж всех *жаждущих* обеспечу, а *желающие* сами о себе позаботятся (из устной речи — о покупке нужной всем книги); Утром позвонил Яроцкий и сказал, что ей надо явиться в райком по ее делу. Вот так. У нее завелось собственное дело. И в райком она уже не просто *придет*, а *явится* (И. Гуро, И мера в руке его); Злость обычно уродует женщину. Но Бета не *злилась*, а *гневалась*. И при этом очень хорошела (А. Крон, Бессонница); — На что жалуетесь? — спросил голос по ту сторону экрана... Обычные слова, которые *говорил*, нет, *произносил* врач были какими-то весомыми и гулкими в этой темноте... (Л. Борич, С утра до утра); Определение «волшебных» адресовано не только звукам, но и чувствам, но и думам, *не мыслям, а думам* (А. Вознесенский, Муки и музы); Ее не *слушали*, ей *внимали*, так она хорошо говорила (из газет); Сделали капитальный ремонт, завезли новую мебель, *получили*, а вернее, *выбили* столько аппаратуры, что только успевай ее осваивать (из газет); Но фабрики не воспользовались этим правом и, оправдывая лишь половину своего названия — *пошива* охотно берутся за *шитье* любой вещи и всеми силами отказываются от ремонта (из газет); В соседнем вагоне чаем тоже не *угощали*. Зато проводница *потчевала* пассажиров беседой (Б-ка «Крокодила»); Советский Союз спас представителей иного, не просто *чужого*, а *чуждого* мира (из газет); Ее сын не *болтун*, а *трепач* (из устной речи); Он не *сумасшедший*, он *душевнобольной*,— говорила она. Это звучало красиво, но непонятно (Б-ка «Крокодила»); Они верят! Нет, не то слово. Не *верят*, а *веруют*... как веровали когда-то в чох и жох, в молитву от дурного глаза (Б-ка «Крокодила») [11].

Функционально-стилевые синонимические соответствия

Языковой отбор, формирующий высказывание, обнаруживает результат соединения субъективных и интерсубъективных мотивов отношения к его выразительным возможностям в конечной, стилевой фазе. Эту фазу отличает право предпочесть одно из нескольких означающих, объединенных совпадением или сходством означаемого. Поэтому считается, что стилевой отбор основан на синонимии, а синонимия есть главное понятие стилистики [12]. Теоретически мы могли бы признать эту мысль безусловно справедливой, если бы согласно ей стилистика действительно имела дело лишь с так называемыми стилистическими синонимами, т. е. с такими, которые различаются только по стилистической принадлежности, а не по значению. Но в языковом употребле-

[11] Ср. у Вознесенского: Бьешь ли в мои двери / Камнями, толпа,— / Я тебе не верю, / *Верую* в тебя...

[12] Это мнение общепринято, и поэтому ссылки на него излишни. Наиболее строго и последовательно оно обосновывается в кн.: *Пиотровский Р. Г.* Очерки по стилистике французского языка. Л., 1960.

нии мы видим очень мало таких синонимов, и потому практического приложения эта мысль, в своем общем виде, не находит. Узуальный подход к синонимии обнаруживает, во-первых, затруднительность выделения синонимов по признаку чисто стилевой дифференциации или по признаку семантических расхождений, и, значит, во-вторых, правомерность взгляда на стилевые и семантические различия как на взаимообусловленные.

Синонимические ситуации, которыми мы иллюстрировали связь данных индивидуально-субъективного и коллективно-объективного отношения к языку в коммуникативном процессе, т. е. в столкновении точек зрения получателя и отправителя речи, показали не только саму эту взаимообусловленность, но и возможность ее активной эксплуатации в построении стилевых комплексов, которые семантически оправдывают каждое стилистическое различие и наоборот. Такие комплексы являются частным, но весьма наглядным примером нецелесообразности рассмотрения синонимии в двух равноправных планах — семантическом и стилистическом, и соответственного различения смысловых (идеографических) и стилистических синонимов, когда мы изучаем закономерности стилевого узуса.

В последнее время все большее число ученых склоняется к признанию синонимии чисто семантическим явлением. И новые синонимические теории, выдвигающие ограничительные критерии для старых понятий: тождество значения, сходство значений, близость их оттенков, формируются сейчас преимущественно на этом пути. Они сопровождаются учетом парадигматических и синтагматических отношений элементов смысловой структуры языковых знаков, сопоставляемых в качестве синонимов. Поэтому и стилистический аспект синонимии получает здесь новое освещение. Он обосновывает причины объективного наличия синонимов в системе языка, поддерживающегося непременным условием какого бы то ни было отличия одного члена синонимического ряда от другого. «Такие слова, как *трапеза*, *вежды*, *свершить*, *зело*, *кров*... и т. п.,— пишет Д. Н. Шмелев,— не могут быть истолкованы без ссылок на их «нейтральные синонимы», так как их собственное лексическое значение состоит в своеобразном преломлении значений этих... слов» [13].

Если, например, синонимический критерий допускает известные смысловые несовпадения, то они объясняются стилистической дифференциацией синонимов, так как именно в ней находят выражение «экспрессивные, эмоциональные или оттеночные (т. е. смысловые) особенности» [14]. Если же критерием синонимичности объявляется только смысловое тождество (так или иначе определяемое), то и здесь синхронное сосуществование таких тождест-

---

[13] *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 139.

[14] См.: Словарь синонимов русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой, т. 1. Введение. Л., 1970, с. 10.

венных единиц оправдывается, в числе прочих характеристик, их разной стилистической принадлежностью. Одновременно существует мнение, что как раз четкая «функциональная и стилистическая дифференциация» этих единиц (даже «моносемичных» слов) не дает права считать их абсолютными синонимами [15].

Между приведенными высказываниями можно усмотреть известные противоречия. Но в целом они знаменательны тем, что выводят стилистический аспект на семантический уровень. Еще одно подтверждение этому — невозможность раздельного обнаружения «экспрессивно-стилистической значимости» и «собственно лексического значения», тем более что «стилистическая характеристика слова определяет не только контекст, в котором возможно данное слово, но и то означаемое из соответствующей предметной области, которое может быть названо данным словом» [16] (разрядка наша.— *Т. В.*).

Из последнего утверждения можно сделать вывод, что в узусе реально выступают такие синонимические ряды, члены которых специальным соединением различий в стилистическом и (любом) не стилистическом значении обособляют свой экспрессивно-функциональный генезис. И, таким образом, при изучении закономерностей стилевого употребления языка подход к синонимии с точки зрения ее функционально-стилистической дифференциации вполне корректен. Но в основе последней лежит сравнение разных способов наименования если не одних и тех же, то, во всяком случае, сходных и сопоставимых понятий. Сравнить эти способы — значит изучить взаимоотношения близких или сходных по значению элементов языка, распределенных в узусе по разным функциональным стилям. Т. е. применительно к употреблению языка мы не можем не видеть связи между «близостью значений разных слов и их способностью обозначать разные предметы» (см. с. 152). А это обстоятельство указывает на то, что взаимоотношения функциональных стилей и синонимии имеют, с принятой нами точки зрения, особый аспект, исследовать который невозможно, минуя характеристику самих функциональных стилей. Следовательно, повинуясь необходимости определить свое понимание места функционально-стилистической классификации в подсистемных языковых делениях (которой так или иначе отдает дань каждый стилист), но понимая ее чисто прагматически, укажем лишь на самое главное.

Функционально-подсистемные деления языка, в которых можно вычленить стилистически значимый для них набор элементов, мы относим к узусу, т. е. к коллективным навыкам языкового употребления в данную эпоху и в данном обществе.

Деления эти осознаются большинством исследователей и как стилистические. Но здесь имеют место в какой-то степени разные

[15] *Бережан С. Г.* Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973, с. 51—52.

[16] *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 119—120.

точки зрения. Одна из них — признание полной взаимозависимости двух принципов классификации: функциональная дифференциация целиком покоится на стилевом различии элементов языка. Другая — представление, согласно которому функциональные и стилистические деления полностью друг друга не покрывают и последние лишь способствуют самоопределению функциональной подсистемы.

По всей вероятности, было бы более целесообразно придерживаться второй точки зрения и, таким образом, различать понятия «функциональный стиль» и «функциональная подсистема языка». Первое — это набор однородно и специфически окрашенных языковых средств внутри функциональной языковой подсистемы, т. е. выделяемая нами научная абстракция, которая позволяет видеть стилевую специфику данной сферы общения. Второе — весь корпус языковых средств, какими располагает данная сфера общения в качестве своих. Их употребление вызвано к жизни коммуникативными нуждами, присущими данной сфере изначально, и определено ее общей функцией, благодаря чему она оказывается обособленной от других сфер. Ср., например, разговорную подсистему языка, знающую, с одной стороны, и специфический устный синтаксис, и особые способы номинации, и собственные произносительные нормы — т. е. все то, что имеет неофициально-сниженное, «разговорное» стилистическое значение, а с другой стороны — столь же естественный для нее, нейтральный (а значит, по терминологии Ю. М. Скребнева, гипермаркированный, т. е. принадлежащий не одному, а многим стилям) лексический отбор, нейтральный книжно-разговорный синтаксис и литературно нормированные орфоэпические черты.

Такой взгляд обнаруживает типический, регулярно используемый в данной коммуникативной сфере языковой инвентарь. И следовательно, он также способствует выделению некоторой абстрагируемой от языковой действительности суммы явлений, может быть, только на менее высоком уровне отвлечения, чем функциональный стиль.

И наконец, перед нами — сфера общения. Остережемся называть ее, согласно уже имеющемуся в научной литературе опыту, речевой. Она важна как среда, в которой находят отражение сложившиеся в данном говорящем коллективе навыки языкового употребления; иными словами — использование языка в речи. Изучать ее нельзя иначе, чем одновременно принимая во внимание и языковые и речевые стороны употребления, или, во всяком случае, не заостряя внимания на различии языкового и речевого, потому что с данной точки зрения оно незначимо.

Сфера общения — это уже не отвлеченная научная величина, а социальная языковая действительность. Когда предпринимается анализ закономерностей употребления языка, именно она как поле действия языковой деятельности поставляет материал для исследования. Значит, мы извлекаем его из языковой реальности, уве-

личивая уровни отвлечения от нее и выделяя сначала все обслуживающие ее типические средства языка, а затем отмечая среди них особые — те, у которых есть стилистическое значение, соответствующее основной функции данной коммуникативной сферы и, следовательно, данной языковой подсистемы [17].

К этим двум абстрактным уровням (функциональный стиль и функциональная подсистема языка) мы, тем не менее, относимся как к данным узуально — потому что именно в узусе обнаруживается (или не обнаруживается) прямая связь конкретного содержания объективных стилистических соответствий со стилистической синонимией, которая (будучи отражением системного свойства языка — иметь разные означающие для одного и того же означаемого) лежит, как принято считать, в основе любых явлений стиля.

Поэтому во множественности взглядов на то, что такое стили, как их выделять, каков их состав, проницаемы они или, наоборот, замкнуты и пр. — одним словом, во всем объеме разногласий, вызванных не столько разным пониманием термина, сколько разными представлениями о том, как в любой области знания соотносятся действительность и способы ее научного постижения, — нам ближе всего взгляд, позволяющий считать и экспрессивную и функциональную классификацию фактов стиля необходимой для научного анализа процедурой абстрагирования от их реальной, коммуникативно направленной жизни, которая предпринимается именно с целью глубже проникнуть в закономерности последней. С этой точки зрения разделяемые в данной работе мнения Ю. М. Скребнева и Д. Н. Шмелева кажутся не столь категорически противопоставленными [18], так как равным образом допускают возможность прибегнуть к научной абстракции, объясняющей живую «конкрецию», что помогает решить вопрос о роли синонимии в стилистическом узусе.

Когда упоминают стилистическую синонимику, то прежде всего обычно имеют в виду отношения типа *очи—глаза—гляделки*, по модели которых выстраивается межстилевая парадигматика. Казалось бы, она должна являть собой систему строгих соответствий, согласно которой те или иные экспрессивные синонимические ряды распределяются по тем или иным функциональным сферам. Однако хорошо известно, что система языка не обнаруживает полноценной и самодостаточной симметрии в таких рядах, что они прерывисты; что в них есть весьма ощутимые лакуны. Провести значение слова (если уж говорить о лексических сино-

---

[17] Ср. функционально-стилистическую классификацию Ю. М. Скребнева: язык—субъязык—речевая сфера—функциональный стиль. См.: *Скребнев Ю. М.* Очерк теории стилистики. Горький, 1975, с. 32—43.

[18] См. критические замечания Д. Н. Шмелева по поводу понимания Ю. М. Скребневым стиля как «идеального гипотетического конструкта лингвистики» (*Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977, с. 48—49).

нимах как о наиболее репрезентативной области синонимии) по трем экспрессивно-стилистическим рубрикам без смысловых потерь невозможно. Поэтому, например, глагол *бодрствовать* не имеет нейтральных и сниженных синонимов; глагол *отсутствовать* — высоких и сниженных, а существительное *живодер* — нейтральных и высоких. Поэтому в трио *зарубежный — иностранный — заграничный* все участники остаются в пределах литературного языка, а в трио *трудиться — работать — вкалывать* один из них уходит в жаргон. Поэтому книжному *я голоден* мы можем противопоставить не однословный разговорный синоним, а только конструкцию *я хочу есть* [19]. Экспрессивным же членом этого ряда, если не принимать в расчет устарелых единиц языка, явится сниженная гипербола *я умираю с голоду*. Напомним также, что у целого нейтрального слоя лексики — имен, называющих конкретные предметы, вообще редко бывают синонимы в высокой и сниженной стилистических сферах.

Таким образом, если в поле нашего зрения в качестве стилистических синонимов попадают только межстилевые соответствия, мы можем дать лишь негативное заключение об информативной ценности их системных свойств. Они недостаточны ни для экспрессивных градаций, ни, тем более, для функциональных, так как не могут служить универсальным показателем принципов языковой организации функционально-стилистических подсистем языка.

Нельзя, однако, забывать, что помимо межстилевой синонимии существует обширная область синонимии внутристилевой. Между членами ее рядов, которые можно квалифицировать как однородные в экспрессивном и функциональном отношениях, наблюдается, тем не менее, именно стилистическая дальнейшая вариативность: степень эмоциональной окраски (*кумир — идол*), ее оттенок (*ярость — бешенство*), наличие или отсутствие метафорического смысла (*развлечься — встряхнуться*); разность метафорического ореола и способов образного употребления (*кувырком — кубарем*); степень функционального ограничения сочетаемости, а следовательно, употребительности (*воздвигнуть — возвести*) и т. д. Это позволяет в определенном смысле относиться к подобным случаям как к стилистическим синонимам, хотя очевидно, что и роль их в формировании стилей, и содержание их отличительных черт принципиально иные по сравнению с межстилевыми синонимами [20]. Здесь раньше всего обозначаются смысловые различия, которые иллюстрируют практическую нерасторжимость

---

[19] Ср. английское I am hungry как нейтральное, т. е. то, что можно сказать о себе, тогда как по-русски о себе можно сказать только *я хочу есть*, а не *я голоден* (если, конечно, нет специального экспрессивного задания).

[20] Слова, входящие в один стилистический класс и рассматриваемые без соотношения со словами данного ряда (образованного на основе «смысловой» общности) из других стилистических классов, должны трактоваться так же, как выше трактованные так называемые идеографические синонимы (см.: *Звегинцев В. А.* Указ. соч., с. 143).

собственно лексического значения и экспрессивно-стилистической значимости, доказательством чего часто служат в таких случаях словарные пометы. Так, «Словарь синонимов русского языка», выделяя для слов *ярость* и *бешенство* (в синонимическом ряду с *гнев* и *раздражение*) общее значение ‘сильнейший гнев’, дает дополнительно к слову *ярость* оттенок ‘крайняя степень негодования’, а к слову *бешенство* — ‘гнев, проявляющийся с необузданной силой’. Для слова *кубарем* дано (по сравнению с *кувырком*) и смысловое уточнение — переворачиваться не только ‘через голову’, но и ‘боком’, и замечание, что оно употребляется для указания на быстроту действия, т. е. на его экспрессию, динамику.

Даже только эти примеры показывают, что подобные толкования лежат в разных плоскостях. Указываются: значение и употребление; значение лексическое и предметно-логическое, смысл и экспрессия. Эта разница, обусловленная характером значений определяемых слов, демонстрирует в то же время нечеткость границ между семантическим и стилистическим восприятием явления. Но если мы посмотрим на них с узуально-стилистической точки зрения, то такие характеристики окажутся вполне логичными и достаточными: например, слова *грустный* и *печальный* столько же разнятся силой указания на ‘чувство душевной горечи’ (Словарь синонимов..., с. 496), сколько и тем, что второе слово имеет, так сказать, лирико-поэтические свойства (это косвенно отражено словарем в помете «употр. реже»). Тем же самым отличается слово *кудрявый* от *курчавый*, и это отличие гораздо убедительнее подтверждается приведенными в словаре примерами, чем объявленное им смысловое различие.

Иными словами, внутристилевые синонимы обнаруживают свойства, характерные для «идеографической» (смысловой) синонимии, представленной в употреблении, т. е. как раз тогда, когда соединяются семантические и стилистические признаки языковой единицы. Значит, эти синонимы не являются стилистическими в том значении термина, которое отражает сущность межстилевой синонимии. Они не могут служить для стилистического самоопределения разных экспрессивных и функциональных сфер в системе языка даже так приблизительно и несовершенно, как межстилевые синонимы. Внутристилевые синонимы скорее составляют предельное смысловое наполнение одной, экспрессивно и функционально обособленной, стилистической среды, известным образом определяя и ограничивая типические способы и средства ее языкового выражения. Ср., например, однокоренной разговорный ряд: *хихиканье*, *похохатыванье*, *хиханьки-хаханьки*, *хохотура* (ср. *смехотура*) или фразеологические вариации на ту же тему *умереть/погибать со смеху; лопаться/давиться от смеха* с нейтральными — *смеяться/хохотать*; *хохот/смех*.

Поэтому внутристилевая синонимика гораздо богаче межстилевой. Ее ряды многочисленнее, а связи их членов — многообраз-

нее. Конечно, в узусе они могут трактоваться достаточно субъективно. Ср. приведенные выше примеры из словарных статей на *ярость* и *бешенство,* а также любые другие подобные случаи. Например, синонимы *брякнуть* и *ляпнуть* можно считать различными по экспрессивной мотивировке: первое — ('сказать') больше 'сгоряча', второе — больше 'неуместно'. А можно и не видеть этого различия вообще, или с равным успехом найти какое-нибудь другое, говорящее, допустим, о степени эмоционального проявления и пр. Но, как правило, внутристилевому многочленному ряду противопоставляется лишь один член иностилевого ряда, причем и он обнаруживается далеко не всегда, а во многих случаях это можно сделать только с известной натяжкой.

В сниженной стилистической сфере, которая обслуживает разговорную, разговорно-обиходную и т. п. речь, к *гляделкам,* например, можно присовокупить (мы отвлекаемся сейчас от вопросов нормы, вкуса, такта) и *буркалы*, и *глазенапы*, и *зенки* и т. п. Но в высоком и нейтральном стилях остаются лишь *глаза* и *очи*, а *вежды* не входят в синхронный синонимический ряд современного русского языка. Синонимический ряд *рожа—морда* тоже можно продолжать сколько угодно в пределах сниженного стиля, а в нейтральном и высоком выступают *лик* и *лицо*. То же самое с вышеприведенными глаголами — *трудиться—работать*, где сниженный, жаргонно-просторечный ряд может быть распространен: не только *вкалывать*, но и *трубить*, *ишачить*, *гнуть спину* и пр. Если взять следующий синонимический ряд: *пошел вон — катись отсюда—убирайся* и т. п., то в возможных единичных сопоставлениях других стилей мы видим лишь очень приблизительное сходство (*уходи*, *удались*). Ясно, что специфически сниженная экспрессия, составляющая суть подобных способов выражения, препятствует оформлению адекватного смысла средствами других стилей. Каждый стиль несет в себе свой собственный смысловой потенциал, «провоцируемый» отстоявшимися в узусе выразительными нагрузками тех или иных единиц языка.

Такое положение вещей приводит к тому, что стилевое употребление должно определять целенаправленные способы вербализации типического для данной коммуникативной сферы круга означаемых независимо от того, существует или нет пригодный к этому «материал» в экспрессивных синонимических соответствиях. А эта необходимость ставит под сомнение главное условие синонимических связей между разными означающими при одном означаемом на основе совпадения элементов смысловой структуры слова: единство означаемого. Если в самом общем и грубом виде, узуально-стилевой синонимический критерий предполагает возможность по-разному называть «одно и то же», то обнаружение или необнаружение синонимических соответствий в разных функциональных стилях реально объясняется тем, что внеязыковая необходимость называть в их пределах «одно и то же» оказывается, так сказать, принципиально призрачной.

Так, например, изучая молодежный жаргон, М. М. Копыленко пришел к интересным выводам о функционально-экспрессивной специфике означаемого. Он выделяет 10—12 рубрик основных означаемых (из которых 30% — пейоративные действия и состояния, а остальные численно значимые рубрики — объективная или субъективная пейоративность «лица», мелиоративные или нейтральные действия — в основном в кругу бытовых поступков и элементарных коммуникаций). Причем 35% всех означаемых присущи исключительно жаргону и отсутствуют в качестве соответствий отдельным лексемам в общенародном языке. На количество означаемых в этих рубриках приходится в полтора раза больше означающих — так обилен экспрессивный синонимический ряд[21].

Поэтому при сопоставлении средств номинации каждого функционального стиля и каждой сферы общения, содержащей стилевую специфику, следует принимать в расчет явления иного порядка, чем традиционно понимаемая стилистическая синонимия (см. приведенные выше примеры так называемых синонимических ситуаций). Если мы хотим увидеть реальную картину современного стилистического словоупотребления, надо (применительно к явлению синонимии) иметь в виду, во-первых, наличие известных смысловых закономерностей, связанных с упомянутой только что содержательной вариативностью разных коммуникативных сфер, и во-вторых, вызванное этим обстоятельством неизбежное формирование окольных путей, которыми можно было бы «обойти» данные смысловые закономерности.

С первой точки зрения представляются весьма показательными отмеченные выше скупость межстилевой синонимии и богатство внутристилевой. Именно эти явления и указывают косвенно на то, что каждая экспрессивная сфера языкового общения (и особенно ее функциональная сторона) неизбежно характеризуется какими-то чисто содержательными критериями, с которыми нельзя не считаться, как бы ни хотелось соблюсти строгость лингвистического аспекта в анализе. Эти содержательные критерии влияют на отбор каждым стилем языковых единиц с определенной смысловой структурой. Ср. «непереводимость» слова *бессмертен*: Одна из особенностей молодости — это, конечно, уверенность в том, что ты *бессмертен* — и не в каком-нибудь переносном отвлеченном смысле, а буквально «*никогда не умрешь*»! (Ю. Олеша, Ни дня без строчки). Мы упоминали, например, что глагол *бодрствовать* не имеет нейтральных и сниженных синонимов. Их заменяет толкование ‘не спать’, но оно не единственное. Словарные статьи дают еще и значение ‘не поддаваться сну’, которое намекает на более сложную семантическую структуру слова, чем если бы она исчер-

---

[21] См.: *Копыленко М. М.* О семантической природе молодежного жаргона.— В кн.: Литературная норма и просторечие. М., 1971, с. 81 и след. Ср.: *Скворцов Л. И.* Об оценках языка молодежи (жаргон и языковая политика).— Вопросы культуры речи, вып. 6. М., 1965.

пывалась процессуальным понятием «не спать». Это значение — книжное по самой своей сути. Его умозрительность и аналитизм соответственно покрываются книжным словом, не органичным для разговорной речи и для сниженной стилистической стихии вообще. Поэтому в последней нет условий, способствующих возникновению синонима к данному смыслу, а значит, и к слову. Это одна из предположительных причин отсутствия у него синонимов.

Если же мы обратимся к слову *бессонница*, то заметим другую причинность того же явления. Это слово с точки зрения современного стилистического узуса нейтрально и, следовательно, ощущается как «свое» во всех функциональных подразделениях. Но генетически оно приближается к медицинскому термину. Словари толкуют его и как болезненное отсутствие сна, поскольку под описываемым состоянием подразумевается ряд конкретных диагностических признаков. В то же время и разговорная речь знает это слово, но употребляемое с известной долей «необязательности» по отношению к его терминологическому значению, когда вовсе не предполагается наличие какой-то определенной болезни, а просто констатируется факт — *не спалось*, *не спал* (У меня сегодня *бессонница* была, всю ночь *вертелась*).

Ср. еще один показательный пример, касающийся той же группы слов: «Русский язык, в общем такой богатый и разнообразный, странным образом употребляет одно и то же слово *сон* для обозначения двух явлений совершенно различного порядка: с одной стороны, мы под *сном* понимаем состояние спящего человека или животного, с другой стороны, *сном* или *снами* мы называем те фантастические образы и видения, которые представляются сознанию спящего. Другие европейские языки отчетливо различают эти два понятия и противопоставляют *снам* (rêves, Träume, dreams, sogni etc.) — *сон* (sommeil, schlaf, sleap, sonno, etc.) Правда, и у нас есть еще и другое слово для обозначения *снов* — *сновидение*... Но в разговорной речи мы все же говорим: «какой я сегодня видел *сон*» (а не *сновидение*!), и потому в дальнейшем мы будем постоянно говорить о *сне* и *снах*, а не о *сновидениях* (И. Е. Степанов, Психология сновидений). По всей вероятности, о двух значениях слова *бессонница* можно говорить так же, как и о двух значениях слова *сон*. Но это как раз и значит, что разговорная речь приспосабливает употребление к своим смысловым принципам — диффузности, неопределенности, нетерминологичности[22]. Если узус закрепляет эти принципы, то такому адаптированному, со смысловой точки зрения, слову не нужен сниженный стилистический сино-

---

[22] Ср. определение К. А. Долининым разговорной речи как обширного класса коммуникативных ситуаций с рядом свойств, одно из которых — «неопределенная семантика коммуникативного предиката» (т. е. любая целевая направленность, вплоть до ее отсутствия: общение ради общения), когда, естественно, адекватность языкового отбора ослаблена. См.: *Долинин К. А.* Ролевая структура коммуникации и разговорная речь, с. 155.

ним[23]. Это еще одна из причин «пустот» в межстилевой парадигматике.

Ср. также семантические тенденции книжных функционально-стилистических подсистем, проявляющиеся в той части их языкового состава, которая содержит типические для данного функционального стиля стилистические значения. Если продолжить разговор о деловой речи, то надо вернуться к примерам клишированных конструкций. Попытка создать с их участием прямые синонимические ряды не может увенчаться успехом прежде всего потому, что сам их смысл «непереводим» на языковые средства другого стиля. А это происходит, в свою очередь, потому, что в других стилях нет употребительного эквивалента, т. е. адекватного означаемого: ни в какой иной сфере общественной коммуникации, кроме деловой, не *верят предъявленному*, не *производят задержания* и *отчисления*, не *дают гарантов соблюдения*. А следовательно, только в деловой речи мы и сталкиваемся с соответствующими смыслами, отражающими своеобразие ограниченного круга предметно-логических категорий данной сферы. Эти смыслы тоже неэлементарны и емки, но емкость здесь имеет принципиально иное качество и иные причины, чем в разговорной речи. Она направлена на уточнение и ограничение объема понятия, на его ситуативную закрепленность и терминологическую недвусмысленность. И если в разговорной речи экономия дает коммуникативный эффект в том случае, когда она соединяется с эмоциональной экспрессивностью, то экономные формулы, охватывающие составное и объемное «деловое» содержание, главным условием своего возникновения имеют отсутствие эмоциональности. Ср., например, штамп служебной характеристики *морально устойчив* или лаконичный фрагмент из милицейского отчета: На *счету* у сержанта Савельева *153 задержания* — с полной невозможностью столь же лаконично и «самодостаточно» передать ситуативный смысл термина *задержание* средствами другого стиля. В данном случае осуществимо только толкование, которое тоже не всегда лежит на поверхности[24].

---

[23] Почему, например, затруднительным оказывается поиск структурно-однотипного синонимического средства к большинству деловых канцелярских клише: *предъявленному верить, настоящим сообщаю* и пр., а вместо перевода приходится довольствоваться лишь толкованием, описанием, что неминуемо отразится на точности и экономности способа выражения? Большое количество подобных явлений (и намечающаяся их типология) приводит к мысли о том, что каждое подсистемное функционально-языковое объединение характеризуется, в связи с «содержательными» ограничениями, не только особой стилистической окраской его специфических членов, но и избирательностью с точки зрения объема и принципов смысловой структуры, какими наделены свойственные этой языковой среде элементы.

[24] Так, например, многие знатоки молодежного жаргона не в состоянии были «перевести» на другой стиль или на нейтральную речь слово *фирменный* (брюки, парень и т. д.). О соотношении его «означаемых» с «означаемыми» других языковых подсистем национального языка см.:

Напомним также о явлении, еще более прямолинейно отражающем семантико-стилистическую взаимозависимость узуальной характеристики единиц языка, которая нарушает системную последовательность их синонимизации: стилистическое значение, присущее одним из членов синонимического ряда, сдвигает их смысл сравнительно с другими членами [25]. Это можно проследить на самых обычных примерах синтаксической синонимики, выявляющей стилевую принадлежность членов синонимической цепочки. Так, в парах *заявить — сделать заявление*, *решить — принять решение*, *наехать — совершить наезд* (из терминологии автотранспортной инспекции) стилистическое значение именной конструкции способствует известному смысловому обособлению одного средства от другого [26]. Смысл синтаксической конструкции книжного происхождения, несомненно, ограничен конситуативно и потому более точен. Узус закрепляет его за легко исчисляемым количеством случаев определенного денотативного содержания, охватывающего замкнутый круг социально значимых действий. Но тем не менее в этих парах еще сильна смысловая близость, поддерживаемая к тому же повторением лексем. В гораздо более ощутимой степени ее ослабление начинается со сниженного стилистического пласта.

Если элементами этого пласта продолжить синонимический ряд, представленный пока только парами «книжное — нейтральное», то придется столкнуться с заметным изменением смыслов сниженных членов ряда (по сравнению с более высокими членами на стилистической шкале). Сниженные контексты часто дают в близком значении к последним глаголы *наскочить — налететь*, *заметать — застолбить* (полужаргонное) и др. Но замены эти далеко не безусловны: они неоднозначны и нечетки. Глаголы *наскочить* и *налететь* обычно толкуются, как ‘(наехать) случайно, внезапно, на большой скорости...’. Глагол *заметать* встречается в значении, соединяющем смысловые оттенки глаголов *решить* и *договориться* (Ну, значит, *заметано* — завтра в семь...). Глагол *застолбить* в разном окружении получает значения глаголов *решить*, *договориться*, *предупредить*, *принять*, *определить*, *утвердить*, *зарезервировать*, а вернее — элементы их значений в смешанном виде (Мы *застолбили* такое *предложение*: в черновом виде не

Скворцов Л. И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии.— В кн.: Литературная норма и просторечие. М., 1977.

[25] Ср. замечание о том, что общие для разных стилей слова разнятся не только значениями, но, при использовании в разных функциональных стилях, получают еще и различие в содержании: *Рейман Е. А.* О значении слов в текстах разных функциональных стилей.— В кн.: Научные стили речи. М., 1978, с. 78.

[26] По замечанию Г. О. Винокура, глагольно-именные сочетания в деловой (и научной) речи вызваны к жизни необходимостью скорее указать на событие, чем изобразить его. См.: *Митрофанова О. Д.* Язык научно-технической литературы как функционально-стилистическое средство. Автореф. канд. дис. М., 1975.

подавать ни при каких обстоятельствах; *Застолби две палатки*, и чтоб мешки...; *Застолбите, чтобы они без звонка не ехали* и чтобы еще раз специально про билеты оговорили).

Такие явления, как синкретизм значений (*заметать*, *застолбить*, *засечь* [27] и под.) и экспрессия значений (*налететь*, *наскочить*) в высшей степени характерны для сниженно-разговорной семантики. Значит, если и считать все эти глаголы сниженными синонимами к нейтральным *решить*, *договориться*, *наехать* и к соответствующим книжным синтаксическим конструкциям, то надо по крайней мере отдавать себе строгий отчет в образующихся между членами такого синонимического ряда сложных смысловых вариациях. Их суть заключается в противопоставлении семантических принципов одной стилистической сферы языкового употребления другой. Приведенные выше примеры позволяют говорить: о принципе «размытость, диффузность значения», противопоставляемом принципу номинативной определенности нейтрального стиля; о принципе экспрессивного значения, противопоставляемом принципу нейтрального значения; о вытекающем из второго противопоставления следствии — оппозиции: усложнение — опрощение смысла.

Ср., например, типическую разговорную конструкцию: *Я подумал, подумал, да и...* (*говорю*, *помчался*, *начал писать* и т. п.). Передача ее содержания средствами нейтрально-книжного синтаксиса сопровождается весьма существенными, и именно смысловыми, потерями: *Я долго* (*какое-то время* и т. п.) *думал и после этого...*— в такой интерпретации меняется временно́е и ритмическое противопоставление действий, исчезает мгновенность принятого решения, его неожиданность и неподготовленность к нему адресата сообщения. Т. е. когда экспрессия рождает смысл, тогда и образуется тот признак смыслового наполнения языковой единицы, который мы называем стилистическим значением.

Стилистическое значение дает возможность избегать натяжек, которые возникают при соотнесении слов, традиционно квалифицируемых как стилистические синонимы. Ср., например, глаголы *шествовать* и *чапать*. Их стилистические значения следующие: 1) действие (поступок) официально-высокое (оценка положительная); организует два типа приемов: прямым использованием этого значения и метафорическим пейоративным (обычно — ироническим); 2) действие (поступок) фамильярно-сниженное (оценка отрицательная); организует два типа приемов: с прямым использованием значения и метафорическим пейоративным (чаще — шутливым). Эти функционально-экспрессивные коннотации настолько действенны, что ослабляют смысловую связь слов, от которой остается лишь достаточно общее представление о сходстве способа

[27] Ср. Она даже привыкла и думать о себе в третьем лице, или называла мысленно себя по имени: «Молодец, Валя! А она ничего, *сечет*!» Валя *любила такие словечки, она любила их за бессмысленность* (разр. моя.— *Т. В.*) и *лихость*... (Н. Небылицкая, «Красивая»).

передвижения. Стилистическое же значение, присущее каждому из этих глаголов как единице определенной экспрессивно-функциональной сферы общения, отводит им соответствующее место в системе ее специфических выразительных средств.

Таким образом, узус выявляет совместную семантико-стилистическую природу синонимических связей в функциональном преломлении, что и составляет собственно лингвистическую базу содержательно-смысловой дифференциации функциональных подсистем. Она дает возможность наметить определенные характеристики для семантических тенденций каждого функционально-стилистического объединения, показывающих, насколько противоречиво выглядит так называемая «взаимозаменяемость» языковых средств, когда речь идет о разноплановых стилевых элементах.

Можно наметить три основных типа связи сопоставимых языковых средств разных стилей, заменяющих в стилевом узусе то, что традиционно называется стилистической синонимикой:

1) связь, при которой экспрессивные приращения в одних членах ряда по сравнению с другими членами того же ряда стимулируют возникновение необратимых смысловых сдвигов, нарушающих их синонимическую взаимозависимость;

2) связь, которая может быть осуществлена лишь нейтральным эквивалентным описанием (толкованием) смысла стилистически отмеченной языковой единицы;

3) связь, которая выражается во взаимной смысловой адаптации языковых единиц разной стилистической принадлежности.

Эти типы содержат и внутренние расчленения. Каждый из них имеет наиболее регулярные формы семантических соответствий, отражающие содержательно-смысловое своеобразие функционально-стилистических подсистем языка. Так, например, для параллелей между нейтральным и книжным употреблением характерно противопоставление (экспрессивно однородное: с минусом эмоционально-оценочных приращений) «рода» и «вида»: *автобус*, *трамвай* и пр.— *транспорт*; *шапка*, *кепка* и пр.— *головной убор*. Ср. такой пример: От нас Ашхабад — Москва скорый поезд ходит. *Арбузы*, *дыни*, *виноград* возьму и передам проводнику. Вы придете на Казанский вокзал — забрать *бахчевые культуры*. Пемзу отдадите тому же проводнику, который вам привезет *арбузы*, *дыни*, *виноград* («Неделя») Это противопоставление строится на основе смысловых связей частной и обобщенной номинации и является одним из способов второго типа намеченных соотношений.

По-другому проявляется та же связь частной и обобщенной номинации в параллелях между нейтральным и сниженно-разговорным употреблениями. Она сопровождается противопоставлением нейтрально-номинативного и экспрессивно-оценочного значений, последнее из которых играет роль уточняющего определителя: *лошадь* (всякая) и *кляча* (только ‘плохая’, ‘чахлая’ и т. д.), *есть* и *жрать* (‘жадно’, возможно, ‘неряшливо есть’). Ср. *есть хочется* и *жрать хочется* (‘очень сильно хочется есть’). Это —

главный способ оформления первого типа связи. Третий тип успешно обслуживается межстилевой омонимией, которая на семантическом уровне выступает как полисемия (ср. примеры со словами *бессонница* и *сон*, которые поддаются интерпретации с точки зрения многозначности слова).

Цитация как узуально-стилистический прием

Следствием своеобразия межстилевых синонимических связей является узуально-стилистический прием «цитация». Соединяя в себе отдельные признаки перечисленных выше трех типов этой связи, цитатный прием одновременно есть попытка обойти эти типы, устранить характерную для них квазисхожесть с заменяемым стилистическим средством и стремление представить элемент данного языкового содержания в его «первичном» стилистическом обличье. Ср. очень показательный случай цитатного использования второго типа функционально-синонимической связи в речи ребенка, который стремится постичь обобщающий тип номинации: — Мам, знаешь, как это называется? *Петрушка, лук...* знаешь? — Что, *витамины*, что ли? — Нет... ну вот сейчас скажу... (торжествующе): Это все называется *зелень*!

Рассматривая тропы — «новую образность», являющуюся одним из узуальных приемов стилистического использования языковых средств, мы могли заметить, что они включают в себя своеобразный элемент языковой цитаты: то, с чем сравнивается, неизбежно должно представлять собой означающее, заимствованное из имеющего точный адрес арсенала номинации, где хранятся те средства, которые наилучшим образом отвечают задаче идентификации данного означаемого. Ресурсы сравнения, например, почерпнутые из промышленной терминологии (*угольный пласт*, *коэффициент полезного действия* и пр.), оказываются, таким образом, как бы процитированными в неисконной для них коммуникативной сфере, для которой они являются именно в силу противопоставленности особенно экспрессивными. Однако «образный тип» языково-стилистического отбора не отвечает более непосредственной информативно-номинативной необходимости. Он отличается свободой вариаций, как всякий эстетически нагруженный речевой акт, и в этом состоит его существенное отличие от приема собственно цитации. Последний же выступает в стилистическом узусе как общее понятие, которое можно положить в основу анализа содержания одной из наиболее значимых групп стилистических приемов. Его собственно стилевая, а не содержательная сущность проявляется в привлечении к осуществлению выразительного речевого задания «чужого» (по отношению к составу данного высказывания) способа наименования[28], который тем

[28] Д. Н. Шмелев отмечает, что ни одна разновидность языка не обладает такими средствами, которые не могли бы быть использованы в другой. См.: *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях, с. 42.

легче выявляется и тем лучше выполняет выразительное задание, чем дальше он отстоит от словесного окружения в данном высказывании, т. е. образует стилистический контраст.

Прием стилевой цитации осуществляется при том непременном условии, что «цитируемый» отрезок высказывания представляет собой наиболее типическое словесное выражение типического внеязыкового содержания привлекаемой к коммуникации функциональной речевой сферы. Поэтому, как и в «образном» приеме, цитируемыми отрезками часто оказываются клише и шаблоны, имеющие функционально-стилистическую прикрепленность. Тем не менее с точки зрения языкового отбора цитация противопоставлена «образности», потому что детерминирована информативной необходимостью, хотя объективно эта детерминация может быть мнимой. Ср. примеры, которые мы приводили в разделе «Узуально-стилистическая образность», допустим, со следующим: В Токио большую роль будут играть хорошая психологическая подготовка и способность преодолеть «*барьер акклиматизации*» (из газет); — Баба яга летела-летела, а потом как *приземлилась*, как *приземлилась* (старшая сестра рассказывает младшей сказку). Считать такие случаи одним из (многочисленных и в разной степени активно оформленных) типов цитации мы можем при двух условиях: 1) синонимическое средство, способное заменить цитату стилистическим средством другой функциональной принадлежности (смыкающейся с функционально-стилистическим фоном данного высказывания в целом), отсутствует; при необходимости его приходится заменять описательным эквивалентом; 2) синонимическое средство неадекватно цитатному отрезку и его использование влечет за собой потери в точности смысла и в силе экспрессии.

Таким образом, если «образ» информативно-плеонастичен, то цитация — информативно необходима. Цитатный прием — это такое явление стилистического узуса, которое основано на закономерном использовании (в целях наибольшего смыслового и экспрессивного соответствия) естественной функционально-стилистической однородности означаемого и означающего. Т. е. своему существованию цитатный прием, так же, как, например, «открытый ряд соединений», обязан неполноте системных языковых соответствий, когда остаются незанятыми места, имеющие возможность содержать наилучший результат стилистического отбора. И прежде всего это касается рассмотренного выше состояния межстилевой синонимии, которое ведет к отсутствию прямых соответствий между языковыми средствами разной функционально-стилистической принадлежности, способствующих их непосредственной контекстной взаимозаменяемости. Но если «открытый ряд соединений» восполняет лакуны системы раритетами, то цитация, наоборот — наиболее устойчивыми языковыми средствами, только принадлежащими д р у г о м у высказыванию (другого автора, другого содержания, другого стиля) по отношению к высказыванию, заключающему цитату. Сам стилеобразующий фактор в данном

случае, так же как и фактор новизны, типичен для социально-исторически обусловленных особенностей стилистически отмеченного языкового употребления, хотя строится на прямо противоположной новизне экспрессии общественно значимых, закрепленных в сознании коллектива способов словесного выражения.

Предположение, что цитация — это «отсутствие необходимости создавать единицу (словосочетание или предложение) заново в процессе речевого акта» и что «единицы эти существуют в языке до речевого акта, и мы берем их из языковой памяти в готовом виде — с определенным значением и с определенным лексическим составом» [29], и справедливо и несправедливо одновременно. Если отнестись к нему с точки зрения использования языка в речи вообще — то почему не будут «готовыми», имеющими (в языке, в системе) определенное значение и определенный лексический (а также и грамматический и звуковой) состав любые клише, если они не «процитированы», а употреблены согласно функциональной принадлежности всего высказывания? Почему тогда вообще всякий элемент языка (слово, его морфологическая и синтаксическая форма, словосочетание, конструкция) не будет готовым, имеющим определенное, заранее известное значение и, следовательно, употребляющимся в заранее известных условиях и пр.? Ведь все то, что мы используем в речи, существует в языке. Что значит «создавать» и что значит «воспроизводить»? Обсуждая эти вопросы в предыдущей главе, мы пришли к заключению об их двусмысленности. Абсолютная оригинальность, доопытность «создания» языковой единицы в процессе словесного отбора, подготовляющего высказывание, сомнительна даже по отношению к художественным окказионализмам.

С другой стороны, никак нельзя оспорить утверждение, что цитация как узуально-стилевой прием не может существовать без осознания использующим его лицом своей сопричастности чему-то заранее известному (как ему, так и всем остальным говорящим, а в каждом отдельном случае — адресату его высказывания). Но, по всей вероятности, не сам языковой состав и его значение (лексико-грамматическое) играют при этом роль «известной» величины. Ею прежде всего должна явиться выразительная сила, измеренная стилистическим значением, несущим определенное количество экспрессии. «Предощущение» бóльшей выразительности той формулы речи, которая принадлежит не тебе персонально, т. е. употреблена тобой (хотя и построена известными всем единицами языка и по общим законам их соединения) для данной ситуации данного высказывания, отчасти «незаконно»; формула «присвоенная» и приспособленная для твоих собственных нужд, — пожалуй, наиболее реалистическая причина существования приема языковой

---

[29] См.: *Шварцкопф Б. С.* О некоторых лингвистических проблемах, связанных с цитацией (на материале русского языка).— In: Sign, Language, Culture. Mouton, The Hague — Paris, 1970, p. 665.

цитаты [30]. Таким образом, если и опираться на такие понятия, как «готовое», «уже созданное до...» и пр., то их надо по преимуществу соотносить со стилевой областью языкового сознания, которая безусловно находится, так сказать, на его поверхности. Приверженность подражанию, поклонение авторитетам и играет здесь роль «готовности» к оценке чужого опыта как более выразительного, «наилучшего».

а) Наиболее прозрачный вид цитатных приемов — соединение языковой и содержательно-тематической (неязыковой) цитаты [31]. На первый взгляд, эти цитаты не имеют собственно языковых характеристик. Действительно, стилистический контраст, который должен быть необходимым условием выделения цитатного отрезка, здесь заменяется контрастом онтологическим. Однако если словесные показатели, отчуждающие этот отрезок от других элементов высказывания [32], отсутствуют, то в наличии остается как бы подставная мотивировка языкового отбора, которым нужно выразить содержание данного высказывания. Это не дает нам права игнорировать конвенциально удвоенную информативную ценность такой цитаты с коммуникативной точки зрения, так как она всегда может быть опознана по словесной реакции на нее. К тому же при отсутствии других показателей стилистически существенной здесь становится конструктивная особенность данного приема: свободное введение в структуру высказывания цитаты, ее адаптация к синтаксическому типу предложения, в которое она включена и, следовательно, вариативные возможности языкового состава цитируемого отрезка. Такой способ призван к представлению говорящим цитируемого отрезка как с в о е й речи. В то же время сам акт присваивания себе чужих, «готовых» слов — это свидетельство их оценки говорящим как «наилучших» для выражения данного содержания. Отношение к чужому опыту как к высшему авторитету и подражание ему весьма свойственно человеческому поведению вообще и речевому — в частности. Это подражание служит устойчивой платформой для автоматизации процесса языкового отбора, так сказать, своеобразного паразитизма на необходимости повторения, воспроизведения, на отвержении каких бы

---

[30] Эта причина эксплицируется интонацией, грамматической адаптацией или полуадаптацией к синтаксическому типу предложения, отсутствием или наличием кавычек, модальностью, выраженной лексико-синтаксическими средствами, и пр.

[31] См.: *Шварцкопф Б. С.* Указ. соч.

[32] Чисто внешняя роль интонации в устной речи и графических способов (кавычки) в письменной для воспроизведения того или иного оттенка сдвигов «свое — чужое» здесь не может быть принята в расчет, хотя эти способы имеют отчетливое «отчуждающее» назначение (крещендо или диминуендо), так как их наличие или отсутствие не отражается на самом построении высказывания, что заставляет нас ставить знак равенства между закавыченной и незакавыченной цитатой. См.: *Шварцкопф Б. С.* Внимание: кавычки.— Русская речь, 1967, № 4; *Успенский Б. А.* Грамматическая правильность и понимание.— Тезисы докладов межвузовской конференции по порождающим грамматикам. Тарту, 1967, с. 103.

го ни было альтернатив тем, кто пользуется языком в коммуникативных целях. (см. раздел «Образ и штамп в стилистическом узусе»).

Атрибуция отправителем высказывания цитируемого отрывка, так же как точное его воспроизведение, может и не иметь места [33] Реальное происхождение цитаты — не только действительно широко известные и пользующиеся непререкаемым авторитетом образцы (крылатые слова, цитаты из классической литературы, поговорки, пословицы и др.), но в равной мере, и на совершенно одинаковых правах, — модные афоризмы, отрывки из популярных песенок, диалогов из кинофильмов, радио- и телеспектаклей и т. п.— из всего того, что составляет в данный момент расхожий инвентарь массового искусства и осознается обществом как неотъемлемая часть его социального бытия. Вот, например, начало фельетона, где одинаково обыгрываются и баллада Жуковского и песенка из современного кинофильма, причем ни в том, ни в другом случае качество и происхождение источника не значимы, поскольку значимо только одно: ка́к «чужое» с точки зрения индивидуального акта отправления речи слово становится общим, а значит, «своим» с точки зрения его восприятия, его усвоения говорящим коллективом: *Раз в крещенский вечерок женщины гадали: за ворота сапожок, сняв с ноги, кидали.* Конечно, это художественное преувеличение. Какая женщина кинет черт знает куда сапог? Скорее, совсем наоборот. Но тем не менее две незамужние подруги все же гадали насчет суженого. То есть рассуждали на тему, касающуюся того, что вот, мол, *он придет однажды, ласковый, желанный, самый настоящий друг.* А покамест он в пути, рассуждали они, то какой он должен быть из себя? (Л. Лиходеев, Идеальный жених). Иными словами говоря, изучая экспрессивный (стилистический), а не познавательный эффект таких цитат — будучи их получателем — мы воспринимаем лишь аллюзии, и потому не инкриминируем отправителю искажения дословности. Изучая способ языкового отбора для такой цитаты, т. е. будучи ее отправителем, мы также сталкиваемся с направленностью именно на экспрессивную аллюзию; таким образом, цитатный прием рассчитан не на эффект обманутого ожидания, а напротив, на активность речевой адаптации говорящего коллективному речевому опыту.

Значит, высоко оценивая чужой способ выражения, отправитель неосознанно ищет не идеала для подражания в истинном

---

[33] «В народный фразеологический оборот с времен Великой Отечественной войны прочно вошли поэтические афоризмы Исаковского и Твардовского, бытующие наряду с пословицами и поговорками. В самом деле, трудно, например, найти у нас человека, который бы не знал „Если смерти, то мгновенной, если раны — небольшой“ или „бой идет не ради славы — ради жизни на земле“... высказывания, на которые мы постоянно ссылаемся, не думая, что принадлежат они, скажем, Пушкину, Крылову, Грибоедову. Анонимность бытования во многих случаях — высшая похвала создателю» (Е. Осетров, Похвала афоризму.— Лит. газ., 1976, № 49).

смысле этого слова, а, скорее, более легкого пути для достижения полноты эффекта от ассоциативно-экспрессивного задания. Поэтому совпадение или несовпадение задания, для которого предназначен данный цитатный прием, с реальным коммуникативным эффектом не только целиком и полностью зависит от внеязыковых причин, но, что особенно показательно, минуя частные факторы, непосредственно восходит к центральному — взаимодействию социальных обликов участников общения. Факты показывают, что полное соответствие задания и эффекта в этом приеме происходит чаще всего при условии равных отношений говорящего и слушающего. Зная говорящего или предполагая реакцию говорящего на ситуацию (т. е., иными словами, учитывая любой апперцепционный момент), мы часто думаем: сейчас он скажет так-то, процитирует то-то. Это может относиться и к индивидуально-психологическим признакам речевого поведения собеседника. Но чаще предсказуемая словесная реакция относится к области узуального словоупотребления, почему и легко отгадывается.

«Умелые руки» превращают цитатный прием в исключительно действенное и тонкое стилевое свойство речи. Приведем лишь один пример из статьи Р. О. Якобсона «О художественном реализме», в которой он подвергает критическому разбору некоторые традиционные историко-литературные методы (цит. по кн.: Хрестоматия по теоретическому литературоведению. Тарту, 1976, с. 66): «causerie не знает точной терминологии. Напротив, разнообразие наименований, эквивокация, дающая повод к каламбурам,— *все это часто придает большую прелесть разговору*». Непосредственная фразово-синтаксическая слитность цитатного отрезка с предыдущей частью высказывания снимает в и д и м у ю «подтекстность» (которая всегда сопутствует цитатному приему) и увеличивает г л у б и н н у ю, т. е. усиливает иронию, делает ее значительней и ядовитей, чем в пушкинском контексте.

Вот ряд примеров обычной цитации этого типа: ...Самая высокая любовь неотделима от *быта* и передко *о него разбивается* (А. Крон, Бессонница): ...Он ...*восславил свое имя* если не *во всем подлунном мире,* то, во всяком случае, в мире физики (В. Комиссаров, Старые долги); А еще через минуту мы мчались по ночным улицам к порту — *с бала на корабль* (В. Конецкий, Мимолетный праздник); Одновременное существование *хороших и разных поэтов* есть взаимодополнение к... (Е. Евтушенко, Размышление о поэзии); Пусть насыщенный раствор молодой поэзии скорее выкристаллизуется в *магический кристалл* (А. Вознесенский, Муки и музы); Малянов издал *неслышный миру вопль* (А. и Б. Стругацкие, За миллиард лет до конца света); *Дистанция огромного размера* между Гилельсом тридцатых и сороковых годов... и, наконец, Гилельсом семидесятых годов (из муз. рецензии); — Извините, мне на операцию. До свидания. *Покой даже не снится* (Ю. Крелин, Хочу, чтобы меня любили); Мы убеждаемся, что герой пьесы в последнем акте *увидит небо в алмазах* (М. Щеглов, Реализм современной

драмы); *Мной овладело* традиционное *беспокойство* (из фельетона); Это все из-за тебя,— сказал тогда дядя Коля.— Я бы *с тобой в разведку не пошел* (И. Двинский, Пикник); *Любовь* не выбирает — студент ты или рабочий. *Перед* ней *все покорно: и возрасты,* и профессии (из газет); Вот *комиссия, создатель, быть замужней сестры братом* (М. Булгаков, Дни Турбиных); Оформлял нас, кем хочешь... *И кочегары мы и плотники,* лишь бы играл за команду, голы забивал (В. Амлинский, День первый — день последний); Это письмо могло бы стать... предметом критической отповеди. Но *оглянемся пока что без гнева* (из газет); Нет — у него кишка тонка. Он слишком *любит жизнь* и уж наверняка *уверен, что это взаимно.* (А. и Г. Вайнеры, Лекарство от страха). Ср. контаминацию двух цитат: Моя попытка *залезть в башню из слоновой кости разбилась* именно *о быт* (А. Крон, Бессонница).

Эти примеры дают достаточное представление об общеупотребительности и о разных типах оформления цитатных средств в приемах данного вида. Мы видим здесь самые различные внешние модификации цитируемого текста, вплоть до «закадрового» ассоциирования с ним (*неслышный миру вопль* — есть, конечно, отклик на *невидимые миру слезы*).

Характерно, что, как правило, ссылка на первоисточник у такого цитатного приема в высказывании отсутствует. Она предполагала бы не «присвоение», а, наоборот, отстранение отправителя речи от цитируемого отрезка, в то время как экспрессивное задание цитатного приема основано именно на соавторстве [34], когда словесная ткань высказывания не располагает, как мы видели, формальными средствами разграничения цитатного и нецитатного пластов.

---

[34] Однако, когда ссылка на автора цитаты присутствует, существо дела не меняется в том смысле, что «чужая» речь приводится как образец, как свидетельство того, что «лучше сказать невозможно», что в языке как бы нет равноценного синонимического средства, достойного данного содержания. Эта ссылка не всегда дается прямолинейно (ср. обычный случай: «Вы продолжаете наблюдать жизнь клуба не на правах стороннего созерцателя местных нравов, но уже как бы изнутри, с позиций *«веселящейся единицы», как выражались Ильф и Петров»* — из газет). Автор может быть указан косвенно, одной цитатой через другую, чем усугубляется задание на «знатоков», на «посвященных» (равные отношения адресата и адресанта!): — Зачем я его буду убивать? Сами посудите.— Ну, а кто же, кто? — ласково спросил Игорь Петрович.— Откуда мне знать! Это вы должны знать, кто! — *Вы-с! — гнусно-вкрадчивым голосом Порфирия произнес Игорь Петрович,* разглядывая Малянова сквозь рюмку одним глазом. *Вы и убили-с, Дмитрий Алексеевич!* (А. и Б. Стругацкие, За миллиард лет до конца света). С другой стороны, шутливый (иронический, комический) эффект обеспечивается приемом несоответствия экспрессивных намерений отправителя и получателя высказывания: Да снимайте пальто, и я охотно отвечу на все ваши вопросы. В общем, *милости прошу к нашему шалашу.— А где ваш шалаш? — Извините, не понял.— Я спрашиваю, далеко ли отсюда находится тот шалаш,* в который вы меня только что пригласили? — *Помилуйте, какой шалаш! Это так говорится.* Шутка.— Я шуток не понимаю,— сказал гость мрачно (В. Наденин, Цветок лимитных прерий).

Цитата привлекает к выполнению экспрессивной задачи обобщенно-коллективный языковой опыт говорящих на данном языке и, следовательно, знающих цену тому или иному способу языкового выражения. Поэтому она особенно эффективна в типах речи или отрезках текста, которые снабжены специфическим усилением «импрессивной» функции — рекламе, заголовках и пр. Вот ряд таких газетных заголовков из разных изданий разного времени: *И было два свидетеля...; Весна идет — весне дорогу; Вниз по Вяткереке; У высоких берегов Амура; Не счесть талантов...; А у нас во дворе; Осторожно: Эрмитаж!; Сюжет для небольшого фильма; Сверхглубокая разведка; Мобилизованный и призванный; Молодой человек на rendez-vous; К штыку приравнявший перо; Не сотвори себе факира; Физика без лирики; А у вас в квартире газ?; Работа у них такая; Больше хороших и разных товаров; На перекрестке трех дорог; Этот свободный, свободный, свободный мир.* Последний заголовок построен по особенно продуктивной в наше время модели (источник цитаты — название фильма «Этот безумный, безумный, безумный мир»). Ср. заголовки: *Эти тихие, зловещие старики!; Эта странная парапсихология; Этот прекрасный, прекрасный кефир...; Это горькое слово «свобода»; Это горькое слово — разочарование* и пр. [35]. Интересен также случай перераспределения эстетических ролей, когда в заглавие художественного текста выносится клише: «*Погода на завтра*» (название пьесы М. Шатрова и, уже как двойное отражение, статьи о театре: М. Кваснецкая. *Погода на завтра. Заметки о молодой режиссуре*).

Цитатный прием удобен для юмористических, сатирических заданий, каламбуров и пр. (ср. отрывок из фельетона, весь построенный на незакавыченных цитатах из песен и оперных арий: «Деньги потекут к вам... одним словом, *не счесть алмазов...* — Директор думал, а соблазнитель все разливался соловьем. Были упомянуты и *златые горы* и тот *кумир священный*, и... в общем... он не дошел лишь до мысли о том, как *люди гибнут за металл* (Б-ка «Крокодила»), а следовательно, широко употребителен в художественной литературе для экспрессивных и характерологических заданий: — *Вот наша деревня,— сказала Марья Трофимовна.— Сейчас скажет: Вот наш дом родной,— подумал Семен.— Вот наш дом родной,— сказала Марья Трофимовна* (В. Черных, Незаконченные воспоминания). Типизация приема иллюстрирует его узуальную жизнь, эффект «необманутого» ожидания.

[35] Ср. свидетельство о современной популярной цитате в английском языке, приведенной О. Васильевым (заметка «Джонни, уезжай домой».— Изв., 15.IX 1977): Этот фильм вызвал шок среди добропорядочных англичан. Оно и понятно. Проблема бездомной молодежи с каждым годом становится все более острой и тревожной. Тысячи юных джонни отправляются в Лондон в надежде найти здесь работу... Правительство создало в сентябре рабочую группу... для изучения проблемы... но она так и не разрешилась от бремени никаким докладом. Единственный результат фильма — *фраза «Джонни, уезжай домой!», вошедшая в повседневный язык.*

б) Рассмотренный сейчас вид цитации демонстрировал контраст типов отбора, результатом которого явился «отраженный» автоматизм экспрессивного использования общеизвестной языковой формулы в качестве идеального средства выражения данного содержания. С точки же зрения функционально-стилевого контраста между цитатным и нецитатным отрезками высказывания более значим такой вид этого приема, в котором единица оппозиционного всему высказыванию стиля воспроизводится как «единственно возможное» означающее данного означаемого. В роли иностилевых цитат, как мы уже упоминали, выступают обычно клише и шаблоны оппозиционной сферы общения. Для разговорной речи, для художественного повествования — это чаще всего официально-деловые штампы, что объясняется двумя причинами: во-первых, их обилием и отчетливостью стилистического значения, которое они получают как специфическое средство этой функциональной сферы; и во-вторых, наибольшим удобством их применения как «готовых» и широко употребительных в силу сходства стилистического значения собственно канцелярских клише и всей книжной фразеологии.

Цитатное употребление канцелярско-деловых, научных, отчасти публицистических шаблонов является узуально-стилистическим приемом в следующих случаях.

1) К цитированию обязывает т е м а высказывания (или в целом, или отдельные признаки предмета речи, требующие наименования). Следовательно, это свойство неофициальной речи, в которой так или иначе отражаются жизненные сюжеты, имеющие официальные означаемые. Ср.: Он еще вчера закончил свои дела, загодя *отметил убытие*... (В. Савченко, Жил-был мальчик); — Сыграем новую пьесу... вот в чем она заключается: ваша мать лишилась заработка, ей даже нечего продать, чтобы заплатить в драматическую школу, откуда завтра вы будете *исключены за невзнос платы* (К. Станиславский, Работа актера над собой) [36]; Васильков не мог вспомнить, когда же он в первый раз *закрыл наряд на невыполнение работы* или в несколько раз *завысил их трудоемкость* (из фельетона); Она уже давно в разводе. И у Клавдии тоже новое *семейное положение,* тоже речник... (В. Лидин, Половодье); Мама! *В тебе говорит личная обида.* Так же нельзя! (из устной речи); Да, сегодня как-то неуютно, ветер, к тому же к вечеру обещают *резкое понижение температуры*... (из устной речи); — Звонил папа. Надо быстро ехать — *оценка уже произведена* (из устной речи); Мы тогда в очень трудных... *погодных условиях* жили (из устной речи); — Пойдем, дочка, пойдем... Надо *опыты поставить* (С. Антонов, Демонстрация); Его жилплощадь эвакуированный *уплотнил.* Вселили к нему людей, комнату взяли, понял? (В. Амлинский, Тучи над городом); Она яростно охраняла свои

[36] Ср. у Ф. Сологуба: Жила Грушина *отдачею денег под залог недвижимостей* (Мелкий бес).

права — *производить уборку* от девяти до десяти утра — ни минутой раньше, ни минутой позже (Ю. Нагибин, Свет в окне);— Ты ведь знаешь, сколько лет я ломаю голову над *системой преподавания*! (речь учителя в неофициальной обстановке); Нет уж, это будет совсем *в другом аспекте обследование*, если я сама не буду присутствовать... (из устной речи); Сейчас *ведутся исследования* ультразвуком, а ты говоришь — не знают ничего... (из устной речи); Коротко вздохнув, доктор сказал:— Загубить можешь себя и ребенка... Теребя кисти платка, Шестерикова медленно проговорила:— Первый-то раз можно было.— С тех пор *таз деформировался*. Понятно? (А. Арканов С восьми до восьми).

Ср. обратную цитацию — средства с разговорными стилистическими значениями в их крайнем нелитературном обличье, когда эмотивно-функциональный состав стилистического значения может включать в себя «лихую» образность и непринужденность/фамильярность, граничащую с вульгарностью. Они используются в разных видах книжной речи, преимущественно в публицистике, газетных жанрах и пр.: Организм настолько привыкает к наркотику, что даже при этом *«кайф»* все слабеет и сходит на нет; Сотрудник ФБР — Джеки Уруи... *«стучала»* на сотрудников редакции... выслеживала активистов движения за мир; ...Тот, кто в погоне за дурной модой закурит *«косячок»*, рискует и психозом и психической инвалидностью; Трое сыновей — *путевые* вышли, приобщились к хлеборобским занятиям; И такая *липа* почти в каждом соревновании; Остается только радоваться, что в Самарском районе города Куйбышева с чуткостью и *реагажем* на заявления дела обстоят много лучше; Плохую услугу оказала и радиостанция «Юность», обнародовав вредные песенки, сочиненные *«под заграницу»*.

Критическая направленность этих текстов сама говорит о типичных заданиях сниженной экспрессии и о ее возможностях в пределах характерной для публицистики функции «воздействия», не пренебрегающей ни жаргоном, ни просторечием, но тем не менее соблюдающей бо́льшую дистанцию между ними и основным языковым составом высказывания, чем в тех случаях, когда цитата «выше» основного текста. Это обстоятельство очень характерно для современного стилистического узуса, который безусловно повернут к книжной речи, если иметь в виду стилистическую выразительность, опирающуюся на литературно-нормированные средства, что не мешает встречной тенденции — широкому использованию жаргонно-просторечной стихии в определенных конситуативных условиях [37].

2) К цитированию обязывает не только предмет, но и с и т у а ц и я высказывания:— Можно *вопрос в порядке ведения*? — спросила девушка, сидевшая за дальним столом.— Ну?— сказал пред-

---

[37] См.: *Филин Ф. П.* О структуре современного русского литературного языка.— ВЯ, 1973, № 3, с. 7—8.

седатель (из фельетона);— Когда *обнаружили хищение*? Утром? (В. Комиссаров, Старые долги);— Девушка, вы колбаску *завешиваете*? (из устной речи — в магазине); бюро обкома ВЛКСМ осуждает очковтирательство и даже намерено кое-кого из ловкачей «*строго предупредить*», а кое-кому «*указать*» (из газет); Лас-Вегас начинается задолго до Лас-Вегаса. Его авангпосты — реклама — встречают вас на всех дорогах. Они призывают *посетить, не упустить, побывать* (Г. Бакланов, Лас-Вегас. Неделя, 1971, № 24;— Ты знаешь, что у меня два года назад была выставка? — спросил он, горько усмехаясь.— Нет, не слышал.— Никто об этом не слышал, потому что *выставка не представляла интереса* (из судебного очерка); Я *выполняла* этот *элемент* впервые... Этот *зрелищный элемент* нам хотелось сделать получше... мы старались его сделать чисто... (из телеинтервью фигуристки); Мне надо знать, когда *приказ на отлавливание подписан*! (из устной речи); Надя сказала, что я потом тогда *ознакомлюсь с протоколом* (из устной речи); ...Кубышкин засыпал участкового заявлениями. И «товарищу Державину» приходилось на них «*реагировать*» (из газет); *Вот так*, «*в порядке оваций*» отмечалось в нашем воображаемом городе выдуманное нами торжественное событие (из фельетона); Пришел новый директор и первым делом занялся улучшением «*товарного вида*» продукции (из газет).

В этих случаях противопоставление «официальная — неофициальная речь» осложняется обратной позицией говорящего — его стремлением подравнять стиль высказывания к ситуации, т. е. противопоставить нейтральным средствам специфические средства того стиля, который обслуживает данную функционально-коммуникативную языковую сферу. Такая ситуативно-тематическая обусловленность употребления языкового средства с функционально-ограниченным стилистическим значением образует дополнительную экспрессивную часть последнего.

В случаях цитатного употребления наиболее специфических (в основном клишированных) элементов книжной речи можно говорить об экспрессии «наибольшего соответствия», т. е. о свойстве языка оказывать предпочтение одному из планов выражения для определенного плана содержания, когда означающее (т. е. стилистическая характеристика) первоначально принадлежит «означаемому из соответствующей предметной области» (Д. Н. Шмелев). Образование в таких случаях функционально-предопределенной экспрессии показывает, что внеязыковая ситуативная обусловленность, которая непосредственно влияет на оформление каждого речевого акта, порождает и внутриязыковые факторы цитатного языкового отбора. Они создают традицию употребления тех или иных стилевых средств языка вне прямой зависимости от конкретной ситуации, а именно как общественно осознанных означающих, закрепившихся за означаемыми из определенной предметной области.

Самым элементарным примером перехода внеязыкового фактора «ситуация» во внутриязыковой — «традиция» служит общеизвестная и общеупотребительная формула ссылки отправителем высказывания на чужой речевой опыт[38]. Это не еще один индивидуальный опыт, а непременно групповой, не исключая из которого самого себя, говорящий как бы подкрепляет свое право выразиться именно так, а не иначе. Ссылочный цитатный прием оформляется (чаще всего, но не только) вводными элементами предложения, указывающими адрес цитаты по разным признакам:

1) Иная функциональная сфера: Но, принимая во внимание (*так всегда пишут в официальных бумагах*) то, что я вас этим не ограблю... (М. Зощенко, Письма к писателю); Через некоторое... время аттестационное дело Митрофанова, *выражаясь официальным языком,* было снято с контроля (из газет); Ну, это уже перебор, знаете, *как говорят в науке,* избыточная информация (из устной речи); *Сказать по-научному* — это, конечно, гипербола. Затем так фантазировать? (из устной речи); У него было бессознательное влечение к шипящим и свистящим звукам и «т» в окончании слов. *Выражаясь по-ученому,* пристрастие к дентальным и пёбным (О. Мандельштам, Шум времени); *Публицисты назвали бы это преступлением века.* Ведь это один из самых был больших банков! (из устной речи);

2) Уточняющая функционально-профессиональная сфера[39]. Новое жилище, конечно, лучше старого. Да только как туда перебраться, если старое, *говоря канцелярским языком,* «не подлежит слому» (из газет); Каждый из них имел свою кличку или «псевдоним», *как более деликатно выражаются литераторы...* (из газет); Это письмо, яростное и напористое, как любая суперкрайняя точка зрения, могло бы стать предметом, *как говорят газетчики,* «критической отповеди» (из газет); Собака... стала обнюхивать посетителей... и вдруг громким боевым лаем позвала на помощь. *На техническом языке агентов* это называется «дать голос» (из газет); Все-таки все оборудование, или, *как говорят экономисты,* обустройство... (из лекций об НТР); *...то, что в статистике и демографии именуется* «таблицами дожития»... (Л. Успенский, Записки старого петербуржца); *...Выражаясь языком рекламы...* сон не роскошь, а гигиена (Б-ка «Крокодила»).

3) Исторический период употребления[40]: Ведите себя с ним по возможности тактично, или, как *говорилось в старину,*

---

[38] Она используется даже в поэзии: И обо всех явленьях этих / Твердим *казенным языком*: «Во-первых, во-вторых и в-третьих» (Л. Мартынов); Точка. Слова из песни не выкинешь. *Как говорят, истекает регламент* (П. Антокольский).

[39] При этом возможна и «самоцитация»: Я, признаться, думал, может вам почему-либо сейчас в тюрьму захотелось, вот вы и темните. Двигаете фуфло, *как у нас говорят* (Р. Зернова, Исцеление).

[40] Ср. примеры 20-х годов: Кнутовища и рукавицы... показывают принадлежность парнишек *к так называемым гужеедам, или, проще, извозчикам,*

толерантно (В. Шефнер, Круглая тайна); Он *называл* это несколько *старомодным словом* «прекрасное» (Т. Лихтенталь, Жизнь Юры Ломакина); Да, мы свидетели мощного демографического взрыва, *как модно выражаться теперь*... (Знание — сила);— Генерал велел послать за тобой машину. — Очень трогательно. *Как принято теперь говорить*, спасибо за внимание (А. и Г. Вайнеры, Лекарство от страха); Стилистика... занимается изучением проецирования прагматических элементов в план семантики и синтактики, ограничиваясь пока лишь простым описанием (или, *говоря современным языком*, исчислением) приемов... (В. А. Звегинцев, Стилистика и семиотика).

Цитатный адрес имеют и образы: «Горячие», *как их принято называть*, деньги хлынули в Европу потоком... (В. Осипов, Международный дневник);... половинчатое решение ввести на время *так называемый «плавающий» курс* для своих валют в Голландии и Бельгии (там же);... операции против советских граждан, запрятанные под разные, *как говорят на Западе*, «одеяла»... (из газет).

Формальный, а не содержательный характер цитатного адреса в этой разновидности приема как нельзя лучше подчеркивает его условность, вплоть до расплывчатого указания на широкую употребительность цитируемого средства с элементом уклончивости (ср. «эффект уклончивых слов»), т. е. как бы снятия с себя ответственности за избранный способ выражения: Он подхватывал, *что называется*, «на лету» чужую инициативу (Л. Ленч, Мой редактор Кольцов);... Монтажники других организаций, и в частности, треста... ходят, *как это называется*, руки в брюки (из газет); Конечно, о *так называемой* «проблеме надоя» говорили на этом совещании все (из газет); *Как говорится*, при тщательном рассмотрении всех обстоятельств... не обнаружено... (А. Калинин, Запретная зона); В эти дни трудно застать в конторе специалистов чимкентского объединения «Спортсемовощ». Они, *как это говорится*, днюют и ночуют в поле (из газет); *То, что именуется* общественным поручением и ощущается иными подростками как тяжкая повинность... для Кати было просто радостью (из газет); Так постепенно прививались навыки точного или, *как говорят*, чистого пилотирования самолета... (Авиация и космонавтика).

Если в одних из этих квазицитатных ссылок дана обобщенно-личная или неопределенно-личная замена более точного адреса, то в других его роль низводится до автоматически воспроизводимой модальной фигуры, имеющей чисто символическое значение и употребляемой по традиции. В плане культуры речи многие из

или, официально, к работникам транспортного дела (Красная газета, 1920 г.); *Применительно к обычному теперь газетному и митинговому языку* можно сказать, что обновленное правительство состоит из 9-ти представителей «буржуазии» и 6-ти представителей «демократии» или «социализма» (ж. «Политическое обозрение», 1917 г.).

этих ссылочных формул квалифицируются как сорняки, а в плане узуально-стилистическом — как штампы.

По всей вероятности, приведенных примеров достаточно для того, чтобы заметить явное преобладание в роли цитируемых элементов книжной (и главным образом канцелярско-деловой) речи. Значит, стилистический контраст цитатного и нецитатного отрывков строится за счет соотношения «нейтральное — книжное» или «сниженное — книжное». Обратные контрасты употребительны в гораздо меньшей степени, что вполне объяснимо (как это показал приведенный вид цитатного приема) наличием именно в этой сфере готовых шаблонов, которые при использовании в «иной» — противопоставленной или смежной — функциональной сфере несут большой экспрессивный заряд.

Книжная речь дает преобладающий цитатный материал еще и потому, что ее шаблоны не только в количественном, но и в качественном отношении больше способны удовлетворить нужды экспрессии, когда последняя есть результат строгой функциональной ограниченности, связанной с содержательными (тематическими) критериями. Цитаты сниженных стилистических средств языка в этом смысле более однообразны. Их экспрессивное задание «непринужденного оживления» текста выполняется, как правило, средствами, имеющими стилистические значения, типичные для разговорного стиля, т. е. «монофункциональные». Ср.: Всего по два — четыре часа в сутки подается вода, а там, где живет буржуазия, воды, *как говорится, «залейся»* (из газет); Газеты и журналы *на полном серьезе* писали, что интеллект этого мальчишки представляет собой духовный феномен (из газет) и пр.

Следует также отметить, что определение источника у стилевой цитаты вовсе не обязательно должно совпадать с научным представлением о ее функциональной принадлежности. Стилевая цитата тем и ценна, что эксплицирует оценку явлений стиля самими носителями, почему и входит, безусловно, в ранг тех языковых оценок, которые в первую очередь должны изучаться при намерении исследователя установить какие-то закономерности коллективного стилистического словоупотребления. Ср. такие примеры: Много их, писем разных, *как поется в одном задумчивом романсе* (Л. Лиходеев, Высшая материя); Там такая природа, и горы, и море. Прямо *как рахат-лукум*, знаете? — добавил он, *вспомнив слова одного приятеля* (Л. Борич, С утра до утра); Я открыла холодильник. Он был пустой. Никакого молока в нем, разумеется не было и в помине. А утром было... *«Спороли», как говорила няня* (И. Грекова, Дамский мастер). Ясно, что в этих приемах ни реальность, ни точность цитатного адреса не имеет решающего значения. Указание на него — лишь форма для выполнения экспрессивного задания.

Внеязыковая ситуация и внутриязыковая традиция как стилеобразующие факторы выступают, конечно, не отдельно, а во

взаимодействии. Отбор стилистических средств каждого высказывания есть результат не только этого взаимодействия, но иногда и борьбы внеязыковой причинности с внутриязыковой. И для того, чтобы любой случай стилевого употребления мог получить верную экспрессивно-функциональную характеристику, надо иметь в виду реальную оценку возможностей обоих факторов. Возьмем, например, случай отраженного в газете (и, естественно, не претендующего на точность воспроизведения) рассказа директора ПТУ о происшествии, имевшем место у них в училище:

— Несчастным случаем интересуетесь?— переспрашивает Осипов.— Девчонка, как ее, Иванова Алевтина, завела знакомство с ребятами из Шумерли. Сорвалось у нее как-то свидание с ними, и она, Иванова Алевтина, и скажи им, что мешает Андреев. Выходит, пригласила их на его избиение. Приехали они. Наш начальник дружины, как увидел посторонних лиц, дал выстрел и принял меры к задержанию. Утром докладывают мне это дело. Я, конечно, ее и Алексееву Римму, у которой тоже были связи с шумерлинскими, вызываю, беседую тихо, мирно. После обеда встречаю библиотекаря Нину Егоровну, секретаря парткома. «Что так поздно?» — спрашиваю. «А у нас,— отвечает,— было заседание двух комитетов». «Какое решение приняли?»— интересуюсь. «Вызвать родителей и просить педсовет исключить указанных студенток». Пришел я домой, поужинал, взялся за газеты. Только успел прочесть передовые, собака залаяла. Кто? ЧП, говорят, произошел наезд на человека. Где? Какая причина? Теперь следственные органы разобрались: легкомыслие в любовном вопросе. Со стороны администрации никто ее до рельсов не доводил. Вон Алексееву тоже критиковали, а она не пошла на такой шаг. Выговор-то мне дали так, для порядка (Изв., 4. VII. 1964).

Письменная форма, газетное или беллетристическое воспроизведение устной речи персонажей повествования, двойной (и даже тройной, как в данном отрывке) цитатный слой — наиболее показательные факты для уяснения того, как распределяются роли внутриязыковой и внеязыковой (ситуативной) причинности употребления тех или иных стилевых явлений. Отсутствие заданной речевой характеристики специально-эстетического типа и объема (как это должно быть в истинно художественном произведении) дает возможность говорить о традиции полуавтоматического использования разностильных средств для характеристики устного высказывания определенной тематики и в определенных условиях, когда реальное положение вещей вольно или невольно фотографируется.

Одновременно здесь отдается дань и другой языковой традиции, с собственно эстетическим назначением — сохранять (а не заменять) и, возможно, утрировать (а не редуцировать) такие признаки отражаемой речи, как канцелярские штампы, когда они употребляются не только согласно культурно-речевой норме, но и находятся на грани или за пределами таковой. Это узуальное сти-

листическое средство эстетически-нацеленного текста, применяющееся для отрицательной характеристики персонажа. Следовательно, в данном построении играет роль еще одно внутриязыковое традиционное обстоятельство: сложившаяся и закрепленная в данном говорящем коллективе негативная оценка использования канцеляризмов устной речью. Так как мы не имеем права поставить эту черту в отношения причинной связи с характером человека, который ее проявляет (хотя бы она и имела под собой реальную почву), такую «цитацию» нельзя назвать ситуативной. Она традиционно закреплена за особым композиционно-структурным типом текста, включающим в себя воспроизведение отрезков чужой речи. Но в то же время в стилевом построении данного отрывка налицо и роль ситуации, причем также неоднолинейная. Это, во-первых, сама ситуация данного типа речи; во-вторых, ситуация воспроизведенного в ней рассказа другого отправителя речи (т. е. «пересказ» или «цитация»); в-третьих, изобразительная ситуация воспроизведения в письменном виде речи устной. Без точного определения экспрессивной задачи и стилистических приемов, обслуживающих все эти три слоя, мы не можем адекватно проанализировать стилистический механизм такого текста и, в частности, уточнить природу стилевой цитации.

Само реальное существование данного текста (или любого другого текста с такой структурой) снимает вопрос о достоверности отражения им языковой действительности, потому что он и есть эта языковая действительность, и, следовательно, в этом качестве мы и подвергаем его исследованию. Значит, «правдоподобие» цитат (автором статьи — речи директора ПТУ, а директором ПТУ — речи других лиц) не есть в данном случае объект лингвистической оценки. Объектом лингвистической оценки служит сама оценка, а именно — оценка отправителем данного высказывания цитатного приема, употребляемого в смешанной — ситуативно-тематической и традиционно-экспрессивной (т. е. в соединении внеязыковой и внутриязыковой) обусловленности как одного из существенных узуально-стилевых приемов, который отражает типическую современную ситуацию: разностильность высказывания (текста) в роли регулярного и стилистически-нормативного явления.

Именно поэтому во «вторичной моделирующей системе», т. е. в художественном тексте, и существует прием, имеющий очень длительную традицию отражения закономерностей стилистического узуса современности: характерологическое и характерологически-экспрессивное употребление элементов книжных (преимущественно официально-делового) функциональных стилей в специально экспрессивных целях. Ср.: — Довольно странно мне, Дмитрий Егорыч, видеть такую неосведомленность у коммуниста, хоть и бывшего. Все *в* том же *порядке борьбы с обывательским мещанством*! (Л. Леонов, Вор);... Вчера она заявила, что... ей надоело убирать, подметать и мыть и она *берет краткосрочный отпуск* — уходит на три дня к бабушке — отъедаться и отдыхать

(В. Комиссаров, Старые долги); — Так как же, Катюшка? Пойти или как? ... Ведь *надо же урегулировать этот вопрос* ... ведь меня ждет Людушка...— А говорил, что до гроба... (Н. Никитин, Преступление Кирика Руденко); А Ирина Владимировна уходит «встряхнуться» в театр.— Мусеночек, голубчик,— говорит она на прощанье Маше, а ты пока убери эту посуду. У нас ужасный *кризис в кухонном масштабе* (В. Герасимова, Дальняя родственница); Так ведь не всегда знаешь, правильно ли поступил сам.— То есть как не всегда? *Ошибся — коллектив поправит* (ответная реплика принадлежит отрицательному ответственному работнику.—Л. Обухова, Доброта); Составляется план *убиения скуки*. По пунктам (из фельетона); ...Подсудимый...высказался примерно в таком непредвиденном духе: «Граждане судьи! Не стану *таить действительность. Было покушение на нарушение*. Было (из фельетона); Дочка... *улучшала* своим Машам, Зинам, Катям *жилищные условия*, строила дом. Известно, что по тому, во что играют дети, можно безошибочно определить, чем в данное время всерьез занимаются родители (Б-ка «Крокодила»); ...Солнце, зайдя за сопку, словно провело за собой черту и оставило Букваря наедине с его *вопросами*. Он решил *не уходить от них*, а разобраться не спеша и до конца (В. Орлов, Соленый арбуз); ...Судя по *размаху хищений*, я думаю, что у этих жуликов кое-что осталось.— Безусловно, но я постараюсь эти «*остатки снять*» (Е. Кочаров, Благодарность потерпевшей Глебовой).

Этот стилистический прием имеет большой диапазон экспрессивных заданий — особенно в области комического: от легкой шутки до иронии и сарказма. Отдельные его виды, как мы видели, построены неодинаково — разным соотношением образующих его стилистических средств: семантическим параллелизмом, эксплуатацией мнимого различия прямых и мнимого сходства переносных значений; неузуальными способами соединения «цитируемых» отрезков текста с остальными элементами высказывания и пр. Однако объединяющий их признак — экспрессивная эксплуатация элементов «другого» стиля — согласуется с одной из общих закономерностей стилистического использования единиц языка: условиями контраста. Рассмотренные выше случаи являются, следовательно, частным проявлением контраста. Другие виды проявления этой общей закономерности см. в следующем разделе.

Стилизация как узуально-стилистический прием

Социально-историческая стилизация

Рассматривая выше прием цитации (взятый в полном объеме согласно уже существующим взглядам на его природу [41]), мы отметили, что стилистический смысл имеют оба его вида: функциональное заимствование высказыванием, принадлежащим к данной

[41] См.: *Шварцкопф Б. С.* О некоторых лингвистических проблемах, связанных с цитацией...

сфере общения, средств, характерных для другой сферы общения, и общеэкспрессивное заимствование данным высказыванием элементов, принадлежащих другому высказыванию. Объединившая их психологическая особенность речевого поведения человека — стремление опереться на обобщенный (чужой, смежный и пр.) опыт — имеет стилистические последствия именно потому, что к высказыванию привлекаются неоднородные источники: тот, который отправитель речи осознает как свой собственный (а на самом деле изначально необходимый для номинативных нужд темы и ситуации данного высказывания), и тот, который он осознает как чужой (а на самом деле порожденный темой и ситуацией другого высказывания).

Когда ситуативное изменение оказывается главной причиной использования «чужого» опыта, а фактор темы ослабляет свое действие, цитация соединяется со стилизацией. Ср. такой пример: Гулька рано начал читать, и отцу доставляло удовольствие угадывать, какая книжка сейчас у сына самая любимая.— *С кем имею честь*?— вдруг отвечал Гулька по телефону в коридоре, и это значило, что он читает «Трех мушкетеров».— *Стало быть, к вечеру ждать оттепели...*— сообщал он отцу с неожиданной рассудительностью, и тот догадывался, что сын открыл для себя «Записки охотника» (из газетного очерка о воспитании).

В зависимости от того, посмотрим ли мы на этот отрывок глазами получателя или глазами отправителя, его стилистический состав будет интерпретирован по-разному. Позиция получателя данного текста в целом определяется позицией одного из двух действующих в отрывке лиц — отца, выступающего, в свою очередь, получателем речи сына. С этой позиции — перед нами две реплики, основанные на цитатном приеме, так как смысл цитат раскрывается лишь путем коммуникативного соучастия того, кто воспринял данный текст. Позиция отправителя тех отрезков речи, которые мы только что охарактеризовали как цитатные, исключает эксплицируемые ссылки на их истинных авторов (или соавторов). Напротив, отправитель как бы пропускает эту речь через свой индивидуальный языковой облик, но транспонированный в другую речевую ситуацию. В таких случаях уместнее говорить не о цитации, а о стилизации. Значит, стилистические средства высказывания могут выступать одновременно как цитируемые и как стилизуемые, что подтверждает сходство процесса образования этих двух приемов. Во-первых, стилистика присваивает и тот и другой для выполнения экспрессивного задания потому, что оба они ведут к стилевому контрасту как к конструктивному ядру высказывания. Во-вторых, оба эти приема отчетливо демонстрируют «отношение к языку»— в оппозиции коллективных и индивидуальных оценок, субъективных и интерсубъективных навыков, а следовательно, спонтанных и неспонтанных признаков языкового отбора. В зависимости от соотношения сталкиваемых в высказывании элементов языка эта оппозиция или сглаживается или, наоборот, обостряется.

Нечеткость противопоставления «свое — чужое» слово (т. е. индивидуальное и коллективное начало в речевой деятельности, субъективный и объективный фактор в языке) не может быть преодолена познавательным и методологическим опытом одной науки. Для того, чтобы распутать клубок этих связей, дихотомия «язык — речь» явно недостаточна. Здесь нужен учет всех градаций многоступенчатого соотношения: язык (как семиотическая система, как средство коммуникации, как целое, построенное из структур, по законам связи этих структур) и акт речевой деятельности (как индивидуальное психофизиологическое отправление, как интеллектуальное соединение субъективных и интерсубъективных ассоциаций в языковом сознании индивида, как построенный на этом соединении процесс языкового отбора). Но лингвистика — и стилистика, в частности,— вполне может ограничить нужные ей элементы этой связи порогом контекстной и конситуативной доказуемости, не опирающейся ни на что иное, кроме факторов языка — результата речевой деятельности, представленного данным высказыванием и его словесным окружением. Сама результативность уже не индивидуальна; она есть акция взаимная, венец совместных усилий говорящего и слушающего, т. е. основа для интерсубъективных позиций. На ее фоне можно говорить об относительной субъективности стилевых оценок языка, рождающих противопоставление слова «своего» и слова «чужого», в котором объективно улавливается лишь соответствие или несоответствие данного высказывания данной же ситуации.

Соответствие или несоответствие ситуации (прямое, косвенное, двойственное и пр.) есть признак истинной или мнимой принадлежности данного высказывания данному адресанту. О стилистической значимости этого противопоставления мы говорим потому, что средства языка, отбор которых прямо не обусловлен типической для данного жанра речи или данной сферы общения ситуацией высказывания, являются нейтральными, т. е. имеющими нулевое стилистическое значение. Значит, например, в цитатном приеме непременно участвуют единицы, содержащие положительные величины стилистического значения, которые обозначаются при их сравнении с нулевой величиной. И, таким образом, цитатный прием мы квалифицировали как использование наиболее очевидной, как бы первичной единицы «иного» стиля (из «сугубо специфического» стилевого пласта по Ю. М. Скребневу), потому что она есть прямое означающее данного означаемого. Т. е. включение в стилевой отбор, подготавливающий акт речи, цитаты — это уступка наиболее короткому пути и наиболее удобному способу постижения смысла высказывания. Поэтому для цитатного приема предметно-тематический состав высказывания имеет первостепенное значение.

Включение в стилевой отбор стилизованного элемента языка — это наоборот, потеря прямой связи с узкоинформативными задачами коммуникации. Оно представляет собой

окольный путь, идя по которому смысл высказывания получает новые экспрессивные приращения. И следовательно, главное отличие стилизации от цитаты заключается в ее ситуативных связях с высказыванием. Стилизуемое средство, принадлежащее другой ситуации, не адаптируется ситуацией данного высказывания, а получает возможность сыграть свою истинную роль, повторить ее в других условиях речевого общения и тем самым изменить (т. е. стилизовать) и сами эти условия.

Например, наиболее распространенный прием стилизации — исторический — переносит на текст одного времени, имеющего соответствующие стилевые приметы, выразительные средства другого времени, т. е. принадлежащие другому стилистическому узусу. Это и есть повторение роли, уже однажды сыгранной, и тем самым воспроизведение атмосферы уже состоявшегося когда-то спектакля: ситуации высказывания. «Связь времен» осуществляется отдельными элементами высказывания, противопоставленными современной употребительности. Попав в нее вместе с породившей их ситуацией, эти элементы, естественно, получают стилистическое значение. Оно раздвигает конситуативные рамки и тем самым углубляет информативное содержание высказывания, благодаря чему автор высказывания обходит синхронные границы стилистического узуса. Ср.: Город Ярцевск был *неведом* историкам. *Памятных* сражений здесь не происходило... Ходила легенда, что проезжал *некогда городом* великий государь Петр, но он *бранно* отозвался о местных жителях (В. Комиссаров, Старые долги). Из мемуаров: Строили его славные отечественные *зодчие* на том самом месте, где стоял когда-то старый горевший петровский *палац* (И. Дубинский, Большие киевские маневры); Отец Юрия Яковлевича Яков Зеленцов — когда-то подвизался приказчиком у одного из костромских торговцев. Скопив деньжат, *обзавелся собственным делом по торговой же части*. В период нэпа пустился во все тяжкие и — прогорел (из судебного очерка). В этом последнем примере социально-исторически стилизованные элементы вступают во взаимодействие со сниженно-разговорными средствами, широкоупотребительными и в настоящий момент, создавая нужную тональность повествования непринужденной, разговорной экспрессии. Так строится обычно типичный вид ч а с т н о й стилизации (не только исторической, но и жанровой, социально-территориальной и пр.), когда для выполнения экспрессивного задания может быть достаточно одного стилизованного слова, словосочетания или оборота: Я *учительствовала*... Преподавала русский язык и литературу в сибирской деревне Поповке, где начиналась моя самостоятельная жизнь и работа (рассказ учительницы о первых послереволюционных годах); Как ты не понимаешь... Это светлая личность! Да-да, именно *светлая личность. Он весь из XIX века* (из устной речи); Я еще помню, как Николай Александрович *держал корректуру* первого тома... (из устной речи); Это все равно как раньше *прокламации* были, по-тихому друг другу передают и шепчутся... (из устной ре-

чи); Наш Коля *проигрался* в пух и прах; сейчас уж так и не играют (из устной речи); Это *«но проблем»* уже и в наш язык проникать стало, уже и в Москве слышишь *«Нет проблем!»* *И жест чуть заморский*, владетельный, все и всяческие препятствия отметающий. Ну, не купеческий, разумеется, а современный, цивилизованный, эдакий ко взаимному удовольствию, когда все все понимают, на недозволенное не посягают и ни у кого никаких проблем (Г. Бакланов, Очерки о Кападе); Я не знаю ни одного здравомыслящего мужчины, который женился бы на такой девушке, более того, он даже с ней *«в общество»* не пойдет... (из газет).

Здесь стилизованный элемент в значительно большей степени отвечает не реальной исторической или другой внеязыковой (тематической) необходимости, а традиции языкового употребления. Это как бы невольная дань общей тональности всего композиционно-речевого целого. Поэтому эксплуатируемым оказывается именно стилистическое значение данного языкового средства с точки зрения данного стилистического узуса. Т. е. в исторической, например, стилизации участвует современное стилистическое значение из ряда: устарелое, высокое, торжественное и пр., а не конкретное языковое средство с этим значением [42]. Так, в примере из современной книги (Н. Эльяш, Авдотья Истомина) не историзм, отвечающий словоупотреблению эпохи, выступает как стилизованный элемент, а высокое архаическое слово [43]: В 1822 году она окончила школу и вступила в балетную

---

[42] Разумеется, мы не подвергаем сомнению эстетическую ценность исторической точности. Здесь речь идет не о правдоподобии, а об истоках экспрессии. Последняя может иметь место и в тех случаях, когда эффект от приема стилизации образуется благодаря ошибочной (т. е. некорректной с лингвистической точки зрения) интерпретации явления, например, подмены понятием слова и т. п. Ср. рассуждения читательницы «Литературной газеты» о том, что словарная помета «устарелое» влияет не только на употребительность слова, но и на общественную роль называемого им понятия: У нас издано немало хороших словарей, в каждом из которых можно найти определение слова *доброжелательность*. В старых изданиях его толкуют как проявление радушия, готовности всегда прийти на помощь, услужливости. В современных словарях границы понятия расширяются: *доброжелательный* — это тот, кто проявляет дружеское расположение, участие, приязнь к окружающим людям. Можно встретить в словарях толкование и других слов, определяющих качества, весьма уместные в повседневной жизни, такие, к примеру, как *обязательность*, *щепетильность*, *деликатность*. Но, должна признаться, я всегда испытываю чувство огорчения, когда возле некоторых из подобных слов встречаю в словаре поставленные в скобках дополнения «книжн.» или «устарев.», которые как бы признают отсутствие данного понятия в обычном быту. И слово из живого обиходного языка зачисляется в разряд академических, книжных выражений или признается устаревшим. А вместе с тем, как важны называемые этими словами качества, какую потребность мы испытываем в них каждый день!

[43] О различии архаических слов и историзмов см.: *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977, с. 158—159. Эту же роль могут выполнять экзотизмы (см.: *Павлов Б. Н.* Экзотизмы в поэтической речи.— В кн.: Языковые значения. Л., 1976), варваризмы и т. д.

труппу. А 19 февраля 1823 года у нее родился сын, *нареченный* Ираклием Никитиным.

Таким образом, суть стилизации — в подражании какому-либо стилю, когда такое подражание диктуется не столько информативной полноценностью (переходящей или не переходящей в экспрессию), сколько поиском более выразительного стилистического средства, чем то, которое, находясь на линии функциональных обязательств, данных стилем высказыванию, могло бы считаться узуально употребительным. Поэтому при осуществлении приема стилизации в главной роли и выступают контрастные стилевые средства. Обнаруживая разные виды взаимодействия или взаимоотталкивания, они свидетельствуют о внеязыковых и внутриязыковых ограничениях отбора единиц высказывания.

Прием стилизации, как и прием цитации, в высшей степени подвержен веяниям языковой моды, что составляет характерность всякого явления стилевого узуса той или иной конкретной социально-исторической эпохи. В наше время, например, как известно, моден так называемый стиль «ретро» (подражание 20—30-м годам в одежде, прическах, легкой музыке, танцах и т. п. и т. д.). Ему в какой-то мере отдает дань художественная литература, публицистика, а также разговорная речь интеллигенции. Активно восприняли этот стиль различные типы литературно-критической, художественно-публицистической речи. Ср.: Много пишут, спорят о документальности в литературе, в *кинематографе*, на театре;... волнение ощущалось в зрительном зале, когда *давали премьеру* — драму А. Салынского «Долгожданный»; Леонид Гайдай снял еще одну комедийную *ленту* (реминисценции 10—20-х годов) [44].

Характерно, что часто авторы, употребляющие устарелую с точки зрения современного стилистического узуса терминологию своей области знания в соответствии с реальной необходимостью изложения, стремятся достичь стилевого «равновесия» и берут реванш за счет современного словоупотребления, в частности образного, которое наиболее отчетливо несет на себе приметы времени: Литературное строительство Чарской — это *крупноблочное строительство*. Романы, повести складываются из блоков, уложенных в конструкцию всегда единую, с минимальными вариациями [45]; Горленко — типичные реакционеры, обыватели, *конформисты, как сказали бы мы сегодня* [45]. Эта уравновешивающая необходимость

[44] «...Материал проходит определенную обработку и припоравливается к некоему чрезвычайно быстро складывающемуся кинематографическому эталону — *„кинопьесе“ или „ленте“, как говорили тогда, „фильме“, как стали говорить в 20-е годы*» (См.: *Зоркая Н. М.* На рубеже столетий. М., 1976, с. 183). Ср. синонимическую ситуацию, построенную на разновременных дублетах, связывающую последние с вариантами их содержания: *«Иллюзион... Синематограф... Биограф... Кинематограф...* Просто *кино*. Все эти слова — суть синонимы. Употреблялись они в разное время и по-своему обозначают ретроспективное состояние искусства. Слово „кино“ соответствует его внешнему расцвету: тут и звук, и цвет, и широкий формат, и стерео...» (Г. Гулия. Тополя.— Юность, 1978, № 8).

[45] *Зоркая Н. М.* Указ. соч.

ретроспективной стилизации — еще одно свидетельство в пользу экспрессивной, а не только номинативной направленности данного приема в целом. Активизация же или, наоборот, ослабление употребительности отдельных его видов — явления условные, связанные исключительно с языковой модой времени. Искать, например, в употреблении социально-исторической стилизации закономерности внутриязыкового порядка нецелесообразно, потому что они занимают в стилистическом узусе определенного и ограниченного временно́го периода положение периферийное, точно так же как содержательно-тематический вид языковой цитации.

Синхронно-функциональная стилизация

К внутриязыковой традиции употребления этого приема значительно ближе синхронно-функциональная стилизация. Это подражание, состоящее в изменении говорящим состава данного высказывания соответственно изменению образовавшей его ситуации, т. е. в перенесении на него стилистических особенностей, свойственных типической ситуации другой речевой сферы, когда этого требует или содержательная или композиционная структура его собственного текста. Стилизация, как мы знаем, подразумевает наличие двух голосов в высказывании — собственно авторского и привнесенного, принадлежащего другому лицу или кругу лиц. «Свой» и «стилизованный» (чужой) голос могут находиться в разных взаимоотношениях. Более всего им, конечно, свойственно отчуждение. Но иногда здесь могут иметь место и обратные явления: усвоение, включение и т. д. В нехудожественном тексте все эти отношения выражаются использованием элементов другой (отдаленной или близлежащей) функционально-коммуникативной сферы. Для художественной литературы вопрос должен ставиться иначе, так как ей органически свойственно смешение стилей не только в масштабах высказывания, но и в структурных масштабах объемных отрезков связного текста (т. е., может быть, целого произведения). Не соседство разностильных элементов, расположенных на линии одного синхронного среза, создает в ней эффект стилизации, а перенесение стилистического оформления высказывания, свойственного одному типу речи, на типическое содержание другого.

Говоря о манере Зощенко, В. В. Виноградов писал: «[У Зощенко] получаются своеобразные литературные «пародии» или стилизации, имитирующие или комически воспроизводящие не только бытовые формы современного «просторечия», но и образы современного рассказчика, газетного сотрудника, писателя, полуинтеллигента»[46]. Т. е. в данном случае изменяется такой существенный компонент ситуации, как образ участников речевого акта. Этот прием в нехудожественной речи получает более широкое назначение: пародирование образа «автора» высказывания в общем смысле (т. е. отправителя коммуникативного высказывания), воплощаю-

[46] См.: *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М., 1971, с. 126.

щегося в языковой стилизации (имитировании, воспроизведении) не индивидуальных особенностей, а групповых навыков речи, действующих в определенной функциональной сфере общения. Языковая стилизация такого рода стягивает и конденсирует специфические черты того или иного речевого жанра этой сферы, что и формирует пародию, так как непропорционально редуцирует нейтральный фон текста. Собственно пародийные приемы входят в стилистический узус на правах составной части общего приема стилизации. Чаще всего она выполняет комическое задание (хотя поэтика отрицает прямую связь пародии с комическим заданием. Ю. Н. Тынянов убедительно доказывает это фактами литературно-художественных пародийных явлений в литературе прошлого столетия)[47]. Узуально-стилевая пародия комически воспроизводит те факты языкового употребления, которые являются стилистическими сигналами, т. е. отдельные «сугубо специфические» элементы того или иного функционального стиля, гиперболически и гротескно представленные (в нарушенных нормативных пропорциях их соединения с нейтральным языковым слоем). Пародийная стилизация может состоять уже из одного этого явления, так как оно утрирует стилевую специфику какого-либо речевого жанра или функционального типа речи и, значит, создает несоответствие «планов выражения и содержания», отражающее оценку обществом экспрессивных качеств элементов функционального стиля, оторванных от породившей его ситуации.

Ср. приемы пародирования шахматного отчета: «Итак, бой начался! Первые гамбиты уже отгремели. Вчера малабарский гроссмейстер Бррдру Гржуи впервые испытал горечь поражения: ему пришлось остановить часы в партии с пензенским мастером К. Ливайкиным, который блестящей жертвой качества плюс темп минус слон переиграл гостя, строившего свой стратегический замысел на вскрытии королевского фланга по ферзевой диагонали активной ладьей после рокировки туда-обратно (защита Пущовича)... Люксембургский шахматный лев Альфонс Фуэте предложил пичью москвичу Ал. Пузырькову, но замоскворецкий аналитик переиграл люксембуржца массированной пешечной атакой наскосок от белого слона...» и т. п. (Лит. газ., 16 IV 1976).

Перед нами пародирование специального текста, экспрессивно-образные стилистические средства которого освящены длительной и устойчивой традицией употребления в данном жанре речи. Поэ-

[47] Ю. Н. Тынянов писал: «Стилизация близка к пародии. И та и другая живут двойной жизнью: за планом произведения стоит другой план, стилизуемый или пародирующий. Но в пародии обязательна невязка обоих планов, смещение их: пародией трагедии будет комедия... пародией комедии может быть трагедия. При стилизации этой невязки нет, есть, напротив, соответствие друг другу обоих планов: стилизующего и сквозящего в нем стилизуемого. Но все же от стилизации к пародии — один шаг; стилизация, комически мотивированная или подчеркнутая, становится пародией» (*Тынянов Ю. Н.* Достоевский и Гоголь. К теории пародии.— В кн.: Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977).

тому они входят в стилевые навыки узуального характера, которые можно назвать если не общеколлективными, то групповыми во всяком случае. Отдельные приемы построения текста в этом жанре дали, соответственно, пищу и для устойчивой традиции их пародирования в любых других речевых сферах, благодаря чему произошел «эффект узнавания». Такой, скажем, прием, как щегольская изобретательность в разнообразии наименований одного и того же лица по штампованному набору признаков (национальность, образное сравнение, долженствующие подчеркнуть какие-то экспрессивные признаки характера шахматиста, фамильярно-интимная характеристика и пр.) был в свое время отмечен как специфический вид контекстной синонимии [48].

Чем шире круг функционально-стилевых примет пародируемого текста, тем проще строится само пародирование. Ср. специфику не узкоспециального жанра речи, а социального диалекта — например, молодежного или профессионального жаргона. В пародиях этого типа существует излюбленный прием: передача канонического содержания (ср. известное «Жил-был у бабушки серенький козлик»), которое уже не раз являлось материалом для шутливых трансформаций, новыми, т. е. в данный момент пародируемыми, словесными средствами. «Всю дорогу, со страшной силой хиляя по лесу, Серый Волк подклевался к колоссальной чувихе и потрясной Красной Шапочке. Та сразу усекла, что Серый Волк — слабак и задохлик, и стала толкать ему про больную бабушку. — Слушай, детка, прими таблетку, — сказал Серый Волк, — это все не фонтан, пшено, и не в жилу. — Отпад, — сказала Красная Шапочка, — Будь здоровчик! — Перестань метать икру, — сказал Серый Волк. — Брось лапшой кидаться, — сказала Красная Шапочка. Мимо прошел охотник. Он нес живую рыбу. — Ну, будь, — сказал Серый Волк. — Гуляй, пока тебя волки не съели, — сказала Красная Шапочка. — Вот это девочка, — подумал Волк и стал ловить тачку системы «Волга» (Лит. газ, 1. V 1964).

Именно такая пародия более всего отвечает понятию функциональной стилизации, занимающей в выразительном репертуаре современного языкового употребления достаточно широкое место. Подвергнутыми стилизации (т. е. перенесенными в иную сферу речевой коммуникации вместе с ситуационной обусловленностью «своего» высказывания) могут быть особенности любой функциональной разновидности речевого общения в зависимости от экспрессивных заданий той области, в которой эта стилизация осуществляется. Ср. фельетон «Как допускается порча хорошего настроения», стилизующий канцелярскую деловую речь (Лит. газ., 23. VI 1971). Приведем здесь только первый абзац: «Осуществив возвращение домой со службы, я проделал определенную работу по сниманию шляпы, плаща, ботинок, переодеванию в пижаму и шлепанцы и усаживанию с газетой в кресло. Жена в этот период

[48] См.: *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1955, с. 65.

претворяла в жизнь ряд мероприятий, направленных на чистку картофеля, подметание пола и мойку посуды».

С необходимостью «стилизовать одно языковое явление под другое» разные сферы общения, конечно, сталкиваются в разных масштабах и разных целях. Прием стилизации обслуживает, например, ролевое переключение социальных обликов участников коммуникативного акта, т. е. сосуществование в постоянном социальном облике носителя языка переменных величин — разных способов речевого поведения, и автоматического, и обдуманного — в зависимости от ситуативных вариаций. Это или стремление «подладиться» к речи собеседника, создающее ситуативно обусловленную речевую роль, качество исполнения которой зависит от способности говорящего отобрать нужные стилевые сигналы, или, наоборот, желание эпатировать собеседника. Вот отрывок из фельетона, отражающий последнее: ...«Одно из двух, — думала Зина, накладывая тон и растирая его подушечками тонких и сильных пальцев, — или он будет брыкаться и выпендриваться, или сразу подымет лапки кверху»... Зина вскинула голову и посмотрела в зеркало пудреницы, дунула, оттопырив нижнюю губу, от чего взлетела надо лбом лишняя пудра и непослушная прядь: «По коням!» Сегодня, когда на дворе сплошная эмансипация одних и феминизация других, сам бог велел неглупой девушке быть кузнецом своего счастья!.. Сергей открыл не сразу. Видно, он смотрел в глазок, гадая, кто к нему, и удивлялся и приходил в себя, узнав Зину: — Ты? — *Ага. Приветик. «Вы не ждали нас, а мы приперлися!»* — Мимо Сергея Зина прошла сразу к нему, скинула пальто на тахту, разгрузила сумку.— Это что? — спросил Сергей. — «*Старка*», — ответила Зина, — *белой не было*, — она поправила прическу. — *Тащи посуду и тарелки не забудь*... — Из трех отрезков речи героини фельетона, представленных в разных формах — внутренняя речь, несобственно-прямая речь и прямая речь,— лишь стиль первой реплики прямой речи есть результат стилизации (введения чужого голоса), соединенной с цитацией, тогда как разностильная амплитуда остальных отрезков вполне правдоподобно отражает характерологические стилевые средства этого персонажа.

Но это— «перевод» стилистических средств, рожденных одной коммуникативной функционально-ограниченной сферой действия языка, в другую в целях совмещения их ситуаций. Он необходим для осуществления многообразных видов общественного функционирования языка; т. е. здесь происходит «тотальное пародирование»: воспроизводится следствие другой речевой ситуации. Такая стилевая транспозиция вызывается к жизни и требованиями формального порядка — необходимостью представить разговорную речь в письменной форме [49] и книжную речь в устной форме («говорит

[49] Т. е., например, ситуации устной речи в прямой речи персонажей литературного произведения. Вот отрывок прямой речи из очерка Н. Ивантер «Девочка и учительница» (Лит. газ., 1976, № 49): «— Сами говорите... а сами? Вот те, Чернышевский там и другие, они разве так? Вы —

как пишет»). Эта необходимость, осознаваемая или неосознаваемая, существует во всех типах речи, не исключая даже канцелярско-деловых (ср., например, устное официально-деловое общение производственно-административного типа, стиль которого минимально деформируется благодаря отсутствию намеренных уступок устной форме, «снижающей» высказывание). Так как и для этой цели, и для любой другой стилизовать можно лишь «под стиль», стилизующим средством (сигналом стиля) является то средство языка, которое имеет стилистическое значение. Поэтому стилистическое значение и является ключевым понятием приема стилизации. Через варианты его эксплуатации проходит весь узуальный процесс стилевых взаимодействий как основа языкового употребления (при посредстве разных конкретных стилистических средств и приемов).

О стилевых взаимодействиях сейчас так или иначе упоминают все стилисты, но в разных терминах, с разных позиций, с разными намерениями и делая разные выводы. Упоминания эти сводятся приблизительно к следующему: стили взаимопроницаемы; в каждом стиле существуют иностилевые вкрапления; иностилевые вкрапления несут специальное экспрессивное задание; стилевой контраст есть непременное условие осуществления стилистического приема. Относя эти положения к разным объемам и содержаниям самого понятия «стиль», все мы, по сути дела, пытаемся осмыслить одно (и, действительно, кардинально важное) явление. Оно заключается в бинарном характере отношения стилистических средств высказывания к данной сфере общения, данной функциональной подсистеме языка, данному функциональному стилю.

Одни средства в этом смысле первичны. Без их участия не может быть осуществлена та главная функция общения, которая и явилась причиной подсистемного обособления указанных категорий в общей системе языка. Другие — вторичны. Они помогают осуществлению названной функции, способствуют наилучшему отбору языковых возможностей для этого осуществления, обслуживают широкий круг частных задач, сопутствующих данному виду общения. Эти средства генетически ему не принадлежат, т. е. они, соответственно, рождены главной коммуникативной функцией смежных или противопоставленных функционально-стилистических объединений. И действительно, в указанном виде общения они употребляются, как правило, со специальным экспрессивным заданием, тем более обостряющимся, чем дальше отстоит их подлинная стилевая природа от общего функционально-стилевого облика

если кто модно одевается и на личико ничего, с тем пожалуйста и разговариваете, и смеетесь, и на танцы, и в кино... А если кто на наружность не очень, или не такая способная, она уже для вас — вот как стенка эта, вы уже никакого внимания... А Достоевский там, Чехов, они — разве так? Для них — пусть хоть толстая, хоть какая, они все равно... Они...» — Люда задохнулась и умолкла.— В этом отрывке стилизованы наиболее легко воспринимающиеся в письменном тексте особенности устного синтаксиса, соединенные с элементами разговорно-нейтральной лексики.

высказывания. Однако это не значит, что «иностилевые» средства являются отдельными и необязательными вкраплениями в текст такого высказывания. Мы имеем здесь дело с регулярным свойством языкового общения: использовать все то, что обеспечивает наилучший результат языкового отбора, что отвечает наибольшей выразительности означающего в его отношении к означаемому. Таким образом, когда мы говорим об употреблении языковых средств в коммуникативном акте, следует разделять вопрос о процессе их отбора, о подготовке структуры высказывания — и вопрос о том, каков конечный результат взаимодействия отобранных средств. Тогда закономерности их соединения предстанут перед нами в виде узуально-стилистической реальности языкового употребления.

Содержательно-тематические, как и формальные, нужды любой сферы общения объективно таковы, что для их удовлетворения регулярно используется не только транспозиция отдельных стилевых средств одной коммуникативной среды в другую, но и ситуативно-речевая транспозиция в целом, т. е. перевод определенного способа речевого общения из одной ситуации в другую. Если он осуществляется при помощи лишь некоторых — сигнальных — явлений стиля, то сохранение целостности речевого типа, транспонируемого в другую конкретную внеязыковую ситуацию, оказывается мнимым, что имеет значение лишь для специфических видов эстетической стилизации.

Эстетически направленная стилизация разговорной речи

Стилизация — прием, в котором (по сравнению с цитацией) более отчетливо выражена эстетическая направленность. Хотя его задачи в составе художественного и нехудожественного текста разнятся своей конечной целью, что, как мы упоминали, не может не сказаться на объеме и характере отбора для него конкретных языковых средств, сам принцип взаимодействия своего и чужого во всех его сложных вариациях сохраняется и в художественной и в нехудожественной речевых сферах так же, как и способы фактического соединения этих элементов высказывания. Применительно к первой возможность разного соединения двух голосов — «своего» и «стилизованного» — не раз описывалась исследователями.

Художественная речь и объединяет основные виды стилизующего приема и одновременно показывает их различие. Она, во-первых, не может обойтись без стилизации в принципе и, во-вторых, способна стилизовать что угодно под что угодно. Применительно к ее эстетическим заданиям мы можем говорить о двух направлениях языковой стилизации. Одно из них — это собственно стилизация, т. е. подражание стилистическим особенностям высказывания, принадлежащего к определенной функционально-ситуативной сфере и перенесенного в другую функционально-ситуативную сферу для выполнения экспрессивного эстетического задания.

Другое — это формальное воспроизведение всего высказывания, т. е. перенесение его языково-стилистических средств в специфическую художественно-речевую ситуацию, которая моделирует общеузуальную речевую ситуацию аналогичного типа. С функциональной точки зрения (высказывание как результат речевой деятельности) эти виды могли бы быть противопоставлены друг другу, потому что внешний их результат различен и по форме и по объему. Но с процессуальной точки зрения (высказывание как сама речевая деятельность) они смыкаются, так как в основе обоих лежит имитация.

Сходство и различие этих видов нагляднее всего обнаруживает эстетически направленная стилизация разговорной речи в книжной (наиболее типичный материал дает прозаическая литература разных жанров — и собственно беллетристических и смежных с публицистикой). Обилие и разнохарактерность ее примеров отражает общественно-коммуникативную необходимость «широкого профиля», потому что разговорная речь — это источник двух мощных стимуляторов речевой экспрессии высказывания — устности и неофициальности. Стилизация первого из них порождает воспроизведение устного типа речи письменной формой. Стилизация второго — воспроизведение особенностей разговорного стиля, проявляющихся (теоретически) независимо от устной или письменной формы речи. Если разговорная речь стилизуется, то и в том и в другом случае объектом стилизации должен явиться разговорный стиль.

Еще несколько лет назад понятия «разговорная речь» и «разговорный стиль», их содержание, их взаимоотношения, их отношение к понятиям «функциональный стиль» и «форма речи (устная или письменная)», возможно, нуждались в обсуждении. Сейчас разработка всех аспектов разговорной речи продвинулась настолько далеко [50], что мы можем ограничиться напоминанием о тех положениях, которые важны для иллюстрации основных форм узуального использования стилизованной разговорной речи [51]. Одно из них

[50] См.: Русская разговорная речь. Под ред. Е. А. Земской. М., 1973; Русская разговорная речь. Тексты. Под ред. Е. А. Земской и Л. А. Капанадзе. М., 1978; *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис, ч. 1, гл. 1—5; *Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974; *Васильева А. И.* Курс стилистики современного русского языка, гл. 3 и др.

[51] Вопросам художественной стилизации разговорной речи посвящено глубокое и оригинальное исследование К. Кожевниковой «Спонтанная устная речь в эпической прозе». Отдельные ее положения, заслуживая самого пристального внимания стилистов и исследователей языка художественной литературы, непосредственным образом соотносятся с узуально-стилистической трактовкой взаимодействия языково-композиционных признаков художественной и нехудожественной речи. В частности, К. Кожевникова видит главную разницу между стилизуемым объектом и результатом этой стилизации в «коммуникативной ситуации». Художественное воспроизведение устной спонтанной речи есть ее эстетическое переосмысление, возможное благодаря переводу коммуникативной ситуации бытового общения в художественную коммуникативную

заключается в признании за разговорным стилем статуса функционального стиля, обслуживающего функциональную разговорную подсистему языка и, соответственно, разговорную сферу общения. Основное функционально-стилистическое противопоставление, таким образом,— это противопоставление разговорного и книжных функциональных стилей, а следовательно, разговорной и книжной речи как функциональных подсистем. На взаимодействии их стилистических средств строится регулярно действующая закономерность языкового употребления — стилевой контраст.

У термина «разговорный стиль» существует синоним — «сниженный стиль», который отражает экспрессивные качества функционально ограниченных особенностей разговорной речи. В ряду: в ы с о к и й — н е й т р а л ь н ы й — с н и ж е н н ы й с т и л и он не выводит разговорные средства за пределы литературного языка. А это не отвечает реальному положению вещей, так как стиль разговорной речи не представляет собой гомогенной категории [52] несмотря на то, что набор его стилистических значений характеризуется объединяющей сниженно-неофициальной направленностью. Внутренние градации разговорного стиля, состоящие в противопоставлении литературно-сниженного, обиходно-сниженного и просторечно-жаргонно-сниженного, дают возможность осуществления стилистических контрастов «местного значения», тем более, что в высказывании контрастные стыки происходят с непременным участием нейтрального фона. Однако неоднородный состав разговорного стиля не позволяет провести четкую границу не только между названными его слоями, но и между понятиями «литературное» — «нелитературное», когда дело касается языковой действительности наших дней [53].

Стилевая характерность современной разговорной речи проявляется главным образом за счет средств, группирующихся вокруг среднего «по сниженности» обиходного звена, и, следовательно, не так резко отрывается от литературной нормы, чтобы противостоять ей и тем самым образовывать еще одну оппозицию (книжно-литературный и разговорно-нелитературный стиль) помимо главной

ситуацию. См.: *Кожевникова К.* Спонтанная устная речь в эпической прозе (на материале современной русской художественной литературы). Прага, 1970. О стилях в разговорной речи см.: *Денисов П. Н., Костомаров В. Г.* Стилистическая дифференциация лексики и проблема разговорной речи.— В кн.: Русская разговорная речь. Саратов, 1970.

[52] В английском языке, например, современные исследователи выделяют свободный («разговорный») стиль — это функциональный стиль, у которого есть две разновидности: литературно-разговорная и фамильярно-разговорная. См.: *Кузнец М. Д.* и *Скребнев Ю. М.* Стилистика английского языка. М., 1960, с. 131—134.— Ср. с существованием стилистических различий (эмоционально-экспрессивных и функционально-тематических) внутри диалектов. См.: *Коготкова Т. С.* К вопросу о диалектной стилистике.— Учен. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, 1967, т. 197, вып. 13, с. 310 и след.

[53] См.: *Филин Ф. П.* Проблемы социальной обусловленности языка.— В кн.: Язык и общество. Тезисы докладов. М., 1966.

оппозиции: книжная — разговорная речь, остающейся в рамках литературного языка. Тем не менее усредненный экспрессивный потенциал разговорного стиля приближается к нелитературной границе и поэтому содержит контрастную стилевую насыщенность, благодаря которой именно ему отводится сигнальная роль при разговорной стилизации. Т. е. собственно стилевой сигнал разговорной речи — обиходность. Единицы сниженного обиходно-разговорного пласта, обладающие большим репертуаром эмотивно и функционально нагруженных стилистических значений, обнаруживаются здесь тем отчетливее, чем острее обозначается их противопоставление со стилизуемой коммуникативной сферой [54]. Это обстоятельство особенно значимо для одного из названных нами выше двух видов стилизации — «под стиль», потому что именно в нем стилистический сигнал должен быть особенно убедительным, в то время как сигнал формальной стилизации (т. е. воспроизведение особенностей устной речи) способен эксплуатировать и более слабо выраженное стилистическое значение сниженности, компенсируемое сопутствующими ей признаками: эмоцией, лаконичностью и пр.

Это положение объясняется спецификой стилистических значений разговорной речи, которые можно схематически разделить (с точки зрения их происхождения) на два типа: структурно обусловленные и самостоятельные [55]. И первые и вторые образуются соединением эмоциональных и функциональных элементов, характерных для экспрессивных качеств данной сферы общения. Но для первых функциональная прикрепленность — причина, а эмоция — следствие, тогда как для вторых эмоция — причина, а функциональная прикрепленность — следствие. Так, например, причина формирования многих синтаксических и лексико-синтаксических особенностей разговорной фразы, подробно рассматриваемых в новейших исследованиях (эллипсисы, инверсии, кажущаяся синтаксическая неупорядоченность, плеоназмы, своеобразные способы номинации пр.) [56], заключена в специфике неофициального (пре-

[54] Конечно, в плане оценочно-эстетического значения художественной прозы одинаково не вызывает сочувствия ни полное пренебрежение правдоподобием стиля воспроизводимой речи, ни намеренное утрирование этого «подобия», которое оборачивается неправдоподобием. Ср. хотя бы одну реплику из романа «Старые долги» В. Комиссарова: Ну и *даете*! — сказал потомок.— А что? — *На хрена* ты сюда *припер*, послушай, какую *бодягу* докладчик *развез*.

[55] См.: *Винокур Т. Г.* Разговорная речь и разговорный стиль.— В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Сб. 4. Горький, 1973.

[56] О. А. Лаптева, например, говорит о структурном статусе синтаксиса разговорной речи именно как устной речи (клишированные конструкции, слабооформленные конструкции, типизированные конструкции и пр.); см.: *Лаптева О. А.* Указ. соч., с. 120 и след. Е. Н. Ширяев — о специфических видах связи в высказывании разговорной речи как дани «устности» (см.: Русская разговорная речь. Под ред. Е. А. Земской, с. 318 и след.), О. Б. Сиротинина и Г. Г. Инфантова — об экономии и, наоборот, о плеонастичности и синтаксических и семантических языковых средств в раз-

имущественно бытового) устного общения. Усматривать в самой их структуре экспрессивное задание эстетической направленности еще нет никаких оснований. Но условия для такого задания создает регулярное использование этих структур не только в разговорной сфере общения. Т. е. для стилизации эти особенности выступают в качестве специального стилистического средства наравне с теми, экспрессия которых формируется, допустим, за счет самостоятельной эмотивной окраски сниженных пейоративных лексем или переносных значений слова[57]. Они становятся годными для выполнения специфически направленного экспрессивного задания, потому что в узуальном плане содержат такие качества, как усиление, динамика, лаконичность, экономность, сниженность и т. д.

В приеме стилизации, при их намеренном использовании вне «функциональной родины» в другой, стилизуемой же, коммуникативной ситуации, эти качества во много раз увеличиваются, и тогда их стилистическое значение выступает в наружной роли сигналов разговорного стиля. Достаточно оратору (лектору, докладчику) употребить какую-нибудь препозицию *что* с общим усилительным оттенком, вызывающую повтор, изменение порядка слов и т. п.: Давайте теперь посмотрим — *что эта теория, содержит ли она* рациональное зерно? — как стилизация под разговорный синтаксис готова и успешно выполняет поставленную оратором задачу — достичь непринужденного тона, благодаря которому его мысль будет легче понята аудиторией. Этот сигнал устности так же экономен, как сигнал сниженности, образующейся на контрасте одного элемента с общим нейтральным (или книжным) фоном письменной речи. Там, где имеется великолепный передаточный аппарат, но нечего передавать, — *дело,* конечно, *дрянь* (А. Луначарский. Основы художественного образования); На платформу республиканской партии... внимание обращено куда меньше, чем *на прикидку* сил двух соперников по процедурному вопросу (В. Кондрашов, Проба сил в Канзас-Сити); Он... *батрачил,* учился в школе, работал слесарем в МТС и никогда не помышлял о другой

говорной речи, связанных со спонтанным отбором (см.: *Инфантова Г. Г.* Экономия сегментных средств в синтаксисе современной русской разговорной речи. Автореф. докт. дис. Л., 1975; *Сиротинина О. Б.* Указ. соч., и т. д.).

[57] Тем более, что эта причинно-следственная связь для образования некоторых разговорных стилистических значений ясна не до конца. Ср. эллиптические конструкции типа: *Я ему — раз! Он мне — два!; Николай Иванович — на крик, она — в слезы...* и пр., стилистическое значение которых в равной мере покоится и на эмоции и на формальных особенностях у с т н о й речи. Трудно расчленимо и происхождение некоторых окказиональных стилистических значений, которые делают языковую единицу мощным стилизующим средством: Говорящий... желая *пообразнее* охарактеризовать кого- или что-либо, использует слова, тематически далекие от объекта оценки (из научного текста); У официантки тоже свой заработок. И от того, сколько *«наедят и напьют»* зависит заработок. И еще от «оборачиваемости посадочного места» (Л. Почивалов, Огни вечерней улицы).

работе (В. Дроздов и А. Евсеев, Мемуары. Это было в Киеве); В Лондоне к тому времени свободная цена на золото превысила официальную... тройная унция золота... *шла* по сорок долларов и выше вместо обычных 35 долларов плюс-минус несколько центов (В. Осипов, Пленники должника); Сейчас все отстроились, школа есть, больница. На пристани портальные краны стоят. Правда, клуб *паршивый*, но сейчас решили новый строить (из газет); Заметим, что расширенное толкование инфекционного процесса... заставляет *перетряхнуть* и некоторые методологические догмы медицины... (Знание — сила).

Как видим, стилизация «раскованных» примет неофициального стиля, господствующего в разговорной речи, отбирает такие сигналы, которые с равным успехом могут быть употреблены и в авторской речи, и в прямой речи персонажей, когда роль единичных стилизованных вкраплений выполняют самостоятельные средства стиля. Поэтому особый экспрессивный эффект дает прием в ы р а в н и в а н и я, который подчеркивает объединение планов авторской, несобственно прямой, прямой и внутренней речи, цементируемых вкраплениями. Ср.: Васильков в первый раз позвонил ему из своего нового кабинета, приглашая *так*, «*для порядка*», на новоселье.— Позвони к концу дня. Меня не будет. Оставь *адресок* новоселья секретарше, — неожиданно согласился Иван Семенович. — Больше никого не *обзванивай*. Я сам приглашу...» И заместитель управляющего повесил трубку (из фельетона); Его обожгла *мысль: паспорт*? Он *ухватился* за один карман, другой — нет. Так и есть. Забыл, *ах, это уже скандал*. Вдруг *нарвешься* на них? Шинель серая. Спросят — кто? Доктор... *а вот докажи-ка*! *Ах, чертова рассеянность* (М. Булгаков, Белая гвардия); Матрос держал себя вожаком и рисовался своей ролью. Ему нравилось задирать и пугать меня. И, развалившись в телеге, покусывая сенцо, он насмешливо и воинственно излагал свои мысли по поводу моего существования и существования *прочих тому подобных гадов* (О. Морозова, Одна судьба).

Успех стилистического средства, выступающего сигналом разговорной стилизации, зависит и от бесспорности его стилистического значения, и от способности приема, в который оно входит, служить вторичному, т. е. специально эстетическому заданию экспрессии. Вторичное задание (часто комическое) получают, например, описанные сейчас подробно исследователями модели номинации по произвольно выбранному внешнему признаку предмета, типа *В серой шубе не проходила здесь*? [58], на которых может быть построен сквозной прием целого произведения, тогда как в стилизации прямой речи этот прием — один из наименее употребительных. В юмористическом рассказе А. Арканова «Брюки из лавсана» главный персонаж называется *в очках*: *В очках* внимательно вы-

[58] См.: Русская разговорная речь. Под ред. Е. А. Земской, с. 413.

слушал потерпевшего... и сказал...; Ну, хорошо,— согласился *в очках; В очках* оживился... и т. д. [59]

Сквозной прием стилизации часто образуют уменьшительные имена, употребленные в стилистическом значении «ситуативно-бытовой вежливости», одном из наиболее отчетливых для разговорного общения [60]. Ср. пример из очерка в «Неделе»: Где-то около месяца назад я позвонил в одно учреждение. Попросил, чтобы его руководитель высказал свое компетентное мнение по одному вопросу. — Что ж, с удовольствием, — отозвался руководитель. — Мы тут изучим, подготовим — и вам ответим. Позвоните-ка через *недельку*. Интересно, кстати, как ласково, по-свойски обращаются со временем те, кто его на самом-то деле не слишком крепко уважает. Едва услышите это *через пару денечков* или *недельку-другую*, так уж знайте почти наверняка: вас подведут и своего расплывчато-умильного слова не сдержат. Что ж, я позвонил через неделю, и мне, конечно же, ответили, что через *пару денечков*. Через два дня руководитель учреждения опять же очень свойским, даже извиняющимся голосом пробасил: — Тут такая штука, понимаете... конец года... работы невпроворот. Давайте уж после Нового года. — Давайте. Урываю пару *минуточек* посреди писания... и звоню... и т. д. Мы видим, что на уменьшительности, во всем объеме его узуально закрепившихся стилистических значений, строится содержательный план данного задания. Оно не только служит основным сигналом разговорности наряду с менее отчетливыми указаниями на последнюю, но получает и «квазиязыковую» коннотацию (основанную на стилистическом значении): расплывчатая умильность говорит о «неуважении». Характер употребления уменьшительных образований, поставленных на службу сатирическому заданию, не преследует здесь чисто беллетристического требования «речевой характеристики», о чем говорит использованный и в данном случае прием выравнивания планов авторской речи (*Урываю пару минуточек*) и речи персонажей. И тем ценнее

---

[59] Заметим, что вне комического приема такой способ называния применяется обычно по отношению даже не к второстепенным, а лишь к эпизодическим персонажам, что обнажает его специфику (мимолетное, поверхностное выделение ситуативно бросившейся в глаза подробности). Ср. у Достоевского: *В черных бакенах* ухмылялся (Подросток). Стихотворный текст может и пренебречь этим правилом, сблизив подобную номинацию с обычной синекдохой. Ср. у О. Мандельштама: *И клетчатые панталоны / Рыдая обнимает дочь* (Домби и сын).

[60] Здесь мы говорим о явлении, принципиально обратном тому, которое отмечают авторы кн. «Русская разговорная речь. Тексты»: тот или иной факт по своей лингвистической природе не противоречит нормам разговорной речи, но не соответствует принятому языковому этикету («так говорить невежливо»); «правила вежливости накладывают свои ограничения на функционирование РР» (с. 11). Но есть и такие правила вежливости, которые свойственны именно разговорной речи и вне ее с точки зрения общеречевой культуры воспринимаются как стилистически ненормативные, почему и служат ярким средством экспрессии.

его свидетельство в пользу стилистического узуса, потому что отправная точка для дальнейшего развития эстетической роли данного средства — его функционально-речевая достоверность. Она решает самые разные частные задачи экспрессивного характера. Ср. сходный с вышеприведенными пример, где функционально-речевая достоверность, однако, выступает не как самоцель, а как начало пути к исполнению ими характерологического задания: Как же спорить, когда нам этого никогда не объясняли? — наивно возразила девушка. — Я думаю, что, например, *слоники* и *салфеточки* — это, конечно, имеет отношение... но это не главное. А что главное — этого... — Муть все это! — перебил розовый юноша... — Нет никаких мещан... (Л. Ковалева, Когда вырастают фикусы. — Юность, 1972, № 6). Связь такой уменьшительности с мещанской речевой характерологией устойчива и имеет длительную традицию отражения в литературе — ср. речь Наташи в «Трех сестрах».

Благодаря устойчивости узуального стилистического значения этого средства каждый прием его использования дает ощутимое расширение информации. Напр.: в повествовании от первого лица как характеристика женской речи: Я умылась, надела *халатик* и пошла к нему... дед с внуком спали (В. Каверин, Открытая книга); в комментарии от автора или от другого действующего лица: Если бы эта твоя женщина оказалась настоящим *человечком*, — Варя любила вместо «человек» говорить «человечек», — то мы бы с Петей охотно принимали ее в своем доме (И. Меттер, Люди) и т. д. Интересен пример многоступенчатой эксплуатации этого средства, например, в пьесе Л. Леонова «Обыкновенный человек». Уменьшительное образование непосредственно вслед за включением его в реплику (дань разговорному стилевому узусу) переносится в ремарку: [Реплика:] — Вот *яблочко* берите, так. [Ремарка:] И подпрыгнула. *Яблочко* покатилось на пол с ее колен. Здесь выполняется экспрессивное задание иронического остранения, эксплицируется авторское отношение к говорящему — случай довольно редкий в драматургии.

Специального внимания в разговорной стилизации заслуживает роль интимизирующего приема, когда он строится на смысловых штампах-конденсатах. Они — результат сверхактивного развития в разговорной речи процесса семантических стяжений, благодаря которому возникают экономные знаки плана выражения, соответствующие достаточно объемным и расчлененным элементам плана содержания. Эти средства, отражающие содержательно-тематическую специфику разговорной речи, представляют собой одно из характернейших явлений стилистического узуса. Современный русский язык (как, по всей вероятности, и любой другой) использует для него ресурсы разговорного стиля, создающего упомянутой спецификой наиболее благоприятные условия для семантической конденсации, которая соединяет в себе структурные и стилистические факторы. Непереводимые адекватно, эти штампы воспринимаются членами данного говорящего коллектива как условные знаки

времени, наполненные такой содержательно-ситуативной «начинкой», которая имеет коммуникативную значимость лишь в относительно короткий исторический период развития языка и действует лишь в относительно ограниченной сфере общения с ограниченным видом взаимоотношений участников речевого общения.

Ср., например, использование глаголов, которые выступают как представители обширной группы стилистических средств, оформляющей ряд стилистических приемов (в частности, эвфемистический вид «эффекта уклончивых слов», образный стилевой прием, отдельные типы оценочных приемов и пр.):

организовать: от *организуй нам чайку* — до *организовать заседание*; от отсутствия распространителя — до возникновения новой сочетаемости: Ну, ты *организуй* ему *три экземпляра..*; *Организуй* ей это *платье,* наконец, она ведь тебя замучает; Ну, пусть там *организуют купить* (о книге, которую трудно приобрести). Эти средства используются для такого типа стилизации, который подчеркивает сближение современной речи с деловой через так называемую обиходно-деловую речь (термин В. В. Виноградова): Создам тебе положение и пенсию, — смеялась лягушка. — И люди ничего не скажут. *Организую. Так, кажется, сейчас у вас принято выражаться...* (Б-ка «Крокодила»); Меню нам перепутали... принесли карточку за вчерашний «рыбный» день; потом новую принесли, а там, наоборот, жареная севрюжка пропущена, хотя Катя сказала, что на кухне есть и что она может *организовать* (из газет);

разобраться: Будучи трезвой реалисткой в жизни, Уварова любит искусство припомаженное, так сказать лакировочное. Федя смеется: чего спорить о пьесе, она уже поставлена в московском театре. Уварова удивлена, записывает в свой блокнот: «*Надо разобраться*». В этом «*разобраться*» выражается ее гибкость и динамичность как руководителя нового типа, чуждого самодовольной ограниченности (из рецензии на кинофильм «Прошу слова»); Начальство скажет *разобраться*, и на том все дело кончится (из газет). Также ср. новую сочетаемость (управление с творительным-распространителем): *разобраться с кем-то, с чем-то: Разберитесь*, наконец, *с* этой *заявкой.*

Аналогично стилистическое значение и других глаголов: *высказываться* ‘делать какие-то неуместные критические замечания, говорить то, что неодобрительно воспринимается слушателями’: Ну, хватит, *высказался и довольно*; *Да перестань высказываться*, сами понимаем, что не успели . . . ; Она *обожает высказываться, чуть что не так — она не пропустит* . . . (в этом же значении и в сходных контекстах употребителен глагол *выступать:* Ну, она если *начнет выступать, ее не остановишь...*; Да *что ты выступаешь, ты лучше сам возьми и вымой* [*посуду*]); *отмечаться* ‘соблюдать формальную вежливость, проявлять внешнее внимание Ты к ней хоть заходи, *отмечайся, а то она обижается;* Я позвонил, *отметился, как говорится,* так что все в порядке; *возникать* ‘предъявлять необоснованные права, спорить, привлекать внима-

ние к своей личности': Если они мне откажут, *я начну возникать*; Чуть что — *он сразу возникает*, *лезет в бутылку*; *устроить* (в сходном значении с глаголом *разобраться* и с теми же вариациями сочетаемости): *устроить пальто* (т. е. помочь купить, сшить и пр.), *устроить* к этому *мастеру* (в ателье, парикмахерской), устроить «вообще»: — Привет! — рокочет в трубке ласковый баритон какого-нибудь Семена Семеновича. — Придет к тебе человек, понимаешь, от меня. Так ты ему *устрой* это самое... Понимаешь? (Б-ка «Крокодила») [61]; *пристать*: Бабушка предупреждала всех молодых женщин, появлявшихся у нас, о серьезной опасности: к ним могли «*пристать*». И этот термин приобрел в моих глазах таинственное и зловещее значение... Что он значил, я не имел понятия, но мне было ясно, что это «пристать» — нечто чрезвычайно страшное, смертельно опасное (Л. Успенский, Записки старого петербуржца); ср. эвфемистические вариации на лирико-романтическую тему: — Мы долго спорили: брать или не брать [в поход] девчонок... Решили все-таки взять одну, от многих — много шума. Выбрали мы тебя, Лаврук. Ты самая выносливая из девчонок и... ни с кем из нас не *дружила*. Как товарища женского пола. Извини, если выражаюсь грубым штилем... — Почему Славка сказал, что она, Люся, ни с кем не *дружит*? Что такое дружба с одноклассником? Какая она должна быть? О чем говорил, о какой *дружбе* Славка?.. Разве это не дружба — сделать счастливым другого? Какой же она должна быть? Может, он говорил о *любви*?.. (А. Ткаченко, Озеро беглой воды);— А ты разве не легкомысленная? С братом Петром чуть не год *переписывалась*, а теперь познакомилась с этим инженером... (из современного киносценария); Нет-нет она с ним *встречалась*, *переписывалась*, у нее точно с ним...; Они уже год как *встречаются*, и ни с места. Разборчива очень (из газет).

Конвенциональность такого употребления позволяет некоторым глаголам иметь минимальный контекст для «опознания»: Павлик вчера *вышел* (на работу, после отпуска, болезни и пр.); *прийти — уйти* 'быть мобилизованным — демобилизоваться': — Ну вот хоть в новом году можно будет сказать: Гоша на следующий год *придет*... — Да... Ведь дни и минуты считаем.— Подумать только! Ведь только *ушел*; а уже считаете... Вот ведь что значит мать (из устного диалога); Ребята *приходят*, а в колхозе не остаются (из газет); военное *затемняться*, т. е. опустить шторы, предназначенные для светомаскировки: Я торопливо *затем-*

---

[61] Интересно, что далее в фельетоне сопоставляется значение этих двух слов: «Нигде так часто не раздаются такие звонки, как в отделениях милиции или в районных прокуратурах. Нет, в этом случае не заявляется прямо: там у вас, понимаешь, наш человечек... Так вы *устройте* ему это самое... одним словом, чтоб сухим из воды вышел. В этом случае говорят уклончиво: Разберитесь! См.: *Глотова И. П.* К вопросу об универбации.— В кн.: Вопросы стилистики, № 12. Саратов, 1977, где идет речь об общеязыковом, а не функционально-стилевом употреблении конденсатов.

нился, зажег свечи (Л. Успенский, Записки старого петербуржца).

Конвенциональное употребление метонимического характера (т. е. конвенциональное стилистическое значение — эвфемистическое, интимизирующее, шутливое и пр., заключенное в «образный» прием) весьма характерно именно для слов, которые называют широкоизвестные, близкие говорящему коллективу общественно-бытовые понятия. Поэтому регулярно стилизуются и именные разговорные номинации с указанным выше стилистическим значением: Петра Ивановича сегодня вызывали к *руководству*; Это очень хорошая *постановка* (безразлично — о драме, опере, балете, даже о фильме); Они поехали *дикарями*; Если ей за 35, или пуще того за 40, какие у нее *перспективы*? (Л. Кузнецова, Право на разборчивость). Ср. такой диалог между двумя молодыми женщинами: Ну, ты как? — Да совершенно без *перспектив* (т. е. нет на примете жениха); Студенты поехали на *картошку*; Собрал все *бумажки* и пошел *оформляться* [на работу]; Его прямо манит *улица;* Без *знакомства* на этот спектакль билетов не достать; Провели два собрания *для галочки* и все (из газет).

Основа подобных словоупотреблений — эллипсис и образ. Поэтому к нему можно отнести и словесные клише эмоциональных реакций, которыми мы ранее иллюстрировали слияние стилистического средства и стилистического приема: *Да чего там*!, *Ну, это вообще*!, *Извини-подвинься*!, *Сам дурак*!, *От такого слышу*; *Спроси чего-нибудь полегче*; *За мной не пропадет* (жаргонный вариант: *не заржавеет*); *Ну уж прямо*![62], Они действовали по методу «*а ты кто такой*?» — есть такой способ, старый и проверенный, очень удобный в том случае, когда нет охоты вникать в истинное положение дел (из газет); Несмотря на краткость формулировки, они довольно точно выражали свое отношение к миру: *А ну их всех*! Родителей, учителей... всех тех, кто так или иначе пытается на них воздействовать (из газет). В фельетонах очень употребительны образы: «*С ума сойти платье*»,— говорила все время она и *сошла;* одноглазый шахматный любитель в *с ума сойти очках*...; Это были *с ума сойти задвижки*, наверное, только в

[62] См. уже цитированные выше работы В. Ф. Киприянова. Некоторые из этих клишированных эмоциональных реакций перерастают, по аналогии с «именем ситуации» (термин Л. А. Капанадзе), в экспрессивное имя ситуации: Бутылочка для гостя, без подвоха и без намеков предложенная, являла собой стиль отношений, была ритуальной, как пароль, как «*привет, старина*!» между людьми одного круга (из газет). Ср. характерное наблюдение английской писательницы: ...Она переваривала в себе избитые, как детские считалки, слова и фразы: критические моменты жизни принято отмечать определенными, довольно стереотипными выражениями: *Ах, первая любовь*!.. *Старость — не радость*!.. *Брак — это компромисс... Увы, где моя молодость*!.. *С любовью не шутят*!.. *Это мой первенец, сами понимаете* (Дорис Лессинг, Лето перед закатом — пер. с англ.). Разумеется, выбор того или иного из этих освященных временем штампов зависит скорее от социальной среды, которая близка говорящему, и от непосредственного окружения, в котором он в данный момент оказался, нежели от его личных качеств и эмоций.

каком-нибудь Сан-Суси есть такие задвижки на золоченых дверях (из газет). Так же регулярно употребляются для стилизации под разговорный стиль пресловутые оценочные шаблоны: *Ничего*; *Нормально*; *На троечку*; *Вот это кино*!; *Порядок*; формулы и пр.: *Я — за*!

Весь этот выразительный инвентарь разговорного общения характерен именно для обиходно-разговорной речи, так как содержит квинтэссенцию неофициальной сниженности (непринужденности, фамильярности) — дифференцирующего признака стилистических значений разговорного стиля, почему и служит основным средством его стилизации. Подобный инвентарь находит концентрированное применение главным образом в стилизуемой под разговорную речь прямой речи персонажей художественного произведения. Его автор должен выполнить задачи образного воплощения типических особенностей разговорной речи в целом, согласно тому, как преломляется в его творческом опыте языковая традиция эпохи. Общелитературная норма не может воспрепятствовать свободному вводу и соединению разностилевых (литературных, диалектных, жаргонно-просторечных и пр.) элементов в прямую речь персонажей. Ее стилистические характеристики, проявляющиеся в основном в лексике и фразеологии, целиком связаны с социально-эстетическим осмыслением речевых примет среды, изображаемой автором. С этой точки зрения сейчас практически не существует причин, накладывающих «вето» на применение элементов той или иной области языкового употребления в художественной литературе, т. е. на ее стилизацию в эстетических целях. Поэтому современная литература дает такую картину речевого разнообразия, которая приближается к реальному современному узусу, т. е. показывает социальное (возрастное, профессиональное и пр.) расслоение языка, само по себе очень красноречивое с точки зрения образно-типологических, обобщающих и в то же время конкретизирующих художественных средств.

Известно, что в индивидуальных речевых характеристиках персонажей художественного произведения непременно заложено преувеличение, «типическое обобщение». Отказ от них (какой имеет место в тех произведениях, которые строятся не на различии, а на сходстве речи автора и речи героев) поэтому мог бы означать желание максимально приблизить художественную прямую речь к бытовой. На самом же деле он бывает обычно вызван тенденцией прямо противоположной — сближению не с реальными особенностями живой разговорной речи (так как на этом пути легко утрачивается различие между реалистической типизацией и натуралистическим фотографированием), а с литературно-обобщенным, «усредненным» заменителем этой речи, «принятым к исполнению» как эталон стилизации. Эстетический успех этого предприятия зависит в определенной мере от мастерства писателя, способного облечь идею в адекватный языковой материал.

Для автора художественного произведения прямая речь — это в любом случае речь «других людей», а не своя собственная. Если в авторском повествовании опора на собственный речевой опыт — явление экспрессивно нейтральное и регулярное, то в прямой речи оно может быть расценено или как недостаток мастерства, или как специальное художественное задание. Следовательно, такую прямую речь нельзя рассматривать вне объективной зависимости от воспроизводимых ею реальных типов языкового общения. В то же время эта непосредственная зависимость распространяется лишь на внешние, строевые признаки прямой речи, тогда как ее экспрессивно-стилистическое наполнение подчиняется скорее всего задачам художественно-речевой типизации. И таким образом, объединенные (и структурные, т. е. зависящие от устной формы, и собственно стилистические, т. е. изначально принадлежащие разговорному стилю) свойства прямой речи в составе художественного текста обуславливаются в равной степени, но с разной мотивировкой, и принципами специфически художественной, и принципами общелитературной нормы языка.

Обобщенное представление о стиле современной разговорной речи с точки зрения ее соответствия или несоответствия литературной норме выражается в том, что необходимость стилизации художественного диалога под этот стиль воспринимается иногда как центральная задача произведения (а не только средство к ее достижению), которая выводит на первый план социально-групповой принцип речевых характеристик персонажей, но не индивидуально-психологический.

Ср., например, комедию М. Рощина «Старый Новый год», которую можно было бы назвать комедией социальных характеров. В ней автор дает особую волю своей явной склонности к созданию «речевой вывески», равной социальному характеру. Разговорная стилизация прямой речи персонажей построена здесь на бьющем через край обилии очень точно воспроизводимых черт просторечно-обиходного общения, с одной стороны, и литературно-обиходного — с другой [63].

Обе стилизуемые манеры речи в высшей степени экспрессивны, но их экспрессия создается разными языковыми средствами. В первом случае — это соединение нелитературных, непормированных элементов старого мещанского просторечия (*не боись*; *навроде б так*; *ниверситет*; *пианина*; поглядит кто-нибудь *ай нет*?; *кликните* Клаву; *ездют не плативши*; белое все, *чисто* больница; иди к *мамке*; *принесть* и пр.) с элементами современного профессионально-обиходного словоупотребления, т. е. «нового» просторечия — в его экспрессивной функции по отношению к литературной норме [64] (*склады*, *в ажуре*, *инженера*, *калымчик*, *мозговать*,

[63] См.: *Баранникова Л. И.* Просторечие и литературная разговорная речь.— В кн.: Язык и общество. Саратов, 1977.

[64] Здесь очень точно отражаются явления, на которые указал Ф. П. Филин: столкновение двух видов просторечия и сближение второго (речи лиц,

взять — вместо *купить, пацан, дураков нет за всех отвечать* и пр.), с модным в городе же жаргонным оттенком (*оторвать* — ‘купить’, *кончай* — ‘прекрати’, *класс* — т. е. ‘по моде, хорошего качества’, *чокнутый, обмыть* — ‘выпить спиртного по случаю какого-нибудь события или приобретения’, у меня полторы-две тысячи в месяц *нарисуется* и пр.). На это соединение накладываются канцелярские штампы как отражение большой роли средств массовой коммуникации (радио, телевидения, печати и т. д.) в формировании разговорно-речевых навыков общества. Ср.: *В связи с заслуженным отдыхом играл бы в шашки* на бульваре; Брось, Петр, не *ершись. Ввиду вышесказанного*; *по репутации авторитета*; раньше... *без машинок чистили. В силу причин.* А отошедший от речевых навыков своей среды студент выступает в роли метаязыкового резонера, презрительно поправляя режущие его слух неправильности («*Аге́нтом* надо говорить, а не *а́гентом*»; «Не *торшерт* надо говорить, а *торшер*»; «*По принци́пу*! *По́ртфель* еще скажите!»). Во втором случае словесный репертуар совсем другой. Его основа — разговорная литературная речь, насыщенная модной терминологией культуры XX в. (*конформизм, биосистема, аборигены* и пр.). Ср. такую реплику: Человечество переживает *глобальный стресс. Автоматизм, стандарт, отчуждение, некоммуникабельность.* Как прав был Руссо! Природа, природа, естество... К ним! К ним!

Мы видим, что художественная стилизация прямой речи представляет собой подражание современному разговорному стилю в его разных социально-жанровых разновидностях, которое лишь своей внешней (графической) формой и своими масштабами отличается от разговорного снижения литературного текста вообще. В драматургии, например, имеет место естественное преобладание прямой речи, которая есть не что иное как «принудительная» языковая стилизация в широком смысле, т. е. стилизация (воспроизведение) естественной разговорной речи[65]. Принятые драматургом правила игры, согласно которым следует вложить свой голос в чужие уста, требуют опоры на обширный, многообразный и подчас вовсе не свойственный ему самому языковой опыт. Этот опыт формирует закономерности коллективного применения выразительных средств.

недостаточно овладевших литературным языком) с полудиалектами. См.: *Филин Ф. П.* О структуре современного русского языка...

[65] Стилизация художественного (и в частности драматургического) диалога под устно-разговорный — обширная и самостоятельная тема, которую мы не затрагиваем еще и потому, что ей специально посвящены новейшие исследования. См.: *Полищук Г. Г., Сиротинина О. Б.* Разговорная речь и художественный диалог.— В кн.: Лингвистика и поэтика. М., 1979. Проблемы же драматургического диалога как художественно-речевой структуры, отражающей индивидуальный стиль писателя, см.: *Борисова М. Б.* Слово в драматургии М. Горького. Саратов, 1970; *Она же.* Семантика слова в драматическом диалоге Гоголя и Фонвизина.— В кн.: Вопросы стилистики, вып. 5. Саратов, 1972; *Она же.* Искусство диалога в драматургии А. Н. Островского.— В кн.: Вопросы стилистики, вып. 9. Саратов, 1975.

тельных средств языка в современном писателю обществе. Конечно, композиционно-речевая специфика драматургического произведения в наши дни претерпевает существенные изменения, и в соотношениях «общелитературные выразительные средства — их эстетический отбор» и «авторская речь — прямая речь героев» происходят сдвиги. Однако несмотря на них разговорная речь здесь представляет собой главное «стилизуемое» средство [66].

Стилизация устной речи в письменной форме

Когда цель стилизации — не имитировать непринужденность разговорного общения, а дать подобие устной разговорной речи в письменном тексте, — то указанные сигналы разговорности, как правило, оказываются недостаточными. В составе, например, художественного текста прямая речь есть всегда воспроизведение не только чужой, но и устной речи. Поэтому основа ее стилизации — неизбежная необходимость воспроизведения особенностей устного звучащего высказывания. Имея самые разнообразные тематико-содержательные и стилистические варианты, прямая речь формально призвана имитировать одно и то же: структурные особенности высказывания, которым оно обязано преимущественно его устной реализации. Эти причины и, следовательно, этот вид стилизации разговорной речи не менее показателен для межфункциональных свойств стилистического узуса, чем первый.

---

[66] Мы не говорим о случаях, когда изображение прямой речи не сопровождается стилизацией. Задача воспроизведения реальных примет устной речи в том или другом тексте может быть поставлена как второстепенная или вовсе не поставлена. Понимание и, следовательно, исполнение этой задачи связано с жанровой принадлежностью текста, со степенью авторского мастерства и с его композиционно-стилевыми особенностями. Типологического сходства в широком объеме мы были бы вправе требовать только с точки зрения получателя-исследователя и только в художественно-беллетристическом произведении чистого вида, где воспроизведение разговорной речи самым прямым образом связано с эстетической экспрессией или характерологией. Но даже и здесь можно натолкнуться на обратное явление. Ср. такой текст: *Вот как нельзя по первому знакомству составлять мнение о людях,*— подумал Назаров, которому Долговушин не понравился с первого взгляда,— *считал его человеком себе на уме, а оказывается он вот какой. Просто я еще не умею разбираться в людях, у меня еще нет должного подхода...* (Г. Бакланов, Южнее главного удара). В нем нет и намека на стилизацию разговорной речи. Ее функции заменяет «формальное» цитирование соответствующей реплики. Тем более не следует непременно ожидать правдоподобного отражения разговорности в репликах прямой речи от полубеллетристических газетных жанров — фельетона, очерка и пр. просто потому, что это отражение диктуется содержательной, а не специально-стилистической или композиционной задачей словесного творчества (не говоря уже о любом другом тексте — информации, статьи на производственно-общественную тему и пр.). См.: *Полищук Г. Г., Машкова Е. В., Китаева Т. В., Кучинская Т. И.* Некоторые особенности художественного отражения разговорной речи.— В кн.: Вопросы стилистики, вып. 11. Саратов, 1976, с. 22—36.

Воспроизведение устной речи основано на особых условиях стилизации по сравнению с воспроизведением неофициально-сниженного (разговорного) стиля. В нем существуют свои негласные, но достаточно жесткие правила, закрепляющие традиционную совокупность приемов, благодаря которым допуск тех или иных особенностей разговорного общения в его художественный эквивалент получает известные ограничения. Для анализа этих ограничений необходимо проводить прямые параллели между структурными признаками речи персонажей в художественном тексте и структурными признаками живой разговорной речи их современников [67].

Столкнувшись с этой процедурой, исследователь не может не заметить наличия определенных закономерностей, своего рода условных запретов или условных одобрений того или иного приема воспроизведения живой разговорной речи; легкости или трудности, возможности или прямой невозможности осуществления такого приема в художественном тексте и пр. Этому можно дать двоякое объяснение. Во-первых, в достоверном перенесении точного смысла устного высказывания на бумагу существует реальная техническая затрудненность. Ее создает или неадекватность интонации и знаков препинания, или малая информативность разговорной фразы (т. е. необходимость «искусственного» ее увеличения, которая снижает правдоподобие), или неэкономность «разбросанного», грамматически слабо оформленного высказывания и т. п. Иными словами, причина здесь заключается во внешнем различии и несопоставимости «планов выражения», письменной и устной форм речи [68]. Во-вторых, характерно *отсутствие осознания* теми, кто стилизует прямую речь под разговорное высказывание, *этих особенностей*, т. е. той степени его глубины, которая позволила бы, оценив экспрессивно-стилистическую роль подобных явлений, использовать их в качестве стилизующего средства. Ни тот, кто пишет, ни тот, кто читает, не могут слышать всего, что составляет подлинное своеобразие разговорной речи по сравнению с книжной и устной по сравнению с письменной. Они создают и воспринимают ее *подобие*, конструируемое при помощи незначительного количества приемов, репродуцирующих «разговорность» в книжную сферу. Поэтому мы гораздо чаще встречаем в книжном (и в частности, художественном) тексте стандартный набор средств, за которыми как бы закреплено право имитировать спонтанный характер высказывания, рассчитанного на зрительно-слуховое восприятие, чем натуралистическое изображение этой спонтанности.

---

[67] См.: *Журавлев А. П.* О некоторых отличиях живой разговорной речи от стилизованной.— В кн.: Русская разговорная речь. Саратов, 1970.

[68] Ср. письменное отражение звуковой стилистики, о котором шла речь выше. См. также: *Малышев С. Т.* Стилистические ресурсы письменной формы русского литературного языка.— В кн.: Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков. Киев, 1977.

На характере нормативно-художественных ограничений, уже упомянутых выше, сказывается зависимость от рода литературного произведения. Например, для «обрамленной» прямой речи в прозе и для «самодостаточного» диалога в драматургии они различны. Также очевидно, что в поэзии действуют иные нормы и что стихотворное подражание разговорной речи, если оно вообще имеет место, стоит совершенно особняком по отношению к прозаическому. Тем не менее в судьбе ряда структурных особенностей разговорной речи при их репродукции в прямую речь литературных персонажей легко увидеть и общность. Очень нагляден в этом смысле пример тех значимых стилистически структурных свойств разговорного предложения, которые обусловлены ситуативно. Сюда можно отнести и отдельные виды эллипсиса, и особенности актуального членения, и интонационно-синтаксические фигуры, связанные со спецификой номинации, со структурой диалогического единства и т. д.

Так как стилизация — это перенесение стилистических особенностей высказывания, рожденных одной коммуникативной ситуацией, в другую, но сконструированную по ее подобию, ситуативная обусловленность структуры разговорного высказывания значительно труднее адаптируется к письменной форме, чем контекстная. Поэтому такие структуры гораздо реже выступают в качестве стилизующего средства. Ср., например, сжатый до информативного минимума ситуативный эллиптизм типа «*сюда ... сырку ...* (говорящий зовет своего спутника зайти в магазин, мимо которого они проходят, чтобы купить сыра); или какой-нибудь случай мнимой грамматической самодостаточности, когда информативная ценность высказывания без опоры на ситуацию равна нулю: «*Ты с этими плавками не вылезай!*» Конситуация, родившая это высказывание, позволила в конкретном зафиксированном случае определить его смысл следующим образом: «Не суйся, не навязывайся, у него и так плавки есть (чтобы выкупаться — речь идет о приехавшем на дачу госте), а то неудобно, он может подумать, что его плавки плохие (некрасивые, немодные и пр.) и что ты поэтому ему (как с барского плеча) предлагаешь свои ...» и т. д. и т. п. Как видим, подтекстная часть высказывания здесь весьма внушительна. Во всем диалоге слово *плавки* было произнесено однажды. Содержание данного высказывания целиком вытекало из внеязыковой ситуации, несмотря на разговорную общеупотребительность метафоры *вылезать* (‘сказать что-нибудь некстати’), в этом случае, правда, осложненную метафорическим же значением глагола *лезть* ‘вмешиваться не в свое дело’.

Даже самые поверхностные наблюдения подтверждают малую употребительность подобных структур в художественной прямой речи, чему причиной неравенство бытовой (первичной) и повествовательной или сценической (вторичной) ситуаций. Характерный для нее путь воспроизводства устных особенностей говорения — это тяготение к стереотипам, клише, устойчивым словосо-

четаниям, моделирующим конструкциям. Чем более стабильными они оказываются, чем больше легализуется их семантическая самодостаточность, тем яснее обозначается и их сигнальная роль, способная выдержать перемену ситуативной декорации.

Возьмем для примера хотя бы случаи эллипсиса. Наиболее употребительным средством устно-разговорной стилизации (беспроигрышным и экономным) выступают эллиптические конструкции, которые обладают минимальной конситуативной зависимостью. Особенно четко выполняет стилистическое задание такой прием их использования, который, несмотря на информативную определенность высказывания, содержащего указанную конструкцию, оставляет получателю ощущение эмоциональной недоговоренности, возможность индивидуально-субъективного ее восполнения [69]. Ср.: — Постой, дед, *ты про Дуньку* хотел? — *К ней и веду* [разговор] (Ю. Нагибин, Хозарский орнамент); — Черт, ведь *записку надо!* . . — Не извольте беспокоиться: имеем приличную бумажку-с . . . (Л. Успенский, Красные шапки); Давайте доноров. *Будем прямое переливание.* — Прямое? — переспрашивает сестра (Л. Борич, С утра до утра); Сынок, хворая я . . . радикулит, гад такой. *Посоветовали* мне тут *змеиным ядом,* а у нас его нету (В. Шукшин, Радикулит); — Вы же сами говорили, что речь может пойти даже об уголовном деле. — Но мы *не могли по первому сигналу!* (из фельетона); . . . Так тянет в парк, на танцплощадку, и *чтоб в чистом наглаженном платье!* (И. Стрелкова, Берег далекой реки).

На разных вариантах такого экспрессивного эллипсиса построена, например, вся стилистика повести В. Тендрякова «Весенние перевертыши». Ср. несколько примеров: «Вера Николаевна! — Что? — *Ножом.*— И Дюшка все понял...— *Санька — Миньку*? *Санька Миньку*?; Ты что? — *Кирпич хотел,* но *с кирпичом меня Санька сразу ...*[70]; *Такого гада* мне *только ... железом*; *Я его под*

---

[69] Ср. примеры устных источников (разных речевых жанров): А *что же ты яблоко?* (не ешь, не берешь — устная бытовая речь); Вырубают и уничтожают молодняк... *Зачем же так жестоко с природой?* (из радиопередачи «Юность»); Она поняла, что печатать ее стихи не будут, *что только переводами* (из выступления Б. Слуцкого о М. Цветаевой); Я понимаю, о чем речь, но *я хочу с позиций автора* (на обсуждении научного доклада). Универсальность приема подчеркивается наличием у подобных структур фразеологических клишированных единиц. Типы: *Постой ты с книжками* (*со своей водой*), [мне некогда]; *К барьеру*; *К делу*; *В сторону*! и пр.

[70] А. П. Сковородников справедливо считает разными явлениями незавершенность (отступление от нормы) и эллиптичность (вариантность нормы). В примерах из этой повести взаимодействуют оба явления, что усиливает нервный динамизм речи героев. И тем не менее глагольный эллипсис действительно выступает как нормативное явление для разговорной стилизации. См.: *Сковородников А. П.* О критерии эллиптичности в русском синтаксисе.— ВЯ, 1973, № 3, с. 121. И. Р. Гальперин считает, что эллипсис, употребленный в литературно-книжном типе речи, «есть умышленное опущение одного из главных членов предложения, а не просто его

крыльцо пока. С тобой буду вместе без пожа. *Хочу сам за себя*, как ты; Дюшка добрый! *Дюшка даже лягушку . . .* А *Сапька ножом*, ему что?; Он трус! *Он только слабых*. Потому *Дюшка и кирпич . . .* — Задание экспрессивной экономии средств осуществляется здесь за счет неназванного действия. Не названное, оно приобретает и значительность и обобщенность одновременно, а само его отсутствие — как бы афористичность.

По всей вероятности, далеко не все варианты и этого эллипсиса, характерные для устного разговорного высказывания, закрепились в опыте художественной стилизации разговорной речи [71]. Их отсутствие в прямой речи персонажей, так же как отсутствие других устных примет, говорит только о том, что по тем или иным причинам традиция их письменного воспроизведения не сложилась, что значимо само по себе как экстралингвистическое обстоятельство. Перевод разговорного высказывания из первичной и естественной для него формы бытования — устной — во вторичную и искусственную форму — письменную — процесс в известной мере двусмысленный. Если традиционная письменная фиксация устного высказывания лишает его важных информационных показателей живой речи [72] — звучащей интонации, тембра голоса и мимико-жестикуляционного сопровождения, то, значит, кто-то должен сделать первый шаг к привлечению новых способов для стилизации разговорной речи; а они либо получат, либо не получат общее признание. Удачным окажется тот способ, при котором коммуникативная ситуация и речевой контекст не будут

отсутствие и, следовательно, представляет собой стилистический прием, а не норму» (см.: *Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка. М., 1958, с. 196).

[71] В то же время варианты конструкций типа *Ты домой?*; *А она на него в суд* и пр., которые квалифицируются исследователями не как синтаксическая фигура, обязанная своим строением умолчанию или опущению, а как полноценная информативно-коммуникативная единица, часто выполняют в художественном тексте ту же экспрессивную роль, что и эллипсис (см.: *Золотова Г. А.* О структуре простого предложения в русском языке.— ВЯ, 1967, № 6). Е. Н. Ширяев называет такие случаи «незамещенными синтаксическими позициями». Сходным образом используются многие номинативные конструкции (ср. в «Подростке» у Достоевского: Гретхен падает на колена, сжимает перед собой руки — и *вот тут ее молитва*, что-нибудь очень краткое, полуречитатив...— Ее подымают и несут — и *тут вдруг громовой хор*).

[72] Существуют способы частичного восполнения этих потерь: распределения информативности высказывания между жестом, мимикой и словесным знаком. Ср.: Олечка, не ходи на инженера, ходи на доктора,— заговорила Женя, подсовывая Ольге настольное зеркало.— Ну, погляди: какой из тебя инженер? Инженер должен быть — *вот... вот... и вот...* (*она сделала три энергичные гримасы*). А у тебя — *вот... вот... и вот...— Тут она повела глазами, приподняла брови и нежно улыбнулась* (А. Гайдар, Тимур и его команда); Берет он в руки двух кобр. Я, представьте, стою рядом. Подносит к своему лицу и одну — левую — тихонько *так гладит свободным пальцем. Вот этим — он поднял палец и поскреб им в воздухе.— Вот так... И он опять почесал в воздухе...* (Вокруг света). См. указанную выше статью С. Т. Малышева.

рассматриваться как равновеликие факторы с точки зрения объема и характера заключенной в них информативности. Неполноценность последней поэтому должна восполняться такими языковыми показателями, которые могут нарушить фотографическое сходство, но не должны нарушать типологию. Следовательно, необходимое для стилизации воспроизведение исконных конситуативных условий стилизующего высказывания и есть причина принципиальной неосуществимости отношений тождества между самой разговорной речью и ее художественным воспроизведением. В составе художественного произведения разговорная речь должна быть непременно оснащена эстетическим подтекстом (как сейчас говорят — смысловым приращением) [73]. Все знают, что в идеале литература не терпит проходного слова, лишенного образно-типической информации. Следовательно, во-первых, модифицируется известным образом не только структурная, но и содержательная сторона прямой речи, формально призванной изображать повседневную разговорную речь [74].

С эстетической точки зрения реальные особенности разговорного общения могут быть скомпрометированными (и вполне справедливо). В одной литературной рецензии мы встретили, например, следующее критическое замечание: У Михановского герои говорят так: — *Брось...* — тихо сказал Григорий. — *Бросить?* — *Брось,* — повторил Григорий. — *А что,* — сказал Борис, — *брошу...* — *Не смей,* — прошипел Григорий. — *Уйди,* — угрожающе ответил Борис. — *Боря!* — пытался успокоить друга Григорий... (Лит. газ., 1977, № 16). Ср. комическое воспроизведение разговорного общения в фельетоне: *Да, брат, да...— Ну, Гришуня-Гришан... Вот такие пироги... Эх-хе, все-то так...* (Б-ка «Крокодила»); или же явно недостаточную сюжетно-характерологическую нагрузку такого диалога из пьесы: — *А Федечка-то наш ничего парень.* — *Парень, как парень...* — *Ну, ты уж скажи. С тобой-то не сравнишь.* — *А ты все сравниваешь!* — *На то глаза...* — *Да уж, у тебя глаза. Это да* (Б. Черепев, Рабочая хроника).

В то же время объективно существует такое свойство разговорной речи, как общение путем семантически ослабленных элементов, когда, с одной стороны, конситуация вбирает в себя более значимые элементы содержания, а с другой стороны, сама неопределенность и квазибессмысленность высказывания выступает как закономерный тип разговорной информации, связанный с семантико-стилистическими особенностями этой сферы общения: *Ну, он у меня такой-никакой...— Нет, совсем ни никакой, он очень даже...*; *Иногда нужно вот какое-то не знаю...— Ну, понятно...*; *И я, значит, со свойственным мне не знаю чем говорю ему так нагло...* Легко заметить, что резкое проявление этих особенностей ведет к разрушению коммуникативной ценности высказывания

---

[73] См.: *Кожевникова К.* Указ. соч.
[74] См.: *Баранникова Л. И.* Указ. соч.

и что поэтому подобные высказывания менее регуляны, чем этого бы требовало их бескомпромиссное узуальное признание.

Представление о границах возможного в области художественного речевого творчества меняется иным путем, чем осознание общеязыковой нормативности. Круг изобразительных приемов, однажды расширенный опытной авторской рукой, постепенно становится достоянием литературы в целом[75]. И таким образом, материал, который дает для стилизации та или иная конкретная речевая сфера, оказывается более разнообразным[76]. В стилизацию прямой речи получает широкий доступ все большее количество языковых примет устного высказывания[77].

Современная литература освоила, например, прием конструирования одностороннего диалога. Ср. телефонный разговор с точки зрения адресата-читателя: — *Да, это я. Здравствуйте. А что Соколов? Три года его аспирантского срока истекли... Нет, я на этот срок к себе не возьму... Ну, это решайте по своему усмотрению.* И закончил злобно: — *Всего Вам хорошего*; — *А, здравствуй, здравствуй. Да, у меня люди... Ну, не знаю, надень, что хочешь. Да, во всем. И всегда. И больше никто. И никогда. Всего доброго* (А. и Г. Вайнеры). Это стилизованное воспроизведение одной только «телефонной партии» демонстрирует многие типические приемы беллетристических ухищрений, направленных на правдоподобие естественного разговора при непременном сохранении достаточности информации и устранении двусмысленности[78]. Так,

---

[75] См.: *Кожевникова Н. А.* О соотношении речи автора и персонажа.— В кн.: Языковые процессы современной художественной литературы. Проза. М., 1977.

[76] См.: *Гаспаров Б. М.* Линейность как свойство устной коммуникации.— В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 7, ч. 1. Горький, 1976, с. 99, где говорится о том, что «в художественной речи первичное противопоставление устной и письменной коммуникации нейтрализуется». Можно также напомнить о другой нейтрализации — письменной формы и разговорного стиля, например, в частном письме или его воспроизведении. Ср.: Сегодня воскресенье. Идти никуда не хочется. Друзей много... Но такого близкого, как Толик, нет... Ты не смейся надо мной. Такая уж у меня натура дурацкая. И ничего не могу с собой поделать. Смешно вообще-то, но мне нисколько. (*Ты извини за такую манеру письма. Я представляю, что разговариваю*) (из фельетона); Может, ты *чего на нас потратил, ты скажи, мы заплатим что требуется* (Б. Пильняк, Созревание плодов).

[77] Приведем наблюдение современного театрального критика: «В пьесе Л. Петрушевской ничего событийного не происходит. Собрались подруги и ведут разговор. Разговор записан дословно, под магнитофон. Этот магнитофонный уровень правды приводит в оторопь, он и должен стать основным художественным событием. При этом нет смакования житейской экзотики. Только сухая правда характерных для определенной среды фактов, искусно отобранных и организованных при всей видимости неотредактированной магнитофонной записи...» Но ниже автор статьи говорит о том, что «соблазн магнитофонной правды мельчит социальный смысл пьес» (А. Смеляпский. После «Утиной охоты».— Лит. газ., 1979, № 8).

[78] Ср. с записями телефонных разговоров в кн.: Русская разговорная речь. Тексты, с. 144—159.

например, реплика *А что Соколов*? «переводится» неоднозначно, и устранить эту неоднозначность может лишь последующее развитие текста. Иначе бы такая разговорная структура вообще не могла найти места в художественной имитации разговорной речи. Чисто звуковое (тембр и интонация) выразительное средство: злой тон прощания — *Всего Вам хорошего* — иначе как ремаркой подан быть не может. Здесь как будто бы все в порядке. Но вот уже *надень* — избыточно; в подобной ситуации логичнее «сокрытие» самого сюжета [79]. Манерный параллелизм трех последующих фигур не соответствует общему тону разговора и слишком направлен на догадку о вопросительных репликах, которые вызывают такой ответ. *Всего доброго* — совсем неверный стилевой отбор; он предполагает официальное, или, во всяком случае, не интимное общение. С тем, с кем на «ты» (а к тому же ясно, что это женщина, и очень близкая адресующемуся), так не говорят.

И сходства и расхождения в равной мере свидетельствуют о процессе «перевода», которому неизбежно сопутствует стилизация. Ср. освоение еще одного трудного приема: з а м е н у к о н т е к с т н о й о б у с л о в л е н н о с т и строения диалогических реплик их с и т у а т и в н о й з а в и с и м о с т ь ю:... В этом случае завезете мне расписку на Каменноостровский ...Долго провозитесь? — *Да ведь... в зависимости от овса-бензина-с ...кончики — приличные*! *Покорнейше Вас благодарим-с, не извольте беспокоится, все совершится во благовременни* (Л. Успенский, Красные шапки). Смысловая связь отрезков *кончики приличные* и *покорнейше вас благодарим-с* отражает «закадровое» изменение ситуации; в данном случае — действия говорящего, давшего собеседнику нужную сумму денег. Очевидно, наиболее сложная и в то же время наиболее актуальная для автора стилизации задача — провести языковой отбор так, чтобы достичь использования минимального количества словесных указателей-сигналов, которые увеличивают сходство стилизуемого объекта и стилизующего источника. На этом пути образовалось, например, явление, которое воспринимается уже не как стилизация разговорной речи, а как независимое художественное средство с использованием семантического стяжения: Что, девке и заболеть нельзя? — *осторожно примерилась* бабка (из газет); Женщина *вздыхает, что с крышей просто беда* (из газет); Уж *про Жанну д'Арк он мог бы не «окать»* (из устной речи — замечание о чтении В. Солоухиным стихов по телевидению); *Ой-ой-ой — боялись они* (А. Толстой, Петр I) (ср. в «Подростке» Достоевского: *О веригах моих*

---

[79] Ср. реальный случай, когда женщина, страдающая чрезмерным любопытством, возмущалась, что ее соседка «нарочно» так говорит по телефону, чтобы она (т. е. подслушивающая чужой разговор) ничего не поняла. Она это определила как «уклончивый стиль, такой же, как она сама, скользкая, как змея». Образчики же «скользкого» стиля были примерно таковы: *«Да, конечно.— Конечно, очень желательно бы.— Нет, не думаю... Это неважно...»*.

оставь; ...Тут была некоторая *тайна* моих собственных *чувств, но о которых я* здесь, в записках моих, *размазывать не желаю* (там же). Эти примеры объединяет «пресупозиционное» отсутствие глагола, обозначающего объективно состоявшееся (или долженствующее состояться) действие — предикативный центр высказывания. Обозначенным выступает лишь сопроводительное действие, которое тем самым берет на себя часть смысловой нагрузки центрального.

Барьеры письменной стилизации пока еще непреодолимы для многих особенностей живой устной речи. Ср. известные теперь примеры интонационно-логического членения с особым порядком слов: *Цветы я рада что купила*; *Мне нравится Надя Павлова как танцует*; или для различных видов синтаксической контаминации, смысловой незавершенности и пр.: Характеристики *выбираются по принципу, что явления* языка *несут или не несут...*; Он *работает* сейчас *или что*?; Я вот этот *запах* терпеть не могу. — Какой? — Ну вот *лака или что они там..*; Это может быть *значение «погрузить на дно», а также о живом существе, погибает при этом* (из устного обсуждения значения глагола *тонуть*); Татьяна Ивановна *говорит, что дам* отзыв. Или ср. упомянутую выше грамматическую неоформленность, незавершенность, малую информативность разговорного высказывания, перенасыщенность его семантически неполноценными элементами, которые играют или контактоустанавливающую или модальную роль: — *Я не знаю, возможно они ... ну да вот эти часто червивые бывают — вот... их не надо...* (о грибах).

С одной стороны, это можно считать вре́менным явлением, т. е. еще не освоенным этапом художественной стилизации, который будет освоен в будущем. С другой стороны, здесь может иметь место принципиальная невозможность (или нежелательность) подражания, воспроизведения, которое исказит достоверную картину функционально-стилистической специфики как стилизуемой так и стилизующей речевых сфер. Таким образом, если перенести на функционально-стилистические различия языкового употребления способность создаваемой в речи единицы языка заполнить «пустую клетку системы», то узуальные лакуны также могут оставаться невосполнимыми. Это положение подтверждает отсутствие симметрии в правах и возможностях стилистического узуса адекватно вербализовать сходное внеязыковое содержание, которое нельзя «покрыть» межфункциональной синонимией ни с точки зрения близости значений у членов разностильного синонимического ряда, ни с точки зрения поддерживающейся этим необходимости «по-разному говорить об одном и том же».

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

СОГЛАСОВАНИЕ И КОНТРАСТ — ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО УЗУСА В ОТНОШЕНИИ К ПОНЯТИЮ «СТИЛИСТИЧЕСКАЯ НОРМА»

(Вместо заключения)

1. Способы образования элементов узуально-стилевого комплекса показывают, что употребление языковых единиц, имеющих стилистическое значение, проходит в условиях двух общих закономерностей — стилистического согласования[1] и стилистического контраста. Эти закономерности равно действуют как внутри высказывания, так и на границах между высказываниями, составляющими связный текст, не только не противореча друг другу, но находясь во взаимной зависимости. Стилистическое согласование в наибольшей степени характерно для крайних точек стилистического «микро-» и «макроконтекста»[2]. Оно выявляется либо в контактном соединении двух единиц (словосочетании или словорасположении), имеющих одинаковое стилистическое значение, либо в дистантной координации большинства языковых единиц речевого отрезка, представляющего собой смысловое целое. Ср., во-первых, частные случаи согласования (*хорошенькое личико*, но не *хорошенькое лицо*; *нанести удар в область головы*, *ударить по голове*, *треснуть по башке*) и, во-вторых, естественное преобладание единиц со сходным стилистическим значением, определяющим лицо данного функционального стиля, а следовательно, данной функциональной подсистемы языка в той или иной сфере общения, поскольку она способствует образованию стилистических средств и приемов, которые выполняют характерные для нее экспрессивные задания.

Однако в этой последней закономерности уже заложено и первое условие стилистического контраста. Мы знаем, что ни одна функциональная подсистема языка, обслуживающая ту или иную сферу общения, не состоит только из тех языковых средств, которые имеют стилистические значения соответствующего функционального стиля. Прежде всего эти средства употребляются лишь на нейтрально-стилистическом речевом фоне, который выступает как точка отсчета для стилистических значений[3], со-

[1] О стилистическом согласовании как экспрессивно-стилистическом см.: *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1977, с. 102.

[2] По терминологии Риффатера (см.: *Riffaterre M.* Criteria for style analysis.— Word, 1959, v. 16, № 1).

[3] Р. Р. Гельгардт пишет: «Строго говоря, стилистическая нейтральность есть явление языка, а не организованной речи. Нулевая окраска слова сохраняется в стилистически нейтральных отрезках речи, небольшой раз-

ставляя, следовательно, минимально необходимый стилистический контраст. Контраст стилистически значимого и нейтрального не всегда эксплицируется высказыванием, что зависит от места составляющих его единиц в системе языка: неполноценности межстилевой синонимии, потенциальных стилевых особенностей тех или иных системных подразделений (уровней языка, частей речи, устойчивости или неустойчивости словосочетаний) и пр. Ср., например, предикативные словосочетания *поставили памятник* и *воздвигли памятник*, где нейтральное *памятник* удовлетворяет и отсутствию и наличию в коммуникативном задании особой экспрессии при соответствующих глаголах. Т. е. и стилистическое согласование и стилистический контраст имеют второй план: в одном случае — обусловленность выражаемой ими экспрессии функционально-стилистической принадлежностью высказывания, в другом — соединение элементов разных стилей.

В последствиях этих вторых планов и состоит причина формирования стилистических приемов, которые существуют как ма-

---

мер которых не выявляет их жанрово-стилистического качества, их отношения к речевым стилям. В целостном же произведении речевой деятельности, в высказывании, организованном по определенным жанрово-стилистическим моделям, всегда есть доминирующий колорит, который распространяется на все составные части речевой композиции (*Гельгардт Р. Р.* О стилистических категориях.— ВЯ, 1968, № 6, с. 65). Здесь целесообразнее, как кажется, говорить о контрасте нейтрального и стилистически значимых начал и о доминирующей роли последнего. «Небольшой размер» речевого отрезка вполне способен выявить любую стилевую характерность. Ср.: *Достижение соглашения об ограничении* — из тематических названий, которые оглашаются дикторами телевизионной программы «Время» в начале передачи. А речевые отрезки бóльшего размера, наоборот, могут содержать минимальное количество стилистических средств, но именно за счет последних выполнять экспрессивное задание. Ср. отрывок из повести: После операции ни с кем не хотелось разговаривать. Рассеянно поблагодарив сестру и ассистентов, Михаил Иванович вышел из операционной, постоял, опираясь о раковину умывальника, сполоснул перчатки (далее еще длительный нейтральный перечень его действий.— *Т. В.*) и, вытерев маской отсыревшее лицо, *побрел* в ординаторскую (Л. Борич, С утра до утра). В нем действительно есть доминирующий колорит — нейтральный. Но этот колорит играет свою стилистическую роль лишь в соотнесении с одним не нейтральным стилистическим средством, которое не только его обнаруживает, но и создает его общий смысл. Даже не зная предшествующего текста, благодаря одному слову *побрел* можно понять, что операция прошла неудачно, что хирургом овладела крайняя степень упылой (а не приятной, как бывает после успеха) усталости, и т. д. Ср. сходный случай из сферы общения, противоположный художественному тексту: Во время пользования приборами проветривайте помещение. Перед сном обязательно проверьте, все ли краны закрыты. Почувствовав запах газа на лестничной клетке, в подвале и других помещениях, не курите, не включайте и не выключайте свет; проветрите помещение. Немедленно вызовите *аварийную службу* по телефону 04 или через районную контору, телефон которой указан в абонентной книжке. До *прибытия* аварийной службы не допускайте в *загазованное помещение* посторонних людей (объявление треста «Мосгаз»). Здесь на обширном нейтральном фоне — всего три не нейтральных элемента: два общекнижных и один профессионализм-канцеляризм.

нифестация данных закономерностей. Ср., например, один из видов контраста в следующем высказывании: «Я заходила вчера в «*Головные уборы*», *очень даже симпатичные шапочки* есть». Здесь налицо цитатный прием, т. е. использование иностилевой по отношению к составу всего высказывания единицы. Для такого высказывания можно отобрать и нецитатную синонимическую замену: *в магазин шляп; в магазин, где продаются шляпы; в магазин, где шляпы; в шляпный магазин; где шляпы.* Но вряд ли можно оспорить современную принадлежность узуально-стилевой приметы, выраженную данной цитатой.

Второе условие осуществления стилистического контраста в высказывании связано не с денотативной, а с коннотативной необходимостью (*очень даже симпатичные шапочки* — выражение эмотивной оценки). Контрастный максимум достигается по мере того, как увеличивается расстояние между стилистической принадлежностью его элементов. Причем характерной чертой для современного стилистического узуса здесь является отсутствие ограничительных норм и в собственно эмотивном, и в социально-жанровом отношении. Ср. высказывание из разговора о качестве новостроек одного из районов Москвы: «Ну да, конечно, *воздвигают* всякую *пакость*, она ломается моментально, то трещины, то что... В Ждановском вот [районе] *три дома построили*, туда бы мы с удовольствием...». Этот пример свидетельствует не только о возможности подобного контраста, но и о специфическом приеме его контекстной нейтрализации в тех случаях, когда высказывание не несет следов намеренного эстетически-выразительного отбора, что подтверждается вторым словосочетанием. Стилистический контраст, таким образом, имеет разные диапазоны и разные приемы речевого обнаружения, в то время как стилистическое согласование одномерно. Поэтому действие контраста распространяется на любые контекстные положения, начиная от внутрисловного (ср. хотя бы глаголы общего вида на *-ировать*, принадлежащие книжной речи и получающие в приеме «открытого ряда соединений» сниженно-разговорные приставочные образования — *среагировать*, *проинтервьюировать*, *откорректировать* и пр.), через словосочетание, предложение и далее; через контактность и дистантность двух и более членов оппозиции; через разные степени дистантности и разное количество элементов, ее составляющих.

Вот типические примеры:

а) дистантных стыков: Но нашим *оппонентам будто уши заложило*, они *талдычат* про одно и то же (из устной речи); Как только советник *приблизился* к подъезду своего дома... на него *насели сзади двое верзил*, сбили с ног и *нанесли телесные повреждения* (из газет) — здесь интересно поэтапное возвышение стиля; Раз *контакт* не получился — *смывайся* и все (В. Панова, Сентиментальный роман); Не *ври*, пожалуйста, летчики *питаются* в части (А. Пинчук, Приглашение на лебединое озеро). Естест-

венно, что более отдаленные друг от друга стилистические значения способствуют более резкому обозначению экспрессивного стыка: Наша армия «отключила» это присоединение — вышло короткое замыкание, которое здорово *шандарахнуло* верных *палладинов* фюрера (Конец 3-го рейха.— Неделя, 1974, № 28). Этот прием имеет очень широкую амплитуду колебаний, пропорционально увеличивающую эту экспрессию: ...в том-то и чудо Чехова... что произведения его, *намертво* как будто бы прикрепленные к своей эпохе... *общечеловечны*; Но это уже касается формалистических, бездушных «*выпендриваний*» режиссерского «*самовыражения*»;

б) контактных стыков: Ну и *выдал* он *изречение*!; Что вы тут *бюрократизм развели*?; И все это, получается, делают *за здорово живешь, безвозмездно* (из газет). Ср. специальное экспрессивное использование таких стыков в эстетически направленных текстах: Ах ты, черт, какая *запредельная нескладеха* вышла! (стилизация под молодежный жаргон. — В. Золотухин, Дребезги); из фельетонов: Кто вам позволил, — кричит директор Сидор Палыч, — *стратегическую заначку распатронить*? (о преждевременной продаже дефицитного товара); Месяц назад приятели сказали Фалалееву: Ты ж сейчас один, может, *оттопырим что-нибудь по* твоему *месту жительства*? В смысле — соберемся, посидим, а? (из газет); Они быстренько *сварганили доктрину* новой религии (Ю. Жуков, Миссия божественного света); Это занятие в *прейскуранте мерзостей* числится *несколько* выше наушничества и *чуток* пониже прямого подглядывания в щелку (Л. Лиходеев, Высшая материя); Его сильно удивил интерес к возможности «*прошвырнуться в прошлое*» (Б-ка «Крокодила»); Самое время было *элегантно врезать* Василию Васильевичу и за цветы и за жену (В. Комиссаров, Старые долги) [4].

И стилистический контраст и стилистическое согласование обнаруживают взаимное притяжение, выражающееся по-разному в зависимости от типа отбора, подготовившего языковой состав данного высказывания, и тем самым — от ряда внеязыковых фактов, выступающих в качестве организаторов той коммуникативной сферы, которой оно принадлежит. Говоря о том, как проявляется спонтанный характер стилевого отбора в разговорном высказывании, мы выше упоминали случаи выравнивания контраста в соответствии с общей функционально-ситуативной характерностью разговорной речи. Как правило, оно проходит именно путем отказа от более далеких для нее стилевых средств и приемов тогда, когда высказывание не имеет обдуманной установки на экспрессию. Выравнивание контраста в обратном направлении:

[4] А. Д. Григорьева отмечает, что в стихотворной речи контрасту свойственны «отношения взаимного контроля и регулирования» (см.: *Григорьева А. Д.* Слово в поэзии Л. Мартынова и Бориса Слуцкого.— В кн.: Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М., 1977, с. 302).

от своего (согласованного с данной сферой общения) способа выражения к контрастному, увеличивающему экспрессивный эффект, может свидетельствовать о том, что такая установка существует. Ср., например, такие разговорные построения: *Я...мне бы очень хотелось... намерение такое имел* хоть разок один с ней повидаться; Как это ты так легко ему *уступаешь... идти на такие уступки* — очень опасно; а также ряд приводившихся выше синонимических ситуаций типа *он не сумасшедший, он душевнобольной* и пр. Для разговорной речи же существенны взаимопритяжения согласования и контраста, обуславливаемые диалогической формой высказывания. Вот обмен репликами, который может быть интерпретирован двояко: внеязыковая причина — известная нам уже диалогическая коррекция адресата (по схеме «социальных образов» во взаимоотношениях говорящего и слушающего); внутриязыковая — замена просторечного слова литературным из-за соседства литературного (и к тому же заимствованного) слова: — *Обутки* дадут? — Да, да, и *обувь* дадут и *комбинезон* (С. Антонов, Первая должность). Ср. также высказывание: «*Бумажки*-то все *приволокли*?», в котором идет речь о документах, необходимых для защиты диссертации, бывшей темой неофициального разговора. Глагол *приволокли* здесь, по всей вероятности, следует расценить как одну из крайних возможностей семантико-стилистического согласования со словом *бумажки*. Оно вытерпело бы и менее развязное *притащили* и нейтральное *принесли*, почему данный отбор свидетельствует лишь об индивидуально-субъективных речевых пристрастиях говорящего, а значит — об экстралингвистических причинах, вторгающихся в грамматическую и семантико-стилистическую непротиворечивость согласования.

Взаимосвязь стилистического согласования и стилистического контраста состоит на постоянной службе у выразительности высказывания. Неспонтанный характер стилевого отбора дает нам практически неограниченный диапазон взаимодействий контраста и согласования. Способность эксплуатировать эти свойства в разнообразном репертуаре стилистических средств и приемов, имеющих конкретное стилистическое значение и соответственное экспрессивное задание, — основа информативно-полноценного речевого общения в современном обществе, пользующемся высокоразвитым национальным языком [5].

Экспрессивный эффект стилистического контраста обнаруживается на фоне стилистического согласования. Первое его условие,

---

[5] Автор рецензии на книги молодых авторов В. Лагутина и В. Алексеева Б. Анашенков (Лит. газ., 13.X 1977) даже пишет о том, что «когда вдумываешься в эти столь неожиданные в эпоху НТР, но не столь уж и редкие стилистические крайности, невольно возникает вопрос: а не есть ли в более широком общественном контексте эти крайности и издержки своеобразная защитная реакция языка...» на пуризм, на языковую бедность?

как мы говорили, создает литературно и стилистически немаркированный прием межстилевой сочетаемости, т. е. незначительные отклонения от нейтрального фона, составляющего основу высказывания. Объективным мерилом «незначительности» сдвига служит его выполнение не «абсолютно специфическими» средствами того или иного функционального стиля, а средствами, общими для группы стилей, предположим, общекнижными, которые в разговорной речи не составляют отчетливой оппозиции нейтральным. Для речи разговорной этот сдвиг состоит в свободном и пропорционально значимом включении сугубо специфических пластов книжной речи[6]. Для книжного контекста, соответственно, — в обратном явлении. Ср. ряд примеров из той и из другой сферы: Вы все *бумажки* принесли *на оформление*?; Вместо того, чтобы *слезть* у Кузнецкого, они поехали до Ногина (из устной речи); — Ведь вы сами говорите, что утренняя выходка *довершила дело*? (из судебного очерка); Можно каждый день начинать с *признания своих ошибок*, *дело невеликое*, а потом все снова повторять (из выступления на собрании) и т. п. Студенты с первых же курсов слушают *про кульминацию* и *экспозицию*... (из газет); Мы *были* на «Хованщине» (ср.: Мы слушали «Хованщину»); Мы *были* на Валдае (ср.: Мы отдыхали на Валдае); Я *болела* две недели (ср.: Я *была больна* две недели); Я еще не готов к тому, чтобы *расписаться* — ни по возрасту, ни *экономически* (И. Грекова, Дамский мастер); Да секция у нас есть волейбольная. Только у нас *трудности*... (из устной речи); Им фонд гораздо больше выделяется, ну там, на *мероприятия* всякие по культсектору (из устной речи).

Признак, объединяющий приведенные выше примеры,— «близлежащая» возможность синонимических замен. Если такие замены не осуществляются, значит, действительно, разговорные и книжные параллели выступают здесь как потенциально уравненные в своих функциональных правах, что дает право на использование цитатного приема. Ср. следующие разговорные высказывания: Завтра должно быть *потепление*; Понимаешь, Леночка, я не боюсь *летального исхода*; Это ведь продукт *скоропортящийся*, ты его в самую морозилку засунь; Я купила себе *аналогичное* бра; Мы с мужем все выставки *посещаем*; Это твой *просчет* — надо

---

[6] Здесь целесообразно назвать в первую очередь средства официально-делового и научного стилей, а также их смежный (но не нейтральный с функциональной точки зрения!) фонд, наличие которого связано с общностью некоторых целевых установок этих двух коммуникативных сфер, когда перед нами экспрессивно-нейтральные сообщения, имеющие в качестве основной коммуникативно-информативную задачу, применительно к повседневной, бытовой ситуации их использования. Ср.: Работа над главой-то *завершена*, но редактировать еще *полно*; Мне приходится с ней всегда быть начеку и разговаривать очень *корректно*; *Интерьер* у них, знаешь, как сейчас принято, современный; Это бывает... Когда входишь в *помещение*... сразу как-то чувствуется [недостаток воздуха]; Я ее все время спрашиваю: Ну, как там, *своеобразие в одежде проявляется*?

только белóк брать, и взбить как следует; Для клубники нужен хороший *полив;* Как вы думаете,— лыжный спорт хорошо *оздоровляет*?; Моя *супруга* получает раз в год [соцстраховскую путевку] обязательно; Ты не знаешь, *оклад* у них приличный?; *Проинформируй* меня тогда, напиши, как идут дела, ладно?; Да я *оплачу* вам материал; Она *в качестве подкладки* хочет поролон; Его *госпитализировали в* городскую *больницу*... и т. п.

Вместе с тем не менее регулярна употребительность в разговорной речи книжных единиц, которые не входят с такой легкостью в синонимические ряды межстилевого характера. Ср.: Как же иначе, ведь *их связывают общие интересы,* они тогда и коньками этими, всегда вместе..; Вот фигурное [катанье]— очень *перспективный* спорт; Мне хочется *принять ванну*; Она сейчас *проходит практику*; *Подавать ей заявление*? Все-таки на собственного мужа, что делать?; Потом пришлось идти по сильно *пересеченной местности*; Сейчас почему-то больше всего описываются два типа *деятелей науки* [в художественной литературе]; Она приехала из деревни и так и осталась — не умеем ни *контакты устанавливать*, ничего..; Вы читали эту статью?— Да я так, *бегло ознакомилась*..; ...Я знаю, что ты не *лжешь* мне, если ты говоришь, что с Таней у тебя ничего нет (Б. Бондарко, Цейтнот).

Такие примеры подтверждают мысль, что не только прямолинейно-нейтральные в стилистическом отношении языковые единицы (скажем, конкретная лексика — *вода*, *хлеб*, *ходить*), но и определенный круг книжных единиц, тяготеющий к функционально-экспрессивной нейтральности, легко адаптируется иностилевой средой в употреблении. Книжным элементам в приведенных выше примерах не противопоказаны внеконтекстные межстилевые соответствия (*проходить практику — практиковаться*, *довершить — докончить*, *принять ванну — помыться*, *выкупаться* и т. д.). Но контекстное употребление обнаруживает несостоятельность таких замен с точки зрения стилистического значения. Оно разрушает привычное представление о регулярной межстилевой сопоставимости языковых знаков.

Немалая часть языковых средств, генетически принадлежащих книжной речи, может трактоваться как естественная норма и разговорных контекстов, если она содержательно оправдана[7]. Ср.:

[7] К тематической специфике разных сфер общения стилисты долгое время относились без должного внимания, пока не стала ясной ее связь с внутристилевой и межстилевой синонимией: «В центре тематического цикла располагаются специфические речевые средства, обслуживающие характерные для данного цикла темы. Эти темы могут быть узкоспециальными и более широкими; речевые средства, обеспечивающие вторые, могут вступать в отношения межстилевой синонимии. На периферии тематического цикла располагаются неспецифические речевые средства, обслуживающие менее характерные для данного цикла темы. Эти средства, являясь обычно литературными, легче всего вступают в отношения внутристилевой синонимии...»,— пишет О. А. Лаптева, обсуждая вопрос о «взаимопереводимости» и синонимии разностилевых и общелитературных языковых средств (см.: *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976, с. 13 и след.).

Вы, пожалуйста, к ученому совету *проработайте этот вопрос;* Надо пойти *возврат получить; Электрокардиограмма показала изменения*, придется полежать и пр. Ср. субъективную оценку выбранных средств выражения в разговоре двух молодых ученых (обстановка неофициальная): — Если речь, то как говорить о приемах; прием — это в языке, что уже всегда было... — Да нет, *давай говорить проще*: *модель* речи может повторяться?

Как правило, тематическая специфика соединяется с ситуативной, делая данный языковой отбор «единственно возможным» с точки зрения и отправителя и получателя высказывания. На ситуативном противопоставлении целиком построен, например, рассказ А. Яшина «Рычаги». Четыре собеседника, сидя в правлении колхоза, разговаривают «неторопливо, понемногу и доверительно... как старые добрые товарищи» (Тут *кумекать* много тоже нельзя; видно, собрали все колхозные планы... и *вышло* — с районным планом не сходятся...; был на днях я в райкоме, *у самого*). Но как только те же четверо, дождавшись пришедшего позднее пятого, открывают партийное собрание, т. е. переключают ту же тематику в иную, официальную ситуацию, и, следовательно, входят в другую «речевую роль», их высказывания приобретают иную стилистическую окраску: ...я считаю, что *мы кое-что* не *предусмотрели и пустили на самотек*. Это нам не к лицу. Мы *не провели разъяснительной работы с массой и не убедили ее. Мы* с вами *являемся рычагами партии* в колхозной деревне — *на это нам указали в райкоме* и *в райисполкоме*.

Таким образом, содержательно-ситуативная обусловленность языкового выражения есть главное правило стилистически оправданного употребления, отражающее нормы речевого поведения в целом. Равновесие между языковым отбором, содержанием высказывания и обстановкой, в которой оно осуществляется, обеспечивает право на реализацию самых разных видов стилистической оппозиции внутри высказывания — и выравниваемой согласованием, и обостряемой широким диапазоном контраста.

В упомянутой рецензии Б. Апашенков ставит вопрос: каковы условия, на которых современная литература имеет право принять вызов со стороны «неимоверно разбухающего общего словаря»? Естественно, что первым из таких условий должно быть увеличение «допуска» в стилистическую норму таких единиц языка, которые являются результатом отбора, проходившего в ограниченных тематико-ситуативных рамках, и потому не позволявших использовать общеязыковой нейтрально-выразительный фонд. Это, конечно, прежде всего касается профессионализмов, и дело здесь вовсе не в обычном представлении о групповом, а не общеколлективном употреблении и восприятии терминов [8].

---

[8] Вопрос о самих терминах — скорее лексикологический. Ср. только один пример: Рецепт, как известно, состоит из двух элементов: списка ингредиентов с указанием их веса, объема и порядка приготовления — указа-

Стилистически значимым может оказаться лишь употребление терминов (как и любого не нейтрального, с точки зрения стиля, слова) той или иной профессиональной области в специальном экспрессивном задании, когда отношение к ним, т. е. знание или незнание, правильное или неправильное, чрезмерное или недостаточное, прямое или переносное употребление, создают стилевой прием, основанный на контрасте. Если контраста нет, то стилевая норма нарушена, так как нарушена пропорция «профессиональное — общее». Например, следующая фраза из-за чрезмерной насыщенности модной заимствованной терминологией может быть воспринята как пародия (хотя содержащий ее материал помещен на 7-й, а не на 16-й полосе «Литературной газеты»): Выпущенная в Англии кинокартина «Томми» (режиссер Кен Рассел) по одноименной *рок-опере* представляет собой пестрый *коллаж* в стиле *поп-арта*.

В то же время предлогом для специального стилистического задания может служить обратное (и общеизвестное) явление — пуристическая боязнь новейшей заимствованной терминологии. Ср. характерный пример: Вот еще преимущество бега — *ассоциативные размышления, недетерминированные* (секите меня, ревнители ключевой водицы!), *ассоциативные, не детерминированные комнатой*, письменным столом, магнитофоном размышления, т. е. *рефлексии* или *медитации*... (башку секите, ревнители подсолнечного масла, вы, пуристы!) (из путевого очерка)[9].

ние на то, какую операцию необходимо предпринять (*очистить, сварить, изжарить, припустить, запечь, брезировать* и т. д. и т. п.). Но третий, очень важный элемент — как все это сделать — обычно отсутствует. Собственно, он скрыт, замаскирован, зашифрован в самой терминологии. Как *обжарить*? Как *нашпиговать*? Как *брезировать, гратинировать, фламбировать*? Что это такое? Что означают такие термины? Об этом поваренные книги не говорят. Это не их дело. Не их задача. Это надо знать. Это, как говорили в старину, относится к «манере мастера» (В. Похлебкин, О поваренных книгах).

[9] С узуально-стилистическим положением такой терминологии естественным образом смыкается судьба новых заимствований, всегда играющих роль мишени для нормативно-ограничительных стрел до тех пор, пока они не адаптируются принявшим их языком и не войдут в (относительно) общее употребление. Рассматривая понятие новизны как стилеобразующий фактор, мы упоминали уже, что он не может не быть относительным (во всяком случае, субъективно-вариативным). Именно поэтому на поле новых заимствований разыгрываются обычно самые драматические столкновения между их защитниками и хулителями, что дает самим заимствованиям возможность выступать в качестве стилистических средств, организующих серии стилистических приемов. Ср.: А ты заметил, что Наташка говорит *сандвич* вместо *бутерброд*. Пижонка.— Ну, почему же? В конце концов все равно оба слова иностранные.— А... действительно,— удивленно сказал он (Л. Борич, С утра до утра); Выйдите на улицу... Ни одной *мастерской*, зато на каждом шагу *ателье*... Или *кафетерий*, где можно выпить молочный *коктейль*, и зайти потом в *Салон пошива и ремонта обуви*. Вот до чего доводит увлечение «красивыми» иностранными словами: люди стесняются назвать *сапожную мастерскую* своим именем! (из газет) и т. д.

Несмотря на явное, хотя и различное по степени активности, несоответствие этих профессиональных языковых средств нейтральным, литературно-нормированным стандартам системного свойства, для современного стилистического узуса их можно (согласно объявленной выше необходимости связывать словесный отбор с функцией, темой и обстановкой речи) считать нормой. Это относится к использованию не только профессиональной терминологии, но и к обиходным «квазитерминам», имеющим стилистическое значение разговорности/сниженности/неофициальности: Стоило на того или другого артельщика лечь одному *«нареканию»* со стороны клиента, прав он был или неправ, на него сочлены по артели начинали уже поглядывать с подозрением. Два, от силы три *«неудовольствия»*, а каждое *«неудовольствие»* уменьшало доход... а это значило рисковать репутацией всей артели... (Л. Успенский, Красные шапки); ...Однажды редакция поручила мне обслуживать большое профсоюзное совещание, которое для пущей важности ораторы называли громким и не всем понятным словом — форум. *«Обслуживать»* на нашем газетном языке означает — писать отчет (из газет); Некоторые пользуются тем, что *гость* практически не имеет выбора. Так рассуждают: хорошо ли обслужат, плохо ли — куда он денется? У таких хозяев *гость* превращается в просителя, что противоестественно (о ресторанном обслуживании — из газет). Весьма показательная история произошла *со словом врачеватель*. Как член синонимического ряда *доктор—врач—лекарь* и пр. оно имеет пометы «высокое» и «устарелое». Сейчас это слово служит для наименования медика, или человека, близкого по своей профессии к медицинской, который применяет новые нетрадиционные способы лечения, основанные на психологии. Вот только один пример: ...Более того: такие чувствительные люди могут не только выявить заболевания, но и лечить многие из них. Когда *врачеватель* утверждает, что биополе пациента пришло в равновесие — курс лечения закончен и вот здесь можно проверить субъективные ощущения врачевателя приборами... Мы собрали у себя всех *врачевателей* Москвы, пытаясь выявить физическую основу феномена, и сумели зафиксировать на специальных фотоэмульсиях треки — следы изучения рук... Означает ли это, что большинство людей могли бы стать *врачевателями*? («Некая невидимая биосвязь?» Интервью зав. лабораторией биоинформации Льва Венгаунаса газете «Моск. комсомолец», 18.IX 1977).

Ср. *показной* спектакль, *доводка* (станков, спектаклей, рукописей — в любой профессии), актерское слово *пробалтывание* (т. е. отсутствие таких необходимых качеств сценической речи, как отчетливость произношения, верность логической и эмоциональной акцентировки, точность воспроизведения авторской тональности); *выдворение* (официальное изгнание из страны как персоны non grata лица, принесшего вред государству) и пр.; а также весь тот круг профессиональных конденсатов (типа *отрицалка*,

читалка, *левачить*, *калымить*, *проходная*, *обязательная* и пр.), о которых шла речь в связи с приемом интимизации.

Как видно, такое профессиональное словоупотребление (равно опирающееся на литературно нормативные и ненормативные единицы языка) знаменует собой закрепившиеся в узусе способы создания речевой обособленности, группового кода, сочувственно принимаемого всеми участниками этого круга общения и через них выходящие на более широкую арену употребления. Разные профессии заимствуют друг у друга в специально экспрессивных целях специфическое языковое употребление, т. е. такое заимствование выступает как узуально-стилевой прием. Ср., например, глагол *засылать*, «детективный» смысл которого эксплуатируется не только в соответствующей профессиональной среде: на одну и ту же лекцию *засылаются два рецензента* (из выступления на научно-техническом совете общества «Знание»; в другом выступлении на этом же заседании было также сказано: это дает нам возможность непосредственно *выходить на рецензента*). Выходя за рамки профессионального, такое словоупотребление становится одной из регулярных и продуктивных примет современного неофициального общения во многих его разновидностях. В частности, стилистический эллипсис (т. е. эллипсис и конденсаты с семантико-грамматической точки зрения) — это активно действующее средство перевода номинации из одного стиля в другой. Заметим, что многие ненормированные с культурно-речевой точки зрения, но, тем не менее, широкоупотребительные варианты лексической, грамматической и т. п. сочетаемости выступают как явления внутригрупповой стилевой нормы. Ср., например, пресловутое *переживать* без дополнения, безусловно, связанное по происхождению с актерским жаргоном, где такое употребление — норма, тем более, что существует понятие «актерского переживания», идущее от Станиславского[10]: Какая чуткость, женственность... *Как переживает*! Богатая натура! (А. Караваева, Лена из Журавлиной рощи); Вы *переживайте*! Если вы *по-настоящему переживаете*, все будет само собой... (из беседы режиссера самодеятельного спектакля).

2. Если на основании обнаруживающихся в современном языковом употреблении стилевых комплексов мы получаем возможность сделать вывод о закономерных условиях их образования, то, в свою очередь, на основании последних мы получаем возможность сделать вывод о закономерных же ограничениях их функционирования, т. е. о применении к ним понятия узуально-стилевой нормы.

Узуально-стилевая норма — это в некотором смысле антинорма, потому что она на правах экспрессивного средства принимает

[10] Теперь скажите еще: появилась ли эта раз установленная форма сама собой, каждый раз от внутреннего *переживания*, или же она, однажды родившись, навсегда застывши, повторялась механически, без всякого участия чувства? — Мне казалось, на показном спектакле это не доходило до зрителей (К. Станиславский, Сценическое ремесло).

в себя элементы нелитературных пластов национального языка (просторечие, жаргон) и элементы более ранних периодов развития литературного языка, выходящие за пределы нейтрально-литературной нормы современности[11]. Причем закономерность использования этих элементов стилевым узусом состоит именно в том, что на них строится основная масса наиболее отчетливо окрашенных стилистических приемов, без которых фактически современное языковое общение не существует. По сравнению с узуальными фактами использования языка как звуковой и лексико-грамматической системы знаков в целом, стилистический узус отмечен известным своеобразием. Рассматривая закономерности стилевого слово- и формоупотребления, мы всякий раз вынуждены были сопоставлять внеязыковую и внутриязыковую причинность, что говорит об извечной борьбе ситуации высказывания с языковой традицией. Последняя как бы «подает к столу» доведенными до полной потребительской готовности те или иные элементы языковой системы, которые в качестве средств стиля должны быть соотнесены, пусть с типической, но каждый раз заново образуемой ситуацией для данного акта речевой деятельности.

Поэтому работа основных узуально-стилевых комплексов направлена на то, чтобы типические взаимодействия стилистического контраста и стилистического согласования полностью удовлетворяли требованиям экспрессивного разнообразия и информативной полноценности языковой коммуникации. Наиболее характерны в этом плане разные структурно-смысловые типы приемов цитации (тематически оправданного иностилевого вкрапления в высказывание) и стилизации (подражания иному стилю, обусловленного ситуативно). Они демонстрируют сложную узуально-стилевую жизнь языка, преодолевающую асимметрию системы.

Относительная константность языковых норм, зависящих от формальных признаков коммуникации, противостоит изменчивости норм в приемах их воспроизведения, т. е. стилизации. В то время как первые меняются не больше и не меньше, чем вся система языка под влиянием внешних и внутренних факторов, вторые подчинены лишь экстралингвистическим причинам, в совокупности которых наблюдается к тому же еще более сложная иерархическая зависимость индивидуально-субъективных и кол-

---

[11] Обширный материал, собранный в результате магнитофонных записей литературно-разговорной речи, показывает, например, что «в современной РР... элементы просторечия и арго... являются излюбленными типическими средствами языковой игры, средствами создания речевой экспрессии» (см.: Русская разговорная речь. Тексты. Под ред. Е. А. Земской и Л. А. Капанадзе. М., 1978, с. 9—10). Там же (с. 11) см. об отграничении собственно разговорных норм от явлений, не допустимых языковым этикетом (ср., например, функционально-стилистическое значение «вежливость», которое, в свою очередь, является нормативным понятием стилевого узуса). См. также: *Граудина Л. К.* Разговорные и просторечные формы в грамматике.— В кн.: Литературная норма и просторечие. М., 1977, с. 83—84.

лективно-объективных явлений. Например, принципы ограничения средств и приемов разговорной стилизации, безусловно, следует связать с реально существующей нормативностью, которая действует лишь в области специальных эстетических заданий, т. е. более всего речи художественной. В стилистической литературе последних лет уже не раз отмечалось, что по отношению к этой области далеко не бесполезно обсуждение проблем нормативности, поставленных в связи с многослойным составом языка художественного произведения. Как показывают объективные наблюдения, нормы общелитературного языка не могут иметь непосредственной связи с теми особенностями художественной речи, которые присущи или стилистике отдельного произведения, или индивидуальной писательской манере в целом. Общую норму следует «пропустить» через промежуточное звено, каким являются реально существующие закономерности художественного использования языковых средств всей литературой данной эпохи, данного общества и данного направления. Эти особенности составляют как бы промежуточный нормированный «фон» — область до некоторой степени автономную в системе норм литературного языка. Но именно в этой области и можно найти точку отсчета для признаков индивидуально-художественного своеобразия, определяющего способы эстетического воспроизведения выразительных средств общестилистического узуса. Поэтому изучение и оценка тех или иных свойств языкового состава художественного текста приобретает истинный смысл только тогда, когда мы сопоставляем обособленный круг эстетических норм языкового отбора с нормативными характеристиками литературного языка вообще.

Следовательно, для разных ступеней эстетического отбора существуют разные нормативные мерила. Для стилистического узуса — они составляют часть внутренних норм литературного языка и в то же время выходят за его пределы: во-первых, с точки зрения объективных закономерностей формирования стилистических средств, эксплуатирующих и литературные и внелитературные слои языка; во-вторых, с точки зрения специфики собственно эстетической функции языкового отбора, объединяющего две смежные нормы — художественную и общеязыковую (литературную).

Синхронное описание стилистического узуса современного языка показывает, что общеупотребительными стилистическими средствами могут «работать» любые элементы системы языка (звуковой комплекс, слово, словоформа, синтаксическая структура и пр.), в которых потенциально заложены экспрессивные ресурсы, актуализируемые стилистическим приемом. Однако системная классификация стилевой принадлежности единиц языка не подвергается явным изменениям в прямой и непосредственной зависимости от речевой актуализации или, наоборот, нейтрализации. Эти изменения зреют очень долго, прежде чем закрепятся в системе. Например, ни основной фонд высокой, ни основной фонд сни-

женной (книжной и разговорной) лексики не меняет за короткое время своих постоянных стилистических характеристик в словаре. Употребительность же (регулярность, конситуативная обусловленность, т. е. стилистическое значение во всем его узуальном объеме и, следовательно, сочетаемость и пр.) слов с данными характеристиками более изменчива, так как она предопределена информативными нуждами речевого общения, которые заставляют говорящего преодолевать несимметричность системы, искать отсутствующие в языке способы иностилевой синонимической замены, подтягивать «низкое» к «высокому» и наоборот. Поэтому в норму стилевого узуса нам приходится вводить явления окказиональности, относящиеся не к конкретным индивидуальным новообразованиям, а к самой возможности их возникновения как особо экспрессивных средств языкового выражения, каким, например, является потенциальное слово. Для стилевой нормы важно то, что оно регулярно заполняет лакуны в системе языка, увеличивая экспрессию синонимических средств, которые представлены реальными, но играющими, как правило, нейтральную стилистическую роль в коммуникации словами.

Отношение человека к выразительным возможностям языка, которым он пользуется как средством общения, определяет языково-стилистический отбор высказывания. Следовательно, стилистический узус данного языка данной эпохи непосредственно обращен к экстралингвистическим факторам, и мы изучаем его с той мерой опоры на эти факторы, какой требует не только социальная природа языка как средства общения, но и сам процесс общения — речевая деятельность. Поэтому стилистический узус характеризуется допуском индивидуальных отклонений как нормой речевого поведения. Она демонстрирует сложное переплетение коллективных и индивидуальных (субъективных и интерсубъективных) начал в речевой деятельности, без анализа которых не может быть понят ни один факт стилистически отмеченного употребления языка. Это положение также объясняет существование в стилистическом узусе своих нормативов, не совпадающих с общелитературной нормой языка.

Подчеркнем также, что узуально-стилевая норма различает процесс образования стилистических средств и образ их действия в языковой коммуникации. Только последний подчиняется закономерностям стилистического узуса — функциональной вариативности использования одинаковых, равно как использованию разных, стилистических средств для выполнения одной и той же экспрессивно-стилистической задачи.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО
ЯЗЫКА

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава I

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО УЗУСА . . . 33

Единицы языковых уровней и закономерности стилевого употребления 33
Узуально-стилевой комплекс и стилистическое значение . . . 41
Стилистический смысл. Экспрессия, функция и эмоция . . . 53
Стилистическое значение и оценочность 60
Стилистический прием и его отношение к стилистическому средству 69

Глава II

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ 87

Экстралингвистические факторы образования стиля. Стилистическое задание и стилистический эффект 87
Позиция исследователя по отношению к речевому опыту участников коммуникации 97
Понятие «отношения к языку» 106
Индивидуальное и коллективное начала в процессе стилевого отбора 115
Узус и окказиональность 123
Окказиональные средства стиля и проявление субъективности/индивидуальности в стилевом отборе 132
Узуально-стилистическая образность 140

Глава III

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ УЗУС И СИНОНИМИЯ 151

Синонимическая ситуация 151
Функционально-стилевые синонимические соответствия . . . 159
Цитация как узуально-стилистический прием 173
Стилизация как узуально-стилистический прием 189

СОГЛАСОВАНИЕ И КОНТРАСТ — ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО УЗУСА В ОТНОШЕНИИ К ПОНЯТИЮ «СТИЛИСТИЧЕСКАЯ НОРМА» (Вместо заключения) 223

www.ruslang.ru

Татьяна Григорьевна
Винокур

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства Н. Н. Барская
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Т. С. Жарикова
Корректор Д. Ф. Арапова

ИБ № 18133

Сдано в набор 10.09.79
Подписано к печати 03.01.80
Формат 60×90¹/₁₆
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая.
Усл. печ. л. 15 Уч.-изд. л. 17,7
Тираж 2650 экз. Тип. зак. 2299
Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО ОДНОМУ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ АДРЕСОВ МАГАЗИНА «КНИГА — ПОЧТОЙ» «АКАДЕМКНИГА»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, 90, Академгородок, Морской проспект, 22; 620000 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
26	1 сн.	нелитературное	литературное
65	21 сн.	оценки,	оценки
137	29 сн.	на средствах	на этих средствах

2299
Винокур

1 р. 80 к.